

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2024. Т. 20. № 4

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

2024. Vol. 20. No. 4

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2024

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 4

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 4

Editorial board

Editor-in-Chief - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Academician of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 4

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. Растения в диете ранних земледельцев зайсановской культурной традиции на побережье залива Петра Великого (по материалам поселения Клерк-5)	8
Дмитриев А.Г., Дмитриев А.А. Применение георадиолокации при выявлении и изучении древних захоронений в пределах Фофановского некрополя	22
Бирюлева К.В., Павлов Д.М. История коллекции древностей Нижнего Приангарья, собранная И.И. Августовским (по материалам Енисейского музея-заповедника)	34
Бураев А.И., Дикий Я.В., Бальжанов Б.Л. Сведения о памятниках курумчинской культуры из личного фонда П.П. Хороших в архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН	46

ИСТОРИЯ

Суханов А.С. Артиллерия Западной Сибири в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.)	58
Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Многофакторный анализ состава и организации китайской артиллерии при осадах Албазина	67
Водяников К.А., Пузанов В.Д. Русские военные, казахи Среднего жуза и бухарские торговцы на юге Западной Сибири в 1752–1753 гг.	84
Гольдфарб С.И., Иванов А.А. «Значение ссылочного места отнюдь не может быть главным»: Г.С. Батеньков о политике государства в отношении Сибири	95
Устюгова О.А. «На военном положении»: торговля в крепости Владивосток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.	108
Новиков П.А. Закономерности пленения вражеских солдат русскими фронтами Первой мировой войны	120
Рубцов С.Н., Кавецкий Д.Б. Милиция Иркутской губернии в кризисных условиях 1917–1920 гг. и приоритеты современного реформирования органов внутренних дел	132
Егоров А.С. Сатирические материалы в журнале «Крокодил» (1922–1985): проблематика и тематика	142
Проскурякова М.А. Экономическая политика советской власти в приангарской деревне в 1934–1939 гг.	153
Красилов М.О. Система планирования и контроля в деятельности пенитенциарных учреждений Алтайского края в 60-х гг. XX в.	164
Скорикова Н.А., Маринич А.А. Иркутский политехнический институт в свете развития народного хозяйства СССР в 1960–1970-е годы	175

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 4

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Pantyukhina I.E., Vostretsov Y.E. Plants in the diet of the early farmers of the Zaisanovsky Cultural Tradition on the coast of the Peter the Great Bay (on materials from the Klerk-5 site)	8
Dmitriev A.G., Dmitriev A.A. The use of GPR in the identification and study of ancient graves within the Fofanovsky necropolis	22
Biryuleva K.V., Pavlov D.M. History of the collection of antiquities of the Lower Angara region, collected by I.I. Avgustovsky (based on materials from the Yenisei Museum-Reserve)	34
Buraev A.I., Dikiy Ya.V., Balzhanov B.L. Information about the sites of Kurumchi culture from the personal collection of P.P. Khoroshikh in the archives collections of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences	46

HISTORY

Sukhanov A.S. Artillery of Western Siberia in the reign of Mikhail Fedorovich (1613-1645)	58
Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. Multifactorial analysis of the composition and organization of Chinese artillery during the siege of Albazin	67
Vodyannikov K.A., Puzanov V.D. Russian military, Kazakhs of the Middle Zhuz and Bukharan traders in the south of Western Siberia in 1752-1753	84
Goldfarb S.I., Ivanov A.A. "The importance of the exile place cannot be the main thing": G.S. Batenkov on the state policy towards Siberia	95
Ustyugova O.A. "Under martial law": trade in the Vladivostok Fortress during the Russo-Japanese War of 1904-1905	108
Novikov P.A. Patterns of capture of enemy soldiers by Russian fronts of the First World War	120
Rubtsov S.N., Kavetsky D.B. Militia of Irkutsk province in the crisis conditions of 1917-1920 and priorities of modern reforming of internal affairs bodies	132
Egorov A.S. Satirical materials in the magazine "Crocodile": issues and themes (1922-1985)	142
Proskuryakova M.A. Economic policy of the Soviet government in the Angara Basin villages in 1934-1939	153
Krasilov M.O. The system of planning and control in the activities of penitentiary institutions of the Altai Territory in the 60s of the XX century	164
Skorikova N.A., Marinich A.A. Irkutsk Polytechnic Institute in the light of the development of the national economy of the USSR in the 1960s and 1970s	175

*The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age.
Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov*

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 4

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 4

Dear Readers!

**We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».**

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 903'13(571.63)
EDN: VQERPG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-8-21>

Растения в диете ранних земледельцев зайсановской культурной традиции на побережье залива Петра Великого (по материалам поселения Клерк-5)

И.Е. Пантюхина, Ю.Е. Вострецов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются материалы, отражающие первое появление земледельцев на морском побережье залива Петра Великого как финальной точки длительного многовекторного миграционного процесса земледельческого населения Восточной Азии. На многослойном памятнике Клерк-5 соответствующие этому событию отложения светло-коричневого суглинка датированы в интервале 4600–4500 л. н. Палеогеографическая реконструкция ландшафтной структуры морского побережья в потенциальной зоне хозяйственного использования поселения даёт представления о ресурсной базе данного сообщества, отличной от изначальных районов расселения. Специальными полевыми методами был получен максимум артефактов и экофактов, на основе которых сделаны выводы о рыболовстве и охоте обитателей поселения. Сфера жизнеобеспечения, связанная с собирательством и земледелием, оставалась неясной. Ранее на каменных орудиях был обнаружен крахмал растений, относящихся к этим видам деятельности. В данной работе представлены результаты поиска древнего крахмала на фрагментах керамических сосудов, орнаментация которых надёжно связывает их с верёвочной традицией орнаментации керамики в рамках зайсановской культурной традиции – первых земледельцев Приморья. Древний крахмал был обнаружен на большинстве черепков, в том числе и в изменённом от воздействия температуры виде. Комплексный анализ показал, что, осваивая морское побережье, земледельцы сохранили основной набор злаковых растений: два вида культурного проса и пшеницевых злаков. Собирательство представлено сбором желудей, луковок дикой лилии (сараны), папоротника, корней других растений, лесного ореха и плодов диких фруктов. На фрагментах керамики впервые был обнаружен крахмал семян взморника морского (*Zostera marina*) – морской травы технического и пищевого значения. Изменение ресурсной базы на побережье слабо повлияло на базовый состав углеводной компоненты диеты.

Ключевые слова: археоботаника, палеоэкология человека, метод анализа древнего крахмала, земледелие, собирательство, неолит, зайсановская культурная традиция, поселение Клерк-5, Дальний Восток России, Восточная Азия

Для цитирования: Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. Растения в диете ранних земледельцев зайсановской культурной традиции на побережье залива Петра Великого (по материалам поселения Клерк-5) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 8–21. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-8-21. EDN: VQERPG.

Archaeology

Original article

Plants in the diet of the early farmers of the Zaisanovsky Cultural Tradition on the coast of the Peter the Great Bay (on materials from the Klerk-5 site)

Irina E. Pantyukhina, Yuri E. Vostretsov

Institute of the History, Archaeology and Ethnology of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Abstract. The article exams materials reflecting the first appearance of farmers on the sea coast of Peter the Great Bay as terminal area of a multistage migration process of the farming population of East Asia. At the multilayered site Klerk-5, the deposits of light brown loam corresponding to this event are dated to the interval of 4600–4500 BP. Site catchment analysis provides insights into the resource base of this community, which differs from the original occupied areas. Assemblage of artifacts and eco-facts obtained using special field methods made it possible to reconstruct the fishing and hunting habits of the site's inhabitants. The

sphere of the subsistence system related to gathering and farming remained unclear. Previously, starch from plants related to these activities was found on stone tools. This article presents the study of ceramic of the first farmers by ancient starch analysis. Ancient starch was found on the most sherds. Analysis of all data showed that farmers retained the main set of cereal plants: two types of cultivated millet and wheat cereals. Gathering represented by acorns, wild lily bulbs, ferns, roots of other plants, hazelnuts, and wild fruits. For the first time, starch of eelgrass seeds (*Zostera marina*) was discovered on ceramic fragments. This sea grass has both technical and nutritional significance. Change of the resource base on the coast made little effect on the basic kit of the carbohydrate component of the diet.

Keywords: archaeobotany, human paleoecology, ancient starch research, farming, gathering, Neolithic, Zaisanovsky Cultural Tradition, Klerk-5 site, Russian Far East, East Asia

For citation: Pantyukhina I.E., Vostretsov Y.E. (2024) Plants in the diet of the early farmers of the Zaisanovsky Cultural Tradition on the coast of the Peter the Great Bay (on materials from the Klerk-5 site). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 8-21. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-8-21. EDN: VQERPG.

Введение

Появление и распространение земледелия в Восточной Азии сопровождалось разнонаправленными волнами миграций различных культурных групп ранних земледельцев на территорию Северо-Восточного Китая, Приморья и Корейского полуострова, где они образовывали дискретные культурные районы, отличающиеся своеобразием на протяжении всего неолита. Выяснилось, что миграционные волны во времени совпадают с периодами похолодания климата и, как мы полагаем, инициированы ими (Вострецов, 2018). Это убедительно отражается на культурно-исторических археологических периодизациях (Чжао Биньфу, 2003). Также замечено, что во время похолоданий земледельцы стараются поселиться вблизи морских побережий. Это объясняется тем, что в периоды похолоданий происходило сокращение вегетационного периода за счёт установления более суровых зим, более глубокого промерзания почвы, затяжных сухих вёсен, непредсказуемости времени сева. Кроме того, похолодания климата сопровождались учащением экстремальных засух в первую половину лета и катастрофических наводнений во вторую. Все эти негативные факторы сужали или даже разрушали ресурсную базу земледельцев, вынуждая их искать новые места с более устойчивыми агроклиматическими ресурсами. На морских побережьях действие этих негативных факторов значительно смягчалось или исчезало.

Начавшееся после рубежа 4900 л. н.¹ похолодание климата, сопряжённое с падением уровня

моря, вероятно, объясняет расселение ранних земледельцев с традицией верёвочной орнаментации керамики из долины р. Раздольной на морское побережье. Надо отметить, что это климатическое событие и его последствия имели планетарный характер и вызвали значительные культурные перемены по всему земному шару, но особенно заметные изменения происходили на морских побережьях. В Южном Приморье это было связано с депопуляцией предшественников – охотников-собирателей-рыболовов бойсманского типа и миграцией на морские побережья ранних земледельцев зайсановской культурной традиции (Вострецов, 2018). При рассмотрении событий этого времени в экологической парадигме возникают вопросы, которые в традиционных исследованиях остаются без ответа. Эти вопросы связаны с объяснением причин тех или иных событий и оценки их результатов. Как мы должны понимать смысл миграций, которые мы констатируем по археологическим материалам в эколого-экономическом контексте. Под миграцией мы понимаем переселение населения из мест, где возникает недостаток ресурсов в места, где их достаточно (Долуханов, 1978). Не углубляясь в описание ситуаций, при которых возникает нехватка ресурсов, сконцентрируемся на результатах процесса миграции. Сообщества, которые становятся вынужденными переселенцами (мигрантами), стремятся переселиться в места соответствующие их традиции землепользования, выбирают места поселения со знакомой ландшафтной структурой зоны хозяйственного использования поселения и, соответственно, привычной ресурсной базой. Если такое невозможно, тогда люди должны искать условия среды, в которых будут альтернативные

¹ Использованы некалиброванные радиоуглеродные даты, кроме отдельных указаний.

ресурсы, способные оптимально заменить отсутствующие. С подобным выбором сталкивались ранние земледельцы, выдавленные негативными факторами, обусловленными похолоданием климата, на морское побережье в разные исторические эпохи. На морском побережье наиболее оптимальными, способными компенсировать недостающие агроклиматические ресурсы были рыбные ресурсы. К привлекательным характеристикам рыб как пищевого ресурса относится то, что они доступны вблизи побережья большую часть года. Разные виды рыб образуют в море и прибрежных водоёмах скопления (нерестовые, нагульные), которые было оптимально добывать с помощью тех или иных простых средств лова. Многие виды рыб пригодны для длительного хранения как в сушёном виде, так и после обработки ферментацией. Таким образом, рыболовство могло успешно компенсировать недостаток продуктов земледелия, а также охоты. Косвенным подтверждением этому служит наблюдение, что в течение всей эпохи первобытности в бассейне Японского моря численность и плотность памятников на побережье всегда была в несколько раз выше, чем на континенте. Важным вопросом для мигрантов был выбор места для поселения, который бы сочетал возможности получения всех необходимых ресурсов в течение года. Далее выбор новой ресурсной базы должен был привести к изменениям разной степени в технике и технологии, возможно, орудийном комплексе, соотношении видов хозяйственной деятельности и образе жизни мигрантов на морском побережье. Ещё один вопрос, смогло ли рыболовство стать альтернативой земледелию, то есть сохранилась ли у мигрантов на морском побережье земледельческая практика и как изменилась их углеводная компонента диеты. Проверить эти предположения мы попытаемся на материалах из отложений светло-коричневого суглинка на многослойном памятнике Клерк-5 с помощью метода анализа древнего крахмала.

В этом горизонте обитания обнаружены очажные пятна и керамический комплекс, связанный с первыми земледельцами, – носителями верёвочной традиции орнаментации керамики в рамках зайсановской культурной традиции. Нижняя и средняя часть этих отложений датированы

по углю: 4635±40 (ТКа–14080) и 4575±45 (ТКа–14077) л. н. соответственно, и совпадают с фазой похолодания климата и понижением уровня моря. Применение специальных методов раскопок позволило получить богатую коллекцию экофактов: костей рыб, млекопитающих, птиц, гидробионтов и др. (Klerk 5 Site, 2007; Раков, Вострецов, 2010). Археоботаническая коллекция, к сожалению, частью была утеряна и представлена лишь единичными макроостатками скорлупы лещины (*Corylus mandshurica*), диких яблони/груши (*Malus*) и бобового растения². В данной ситуации метод анализа крахмала – единственная возможность получить прямые свидетельства использования крахмалсодержащих растений, в том числе культурных злаков.

Ранее было исследовано несколько каменных орудий – галек и их фрагментов со следами работы по мягкому материалу³. На их поверхностях обнаружен крахмал различных растений, которые были идентифицированы до определённых таксономических уровней. Это культурные Просовые (*Panicoidae*) и дикие Пшеницевые (*Triticeae*) злаки, культурный ячмень (*Hordeum sp.*), гаолян (*Sorghum sp.*), дикая лилия (*Lilium dauricum*) и другие неустановленные растения с подземными запасающими органами (ПЗО)⁴. Идентификация ячменя и гаоляна основана на представительной выборке – сгустках крахмала, которые являются фрагментами зерновок и содержат разнообразие форм и размеров, присущих крахмалам этих видов. Хронологический и культурный контекст этих находок хоть и необычен, но не вероятен, что будет рассмотрено далее.

Исследование остатков крахмала на керамике показало новые возможности применения метода анализа крахмала (Пантюхина, Вострецов, 2023). Помимо уточнения функции сосудов, появилась возможность дополнить списочный состав используемых растений и знания о кулинарных практиках. Для поселения Клерк-5 это также решает задачу получения сравнимых между собой данных. Стратиграфическая ситуация отражает несколько последовательных волн миграций

² Определения выполнены С.В. Баштанником.

³ Определения выполнены Н.Н. Скакун.

⁴ Луковицы, корневища, ризомы, корни.

зайсановского населения, но не во всех горизонтах присутствует каменный инвентарь, связанный с земледельческой практикой или обработкой растений, в отличие от различных керамических комплексов со следами приготовления пищи. Поэтому исследование керамики из разных горизонтов обитания методом анализа крахмала перспективно для изучения углеводной компоненты диеты и хозяйственной деятельности, связанной с растениями в культурно-хронологической динамике. Цель данной статьи рассмотреть результаты исследования на содержание крахмала керамики первого земледельческого населения, мигрировавшего на побережье залива Петра Великого; интегрировать и интерпретировать данные об использовании растений.

Материалы и методика

Камеральная обработка коллекции проводилась много лет назад (раскопки поселения Клерк-5 проходили в 2005, 2006 гг.) и нужно было учитывать возможность современного загрязнения в процессе лабораторных исследований. Чтобы минимизировать такую вероятность, выбирали фрагменты с плохо вымытой поверхностью, остатками нагара, корочек, почвы в оттисках орнамента. Отобраны фрагменты от 14 сосудов с орнаментацией, соотносимой с первой волной земледельцев в Приморье (рис. 1). Отобранную керамику осматривали под биноклем для оценки состояния поверхности и выбора места сбора образца. В большинстве случаев на поверхности встречались пылевые, глинистые и почвенные

Рис. 1. Фрагменты сосудов и остатки на их поверхности: а – КЛ_01; б – КЛ_02; в – КЛ_04; г – КЛ_05; д – КЛ_07; е – КЛ_08; ё – КЛ_03; ж – КЛ_09; з – КЛ_10; и – КЛ_11; й – КЛ_12; к – КЛ_13; л – КЛ_14; м – КЛ_15. Масштабная линейка приведена для ё; масштаб остальных фрагментов значения не имеет; части сосуда КЛ_04 приведены к одному масштабу

Fig. 1. Potsherds and macroresidues on surface: а – КЛ_01; б – КЛ_02; в – КЛ_04; г – КЛ_05; д – КЛ_07; е – КЛ_08; ё – КЛ_03; ж – КЛ_09; з – КЛ_10; и – КЛ_11; й – КЛ_12; к – КЛ_13; л – КЛ_14; м – КЛ_15. Scalebar for ё; the scale of other fragments does not matter; potsherds of КЛ_04 vessel are brought to the same scale

частицы, остатки корешков и современных волокон. Осевшие загрязнения удалялись обдувом из медицинской груши. Для большинства образцов керамики пробы отбирались на разных поверхностях/участках – всего 33 шт.

Обработка образцов и извлечение крахмала проводились по комбинированной методике на основе некоторых из опубликованных протоколов (Pearsall, Chandler-Ezell, Zeidler, 2004; Yang, Jiang, 2010; Saul, Wilson et al., 2012). Затем микроостатки помещали на предметное стекло и исследовали под микроскопом проходящего света Carl Zeiss AxioScope A.1 в режимах светлого поля, поляризации и DIC – контраста. Поиск и фотофиксация объектов проводились при увеличениях 200–600х. Обработка фотографий и измерения осуществлялись с помощью ПО Carl Zeiss Zen2012. Крахмал описан согласно комплексу морфометрических признаков: форма гранул в различных проекциях, размеры, особенности поверхности, положение и форма хилума, наличие и особенности граней, фасеток, трещин и складок, тип поляризационного креста, характеристики его лучей, видимость или невидимость слоёв – ламелей, наличие и характер повреждений. Идентификация древнего крахмала происходит путём сравнения с эталонными образцами крахмала, описанными по тем же параметрам (Пантюхина, 2020). Эталонная коллекция насчитывает в настоящий момент 160 видов крахмалосодержащих растений. Крахмал некоторых из них представлен на рисунке 2.

Результаты

Весь обнаруженный на керамике крахмал был распределён по типам. Количественное распределение приведено в таблице.

По возможности проведена таксономическая идентификация. Археологические микроостатки, обнаруженные на поверхности керамики, представлены на рис. 3. У **типа 1** (рис. 3.а) форма гранул преимущественно многогранная, полиэдрическая. Грани сильно выражены. Хилум⁵ находится по центру, иногда ацентричен у вытянутых гранул. Через него проходят Y-образные трещины по направлению к краям. Поляризационный крест прямой, иногда косой, редко встречаются изогну-

тые на концах лучи. Диапазон значений длин составляет 5–20 мкм. Соотносится с крахмалом проса итальянского (*Setaria italica*) (рис. 2.а). К **типу 2** (рис. 3.б) относятся многогранная, полиэдрическая формы. Поверхность гладкая. Хилум расположен в центре. Гранулы, как правило, без трещин. Крест поляризации всегда прямой, лучи прямые. Диапазон значений длин варьирует 5–14 мкм. Соотносится с крахмалом проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) (рис. 2.б). У гранул **типа 3** (рис. 3.в) форма сферическая. Поверхность морщинистая, с расходящимися от центра к краям линиями. Хилум в центре. Крест поляризации прямой, лучи прямые. Размер 6 мкм. Гранулы такого типа характерны для диких злаков рода *Setaria* (рис. 2.в). **Тип 4** (рис. 3.г, д) содержит гранулы двух размерных классов – характерная черта крахмала пшеницевых злаков – мелкие и крупные. Крупные – округлые, овальные, почковидные в плане и линзовидные в сечении. Хилум в центре или незначительно смещён. Заметны ламели – слои роста. Поляризационные кресты в виде "+" и "х", с изменением интенсивности свечения от центра к кромке гранулы. Лучи прямые или изогнутые. Размеры в диапазоне 13–35 мкм⁶. Мелкие гранулы округлые, овальные, трапециевидные, сегментовидные, подквадратные. Хилум в центре, невидим или точечный. Крест в виде "+" и "х". Лучи прямые. Размеры в диапазоне 3–12 мкм. Данные признаки характерны для крахмала злаков из трибы Пшеницевые (Triticeae), в которую входят как культурные, так и дикорастущие виды (рис. 2.г, д, е, ё). У крахмала **типа 5** (рис. 3.е) форма округлая, со слабо выраженными гранями, слегка овальная. Хилум преимущественно в центре, не визуализируется и определяется по точке схождения лучей в поляризации. Крест прямой или немного скошенный. В районе хилума бывают небольшие радиальные или кольцевые трещины. Размеры в диапазоне 6–22 мкм. Соотносится с крахмалом семян взморника морского (*Zostera marina*) (рис. 2.ж). **Тип 6** (рис. 3.ё) имеет овальную форму, в боковой проекции линзовидную. Хилум невидимый, расположен в центре. Внутренняя

⁵ Точка роста крахмального зерна.

⁶ Повреждённые гранулы зачастую сильно увеличены в размерах.

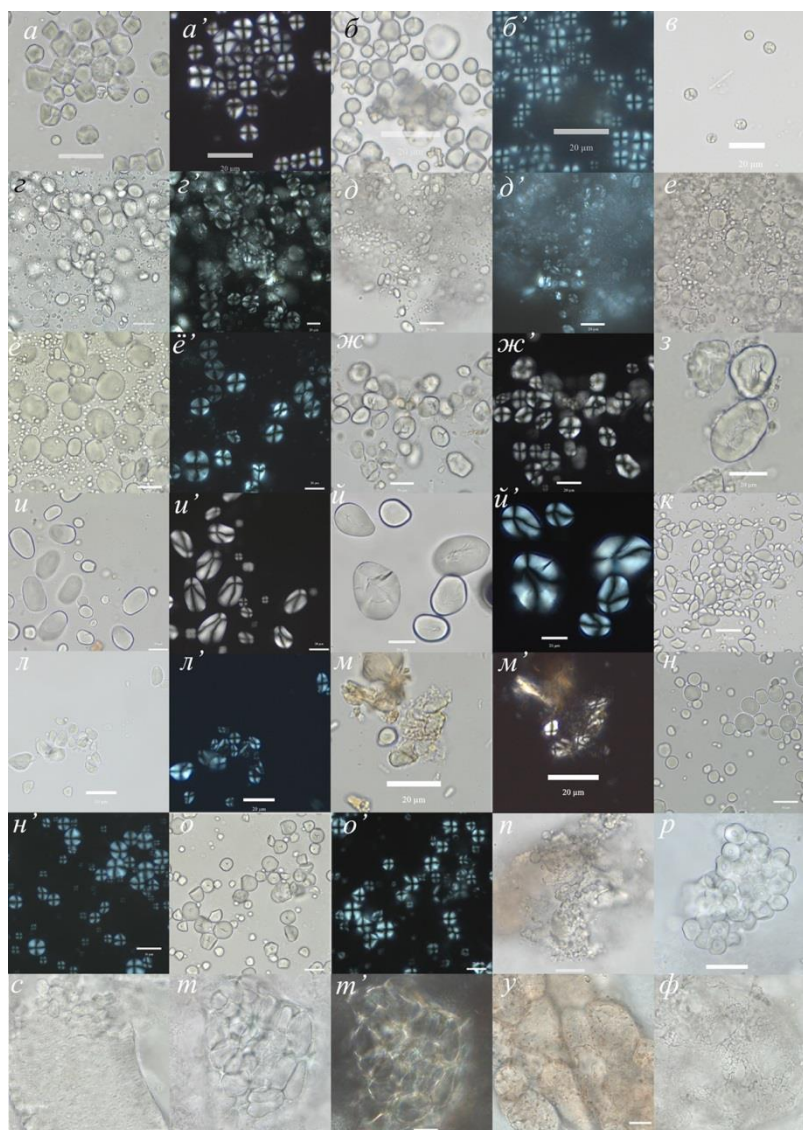

Рис. 2. Образцы современного крахмала растений: а, а' – *Setaria italica*, просо итальянское (зерновка); б, б' – *Panicum milliaceum*, просо развесистое (зерновка); в – *Setaria viridis*, щетинник зелёный (зерновка); з – *Leymus mollis* (Triticeae), колосняк мягкий (зерновка); д, д' – *Hordeum jubatum* (Triticeae), ячмень гривастый (зерновка); е – *Elymus sibiricus* (Triticeae), пырейник (зерновка); ё, ё' – *Hordeum vulgare* (Triticeae), ячмень (зерновка); ж, ж' – *Zostera marina*, взморник морской (зерновка); з – *Vicia villosa*, вика мохнатая (боб); и, и' – *Lilium dauricum*, лилия даурская/пенсильванская (клубнелуковица); й, й' – *Lilium tigrinum*, лилия тигровая/ланцетолистная (клубнелуковица); к – *Quercus dentata*, дуб зубчатый (плод); л, л' – *Quercus mongolica*, дуб монгольский (плод); м, м' – *Osmundastrum asiaticum*, чистоустник азиатский (вайя); н – *Anemone amurensis*, ветреница амурская (корневище); о, о' – *Arisaema amurensis*, аризема амурская (луковица). Состояние крахмала разных растений после термической обработки, эксперимент: п-с – просо обыкновенное, т, т' – лилия, у – жёлудь; ф – ячмень. Масштабная линейка: а-м, о-ф – 20 мкм; н, н' – 10 мкм. Режим съёмки – проходящий свет: а-ф – светлое поле; литеры с апострофом – поляризация

Fig. 2. Some modern starch samples from referent collection: а, а' - *Setaria italica*, foxtail millet (seeds); б, б' - *Panicum milliaceum*, common millet (seeds); в - *Setaria viridis*, green foxtail (seeds); з - *Leymus mollis* (Triticeae), dune wild-rye (seeds); д, д' - *Hordeum jubatum* (Triticeae), foxtail barley (seeds); е - *Elymus sibiricus* (Triticeae), siberian wild rye (seeds); ё, ё' - *Hordeum vulgare* (Triticeae), barley (seeds); ж, ж' - *Zostera marina*, eelgrass (seeds); з - *Vicia villosa*, hairy vetch (bean); и, и' - *Lilium dauricum*, Siberian lily (bulb); й, й' - *Lilium tigrinum*, tiger lily (bulb); к - *Quercus dentate*, oak (acorn); л, л' - *Quercus mongolica*, Mongolian oak (acorn); м, м' - *Osmundastrum asiaticum*, Osmunda fern (frond); н - *Anemone amurensis* (rhizome); о, о' - *Arisaema amurensis* (bulb). Starch of the some plants after heat treatment, experiment: п-с - common millet, т, т' - Siberian lily, у - acorn; ф - barley. Scale bar: а-м, о-ф - 20 mk; н, н' - 10 mk. Shooting mode - transmitted light: а-ф - bright field; letters with apostrophe - polarization

Таблица. Распределение археологического крахмала по типам и образцам (в шт. гранул)
Table. Distribution of the types of ancient starch on samples (in number of granules)

	Таксон	Просо итальянское (<i>Setaria italica</i>)	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Щетинник (<i>Setaria P.Beauv.</i>)	Пшеницевые (<i>Triticaceae</i>)	Взморник морской (<i>Zostera marina</i>)	Бобовые (<i>Fabaceae</i>)	Желудь (<i>Quercus sp.</i>)	Лилия (<i>Lilium sp.</i>)	Папоротник (<i>Polypodiophyta</i>)	Растения с ПЗО	Не идентифицированный крахмал	Итого
п\п	Тип Образец	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
1	КЛ_01 (3) ⁷	5	3		570 + 2С ⁸			6	2			9	595
2	КЛ_02 (2)	6	1	2	3		1	1	2	3	6	9	34
3	КЛ_03 (4)	11	6		4	15		2	6	1	21	18	84
4	КЛ_04 (7)	18	3	1	38 + 1С	5		3	12	4	7	8	99
5	КЛ_05 (2)	1	2		1			5	2	1	1	4	17
6	КЛ_07 (2)		3		2				1			7	13
7	КЛ_08 (2)	1	1					1	184			8	195
8	КЛ_09 (2)	1							1		1	2	5
9	КЛ_10 (2)	7	1С		30			1	2		9	4	53
10	КЛ_11 (2)	2			2	1		2	5	1	3	2	18
11	КЛ_12 (1)	2			1 + 1С				33		25 + 1С	3	64
12	КЛ_13(1)	1	2+1С		3+1С	2		2			6	7	23
13	КЛ_14 (2)	1	1		1	1			3		13	5	25
14	КЛ_15 (1)		3			1			7				11
	Итого	56	25	3	655	25	1	23	260	10	92	86	1236

⁷ В скобках указано количество проб, собранных с данного образца.

⁸ С – скопление гранул крахмала. Число перед литерой «С» – количество скоплений.

часть гранулы покрыта сеткой микротрещин/складок. Крест как «+» и «х» в зависимости от проекции, лучи прямые либо как соприкасающиеся дуги. Размер 23 мкм. Набор признаков характерен для диких горошков семейства бобовых (*Fabaceae*) (рис. 2.з). Гранулы **типа 7** (рис. 3.ж) в большинстве своём треугольной формы с закруглёнными углами или неправильной овальной формы. В других проекциях форма варьирует от симметрично до ассиметрично выпуклой линзовидной, каплевидной. Хилум точечный или невидим, расположен по центру или слегка смещён. Крест "х"-образный, лучи прямые, либо искривлённые. Размеры гранул крахмала варьируют в диапазоне 5–24 мкм. Комплекс признаков характерен для крахмала плодов дуба *Quercus sp* (рис. 2.к, л). У **типа 8** (рис. 3.з, и) форма гранул

овоидная, подтреугольная, яйцевидная. В сечении каплевидная, овальная. В торцевой проекции форма меняется от округлой до овальной. Мелкие гранулы сферические. Хилум точечный или округлый. У сферических форм в центре, у других в боковой проекции ацентричный. Ламели сильно выражены. В поляризации крест "+" и "х"-образный с прямыми или изогнутыми лучами в зависимости от формы и положения объекта. Размеры гранул в диапазоне 6–70 мкм. Все эти признаки соотносятся с крахмалом из луковиц дикой лилии (сараны), которой на территории региона насчитывается 4 вида (рис. 2.и, й). **Тип 9** (рис. 3.й) выделен по специфическим гранулам с характерными признаками, отмеченными у крахмала папоротников нескольких видов (рис. 2.м). Как правило, это вытянутые нестандартные

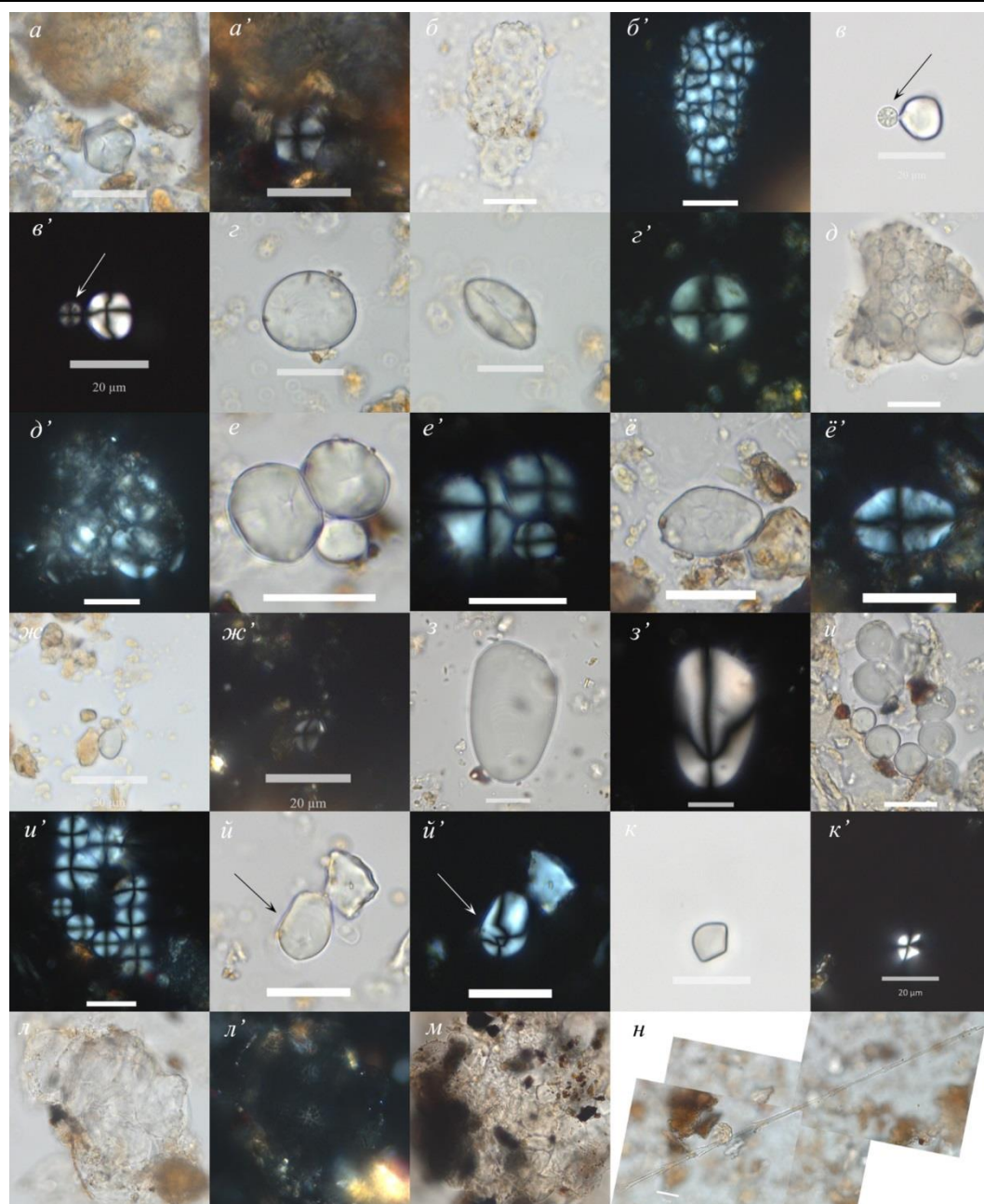

Рис 3. Крахмал и фрагмент оперения птицы, извлечённые с поверхности керамики: а, а' – тип 1, КЛ_04; б, б' – тип 2, КЛ_10; в, в' – тип 3, КЛ_04, указан стрелкой; з, з' – тип 4, КЛ_01; д, д' – сгусток крахмала тип 4 КЛ_12; е, е' – тип 5, КЛ_03; ё, ё' – тип 6, КЛ_02; ж, ж' – тип 7, КЛ_01; з, з', u, u' – тип 8, КЛ_09, КЛ_12; й, й' – тип 9, КЛ_11; к, к' – тип 10, КЛ_04; л, л', м – сгустки желатинизированного крахмала, КЛ_10, КЛ_13, н – фрагмент пухового луча оперения птицы, КЛ_04. Масштабная линейка: 20 мкм. Режим съёмки – проходящий свет: а-н – светлое поле; а'-л' – поляризация

Fig. 3. Ancient starch and down feather ray from potsherds: а, а' - type 1, КЛ_04; б, б' - type 2, КЛ_10; в, в' - type 3 КЛ_04, indicated by the arrow; з, з' - type 4, КЛ_01; д, д' - starch aggregate, type 4, КЛ_12; е, е' - type 5, КЛ_03; ё, ё' - type 6, КЛ_02; ж, ж' - type 7, КЛ_01; з, з', u, u' - type 8, КЛ_09, КЛ_12; й, й' - type 9, КЛ_11; к, к' - type 10, КЛ_04; л, л', м - gelatinized starch aggregate, КЛ_10, КЛ_13, н - down feather ray, КЛ_04. Scale bar: 20 mk. Shooting mode - transmitted light: а-н - bright field; а'-л' - polarization

формы, хилум ацентричен, крест "+" и "х" образный, длинные лучи на краях сильно изгибаются. Размер гранул 10–18 мкм. В отдельный **тип 10** (рис. 3.к) определены гранулы крахмала округлой, куполовидной, сегментовидной формы. Хилум в

центре или смещён. Крест "+", лучи прямые. Размеры 8–18 мкм. Таким комплексом признаков обладают некоторые слабоспецифичные гранулы различных растений с подземными запасными органами – ПЗО (корневища, клубнелуковицы и

т. п.) (рис. 2.н, о). У неродственных растений некоторые формы крахмала совпадают и при отсутствии/утере какого либо признака универсальные формы плохо поддаются идентификации. Либо достоверные различия можно установить только при наличии представительной выборки, столь схожими бывают объекты. Подобные гранулы крахмала были объединены в одну группу, в которой могут оказаться и остатки лилии, папоротника и других растений с характерными для ПЗО гранулами.

Не идентифицированный крахмал. В эту группу помещены гранулы, которые невозможно надёжно соотнести с каким-либо таксоном. Это могут быть причины, описанные для типа 10, отсутствие соответствующего эталона, изменение морфологии и целостности объекта, которые не позволяют провести идентификацию.

Кроме дискретных гранул были обнаружены их сгустки, остатки неразрушенных крахмалистых частей растений⁹ и частично желатинизированный крахмал (рис. 3.б, д). У последнего свойство двулучепреломления (видимый в поляризованном свете крест), внешние и внутренние структурные признаки могут полностью пропасть, но оболочки в разной степени видоизменённых гранул зачастую остаются целыми (рис. 3.л, м). Эти объекты выявлены почти на всех фрагментах керамики. Это согласуется с функцией керамических сосудов – приготовлением пищи на огне, в том числе, с использованием крахмалистых растений. Идентифицировать эти объекты удалось благодаря эксперименту (рис. 2.п, р, с, т, у, ф).

В таблице приведены количественные значения обнаруженного крахмала. Однако мы сознательно не используем их для сравнения и оценки вклада того или иного растения. Ранее было показано, что количество крахмала одного и того же растения на орудиях и на керамике может кардинально отличаться (Пантюхина, Вострецов, 2023). Мы предлагаем оценивать вклад того или иного ресурса в рамках комплексного анализа по объективным показателям: пищевой ценности, способности к хранению, энергозатратам на его получение

и обработку, объёму в зоне хозяйственного использования поселения. В культурно-хронологической динамике относительную значимость ресурсов можно оценивать по изменению списочного состава пищевых растений.

Среди микроостатков на керамике обнаружены два фрагмента пуховых лучей оперения птиц (рис. 3.н). Они идентифицированы с вероятностью 80 % как гнездовой пух серого гуся (*Anser anser*)¹⁰. Таким пухом самки уток и гусей выстилают гнёзда. Вдоль морского побережья Южного Приморья с его пойменными озёрами и лагунами проходят миграционные пути гусей и уток. Поселение Клерк-5 соответственно было расположено в непосредственной близости от таких водоёмов, которые способствовали концентрации такого ресурса. Для данного слоя кости птиц рода *Anser* не установлены¹¹, но в более поздних отложениях встречаются. По столь единичным находкам микроостатков, конечно, сложно делать однозначные выводы, но учитывая реальные возможности, допустить добывание птиц или их яиц можно.

Обсуждение

Идентифицированные типы крахмала свидетельствуют, о том что в сосудах обрабатывались культурные паникоидные злаки: просо итальянское и просо обыкновенное. Соответственно, население, продвигавшееся из районов континентального Приморья, практиковало культивацию двух видов проса. Специфика вегетации проса итальянского и обыкновенного позволяла растягивать во времени этапы обработки посевов и сбора урожая. Разница в созревании достигает 30 дней. Урожайность злаков не стабильна и может не совпадать. В таких условиях культивация разных видов позволяет компенсировать возможные потери (Пантюхина, Вострецов, 2023). Культивация предполагает более жёсткую подчинённость хозяйственной деятельности, которая растягива-

⁹ Под сгустками понимаются скреплённые вместе гранулы крахмала. Это фрагменты содержимого амилопластов – растительных клеток, в которые упакованы гранулы.

¹⁰ Определение выполнено по микроструктурным признакам (морфологический и морфометрический анализ) сотрудниками Лаборатории экологии и управления поведением птиц ИПЭЭ РАН канд. биол. наук Сергеем Анатольевичем Букреевым и д-ром биол. наук Ольгой Леонидовной Силаевой.

¹¹ Не все фрагменты костей могут быть достоверно идентифицированы.

лась, примерно, с мая по сентябрь, сезонным операциям. Единичные гранулы крахмала щетинника можно расценивать по-разному: случайное или намеренное попадание. Дикие виды *Setaria* засоряют посевы или быстро захватывают необрабатываемые участки. Находки карпоидов просняков сопутствующих сорняков не редки. Все они съедобны и могут быть объектом собирательства, однако данных о намеренности сбора пока недостаточно.

Крахмал пшеницевых злаков присутствует в разновременных комплексах зайсановцев-земледельцев, расселявшихся в различные экономические районы (Шаповалов, Дорофеева, Сергушева и др., 2011; Пантюхина, Вострецов, 2023; Пантюхина, Белова, 2024). Это указывает на устойчивую традицию использования этого ресурса. Основной вопрос – дикие или культурные виды использовали? Среди накопленных флорационных коллекций неолитических комплексов не выявлено ни диких, ни культурных форм карпоидов *Triticeae*. Подобная картина традиционна для «крахмальных» комплексов Северо-Восточного Китая, начиная с финального палеолита, где такой тип крахмала соотносят с некоторыми видами луговых трав, если комплекс древнее общепринятой границы появления культурных ячменя и пшеницы в регионе. Неоднозначность этого вопроса заключается в трудностях идентификации схожего по морфологии крахмала у некоторых родов. Приёмы, разрабатываемые для современных эталонов, не срабатывают на ископаемом крахмале, который часто видоизменён из-за механического или термического воздействия. На крахмале этого типа, обнаруженном на каменных орудиях из слоя светло-коричневого суглинка, предпринималась попытка идентификации на основе комплексного размерного анализа. Несмотря на то, что выявлены признаки соответствия культурной форме ячменя, мы с осторожностью относимся к данному факту в ожидании новых археоботанических и методических материалов.

Сегодня самые ранние доказательства использования ячменя в Китае найдены в провинции Шаньси, где на поселении Миджия крахмал и фитолиты ячменя (*Hordeum vulgare*) были определены как составная часть ферментированного напитка и датируются примерно 5400–4900 кал. л. н.

(Wang, Liu et al., 2016). На памятнике Сишаньпинь карпоиды ячменя относятся к слою не ранее 4600 кал. л. н. (Li, Dodson et al., 2007). Вероятность, что ячмень проник в Китай вместе с технологией, достаточно высока, так как Шаньси находится рядом с коридором Хекси – частью будущего Шелкового пути. Но первые свидетельства технологии ферментации в этой же провинции датируются 7900–7000 кал. л. н. и уже содержали крахмалы злаков *Triticeae* (Liu, Wang et al., 2019), что указывает на возможность как более раннего появления ячменя в регионе, так и замещение им традиционных ингредиентов впоследствии. Тем не менее этот вопрос остаётся открытым, а устоявшаяся практика сводится к идентификации крахмала *Triticeae* исключительно до уровня трибы с отсылкой к диким луговым злакам. Ближайшие географически и хронологически находки крахмала пшеницевых злаков сделаны на памятниках культуры Хуншань (6500–5000 л. н.), но интерпретация его именно как ячменя не обоснована (Ma, Yang et al., 2016). Доступные актуальные исследования в соседних с Приморьем провинциях Китая отсутствуют.

Идентификация крахмала взморника морского – настоящее открытие. Это морская трава, которая формирует обширные заросли – луга в кутовой части бухт и заливов, в приустьевых участках, лагунах, сублиторали глубиной от 1 до 10 м (Животные и растения..., 1976). Подводные луга являются основой для формирования высокопродуктивных сообществ морских организмов, участками нереста некоторых видов рыб. Трава размножается вегетативно и семенами, в которых и содержится крахмал. Листья взморника издавна используются в хозяйственных целях: набивка матрасов, покрытие крыш, настиление пола. Археологические находки и этнографические свидетельства подтверждают хозяйственное и пищевое значение этого растения (Fauvelle, Smith, Des Lauriers, 2012; Строков, 2020). Какова была стратегия использования этого ресурса, по имеющимся результатам сказать нельзя. Собирали ли его в штормовых выбросах ситуативно или целенаправленно на доступных по глубине участках? Случайно или намеренно крахмал этого растения оказался на керамике? Для начала необходима переатрибуция не идентифицированных крахма-

лов с каменных орудий с учётом того, что эталонная коллекция образцов расширилась. Это позволит внести ясность в понимание технологии обработки и использования этого растения.

Крахмал бобовых скорее всего связан со случайным или намеренным собирательством бобов диких горошков, широко распространённых в травянистых сообществах региона. Жёлудь – сбалансированный пищевой продукт, который к тому же способен храниться до двух лет после обработки. Продуктивность его нестабильна по годам, однако позволяет создать запас на случай неурожайных годов. Содержание крахмала жёлудя косвенно отражает технологию обработки желудей, которые необходимо было вымочить, очистить, высушить, измельчить, прежде чем подвергнуть кулинарной обработке. Собирают его в сентябре – начале октября. Крахмал лилии подтверждает длительную традицию пищевого использования луковиц сараны, отмеченную у коренных народов на обширной территории Дальнего Востока. Мука измельчённых луковиц добавлялась в жидкие блюда. Отмечается, что могли создавать годовые запасы этого ресурса. Сбор луковиц производили в начале и конце лета (Подмаскин, 2006). В августе также поспевали орехи и дикие плоды яблонь/груш. Этнографы отмечали употребление папоротника в пищу, в качестве лекарства и красителя. Побеги и корни содержат крахмал. Оптимальным способом хранения побегов и корней является сушка. Отмечается, что в голодные годы папоротник активно использовался для изготовления муки (Liu, Wujisguleng, Long, 2012). Другие растения с ПЗО также могли нести пищевую или лекарственную функцию. В целом, в течение тёплого сезона человек имел возможность собирать съедобные растения для удовлетворения текущих потребностей и создания запасов.

Желатинизированный крахмал прямо указывает на функцию сосудов. Набор выявленных растений демонстрирует кулинарное разнообразие и приёмы обработки растений: измельчение и варка/запаривание. Список растений не противоречит находкам микроостатков на каменных орудиях и детализирует их. Предполагаемая идентификация сорго вызывает сомнения и требует перепроверки с учётом расширения эталонной коллекции.

Если сравнивать результаты с археоботаническими данными с поселения Кроуновка 1, из райо-

на которого шла волна расселения (Пантюхина, Вострецов, 2023), то станет ясно, что земледельцы в новом для себя районе сохранили набор культурных злаков, несмотря на очевидное снижение ранга агроклиматических ресурсов на морском побережье. Агротехника обоих видов проса позволяет культивировать их в различных условиях. Критичными для урожайности факторами являются заморозки, низкий уровень влаги в период прорастания и в момент выбрасывания метёлок и засорённость посевов. Все эти проявления компенсируются на побережье повышенным уровнем влаги и сокращением диапазона колебаний температуры, однако сопровождается снижением суммы активных температур и уровня инсоляции из-за частых туманов. Вклад культурных злаков в общий рацион рассматривается как стабилизирующий. Структура собирательства не изменилась, и люди ориентировались на знакомые ресурсы, которые так же были доступны в новом районе. Однако можно предполагать изменение доли некоторых ресурсов за счёт иной структуры ландшафта в зоне хозяйственного использования поселения. Косвенно об этом свидетельствует крахмал взморника, который является доступным и обильным ресурсом в прибрежной зоне.

Учитывая разнообразие растительных сообществ в зоне хозяйственного использования, можно предполагать выпадение из поля зрения некоторых съедобных растений без крахмала. Фрагмент скорлупы лещины указывает на собирательство орехов. Были доступны и дикие яблоки/груши, и, возможно, плоды других растений, которые традиционно были объектами собирательства, например шиповник, маньчжурский орех, амурский виноград и т. д. Сочетание двух методов: метода анализа крахмала и карпоидов, полученных в результате флотации, помогло бы составить более информативную коллекцию. Но, несмотря на отсутствие такой возможности, удалось выявить основные источники углеводов, которые вносили вклад в общий энергетический баланс населения.

Заключение

Группа земледельцев, которые мигрировали на морское побережье из континентальных районов, смогли наладить систему жизнеобеспечения в новом для себя экономическом районе. Освоив

рыболовство, они сохранили традицию культивации проса итальянского и проса обыкновенного, а также структуру собирательства, которая сочетала в себе жёлудь, луковичи сараны, папоротник, растения ПЗО, орехи и съедобные плоды. По-прежнему открыт вопрос идентификации пшеницевых злаков, крахмал которых широко представлен на каменных орудиях и керамике. Новым доступным ресурсом, возможно, стал взморник – морская трава, семена которой богаты крахмалом и съедобны. Вопрос об использовании этого растения нуждается в дальнейшей разработке.

Список источников

Вострецов Ю.Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 40–65. EDN: FGJWF.

Долуханов М.П. Истоки миграции (моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным) // Проблемы археологии : сб. статей в память проф. М.И. Артамонова. Л. : Изд-во ЛГУ. 1978. Вып. 2. С. 38–43.

Животные и растения залива Петра Великого. Ленинград : Наука, 1976. 363 с.

Пантюхина И.Е. Метод анализа крахмала в вопросах и ответах // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 1. С. 103–118. EDN: SFYYFD.

Пантюхина И.Е., Белова И.В. Анализ микроостатков на орудиях неолитического комплекса поселения Водопадное-7: пример исследования // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 43. С. 69–82. DOI: 10.24412/2658-5960-2024-43-69-82.

Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. Кроуновка 1 – поселение первых земледельцев в Приморье: о чем нам рассказал древний крахмал // Краткие сообщения Института археологии. 2023. № 270. С. 384–400. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.270.384-400. EDN: SGKSGE.

Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток : Дальнаука, 2006. 540 с. EDN: QPCLMN.

Раков В.А., Вострецов Ю.Е. Стратиграфия и малакофауна многослойного поселения Клерк-5 в Хасанском районе Приморского края // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 315–342. EDN: TTOYNF.

Строков А.А. Фанагория в эпоху великого переселения народов: первые радиоуглеродные даты, верификация и обсуждение // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 43–65. EDN: JDSTAP.

Орнаментированная керамика, имея культурно-хронологическую привязку, может быть использована для палеоэкологических реконструкций вне зависимости от своего стратиграфического залегания. Это значительно повышает исследовательский потенциал переотложенных и смешанных комплексов, музейных коллекций. Применение метода анализа крахмала на керамике демонстрирует широкие перспективы в вопросах реконструкции углеводной компоненты диеты и различных аспектов хозяйственной деятельности, связанной с эксплуатацией растительных ресурсов.

References

Vostretsov Yu.E. (2018) Chronology and spatial distribution of sites of Zaisanovskaya cultural tradition in Primorye region in context of changes of natural conditions. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DVO RAS*. Vol. 20. P. 40-65. (In Russ.). EDN: FGJWF.

Dolukhanov M.P. (1978) Origins of migration (modeling of demographic processes based on archaeological and ecological data. *Problems of Archeology*. Leningrad: Leningrad State University. Iss. 2. P. 38-43. (In Russ.).

(1976) Animals and plants of Peter the Great Bay. *Leningrad: Science*. 363 p. (In Russ.).

Pantuykhina I.E. (2020) The ancient starch analysis method in questions and answers. *Multidisciplinary Research in Archaeology*. No. 1. P. 103-118. (In Russ.). EDN: SFYYFD.

Pantuykhina I.E., Belova I.V. (2024) Micro-residues on the tools from Neolithic complex of Vodopadnoye-7 site: case of study. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DVO RAS*. Vol. 43. P. 69-82. (In Russ.). DOI: 10.24412/2658-5960-2024-43-69-82.

Pantuykhina I.E., Vostretsov Yu.E. (2023) Krounovka 1 - the site of the first farmers in Primorye: what did ancient starch tell us about. *KSI/A*. No. 270. P. 384-400. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.270.384-400. EDN: SGKSGE.

Podmaskin V.V. (2006) Folk knowledge of the Tungus-Manchurians and Nivkhs: *Problems of Ethnogenesis and Ethnic History*. Vladivostok: Dal'nauka. 540 p. (In Russ.). EDN: QPCLMN.

Rakov V.A., Vostretsov Yu.E. (2010) Stratigraphy and malacofauna of the multilayer settlement Klerk-5 in the Khasansky district of Primorsky Krai. *Priotkryvaya zavesu tyssyacheletij. K 80-letiyu ZHanny Vasil'evny Andreevoj = Lifting the veil of millennia: for the 80th birthday of Janna Vasilyevna Andreeva*. Vladivostok: IIAE DVO RAN. P. 315-342. (In Russ.). EDN: TTOYNF.

Strokov A.A. (2020) Phanagoria in the great migration period: the first radiocarbon dates, their verification and discussion. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauri*. Iss. XXV. P. 43-65. (In Russ.). EDN: JDSTAP.

Шаповалов Ю.Е., Дорофеева Н.А., Сергусева Е.А., Иванов В.В., Кононов В.В. Опыт применения методики исследования остатков древнего крахмала (по материалам памятника Новоселище-4, Приморский край) // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения : сб. статей конференции, Владивосток, 26–27 апреля 2010 г. Владивосток : «Рея», 2011. С. 228–245. EDN: TVDJLV.

Чжао Биньфу. Археология каменного века Северо-Восточного Китая. Чанчунь : Изд-во Цзилинского ун-та, 2003. 461 с. (на кит. яз.).

Fauvelle M., Smith L.M., Des Lauriers M. Primary and secondary uses for ground stone: a possible case of *Zostera marina* exploitation on Isla Cedros. *Journal of California and Great Basin Anthropology*. 2012. Vol. 32. No. 2. P. 187-195.

Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Preliminary Results of Excavation in 2005. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Edited by Obata Hiroki. Kumamoto: Shimoda print Joint Stock Company, 2007. 54 p.

Li X., Dodson J., Zhou X., Zhang H., Masutomoto R. Early cultivated wheat and broadening of agriculture in Neolithic China. *The Holocene*. 2007. 17 (5). P. 555-560. DOI: 10.1177/0959683607078978.

Liu L., Wang J., Levin M.J., Sinnott-Armstrong N., Zhao H., Zhao Y., Shao J., Di N., Zhang T. The origins of specialized pottery and diverse alcohol fermentation techniques in Early Neolithic China. *PNAS*. 2019. 116 (26). P. 12767-12774. DOI: 10.1073/pnas.1902668116.

Liu Y., Wujisguleng W., Long C. Food uses of ferns in China: A review. *Acta Societatis Botanicorum Poloniae*. 2012. Vol. 81. No. 4. P. 263-270. DOI: 10.5586/asbp.2012.046.

Ma Z.K., Yang X.Y., Zhang C., Sun Y.G., Jia X. Early millet Use in West Liaohé area during early middle Holocene. *Science China Earth Sciences*. 2016. Vol. 59. No. 8. P. 1554-1561. DOI: 10.1007/s11430-015-5257-5.

Pearsall D.M., Chandler-Ezell K., Zeidler J.A. Maize in ancient Ecuador: Results of residue analysis of stone tools from the Real Alto site. *Journal Archaeological Science*. 2004. Vol. 31. Iss. 4. P. 423-442. DOI: 10.1016/j.jas.2003.09.010.

Saul H., Wilson J., Heron C.P., Glykou A., Hartz S., Craig O.E. A systematic approach to the recovery and identification of starches from carbonised deposits on ceramic vessels. *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39. Iss. 12. P. 3483-3492. DOI: 10.1016/j.jas.2012.05.033.

Wang J., Liu L., Ball T., Yu L., Li Y., Xing F. Revealing a 5,000-y-old beer recipe in China. *PNAS*. 2016. Vol. 113. No. 23. P. 6444-6448. DOI: 10.1073/pnas.1601465113.

Yang X., Jiang L. Starch grain analysis reveals ancient diet at Kuahuqiao site, Zhejiang Province. *Chinese Science Bulletin*. 2010. Vol. 55. P. 1150-1156. DOI: 10.1007/s11434-009-0545-0.

Shapovalov Yu.E., Dorofeeva N.A., Sergusheva E.A., Ivanov V.V., Kononov V.V. (2011) Experience in applying the methodology of studying the residue of ancient starch (based on the materials of the Novoselishche-4 site, Primorsky Territory). *Dal'nii Vostok Rossii v drevnosti i srednevekov'e: problemy, poiski, resheniya : sb. statei konferentsii, Vladivostok, 26–27 aprelya 2010 g.* = *Russian Far East in Ancient Times and Middle Ages: Problems, Researches, Decisions. Proceedings of the Conference, Vladivostok, April 26–27, 2010.* Vladivostok: Reya. P. 228-245. (In Russ.). EDN: TVDJLV.

Zhao B. (2003). Stone Age Archaeology of Northeast China. Changchun: Jilin University Press. (In Chinese).

Fauvelle M., Smith L.M., Des Lauriers M. Primary and secondary uses for ground stone: a possible case of *Zostera marina* exploitation on Isla Cedros. *Journal of California and Great Basin Anthropology*. 2012. Vol. 32. No. 2. P. 187-195.

Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Preliminary Results of Excavation in 2005. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Edited by Obata Hiroki. Kumamoto: Shimoda print Joint Stock Company, 2007. 54 p.

Li X., Dodson J., Zhou X., Zhang H., Masutomoto R. Early cultivated wheat and broadening of agriculture in Neolithic China. *The Holocene*. 2007. 17 (5). P. 555-560. DOI: 10.1177/0959683607078978.

Liu L., Wang J., Levin M.J., Sinnott-Armstrong N., Zhao H., Zhao Y., Shao J., Di N., Zhang T. The origins of specialized pottery and diverse alcohol fermentation techniques in Early Neolithic China. *PNAS*. 2019. 116 (26). P. 12767-12774. DOI: 10.1073/pnas.1902668116.

Liu Y., Wujisguleng W., Long C. Food uses of ferns in China: A review. *Acta Societatis Botanicorum Poloniae*. 2012. Vol. 81. No. 4. P. 263-270. DOI: 10.5586/asbp.2012.046.

Ma Z.K., Yang X.Y., Zhang C., Sun Y.G., Jia X. Early millet Use in West Liaohé area during early middle Holocene. *Science China Earth Sciences*. 2016. Vol. 59. No. 8. P. 1554-1561. DOI: 10.1007/s11430-015-5257-5.

Pearsall D.M., Chandler-Ezell K., Zeidler J.A. Maize in ancient Ecuador: Results of residue analysis of stone tools from the Real Alto site. *Journal Archaeological Science*. 2004. Vol. 31. Iss. 4. P. 423-442. DOI: 10.1016/j.jas.2003.09.010.

Saul H., Wilson J., Heron C.P., Glykou A., Hartz S., Craig O.E. A systematic approach to the recovery and identification of starches from carbonised deposits on ceramic vessels. *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39. Iss. 12. P. 3483-3492. DOI: 10.1016/j.jas.2012.05.033.

Wang J., Liu L., Ball T., Yu L., Li Y., Xing F. Revealing a 5,000-y-old beer recipe in China. *PNAS*. 2016. Vol. 113. No. 23. P. 6444-6448. DOI: 10.1073/pnas.1601465113.

Yang X., Jiang L. Starch grain analysis reveals ancient diet at Kuahuqiao site, Zhejiang Province. *Chinese Science Bulletin*. 2010. Vol. 55. P. 1150-1156. DOI: 10.1007/s11434-009-0545-0.

Информация об авторах

Пантюхина Ирина Евгеньевна,
младший научный сотрудник сектора первобытной археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: pantukhina2000@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6206-5799>

Вострецов Юрий Евгеньевич,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
сектора первобытной археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: vost54@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3717-4528>

Вклад авторов

И.Е. Пантюхина осуществила сбор, обработку, выделение образцов крахмала с поверхности керамики, подготовку и исследовала препараты, провела идентификацию. Обобщила полученные данные, написала исследовательскую часть статьи и подготовила рукопись к печати.

Ю.Е. Вострецов выполнил исследование отложений памятника, выделил стратифицированный керамический комплекс, предложил модель исследования, обобщил полученные данные и выполнил научное редактирование статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 сентября 2024 г.; одобрена после рецензирования 22 ноября 2024 г.; принята к публикации 9 декабря 2024 г.

Information about the authors

Irina E. Pantyukhina,
Junior researcher of Primitive Archaeology department,
Institute of the History, Archaeology and Ethnology of
Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch, Russian Academy
of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: pantukhina2000@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6206-5799>

Yuri E. Vostretsov,
Dr. Sci. (History), leading researcher of Primitive Archaeology
department,
Institute of the History, Archaeology and Ethnology of
Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch, Russian Academy
of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: vost54@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3717-4528>

Contribution of the authors

I.E. Pantyukhina conducted the collection, processing, and extraction of starch samples from the surface of ceramics, prepared and examined the specimens, and carried out their identification. She summarized the obtained data, wrote the research section of the article, and prepared the manuscript for publication.

Y.E. Vostretsov investigated deposits of the site, identified the stratified ceramic complex, proposed a research model, summarized the obtained data, and performed scientific editing of the article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 3, 2024; approved after reviewing November 22, 2024; accepted for publication December 9, 2024.

Научная статья
УДК 550.8:903
EDN: ZTOPKG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-22-33>

Применение георадиолокации при выявлении и изучении древних захоронений в пределах Фофановского некрополя

А.Г. Дмитриев, А.А. Дмитриев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются целевое назначение, вопросы обоснования методики и техники георадиолокационных зондирований при выявлении и изучении древних захоронений на восточном фланге Фофановского могильника. Приведены возможности георадиолокационных зондирований с использованием георадара ОКО-2 при поиске неоднородностей в верхней части геологического разреза. Рассмотрены основные виды помех и показаны основные факторы, которые необходимо учитывать при проведении изысканий в лесистой местности. По результатам опытных работ с различными антеннами определены основные особенности методики площадных исследований (сеть наблюдений, частотный диапазон регистрируемых колебаний, оптимальные параметры регистрации, способы топографической привязки и т. п.). Сформирован граф обработки полевых данных с использованием специализированного пакета GeoScan-32, включающий: редакцию данных; масштабирование; ноль-фазовую деконволюцию; регулировку усиления; спектральный анализ; полосовую фильтрацию, скоростные анализы, веерную и когерентную фильтрации; миграцию. По дифрагированным волнам определены скорости электромагнитных волн и закономерности их изменений по площади, что обеспечило корректную трансформацию временных разрезов в глубинные. По результатам интерпретации радарограмм на ряде профилей были намечены 5 участков возможных захоронений. При проведении раскопок на трех из них на глубинах 0,7–0,9 м были обнаружены захоронения – два одиночных и одно коллективное. Две аномалии были обусловлены погребенными корневыми системами. Возраст захоронений оценивается в пределах 6000 лет. В итоге георадиолокационные зондирования обеспечили целенаправленное проведение археологических исследований, однозначную локализацию захоронений и, как следствие, – существенное снижение объемов вскрышных работ.

Ключевые слова: антенна, электромагнитные волны, георадар, помехи, геологический разрез, физические свойства, радарограмма, цифровая обработка, дифракционные волны, захоронение, методика георадиолокационных зондирований

Благодарности. Авторы выражают благодарность за консультации, участие и помощь в проведении работ Е.Д. Жамбалтаровой и Ю.Б. Башкуеву (Бурятский научный центр СО РАН).

Для цитирования: Дмитриев А.Г., Дмитриев А.А. Применение георадиолокации при выявлении и изучении древних захоронений в пределах Фофановского некрополя // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 22–33. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-22-33. EDN: ZTOPKG.

Archaeology

Original article

The use of GPR in the identification and study of ancient graves within the Fofanovsky necropolis

Alexander G. Dmitriev, Aleksei A. Dmitriev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article discusses the intended purpose, issues of substantiation of the methodology and technique of geo-radar sounding in the identification and study of ancient graves on the eastern flank of the Fofanovsky burial ground. The possibilities of geo-radar sounding using the OKO-2 georadar in the search for inhomogeneities in the upper part of the geological section are

presented. The main types of interference are considered and the main factors that must be taken into account when conducting surveys in a wooded area are shown. Based on the results of experimental work with various antennas, the main features of the areal research methodology were determined (observation network, frequency range of recorded vibrations, optimal registration parameters, methods of topographic mapping, etc.). A graph of field data processing using a specialized GeoScan-32 package was formed, including: data editing; scaling; zero-phase deconvolution; gain control; spectral analysis; bandpass filtering, velocity analyses, fan and coherent filtering; migration. The velocities of electromagnetic waves and the patterns of their changes in area were determined from diffracted waves, which ensured the correct transformation of time sections into deep ones. Based on the results of the interpretation of radar images, 5 sites of possible burials were identified on a number of profiles. During excavations at three of them at depths of 0.7-0.9 m, burials were found - two single and one collective. Two anomalies were caused by buried root systems. The age of the graves is estimated to be within 6,000 BP. As a result, georadiolocation probing provided purposeful archaeological research, unambiguous localization of burials and, as a result, a significant reduction in the volume of overburden work.

Keywords: antenna, electromagnetic waves, georadar, interference, geological section, physical properties, radarogram, digital processing, diffraction waves, burial, GPR technique

Acknowledgements. The authors express their gratitude to E.D. Zhambaltarova and Yu.B. Bashkuev (Buryat Scientific Center SB RAS) for consultations, participation and assistance in carrying out the work.

For citation: Dmitriev A.G., Dmitriev A.A. (2024) The use of GPR in the identification and study of ancient graves within the Fofanovsky necropolis. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 22-33. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-22-33. EDN: ZTOPKG.

Данная статья посвящена возможностям, ограничениям и путям обоснования основных элементов методики георадиолокационных зондирований (ГРЛЗ), которые в настоящее время являются основным инструментом в комплексе геофизических методов при изучении археологических объектов. Фофановский могильник находится в 60 км от г. Улан-Удэ на правом берегу р. Селенги на склоне Фофановской горы. Могильник был открыт в 1926 г. академиком А.П. Окладниковым. Дальнейшие исследования 1931; 1934–1936; 1948–1950; 1959; 1987–1991 и 1996 годов позволили выявить свыше 100 захоронений. Были определены основные закономерности размещения захоронений, их возраст, принадлежность их к соответствующим антропологическим типам и т. п. Итоги более чем полувековых исследований приведены в коллективной обобщающей монографии «Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века (формирование архетипов первобытной культуры)» института археологии и этнографии СО РАН (Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008), в которой значительная часть посвящена Фофановскому некрополю.

Однако до сих пор не определены общие границы памятника. В связи с этим в 2007–2009 годах исследования были продолжены на пяти участках восточной части древнего могильника, примыкающих к участкам предыдущих раскопок (рис. 1). Площадь исследований в 1700 м² была намечена

археологической группой Бурятского научного центра СО РАН в рамках гранта РФФИ. Участки размечались согласно предполагаемым положениям захоронений.

Полевые археологические работы, проводились с целью всестороннего исследования, точной фиксации и научной оценки памятника археологии с полной характеристикой его топографии, стратиграфии, выделения культурного слоя, сооружений, археологического материала, датировок и прочее. Раскопки памятников археологии достаточно сложная и тяжелая работа, имеющая массу ограничений, жестко регламентируемых порядком их проведения. Этим требованиям соответствует археологическая геофизика (Слукин, 1988; Станюкович, 1996), которая изучает скрытые объекты историко-культурного наследия – археологические артефакты и комплексы, содержащиеся в культурных напластованиях. Геофизические методы исследований, в отличие от археологических, являются неразрушающими (Франтов, Пинкевич, 1966). Актуальность их проведения особенно возрастает при экстренных исследованиях территорий перед застройкой, там, где раскопки не запланированы или по каким-либо причинам затруднены или невозможны. При невозможности проведения раскопок на всей территории в зоне строительства, такая геофизическая информация зачастую оказывается единственным источником знаний. Для изучения археологических объектов применяются многие

Рис. 1. Космоснимок района работ и схема размещения участков георадарной съемки 2007–2009 гг. (квадратами отмечены места и номера выявленных захоронений)

Fig. 1. Satellite image of the work area and the layout of the GPR survey sites 2007–2009 (the squares mark the places and numbers of the identified graves)

геофизические методы дистанционных исследований: аэрофотосъемка, лидарометрия; литогеохимическая (Микляев, Герасимова, 1968; McKerrell, McCawley, 1971; Дмитриев А.Г., Богданов А.В., Дмитриев А.А., 2020) и тепловая съемка; сейсморазведка (Глазунов, Гоц, Кроль, Самбуев, 1981) и ядерно-геофизические методы; магнитометрические (Скакун, Тарасов, 2000; Kozhevnikov, Kharinsky, Snopkov, 2019) и гравиметрические съемки (Дмитриев А.Г., 2019), а так же различные электрические зондирования (Станюкович, 1997; Базаров Б.А., Татьков И.Г., Базаров А.Д., 2015).

Метод ГРЛЗ является одним из наиболее перспективных и широко используемых геофизических методов исследований верхней части геологического разреза (ВЧР) особенно при решении археологических задач (Финкельштейн, Кутев, Золотарев, 1986). К преимуществам метода можно отнести высокую разрешающую способность, относительно высокую помехоустойчивость, а также высокую производительность и экономичность производства работ. Использование ГРЛЗ даёт возможность детально исследовать подповерхностную структуру верхней части геологического разреза (ВЧР) до глубины 8–10 м, не нарушая целостно-

сти массива, существенно уменьшая количество горных выработок.

Задачи, решаемые ГРЛЗ при археологических изысканиях, могут быть разделены на ряд направлений с характерными для каждой группы методами исследований, способами обработки, типами регистрируемых сигналов и формами представления результатов (Мартынов, Шер, 1989¹; Станюкович, 1996; Журбин, 2004; Дмитриев А.А., 2015). Основными из них являются:

- картирование геологических структур, а именно восстановление геометрии границ, поверхности коренных пород под рыхлыми осадочными отложениями, определение уровня грунтовых вод, границ между слоями различного генезиса, с различной степенью водонасыщения и т. п.;
- выявление мест захоронений или наиболее вероятного их местоположения;
- геометризация захоронений с определением их глубины залегания и размеров;
- поиск и оконтуривание погребенных надмогильных сооружений;

¹ Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1989. 223 с.

– изучение скрытых объектов историко-культурного наследия: археологических артефактов и комплексов, содержащихся в культурных напластованиях; памятников, утративших внешние отличительные признаки (фундаменты несохранившихся зданий и сооружений, рвы, валы, водоводы, карьеры и т. п.);

– сопутствующие археологические изыскания на стадии лицензирования строительства и горно-геологического обоснования ввода в разработку и эксплуатацию месторождений полезных ископаемых.

В зависимости от решаемых задач, орографических условий и размеров территории исследований возможно применение воздушных, аквальных, скважинных и наземных вариантов ГРЛЗ. Реализуемый на основе использования беспилотных легких летательных аппаратов (дронов) и узкополосных экранированных антенн ГРЛЗ используется в основном на первом рекогносцировочном этапе исследований больших территорий (Garcia-Fernandez, Alvarez-Lopez, Las Heras, 2019). Донные или плавающие гидроизолированные антенны применяются при изучении подводных объектов в основном на пресных водоемах глубиной до 10–15 м (Старовойтов, Валиуллина, Ошкин, Пятилова, 2019). Основной объем ГРЛЗ осуществляется в наземном варианте. Возможности ГРЛЗ доказывают обилие статей по этой тематике, проведение различных вебинаров и не сходящие с экранов телевизоров ролики свидетельствуют об успешном применении ГРЛЗ при изучении различных археологических объектов в различных геоэкологических условиях (Нерадовский, 2009).

ГРЛЗ в условиях Восточной Сибири позволили получить ряд положительных результатов при решении археологических задач. Это исследования фундамента Спасской церкви (Дмитриев А.А., 2007) и бывшего Лютеранского кладбища (Дмитриев А.Г., 2019) в г. Иркутске; мемориала жертвам политических репрессий в районе пос. Пивовариха (Дмитриев А.Г., Богданов А.В., Дмитриев А.А., 2020); изучение могильника Гуджир-Мугэ хуннской культуры в Бурятии (Базаров Б.А., Татьков И.Г., Базаров А.Д., 2015).

Методика ГРЛЗ определяется целями и задачами археологических исследований. Основными факторами, определяющими методику работ, яв-

ляются: физические свойства пород и грунтов (диэлектрическая проницаемость и удельное электрическое сопротивление), требуемая глубинность исследований, а также разрешающая способность по вертикали и горизонтали. Именно они регламентируют такие элементы методики работ как: частота зондирующего импульса; тип, геометрия и расположение антенн; количество накоплений; скорость съемки и режим движения; расстояние между профилями; способ вывода информации и т. п. В работе М.Л. Власова и М.С. Судаковой (Власов, Судакова, 2017)², сформулированы основные критерии и способы обоснования методики ГРЛЗ – чем выше частота зондирующих импульсов, тем ниже глубинность исследований, но выше разрешающая способность.

Для районов, где информации о геологическом строении ВЧР, характере помех и физических свойствах пород недостаточно, выбор методики работ целесообразно осуществлять на основе опытных работ. Для отработки оптимальной методики исследований в пределах Фофановского некрополя на эталонном участке № 1 (см. рис. 1) были проведены измерения с использованием экранированных антенн с центральными частотами 250, 700 и 1700 МГц. В качестве основной антенны была выбрана антенна АБ-700. Более высокочастотный блок АБ-1700 в данных условиях обладал недостаточной глубинностью. Работы с низкочастотным блоком АБ-250 из-за большой длины волны показали его низкую разрешающую способность.

Частота антенн определяет разрешающую способность и максимальную глубину, с которой можно получить полезную информацию. Кроме того, на глубинность исследований влияют развертка и значение диэлектрической проницаемости (ϵ) среды. При этом длительности записи колебаний электромагнитного поля и развертка лимитируют временной диапазон полезной записи и её разрешающую способность. Анализ результатов ГРЛЗ по эталонному участку позволил выбрать оптимальные параметры сканирования. Для антенны АБ-700 это 48 и 24 нс, соответственно. Подобные

² Власов М.Л., Судакова М.С. Георадиолокация. От физических основ до перспективных направлений : учеб. пособие. М. : Из-во ГЕОС, 2017. 240 с.

характеристики и параметры записи обеспечили глубинность исследований 2–2,5 м при разрешающей способности в пределах 5–8 см. Следует отметить, что в результате опытных работ на границе участков № 1 и № 5 было выявлено захоронение ребенка китойского времени (Дмитриев А.А., 2015).

Опираясь на опыт предшествующих исследований, при ожидаемой глубине захоронений до 2 м и средних размерах захоронений 1,0 x 1,5 м, ориентированных преимущественно на восток (Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008), наблюдения велись в движении по прямолинейным меридиональным профилям, расстояние между которыми не превышало 1,5 м. Такая сеть профилей со 100 % вероятностью обеспечивала выявление искоемых объектов. Разбивка профилей осуществлялась методом обратного вешения непосредственно в процессе наблюдений, а их синхронизация и привязка на местности – путем простановки меток на радарограммах через каждые 5–10 м движения. Это обеспечило на этапе предварительной обработки корректировку положения трасс и масштабирование линейных размеров профилей. Окончания профилей фиксировались колышками (рис. 2) с последующей их привязкой на местности с помощью GPS приемников Garmin.

При проведении работ на результаты оказывают влияние различные помехи, которые могут затруднить или привести к пропуску захоронения. Помехи на радарограммах в основном связаны с дифрагированными волнами, которые легко распознаются благодаря характерному виду – гиперболическостью осей синфазности. Их можно разделить на три типа: воздушные, наземные и подземные. Воздушные помехи в виде гиперболических осей синфазности возникают от стен строений, деревьев, столбов или ЛЭП. На радарограмме (рис. 3) приведены интенсивные интерферирующие дифрагированные волны, обусловленные небольшой рощей, находящейся в 10–12 метрах от профиля. Из-за своей интенсивности подобные помехи полностью затушевывают искомые объекты. Для их минимизации на этапе обработки необходимо проведение скоростной фильтрации или предсказательной деконволюции.

Первым условием определения природы помех является детальная документация поверхностных условий, анализ волновой картины на соседних профилях и определение скорости в покрывающей среде. Если скорость электромагнитной волны примерно равна 30 см/нс, а на расстоянии до 10–15 м от точки дифракции имеются наземные

Рис. 2. Раскоп со вскрытым костровищем и захоронением № 2
Fig. 2. Excavation site with an open fire-place and burial No. 2

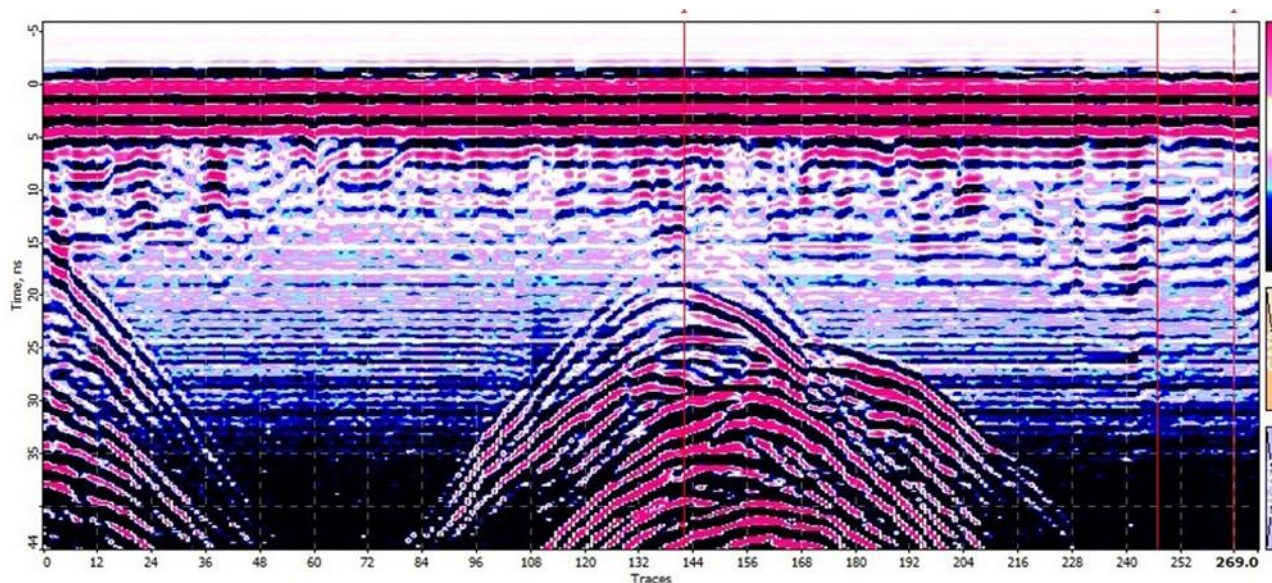

Рис. 3. Типичный вид воздушных помех на радарограмме
Fig. 3. Characteristic type of air interferences on a radargram

объекты – это однозначно воздушные помехи, которые необходимо отфильтровывать. Если скорость изменяется от 5 до 20 см/нс – это подземный объект, природа которого требует уточнения. Данные значения скоростей, характерны для рыхлых песчано-глинистых пород, при естественной влажности – т. е. выше уровня грунтовых вод (Зинченко, 2005)³.

К наземным помехам относятся искажения сигнала, обусловленные неровностями дневной поверхности вдоль профиля. Одним из основных факторов, влияющих на качество радарограмм, является стабильность линии наблюдения. Так, изменение угла наклона антенны на 3–5 градусов, при глубине залегания изучаемой границы 2 м, ведет к скачкообразному смещению точки отражения на 5–15 см в горизонтальной плоскости. Естественно, что в этом случае отражающая точка трансформируется в площадку с не предсказуемыми формой и параметрами. Отработка подобных интервалов профилей требует проведения детализационных работ и соответствующей их подготовки – пошаговом перемещении антенны и регистрации сигнала в режиме «старт / стоп».

Подземные помехи, в основном, являются отражениями от погребенных стволов деревьев и их

корневых систем; валунов и засыпанных подземных конструкций, которые могут быть приняты за захоронения. Данные дифрагированные волны с одной стороны являются помехами, а с другой – единственной информацией, позволяющей определить скорости электромагнитных волн в районе исследований и, как следствие, корректно преобразовывать временные разрезы в глубинные. Простейшим способом определить скорость в покрывающей среде ($V_{эф}$) до точки дифракции является практически забытый метод квадратичных координат (Справочник геофизика..., 1966)⁴. Он позволяет достаточно быстро путем простейших расчетов по форме годографов определить не только скорость, но и тип помехи. Для корректных расчетов необходимы: хотя бы одна (левая или правая) ветвь годографа, значение эхо-глубины (t_0) и точная пространственная привязка всех радаротрасс, участвующих в расчетах.

В настоящее время на рынке программных продуктов имеются такие Российские специализированные системы обработки и интерпретации данных ГРЛЗ как: GeoScan-32 (НПЦ «Геотех»), Призма-2.5 (фирма «Radar Systems Inc»), RadExPro (фирма «Деко-Геофизика») и др. Все системы (Вла-

³ Зинченко В.С. Петрофизические основы гидрогеологической и инженерно-геологической интерпретации геофизических данных : учеб. пособие. М., Тверь : Из-во АИС, 2005. 392 с.

⁴ Справочник геофизика / под ред. О.П. Грациановой. М. : Гостоптехиздат, 1966. Т. 4. Сейсморастведка. 749 с.

дов, Судакова, 2017)⁵ обеспечивают ввод, хранение и обработку информации в формате SEG-Y, что обеспечивает возможность их совместного использования и взаимной увязки на любых этапах исследований. Все системы в своем арсенале имеют опции интерпретации дифрагированных волн, которые основаны на сравнении теоретического годографа дифрагированной волны с реальным волновым полем. На рисунке 4 приведен пример анализа радарограммы и определения типа помех методом «Гиперболы» в рамках обрабатывающей системы Призма-2.5.

При обработке этим методом на экране возникает теоретическая гипербола от точечного объекта в однородной среде, которая сравнивается с реальным волновым полем. После совмещения теоретической (красная линия) с интерпретируемой гиперболой, путем изменения крутизны ветвей добиваются их максимального совпадения. При этом контролируется форма радаротрассы в точке анализа (окно слева), а справа выводится окно с параметрами среды и предполагаемой природой помехи. В данном случае система однозначно диагностировала помеху как воздушную (*air*).

Однако данный способ имеет ряд ограничений. При изучении разрезов в движении положение антенн в пространстве определяется стабиль-

ностью скорости движения оператора по профилю и количеством зондирующих импульсов, которое составляет 14 трасс в секунду. В связи с этим для точного определения местоположения возмущающего объекта целесообразно проведение детализационных работ путем поточечного перемещения антенн и регистрации радаротрасс в режиме «старт / стоп». Кроме точной привязки данный режим обеспечивает возможность накопления сигналов и как следствие – повышение глубинности и разрешающей способности метода, а также корректного применения современных систем обработки данных ГРЛЗ.

Детальная обработка материалов ГРЛЗ по Фофановскому некрополю включала в себя достаточно традиционные процедуры:

- ввод информации в ЭВМ;
- редакцию;
- корректировку положения трасс;
- масштабирование;
- ноль- фазовую деконволюцию;
- регулировку усиления;
- спектральный анализ;
- полосовую фильтрацию;
- скоростные анализы по дифрагированным волнам;
- веерную фильтрацию в диапазоне скоро-

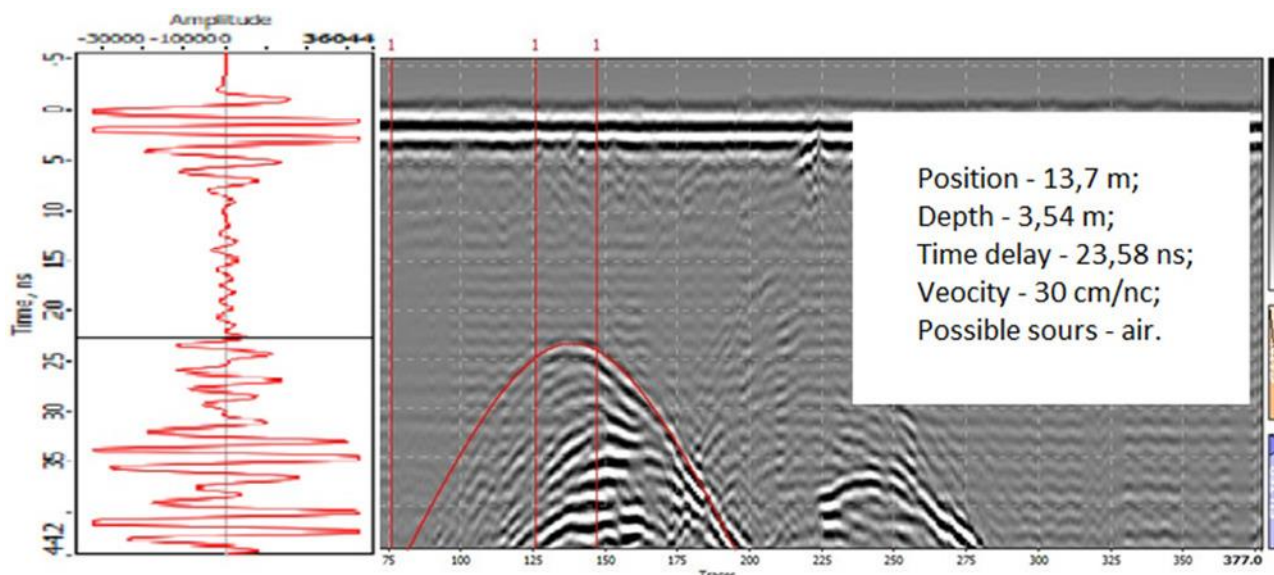

Рис. 4. Определение природы ГРЛЗ-аномалий методом гиперболы
Fig. 4. Determination of the nature of GPR - anomalies by the hyperbola method

⁵ Владов М.Л., Судакова М.С. Георадиолокация. От физических основ до перспективных направлений : учеб. пособие. М. : Из-во ГЕОС, 2017. 240 с.

стей от 20 до 35 см/нс;

- миграцию;
- трансформацию временных разрезов в глубинные;
- вывод на бумагу отчетных материалов.

Не останавливаясь на описании выше приведенных процедур, которые достаточно детально описаны в специальной литературе (Старовойтов, 2008)⁶, рассмотрим результаты обработки, по участку № 5 (см. рис. 1), в пределах которого по данным ГРЛЗ были намечены 3 площадки. Несмотря на небольшую глубину исследований, за счет интенсивного затухания сигнала в суглинках – захоронения на исходных радарограммах слабо контрастны. После проведения предварительной обработки удалось получить достаточно информативные временные и глубинные разрезы (рис. 5).

Однозначными индикаторами наличия подповерхностных возмущающих объектов являются нарушение корреляции – своеобразный провал осей синфазности ниже залегающих отражающих горизонтов и наличие, в виде гиперболических годографов, целого веера дифрагированных волн от верхней ($t_0 = 25$ нс) и нижней ($t_0 = 32$ нс) кромок захоронения (пк 3,2–4,8 м). Исходя из априорной информации о составе зондируемой среды, су-

глинки при влажности от 5 до 20 %, характеризуются пониженным (15–30 Ом × м) удельным электрическим сопротивлением и повышенной, от 4,8 до 20 ус. ед. диэлектрической проницаемостью. Соотношения между глубиной исследований и скоростными характеристиками разреза определяется выражениями (Финкельштейн, Кутев, Золотарев, 1986):

$$V = \frac{30}{\sqrt{\epsilon}} \text{ (нс)}; H = \frac{Vt_0}{2} \text{ (м)}.$$

Отсюда точность определения глубины залегания неоднородностей или масштаб глубинной шкалы определяется диэлектрической проницаемостью и точностью её вычисления. При регистрации данных ϵ принималась по умолчанию равной 10 ус. ед. На этапе обработки данный параметр уточнялся при помощи опции «Гипербола», которая автоматически изменяет после определения эpsilon масштабную линейку глубин (см. рис. 5). Реальные значения диэлектрической проницаемости для суглинков в районе Фофановского могильника определялась погодными условиями и колебалась в зависимости от влажности почвенно-растительного слоя в пределах 10–12 ус. ед. В пределах площадки № 3 разрез характеризовался скоростью распространения электромагнитных волн в пределах 8,6–9,5 см/нс и ори-

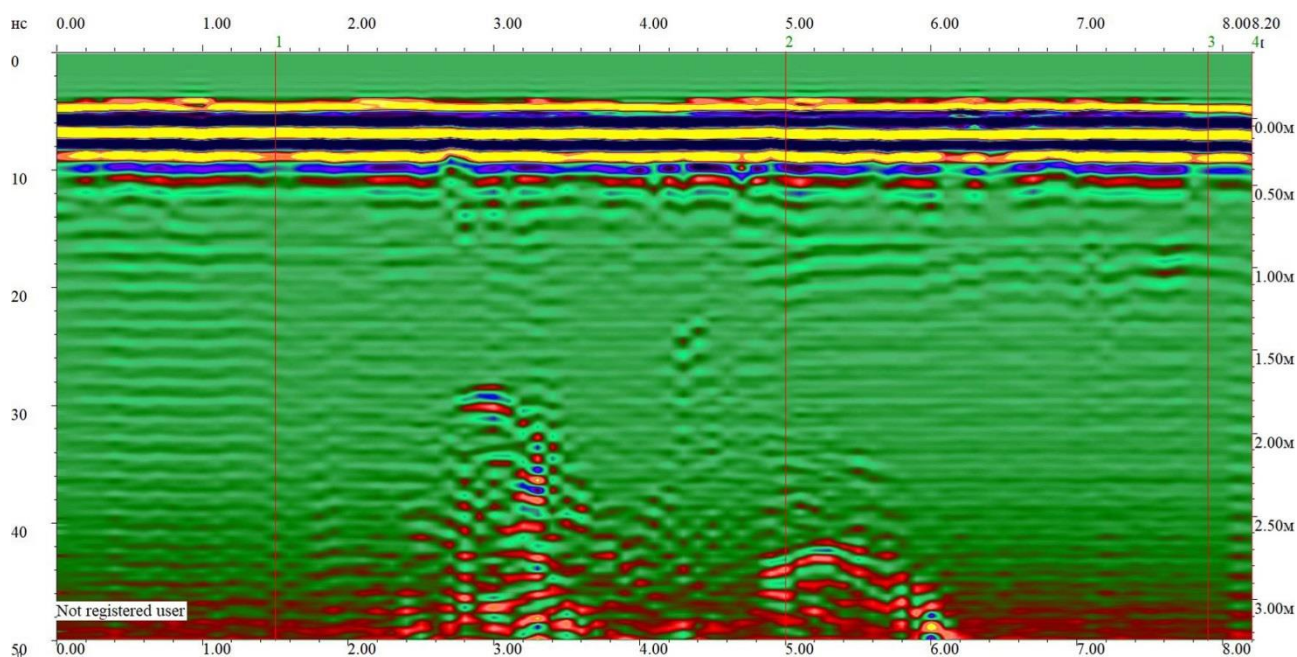

Рис. 5. Радарограмма в пределах захоронения № 3
Fig. 5. Radarogram within burial No. 3

⁶ Старовойтов А.В. Интерпретация георадиолокационных данных : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2008. 187 с.

ентировочной глубиной залегания возмущающего объекта 1,1 м. При проведении раскопок на площадках № 2 и № 3 на глубинах 0,7–0,9 м были обнаружены два погребения: № 2 – одиночное и № 3 – коллективное (рис. 6). По мнению Е.Д. Жамбалтаровой, все захоронения можно отнести к «Китойским», возраст которых оценивается в 6000 лет. Места захоронения характеризуются наличием уплотнений, вмещающих делювиальные суглинки средней влажности. Погребальный обряд китойцев Фофановского некрополя имеет следующие основные черты: отсутствие надмогильных каменных кладок; засыпку захоронений охрой; поло-

жение погребенных на боку или на спине, с подогнутыми ногами. Вотивный инвентарь представлен мелкими изделиями: кальцитовыми кольцами, кинжалами с вкладышами, скульптурой головы лося, расщепленными клыками кабана, резцами марала, тарбагана, изделиями из перламутра (Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008).

В целом ГРЛЗ за счет точечной локализации объектов исследований позволяют осуществлять целенаправленное планирование раскопок, существенно снизить объемы горных работ и повысить детальность изучения прилегающих территорий. Это обеспечивается повышением разрешающей спо-

Рис. 6. Одиночное № 2 (а) и коллективное № 3(б) Китойские захоронения
Fig. 6. Single No. 2 (a) and collective No 3 (b) Kitoi burials

Рис. 7. Артефакты, выявленные в пределах захоронений неясной природы
Fig. 7. Artifacts identified within the burial grounds of an unexplained nature

собности метода при увеличении частоты зондирующего импульса. Например, применение антенн с резонансными частотами в единицы ГГц, характеризующихся глубиной исследований первые десятки сантиметров, позволяет оперативно детализировать разрез и контролировать процесс раскопок как по дну выработок, так и по их стенкам. Иначе говоря, такая методика ГРЛЗ позволяет реализовывать один из основных принципов проведения исследований – «от общего к частному». Так, в процессе раскопок одного из захоронений после снятия дернового слоя в непосредственной близости от могил с помощью антенны 1700 МГц было выявлено костровище (см. рис. 2) и несколько артефактов, ненашедших своего отражения на радарограммах, полученных при площадных работах (рис. 7). Правда, генезис и назначение данных феноменов, до настоящего времени не встречавшихся в практике археологических исследований, требуют детального анализа специалистами-археологами, дальнейшего осмысления и расшифровки.

Список источников

Базаров Б.А., Татков И.Г., Базаров А.Д. Применение методов геофизической разведки в археологии: опыт опережающего изучения археологического памятника Хуннской культуры Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 47–57. EDN: VPUNUP.

Глазунов В.В., Гоц И.А., Кроль Б.И., Самбуев Б.С. Методика поиска склепов Херсонесского некрополя с помо-

Анализ результатов трехлетних работ свидетельствует о высокой эффективности ГРЛЗ при проведении археологических исследований. Из пяти перспективных аномальных участков, намеченных по данным зондирований, – два участка, характеризующиеся интенсивными воздушными помехами и развитием подповерхностных неоднородностей, оказались ложными. На трех – выявлены захоронения и интересные артефакты. Высокая производительность ГРЛЗ (скорость пешеходной съемки 3–4 км/час) обеспечивает экспрессность получения материалов и оперативное планирование производства раскопок, что существенно сокращает объем вскрышных работ. Следует отметить, что захоронения найдены в пределах участка № 5 или в непосредственной близости от него, который считался неперспективным, поскольку находился между площадями раскопок 2007–2008 гг., в пределах которых (см. рис. 1) не было выявлено ни одного захоронения.

References

Bazarov B.A., Tat'kov I.G., Bazarov A.D. (2015) Application of geophysical exploration methods in archaeology: experience of outstripping studies of Xiongnu archaeological monument in Transbaikalia. *Eurasia in the Kynozoy. Stratigraphy, palaeoecology, culture*. No. 4. P. 47-57. (In Russ.). EDN: VPUNUP.

Glazunov V.V., Gots I.A., Krol' B.I., Sambuev B.S. (1981) Method of finding the tombs of the Hersonissos necropolis

щью сейсморазведки // Региональная геология некоторых районов СССР. Вып. 5. М.: МГУ, 1981. С. 93–99.

Дмитриев А.А. Георадарное обследование площади, прилегающей к Спасской церкви в г. Иркутске // Geomodel 2007 - 9th EAGE science and applied research conference on oil and gas geological exploration and development, Sep 2007, cp-331-00020. Gelendzhik, European Association of Geoscientists & Engineers, 2007. DOI: 10.3997/2214-4609.201405417.

Дмитриев А.А. Применение георадиолокационных технологий при решении археологических задач // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 7. С. 12–18. EDN: UBLOGH.

Дмитриев А.Г. Геофизическое обеспечение археологического обследования территории бывшего лютеранского кладбища в г. Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 103–114. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-103-114. EDN: EOQKYK.

Дмитриев А.Г., Богданов А.В., Дмитриев А.А. Геофизические исследования при изучении мест захоронений жертв политических репрессий // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 94–111. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-3-94-111. EDN: QBLJKW.

Журбин И.В. Геофизика в археологии. Методы, технологии и результаты применения. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. 152 с.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2008. 247 с. EDN: QPJVRV.

Микляев А.М., Герасимова Н.Г. Опыт применения метода фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области // Советская археология. 1968. № 3. С. 251–255.

Нерадовский Л.Г. Методическое руководство по изучению многолетне-мерзлых пород методом динамической радиолокации. М.: Изд-во РАН, 2009. 337 с.

Скакун Н.Н., Тарасов В.А. Результаты применения магниторазведки и каппаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // Археологические вести. СПб.: Институт истории материальной культуры. 2000. Вып. 7. С. 60–69. EDN: TKICTV.

Слукин В.М. Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988. 218, [1] с.

Станюкович А.К. Археологическая геофизика в России // Геофизика. 1996. № 2. С. 57–64. EDN: TOEUOX.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1997. Вып. 1. С. 19–42.

Старовойтов А.В., Валиуллина К.З., Ошкин А.Н., Пятилова А.М. Строение осадочного чехла на пресноводных озерах полуострова Киндо вблизи Беломорской биологической станции МГУ по данным георадиолокации и буре-

with seismic exploration. *Regional geology of some regions of the USSR*. Iss. 5. Moscow: Moscow State University. P. 93-99. (In Russ.).

Dmitriev A.A. (2007) Radar survey of the site adjacent to the Spassky Church in Irkutsk. *Geomodel 2007 - 9th EAGE science and applied research conference on oil and gas geological exploration and development*, Sep 2007, cp-331-00020. Gelendzhik: European Association of Geoscientists & Engineers. (In Russ.). DOI: 10.3997/2214-4609.201405417.

Dmitriev A.A. (2015) Georadar technology application in solving archaeological problems. *News of the Irkutsk State Technical University*. No. 7. P. 12-18. (In Russ.). EDN: UBLOGH.

Dmitriev A.G. (2019) Geophysical support for archeological survey of the territory of former Lutheran cemetery in Irkutsk city. *Journal of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 3. P. 103–114. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-103-114. EDN: EOQKYK.

Dmitriev A.G., Bogdanov A.V., Dmitriev A.A. (2020) Geophysical research in the study of burial places of victims of political repression. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 94–111. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-3-94-111. EDN: QBLJKW.

Zurbin I.V. (2004) *Geophysics in Archaeology. Methods, technologies and results of application*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Republic of Russia. 152 p. (In Russ.).

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P. (2008) *Burial complexes of the Neolithic - early Bronze Age of Transbaikalia (formation of archetypes of primitive culture)*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography. 247 p. (In Russ.). EDN: QPJVRV.

Miklyaev A.M., Gerasimova N.G. (1968) Experience of the use of phosphate analysis method in the exploration of ancient settlements in the territory of the Pskov region. *Soviet Archaeology*. No. 3. P. 251-255. (In Russ.).

Neradovskii L.G. (2009) *Methodological guide for studying perennials-glacial rocks by dynamic radar*. Moscow: Russian Academy of Sciences. 337 p. (In Russ.).

Skakun N.N., Tarasov V.A. (2000) The results of magnetic prospecting and magnetic susceptibility measurements at the Bodaki site. *Archaeological Notes*. St. Petersburg: Institute of Material History. Iss. 7. P. 60-69. (In Russ.). EDN: TKICTV.

Slukin V.M. (1988) *Non-destructive methods of architectural monuments research*. Sverdlovsk: The Urals State University. 219 p. (In Russ.).

Stanyukovich A.K. (1996) Russian Archaeological Geophysics. *Geophysics*. No. 2. P. 57-64. (In Russ.). EDN: TOEUOX.

Stanyukovich A.K. (1997) Basic methods of field archaeological geophysics. *Natural-scientific methods in field archaeology*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Iss. 1. P. 19-42. (In Russ.).

Starovoitov A.V., Valiullina K.Z., Oshkin A.N., Pyatilova A.M. (2019) Sedimentary cover structure of fresh water lakes of Kindo Peninsula near the White Sea biological station of Moscow State University according to georadiolocation and

ния // Вестник Московского университета. Сер. 4. Геология. 2019. № 6. С. 87–98. EDN: VTLSGR.

Финкельштейн М.И., Кутев В.А., Золотарев В.П. Применение радиолокационного подповерхностного зондирования в инженерной геологии. М. : Недра, 1986. 126, [2] с.

Франтов Г.С., Пинкевич А.А. Геофизика в археологии. Л. : Недра, 1966. 212 с.

Garcia-Fernandez M., Alvarez-Lopez Y., Las Heras F. (2019) Autonomous Airborne 3D SAR Imaging System for Subsurface Sensing: UWB-GPR on Board a UAV for Landmine and IED Detection. *Remote Sensing*, 11(20), p. 235711. DOI: 10.3390/rs11202357.

Kozhevnikov, NO, Kharinsky, AV & Snopkov, SV (2019) Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). *Archaeological Prospection*, 26(2), p. 103-119. DOI: 10.1002/arp.1727.

McKerrell, H. and McCawley, J. C. (1971) "Soil phosphorus levels at archaeological sites". *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, vol. 104, no. 2, pp. 301–306. DOI: 10.9750/PSAS.104.301.306.

Информация об авторах

Дмитриев Александр Георгиевич,

доктор геолого-минералогических наук, профессор
департамента геофизики института «Сибирская школа
геонаук»,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: A.G.Dmitriev@geo.istu.edu,
<https://orcid.org/0000-0002-9178-1169>

Дмитриев Алексей Александрович,

старший преподаватель кафедры электроники и
телекоммуникационных систем,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: dmtaa77@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2024 г.; одобрена после рецензирования 29 октября 2024 г.; принята к публикации 11 ноября 2024 г.

drilling data. *The Bulletin of the Moscow University. Ser. 4. Geology*. No. 6. P. 87-98. (In Russ.). EDN: VTLSGR.

Finkel'shtein M.I., Kutev V.A., Zolotarev V.P. (1986) Application of subsurface radar sounding in engineering geology. Moscow: Nedra. 126, [2] p. (In Russ.).

Frantov G.S., Pinkevich A.A. (1966) Geophysics in Archaeology. Leningrad: Nedra. 212 p. (In Russ.).

Garcia-Fernandez M., Alvarez-Lopez Y., Las Heras F. (2019) Autonomous Airborne 3D SAR Imaging System for Subsurface Sensing: UWB-GPR on Board a UAV for Landmine and IED Detection. *Remote Sensing*, 11(20), p. 235711. DOI: 10.3390/rs11202357.

Kozhevnikov, NO, Kharinsky, AV & Snopkov, SV (2019) Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). *Archaeological Prospection*, 26(2), p. 103-119. DOI: 10.1002/arp.1727.

McKerrell, H. and McCawley, J. C. (1971) "Soil phosphorus levels at archaeological sites". *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, vol. 104, no. 2, pp. 301–306. DOI: 10.9750/PSAS.104.301.306.

Information about the authors

Alexander G. Dmitriev,

Dr. Sci. (Geological and Mineralogical), Professor of the
Department of Geophysics at the Siberian School of
Geosciences Institute,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: A.G.Dmitriev@geo.istu.edu,
<https://orcid.org/0000-0002-9178-1169>

Aleksei A. Dmitriev,

Senior lecturer, department of electronic and
telecommunication systems,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: dmtaa77@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 12, 2024; approved after reviewing October 29, 2024; accepted for publication November 11, 2024.

Научная статья

УДК 902:69.4(571.51)"18"

EDN: ZUWAME

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-34-45>

История коллекции древностей Нижнего Приангарья, собранная И.И. Августовским (по материалам Енисейского музея-заповедника)

К.В. Бирюлева^{1,2}, Д.М. Павлов²

¹ Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, Енисейск, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается история комплектования и передачи в музей, а также состав коллекции предметов древности ссыльного народовольца И.И. Августовского, проживавшего в конце XIX в. в д. Заледеево Кежемской волости Енисейского уезда. В период ссылки в долину р. Ангары Августовский собрал значительную коллекцию каменных орудий, железных и бронзовых изделий, антропологических и остеологических останков, а также предметов быта и шаманского культа тунгусов. Большая их часть достоверно была собрана в Нижнем Приангарье, преимущественно в устье р. Чадобец, где и жил ссыльный. После его смерти большая часть находок была передана в Енисейский общественный музей, а наиболее интересные в научном и художественном плане – в Исторический музей и Эрмитаж. Благодаря сохранившейся в архиве Енисейского музея-заповедника переписке заведующего Енисейским музеем А.И. Кытманова с местными и губернскими чиновниками удалось восстановить историю передачи находок. В 1899 г., после смерти ссыльного, Енисейское губернское управление поручило Кытманову провести оценку в имущественном и научном отношении всех предметов коллекции. Сведения о ней были переданы губернатором в Императорскую археологическую комиссию и Московское археологическое общество. Сохранившаяся опись предметов позволила представить общее количество и состав коллекции. Установлено, что большая часть археологических предметов составляли каменные изделия, в орудийном наборе преобладали наконечники стрел и рубящие орудия. Представительна коллекция железных и бронзовых предметов, включающая кельты, наконечники стрел, ножи и пр. В Императорскую археологическую комиссию в 1900 г. были переданы металлические изделия коллекции Августовского, в том числе кельты, чекан, ножи, украшения и предметы шаманского культа.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, частное коллекционирование, И.И. Августовский, А.И. Кытманов, Енисейский общественный музей, неолит, бронзовый век, ранний железный век, Средневековье, этнография, тунгусы

Благодарности. Авторы выражают признательность сотрудникам архива Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А.И. Кытманова и лично Н.В. Поздеевой за помощь в поиске информации о коллекции И.И. Августовского. В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта (Научно-методическая поддержка Института цифровых гуманитарных исследований и подготовка баз данных историко-культурного наследия для научной работы и публикации) при поддержке Программы развития ФГАОУ ВО «Сибирского федерального университета» на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Для цитирования: Бирюлева К.В., Павлов Д.М. История коллекции древностей Нижнего Приангарья, собранная И.И. Августовским (по материалам Енисейского музея-заповедника) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 34–45. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-34-45. EDN: ZUWAME.

Archaeology

Original article

History of the collection of antiquities of the Lower Angara region, collected by I.I. Avgustovsky (based on materials from the Yenisei Museum-Reserve)

Ksenia V. Biryuleva^{1,2}, Danil M. Pavlov²

¹ Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov, Yeniseysk, Russia

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

© Бирюлева К.В., Павлов Д.М., 2024

Abstract. The article examines the history of acquisition and transfer to museums, as well as the composition of the collection of ancient items of the exiled Narodnaya Volya member I.I. Avgustovsky. The collector lived at the end of the 19th century in the Zaledeevo village, Kezhemskaya volost, Yenisei district. During the period of exile on the Angara region Augustovsky accumulated a significant collection of stone tools, iron and bronze items, anthropological and osteological remains, as well as household items and shamanic cult of the Tungus. Most of the finds were collected in the Lower Angara region, mainly at the mouth of the Chadobets River, where the exile lived. After Augustovsky's death, the finds were transferred to the Yenisei Public Museum, and the most interesting items – to the Historical Museum and the Hermitage. Restoring the history of the collection became possible thanks to the correspondence of the head of the Yenisei Museum A.I. Kytmanov with local and provincial officials, which preserved in the archives of the Yenisei Museum-Reserve. In 1899, after the death of the Augustovsky, the provincial administration instructed Kytmanov to conduct a property and scientific assessment of all items in the collection. This information was transferred by the governor to the Imperial Archaeological Commission and the Moscow Archaeological Society. The surviving inventory of objects made it possible to present the total number and representativeness of finds. The majority of the archaeological items in the collection were stone products. Arrowheads and chopping tools dominated within the stone tools. The collection of iron and bronze items included celts, arrowheads, knives and other categories of finds. Metal items from Augustovsky's collection were transferred to the Imperial Archaeological Commission in 1900. Among them were celts, hammer-axe, knives, jewelry and objects of shamanic worship.

Keywords: Lower Angara region, private collecting, I.I. Avgustovsky, A.I. Kytmanov, Yenisei Public Museum, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, ethnography, Tungus

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the team of the Archive of the Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov and personally N.V. Pozdeeva for help in finding information about the collection of I.I. Avgustovsky. The article represents the results of the project (Scientific and methodological support of the Digital Humanities Research Institute and preparation of databases of historical and cultural heritage for research and publication) with the support of the Development Program of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Siberian Federal University" for 2021–2030 as a part of the implementation of the strategic academic leadership program "Priority 2030".

For citation: Biryuleva K.V., Pavlov D.M. (2024) History of the collection of antiquities of the Lower Angara region, collected by I.I. Avgustovsky (based on materials from the Yenisei Museum-Reserve). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 34-45. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-34-45. EDN: ZUWAME.

Введение

Интерес к археологии Нижнего Приангарья возник в среде местной интеллигенции еще в XIX в. Именно в это время на территории Средней Сибири появляются первые местные музеи, которые становятся центрами хранения и экспозиции археологических находок, купленных либо поступивших в дар от местных жителей. Предметы древности с территории Нижней Ангары и низовьев Енисея начинают активно стекаться в открытый в 1883 г. Енисейский общественный музей (Ромашков, 2022), не в последнюю очередь благодаря личной заинтересованности в пополнении фондов археологическими находками его первого заведующего А.И. Кытманова (Поздеева, 2023. С. 121–128). В это же время артефакты активно собираются и покупаются для частных коллекций (Вдовин, Кузьминых, 2011; Вдовин, Дэвлет, Кузьминых, 2015), для чего ведется активное разграбление древних могильников. Процесс этот не был столь массовым для таежных территорий, в сравнении с Минусинской котловиной и лесостепью, однако и здесь находились свои энтузиасты, со-

биравшие значительные коллекции предметов древности.

В рамках настоящего исследования делается попытка восстановить историю коллекции И.И. Августовского, ссыльного народовольца, проживавшего в последние годы в д. Заледеево Кежемской волости в устье р. Чадобец, и собравшего за свою жизнь значительную коллекцию предметов древности, которая после его смерти большей частью была передана в Енисейский общественный музей. Восстановление хронологии событий стало возможно благодаря сохранившейся в архиве Енисейского музея переписке А.И. Кытманова с местными и губернскими чиновниками¹. Здесь же был обнаружен составленный Александром Игнатьевичем перечень предметов коллекции, который позволяет представить ее численность.

¹ Архив Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А.И. Кытманова (далее – Архив ЕМЗ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

Ранее история коллекции И.И. Августовского не становилась темой отдельного исследования. Про ее существование упоминается в ряде публикаций, посвященных истории Енисейского музея (Енисейск в записках..., 2019. С. 278; Ромашков, 2022. С. 30). Информация об И.И. Августовском и составе его коллекции в документах Московского археологического общества приведена в статье А.С. Вдовина, М.А. Дэвлет и С.В. Кузьминых (Вдовин, Дэвлет, Кузьминых, 2015. С. 77). Вместе с тем анализ ранее не введенных в научный оборот документов позволяет по-новому взглянуть на историю коллекции.

И.И. Августовский и сбор коллекции

Информации о местах и характере пополнения коллекции до нас практически не сохранилось. Судя по всему, сбор находок проходил в 80–90-е гг. XIX в. в долине нижнего течения р. Ангара. Можно сделать такой вывод, исходя из сведений о самом И.И. Августовском, которые также отрывочны. Родился Иосиф Иосифович около 1846 г., был отставным коллежским секретарем². В полевом отчете А.И. Кытманова за 1898 г. упоминается, что Августовский «кажется, бывший фармацевт»³. В 1880 г. Иосиф Иосифович подвергся тюремному заключению «за сочувствие террористическим поступкам»². Упоминается он в списках участников народовольческого движения (Народовольцы, 1931. С. 289). За побег с места заключения и сопротивление в 1881 г. Августовский был выслан в г. Енисейск. Изначально он был сослан в д. Иркинеево, где проживал несколько лет, а позже переселен в д. Заледеево (в документах иногда – Зеледеево) Кежемской волости⁴.

² Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Том III: восьмидесятые годы. Выпуск I: А–В / составлен М.М. Клевенским, Е.Н. Кушевой, А.А. Шиловым. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва полит. каторжан и ссыльных поселенцев, 1933. XVII с. 690 стб. Стб. 8.

³ Черновик археологического отчета А.И. Кытманова в Императорскую археологическую комиссию за 1898 г. // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 34, 34 об.

⁴ Письмо от 10 января 1897 г. Заведующему Енисейским общественным музеем А.И. Кытманову от Заведующего XIX переписным участком Енисейского округа Орешникова // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 об.

В период ссылки Августовский начал сбор коллекции предметов истории и географии, собирал предметы древности и покупал экспонаты для своей коллекции у жителей окрестных деревень⁵. Места нахождения предметов древности Августовский тщательно скрывал, на что обращают внимание в документах А.И. Кытманов и местные чиновники, с которыми последний находился в переписке. На уговоры местной администрации передать в музей хотя бы дубликаты некоторых предметов из его коллекции Иосиф Иосифович не соглашался⁶. Не удалось убедить коллекционера и А.И. Кытманову, который виделся с ним лично в период своей археологической разведки в устье р. Чадобец в июле 1898 г. Александру Игнатьевичу получилось ознакомиться только с небольшой частью коллекции, так как остальное было сложено в ящики⁵.

Непростой характер И.И. Августовского отражался и на его взаимоотношениях с чиновниками и местными жителями. В письме А.И. Кытманову от заведующего XIX переписного участка Орешникова дается такая характеристика Августовского: «... он человек желчный, крайне подозрительный, обиженный на весь божий мир и, в заключение всего, страдает легким умопомешательством»⁷. Возможно, такая оценка была связана с недоверием коллекционера именно к представителям власти.

Увлеченность Иосифа Иосифовича коллекционированием предметов древности в какой-то период переросла в конфликт с местными крестьянами. В архиве Енисейского музея под старым инвентарным № 13852 хранится заметка из газеты Р. Ж. (видимо, Русская жизнь) за 1894 г, № 239. Здесь, в рубрике «Из жизни провинции», под названием «Суеверие в народе» приводится следующая история (указано, что изначально сюжет

⁵ Черновик археологического отчета А.И. Кытманова в Императорскую археологическую комиссию за 1898 г. // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 35.

⁶ Письмо от 10 января 1897 г. Заведующему Енисейским общественным музеем А.И. Кытманову от Заведующего XIX переписным участком Енисейского округа Орешникова // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 об, 2.

⁷ Письмо от 10 января 1897 г. Заведующему Енисейским общественным музеем А.И. Кытманову от Заведующего XIX переписным участком Енисейского округа Орешникова // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

был напечатан в газете «Енисейский листок»). «Верстах в 15 от деревни Яржиной, говорят местные жители, в горах, в пещере, хранится горшок, оставшийся еще от Чуди, которому предают символическое значение и, по преданию, он был поставлен туда для того, чтобы скот не валился. Про местонахождение этого талисмана знают местные крестьяне, но взять его оттуда боятся из страха падежа скота и потому еще, что, по преданию, когда один из жителей нашел его и понес к себе домой, то за ним погнался большой камень, почему тот, испугавшись, воротился обратно и поставил горшок на прежнее место. В последнее время этим талисманом интересовался один ссыльный А-ий и стал искать его, но, к несчастью его, в это время случился падеж скота, и крестьяне приписали это тому, что ссыльный дерзнул отыскать заветный горшок, почему шаманы и начали мстить крестьянам. Чтобы избежать этого, крестьяне призвали ссыльного А-го на сходку и настояли на том, чтобы он не смел искать горшок, грозя, в противном случае, сжечь его как колдуна, которым они, в действительности, его и признавали, так как А-ий разрывал могилы, собирал вещи, и поэтому крестьяне теперь его боятся, как зачумленного, и даже не принимают его в свои квартиры, боясь мести шаманов. В настоящее время мы слышали даже, что они назначили ему особую квартиру на счет общества»⁸. Несмотря на жанр и общий тон газетной заметки, некоторые факты, приведенные в ней, могут оказаться правдивы. Так, в археологическом отчете А.И. Кытманова упоминается о конфликте Августовского с местными крестьянами, отчего он и хранил предметы своей коллекции в ящиках, «ибо они (крестьяне – КБ, ДП), считая его ведающим шаманство, покушались даже уничтожить некоторые предметы его коллекции и отравили животных, прирученных им»⁹.

В архивном деле № 17 Енисейского музея-заповедника остались рабочие заметки, составленные И.И. Августовским, вероятно, подготов-

ленные для разговора с А.И. Кытмановым либо для письма ему. Они были переданы Александру Игнатьевичу после смерти коллекционера¹⁰. В записях, в числе прочего, есть информация о планах проведения археологических работ и составе коллекции (орфография и пунктуация оригинального документа по возможности были сохранены):

«Кытманову <...>

б) о раскопках вымерших первобытных людей. Нужны деньги 150 рублей. Много уже добыто личными средствами до 500 экз. орудий каменного века.

в) нужны средства в размере 1500 р. на пополнение каравана на выставку 1900 г. в Париж». <...>

д) коллекцию мою в количестве до 5 т. номеров можно подразделить приблизительно так: орудия каменного века 1577 экзempl.; осколков и грубой необдел. вполне формы до 2 т., но они не входят в число 5 т. экзemplаров; орудий бронзового века 483 экзemplара, орудий деревян. вышедш. из употребления 54 экзempl., орудий железных древних 215 экз.; фигуры религиозного культа тунгусов, (шаманить) 224 экз.; почти полный остов (костяк) мамонта и найден. при нем сделан. на скорую руку орудия из камня, скребки, ножи (посредств. отколов.), черепа носорогов, <...> быков и других животных 38 экз., скелет диких животных <...>. Все принадлежности тунгусского <...>, вся тунг. утварь, до 12 оленей в полной тунг. упряжке. Жив. ручн. лоси, медведи, лебеди, лисицы и др. жив.»¹¹. По приведенным цифрам можно сопоставить подсчеты И.И. Августовского с описью предметов, составленной А.И. Кытмановым. Указанная точность показывает, что Августовский подробно вел учет предметов своей коллекции, однако не все они сохранились после его смерти.

В приведенных данных практически нет информации, которая позволила бы понять точные места обнаружения предметов, характер их залегания и научный потенциал. Сам Августовский явно относился к предметам своей коллекции как к редким диковинкам, делая упор на их числен-

⁸ Вырезка из газеты Р. Ж., 1894 г., № 239, инв. № 13852 «Суеверие в народе» // Архив ЕМЗ. ОФ3491/2.

⁹ Черновик археологического отчета А.И. Кытманова в Императорскую археологическую комиссию за 1898 г. // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 35 об., 36.

¹⁰ Черновые заметки И.И. Августовского // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 13–15.

ность и разнообразие, но не упоминая про их возраст и особенности использования, т. е. не описывая их как часть прошлого Нижнего Приангарья. Единственная информация о раскопках древних могил, приведенная в газетной заметке, нигде более не упоминается, и может быть частью художественного образа, составленного журналистом. При занесении коллекции И.И. Августовского в книгу поступлений Енисейского общественного музея А.И. Кытманов упоминал несколько мест обнаружения предметов: «Заледеева, пески»; «Заледеева, Гладкая», «Заледеева, завалина дома», «Заледеева, из огорода дома», «Заледеева, в коноплянике», «Заледеева, на пашне», «Заледеева, поляна», «Заледеева, на ниве Павлова», «Потаскуй» (имеется в виду п. Орджоникидзе)¹². Все эти описания связаны с каменными и металлическими изделиями. Каким образом Августовский получал этнографические предметы – неизвестно. Видимо, основная часть коллекции была собрана им в устье р. Чадобец, а предметы из других мест он мог обменивать или купить.

Передача коллекции И.И. Августовского в Енисейский музей

В 1899 г. И.И. Августовский умирает (точная дата смерти нам неизвестна, но, вероятно, произошло это в начале года), и его имущество поступает в ведение Енисейского уездного исправника. О смерти ссыльного А.И. Кытманов узнает достаточно быстро, и в феврале пишет заявление на имя Енисейского губернатора с просьбой сообщить о судьбе коллекции¹³. Вероятно, столь быстрая реакция со стороны заведующего Енисейским музеем связана с личным знакомством Александра Игнатьевича с людьми, в ведении которых оказались предметы. В письме губернатора от 30 марта 1899 г. № 3623 указано, что предметы были переданы приставу Садовникову. В книге поступлений Енисейского музея упомянут даритель Л.А. Садовников, который передавал архео-

логические находки из окрестностей д. Соколово и с. Чадобского в 1898 и 1899 гг.¹⁴.

В ответ на обращение Александра Игнатьевича губернатор поручает ему определить «стоимость в научном отношении всех вещей, составляющих коллекцию»¹⁵, для чего передает опись (видимо, опись имущества, составленную приставом) и сами предметы. В этом же письме упоминается отсутствие в личных вещах покойного каких-либо заметок, касающихся собираемых предметов.

Работа по составлению описи коллекции Августовского заняла у А.И. Кытманова несколько месяцев. Уже 9 августа 1899 г. через уездного исправника она была передана в Енисейское губернское управление¹⁶. Вместе с описью, видимо, в Красноярск были отосланы и сами предметы, до решения их окончательной судьбы. Здесь, в письме Енисейского губернатора впервые упоминается общее число предметов в количестве 412 экз. – ошибка, которая будет потом повторяться и далее в письмах Енисейского губернаторства.

Параллельно Енисейское губернское управление в соответствии с установленным регламентом (Вдовин, 2001. С. 43) уведомляет о коллекции древностей Императорскую археологическую комиссию и Московское археологическое общество (Вдовин, Дэвлет, Кузьминых, 2015. С. 77). В ответ из Санкт-Петербурга приходит распоряжение (в письме от 22 апреля 1900 г. № 674) выслать «все медные предметы коллекции умершего Августовского и те из железных, которые найдены будут Вами (*обращение к А.И. Кытманову – КБ, ДП*) наиболее любопытными, а затем передать в Енисейский музей все прочие вещи этой коллекции»¹⁷. В соответствии с распоряжением Енисейский губернатор поручает Кытманову отметить

¹⁴ Инвентарная книга Енисейского общественного музея № 1 (1883–1899 гг.). // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 228, 231–233.

¹⁵ Письмо от 30 марта 1899 г. № 3623 распорядителю Енисейского общественного местного музея г. Кытманову от Енисейского губернатора // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 61 об.

¹⁶ Письмо от 12 ноября 1900 г. № 20312 заведующему Енисейским музеем г. Кытманову от инспектора тюремного отделения Губернского управления // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 79.

¹⁷ Там же.

¹² Инвентарная книга Енисейского общественного музея № 2 (1900–1934 гг.). // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–21.

¹³ Письмо от 30 марта 1899 г. № 3623 распорядителю Енисейского общественного местного музея г. Кытманову от Енисейского губернатора // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 61.

«красными чернилами» в описи те предметы, которые следует выслать в столицу, а также оценить стоимость в денежном эквиваленте всей коллекции. В архиве Енисейского музея сохранились опись и черновик ее, а также черновик ответного письма губернатору¹⁸, где отмечены 34 номера по описи, которые Александр Игнатьевич посчитал наиболее представительными. Вся коллекция была оценена в 70 руб., эта сумма была уплачена в ссыльно-поселенческий капитал¹⁹. Вероятно, оплата эта была связана с тем, что по закону имущество ссыльных, не оставивших после себя наследников в Сибири, должно было поступить в экономический поселенческий капитал, из которого проводились выплаты ссыльным, утратившим дееспособность (Саломон, 1900. С. 320).

Состав коллекции И.И. Августовского

О составе коллекции ссыльного Августовского известно благодаря составленной А.И. Кытмановым описи предметов. От пристава А.И. Кытманову предметы были переданы в следующем составе:

- Ящик № 35 – каменные орудия.
- Ящик № 36 – каменные орудия и пр. (образцы горных пород, остеологические и антропологические останки).
- Ящик № 38 – фрагменты керамики.
- Ящик № 39 – железные и бронзовые предметы.
- Ящик № 40 – образцы горной породы (А.И. Кытманов в заметках к описи отмечал, что коллекция эта, ввиду отсутствия привязок к местности, «не имеет почти никакого научного значения и ценности» (Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 95)).
- Ящик № 41 – этнографические предметы, остеологические и антропологические останки.

– Крупные этнографические предметы (одежда, луки, лыжи и пр.) были переданы отдельно.

Ранее в письме губернатора М.А. Плеца Московскому археологическому обществу упоминалось, что предметов в коллекции «400 слишком» (Вдовин, Дэвлет, Кузьминых, 2015. С. 77). При сверке описи, составленной А.И. Кытмановым, выяснилось, что в данном случае губернское управление перепутало количество предметов и пунктов описи. Опись состояла из 411 пунктов и включала 3184 предмета. Та же путаница относилась и к перечислению состава коллекции «219 предметов каменного века, 56 штук бронзовых и 101 железных орудий и 37 инородческих предметов» (Там же) – подсчет велся не по количеству предметов, а по количеству строк описи в каждой категории, при этом часть предметов (напр., палеофаунистические и антропологические останки) не учитывалась совсем.

Исходя из имеющегося описания, вся коллекция была поделена нами на несколько групп: 2540 – предметов археологии, 349 – предметов этнографии, 39 – костей животных (рогов, костей и зубов млекопитающих, зубов мамонта), 5 – антропологических останков (кости ног и череп тунгуса), 251 – образцов горной породы (не учитывая камни из ящика № 40, подсчет которых не велся)²⁰. Предметы из ящика № 39, учитывая краткость приведенного описания, были разделены нами между археологической и этнографической коллекциями условно, основываясь на знании предметов музея и находок региона.

В археологической коллекции числено преобладали каменные предметы (1756 ед.), она также содержала значительную выборку железных (123 ед.) и бронзовых (82 ед.) изделий, фрагментов керамики (577 фр.), а также два костяных предмета. Далее приведен перечень вещей в каждой категории, при описании использована оригинальная терминология А.И. Кытманова.

В коллекцию каменных орудий входили целые и обломанные предметы, среди которых – наконечники стрел (551 экз.), копий (15 экз.), долота (имеются в виду, вероятно, тесла) (111 экз.),

¹⁸ Черновик письма Енисейскому губернатору от заведующего Енисейским музеем А.И. Кытманова в ответ на письмо от 23 мая 1900 г. № 4385 // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 80.

¹⁹ Письмо от 12 ноября 1900 г. № 20312 заведующему Енисейским музеем г. Кытманову из тюремного отделения Губернского управления // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 83.

²⁰ Опись коллекции И.И. Августовского // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 84–95.

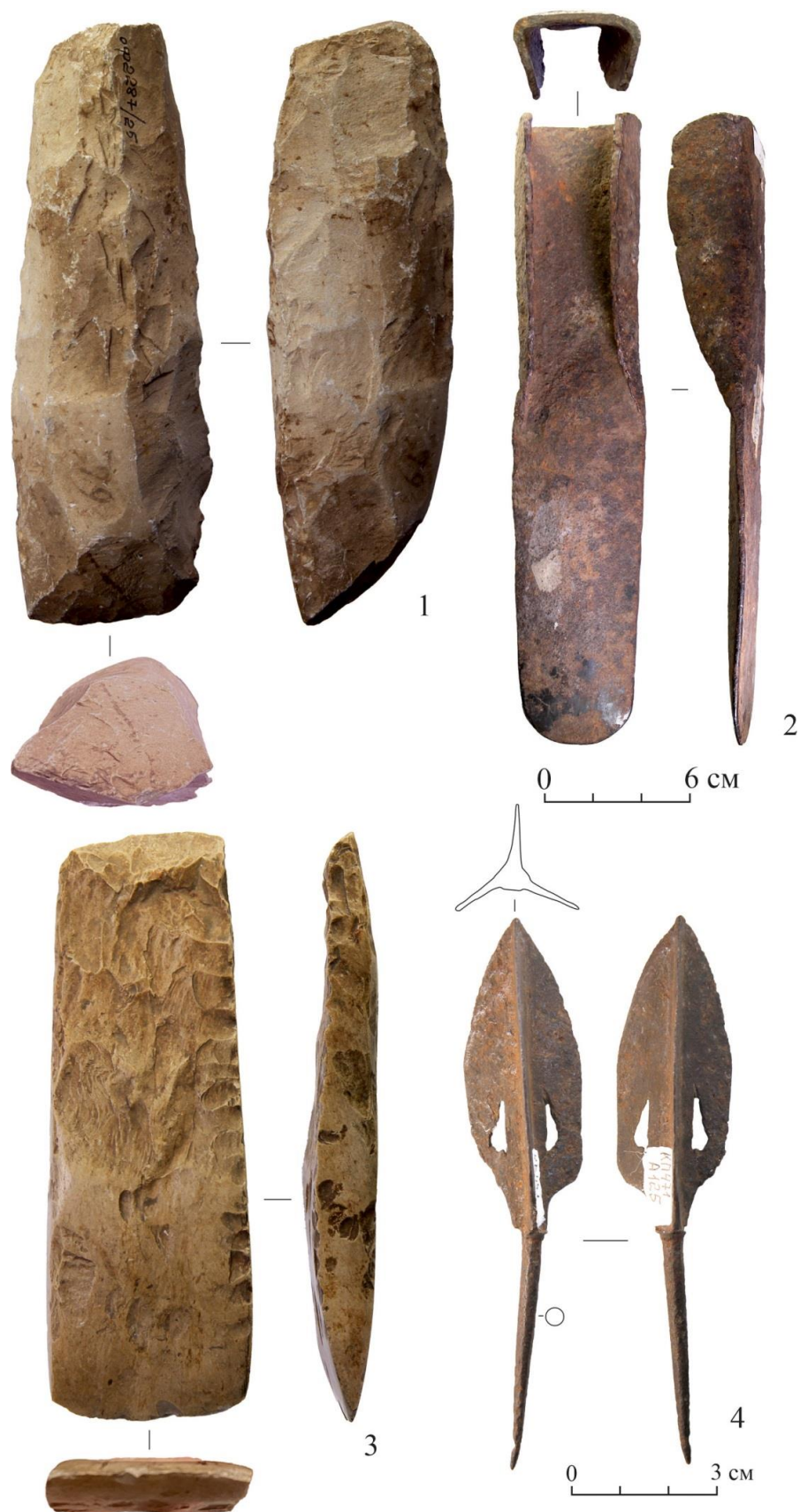

Рис. Археологические находки коллекции И.И. Августовского из фондов Енисейского музея-заповедника: 1 – каменное тесло; 2 – железное тесло; 3 – каменный топор; 4 – железный наконечник стрелы
Fig. Archaeological finds from the collection of I.I. Avgustovsky from the funds of the Yenisei Museum-Reserve: 1 - stone adze; 2 - iron adze; 3 - stone axe; 4 - iron arrowhead

топоры (9 экз.), била (не совсем понятно, что имелось в виду) (3 экз.), нуклеусы (81 экз.), скребки (48 экз.), а также 120 заготовок и 80 орудий без указания типологической принадлежности. Остальные каменные предметы – осколки (lames) и обломки, пластинки, а также обработанные сланцевые камни.

Коллекция железных предметов включала 31 нож, в том числе 12 ножей с петлей или кольцом; 37 наконечников стрел (включая треугольные, вилообразные, трехлопастные с отверстиями на лопастях, четырехугольные, ромбовидные, плоские заостренные, плоские с перехватом посередине, пятигранные с двумя отверстиями, с заплечиками); 2 заступа с раструбами (видимо, железных тесла); 2 удила, 2 наконечника копий, долото и инструмент наподобие стамески. Остальные предметы коллекции являлись фрагментами железных орудий и подробно не описывались.

К предметам из бронзы относились два кинжала, один топор и три топора-кельта, один топор с ушками; 57 украшений (бляшек, пуговиц, привесок, пряжек); две части сосуда или зеркала с китайскими иероглифами; 10 ножей, включая два с кольцами на рукояти; орудие в виде двустороннего топорика (вероятнее всего, чекан), молот с втулками, два небольших сосуда и браслет, а также одно бронзовое орудие без указания типологической принадлежности. Два костяных изделия – дугообразное орудие из кости с отверстиями на конусах и кость, оббитая наподобие долота – могут относиться и к предметам этнографии. Фрагменты керамики описаны не были.

А.И. Кытмановым для отправки в Санкт-Петербург были рекомендованы археологические и этнографические предметы – лыжи и рогатина, железная острога, каменное орудие в виде долотца, 12 железных ножей (в том числе 1 с петлей и 2 с кольцом на рукояти), 8 железных наконечника стрел, 6 заступов с раструбами (видимо, железных тесел), две рогатины с втулками, один наконечник копья, удила, серп и вилообразное орудие, 6 железных фигурок животных и человека, включая две составные (фигурка рыбы с двумя привешенными фигурками человека и фигурка рыбы с трубчатыми подвесками) – итого 40 предметов в 34 пунктах описи. Любопытно, что в числе предметов из этого списка нет ни одного бронзо-

вого изделия. Возможно, все бронзовые предметы по умолчанию предлагались для отправки в столицу, поэтому в перечне указаны не были.

О составе коллекции, переданной по итогу в Санкт-Петербург, мы знаем из отчета Императорской археологической комиссии за 1900 г. В числе предметов указан ряд медных (бронзовых вещей) – включая три кельта, чекан, два кинжала и 6 «кривых» ножей, острие и браслет. Также был передан ряд бляшек-подвесок, из которых одна – с изображением птицы²¹. Предметы были переданы в Эрмитаж и Исторический музей²². Среди них наибольший интерес представляет кельт сейминско-турбинского типа с ложными ушками, орнаментированный линиями-валиками²³. В научной литературе его местонахождение обозначено как Минусинская котловина (Археология СССР, 1987. С. 207. Рис. 48.23; Черных, Кузьминых, 1989. С. 156. Рис. 80.3). Можно предположить, что привязка к региону при приеме коллекции была обозначена условно, на основании предположения А.И. Кытманова о том, что бронзовые и железные орудия могли происходить из Минусинского округа²⁴. Александр Игнатьевич редко имел дело с археологическими предметами, выполненными из цветных сплавов, обнаруженными на Ангаре или в окрестностях Енисейска, вместе с тем бронзовые предметы из Ачинского и Минусинского округов поступали в Енисейский музей в первые годы его открытия, и были знакомы его заведующему²⁵. Однако следует учитывать, что никаких сведений о том, что Августовский покупал предметы с южных территорий, у нас нет, а сам он, очевидно, не мог выезжать за пределы места ссылки. Нельзя исключать и вариант того, что И.И. Августовский мог выменять интересные предметы, и они действительно поступили с южных регионов Енисейской губернии. Более детальное решение данного

²¹ Отчет Императорской археологической комиссии за 1900 г. СПб.: Типография Главного управления Уделов, 1902. 173 с. С. 122–123.

²² Там же. С. 142.

²³ Там же. С. 123. Рис. 275.

²⁴ Опись коллекции И.И. Августовского // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 95 об.

²⁵ Инвентарная книга Енисейского общественного музея № 1 (1883–1899 гг.). // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 18, 41.

вопроса возможно с привлечением архивов и коллекций столичных музеев.

Судьба коллекции И.И. Августовского

Частная коллекция древностей И.И. Августовского является тем редким примером, когда после смерти коллекционера предметы не пропали, а были переданы в музей, благодаря чему мы можем приблизительно представить, к каким эпохам и культурам вещи могли относиться. Вместе с тем за прошедшие сто с лишним лет те находки, которые остались в Енисейском музее, практически невозможно сопоставить со старыми инвентарными книгами. Только на каменных орудиях шифр наносился тушью по самому предмету. Бронзовые и железные находки, а также керамика, маркировались при помощи бирок, которые за это время отклеились и потерялись. Многие предметы (в первую очередь, бронзовые) были утеряны.

В итоге, уверенно отнести к предметам коллекции можно только два каменных тесла из окрестностей Заледеево, на которых сохранились старые инвентарные номера. Оба предмета прямоугольной формы. Одно высокое, треугольное в сечении, со скошенным обушком²⁶, второе – линзовидное в сечении, с прямым подшлифованным лезвием и приостренным обушком²⁷. Оба предмета ориентировочно можно отнести к позднему неолиту по аналогии с закрытыми и стратифицированными комплексами региона (Окладников, 1950. С. 201–203; Герман, Леонтьев, 2012. С. 79; Бердникова, Роговской и др., 2014. С. 173. Рис. 8; Гурулёв, 2018. С. 217, др.). Культурный слой эпохи неолита в этой местности хорошо известен исследователям Нижнего Приангарья по материалам поселения Чадобец в устье одноименной реки (Рюмин, 1951; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 121–133; Гурулёв, Битяев, Гордиевский, 2024. С. 139–141, др.).

²⁶ Каменное тесло. ЕКМ КП 2287/25 А133 // Госкаталог.рф [Официальный сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=44048786>, № в ГК 43807000, (дата обращения – 05.07.2024 г.).

²⁷ Каменное тесло. ЕКМ КП 2287/24 А133 // Госкаталог.рф [Официальный сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=44048775>, № в ГК 43807004, (дата обращения – 05.07.2024 г.).

Несколько предметов из фондов Енисейского музея-заповедника можно отнести к коллекции И.И. Августовского с определенной уверенностью на основании описания, приведенного А.И. Кытмановым. Так, под № 265 в описи значатся два трехлопастных наконечника стрел, на лопастях которых имеются отверстия²⁸. В фондах музея есть один железный предмет, подходящий под описание²⁹, относящийся к середине – второй пол. I тыс. н. э. (Сенотрусова, Бирюлева, 2024). Также к коллекции, вероятнее всего, относится одно железное тесло с несомкнутой втулкой. Оно описано в описи под № 286 как «заступ с растробом для рукоятки 26 см длиной и 5 см ширины»³⁰. Только одно тесло в фондах музея имеет такие пропорции³¹. Втулка предмета не сомкнута. Изделие относится к лесосибирской археологической культуре XI–XIV вв. (Деревянко, Цыбанков и др., 2015. С. 293, 421; Мандрыка, Сенотрусова, 2022. С. 196–197, др.). Предположительно, к коллекции принадлежат и этнографические предметы тунгусов, хранящиеся в фонде археологии, – наконечники стрел, латунные и бронзовые бляхи и др. Остальные же предметы коллекции И.И. Августовского практически невозможно по имеющимся данным вычленивать из общего массива находок, поступавших в Енисейский общественный музей в конце XIX в. с низовьев Ангары.

Заключение

В конце XIX в. находки из коллекции И.И. Августовского составляли значительную часть всего археологического собрания Енисейского общественного музея. Предметы ее относились к временному промежутку от неолита до Нового времени.

²⁸ Опись коллекции И.И. Августовского // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.

²⁹ Наконечник стрелы. ЕКМ КП471 А125 // Госкаталог.рф [Официальный сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=44011534>, № в ГК 43769874, (дата обращения – 05.07.2024 г.).

³⁰ Опись коллекции И.И. Августовского // Архив ЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 103 об.

³¹ Железное тесло. ЕКМ КП4627 А247 // Госкаталог. РФ [Официальный сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=44050016>, № в ГК 43808289, (дата обращения – 05.07.2024 г.).

Конечно, собственная научная ценность предметов в отсутствии достаточного контекста их обнаружения сильно снижена, как и для всех находок, полученных в результате незаконных раскопок, однако они имеют высокую презентативную значимость, позволяя представить в музейном пространстве материальную культуру народов региона в различные периоды прошлого.

Список источников

Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / отв. ред. О.Н. Бандер и др. М. : Наука, 1987. 471 с.

Бердникова Н.Е., Роговской Е.О., Бердников И.М., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Дударёк С.П. и др. Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 150–191. EDN: SNUMWJ.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск : Наука, 1988. 224 с.

Вдовин А.С. Сибирская администрация и археология (Енисейская губерния, конец XIX – начало XX в.) // Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. тр. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет, 2001. Вып. 2. С. 42–44. EDN: WIJTWJ.

Вдовин А.С., Дэвлет М.А., Кузьминых С.В. Коллекционирование древностей Енисея как социально-культурный феномен // Очерки истории отечественной археологии : сб. статей. М. : Институт археологии Российской академии наук, 2015. Вып. IV. С. 64–96. EDN: WGVILL.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность : сб. науч. ст., посвящ. 50-летию канд. ист. наук В.В. Буланкова. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2011. Вып. 1. С. 108–113. EDN: UIGACX.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (Результаты исследований 2010 г.) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры, 2012. Вып. 1. С. 78–85. EDN: SBGXRJ.

Гурулёв Д.А. Клады в культурах мезолита – бронзового века Нижнего Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018. Вып. 7. С. 215–221. EDN: VDKSCZ.

Гурулёв Д.А., Битяев В.В., Гордиевский С.П. Археологические памятники Нижнего Приангарья: результаты разведочных работ 2022 г. // Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. тр. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2024. С. 135–159. EDN: APPQUK.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д. и др. Богу-

В рамках данного исследования история коллекции рассмотрена только по материалам одного музея. Дальнейшая работа с архивными данными и музейными коллекциями сможет дать больше данных о составе и истории коллекции И.И. Августовского.

References

Bander O.N. et al. (1987) Archaeology of the USSR. Moscow: Nauka. 471 p. (In Russ.).

Berdnikova N.E., Rogovskoi E.O., Berdnikov I.M. et al. (2014) Generalov Site (Tchouna River). Results of rescue excavations in 2013. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Geoarchaeology, ethnology, anthropology*. Vol. 7. P. 150–191. (In Russ.). EDN: SNUMWJ.

Vasil'evskii R.S., Burilov V.V., Drozdov N.I. (1988) Archaeological sites of the Northern Angara region. Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Vdovin A.S. (2001) Siberian administration and archaeology (Yenisei province, late XIX - early XX century). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri = Ancients of Yenisei Siberia*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. Iss. 2. P. 42–44. (In Russ.). EDN: WIJTWJ.

Vdovin A.S., Devlet M.A., Kuz'minykh S.V. (2015) Collecting Yenisei antiquities as a sociocultural phenomenon. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii = Essays on the History of Russian Archaeology*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Iss. 4. P. 64–96 (In Russ.). EDN: WGVILL.

Vdovin A.S., Kuz'minykh S.V. (2011) Private archaeological collections from the Yenisei district. *Eniseiskii Sever: istoriya i sovremennost'. Sb. nauch. st., posvyashch. 50-letiyu kand. ist. nauk Bulankova V.V. = Yenisei North: History and Modernity. Collection of Scientific Articles Dedicated to the 50th Anniversary of the Candidate of Historical Sciences Bulankov V.V.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. Iss. 1. P. 108–113. (In Russ.). EDN: UIGACX.

German P.V., Leont'ev S.N. (2012) Neolithic sanctuary on Sergushkin Island in Northern Angara region (results of the studies in 2010). *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures*. Iss. 1. P. 78–85. (In Russ.). EDN: SBGXRJ.

Gurulev D.A. (2018) Hoards in the Mesolithic – Bronze Age cultures of the Lower Angara region. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures*. Iss. 7. P. 215–221. (In Russ.). EDN: VDKSCZ.

Gurulev D.A., Bityaev V.V., Gordievskii S.P. (2024) Archaeological sites of the Lower Angara region: results of the survey works in 2022. *Ancients of Yenisei Siberia*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 135–159. (In Russ.). EDN: APPQUK.

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V. Zol'nikov I.D. et al. (2015) Boguchany

чанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. Труды Богучанской археологической экспедиции. 564 с. EDN: UNZNJT.

Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг. / ред.-сост. М.А. Лаптева и др. Красноярск : Поликор, 2019. 511 с.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера IV на Ангаре. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 3. Тр. Богучанской археологической экспедиции. 364 с.

Народовольцы. Сб. 3 / сост. участниками народо-вольческого движения; под ред. А.В. Якимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко и др. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 327 с. (Труды кружка народовольцев при Обществе Политкаторжан и ссыльно-поселенцев).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1950. № 18. Ч. I, II. 412 с.

Поздеева Н.В. Александр Игнатьевич Кытманов. Человек, полезный для общества. Красноярск : Офсет, 2023. 208 с.

Ромашков Ю.В. В преломлении эпох (1883–2018). Красноярск : Тип. КАСС, 2022. 132 с.

Рюмин А.К. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре // Советская археология. 1951. Т. XV. С. 273–280.

Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения Для... Комис. о мероприятиях по отмене ссылки. СПб. : Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1900. [2], XII. 342. 53 с.

Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В. Железные наконечники стрел из фондов Енисейского музея-заповедника им. А.И. Кытманова // Военное дело и фортификация Древней Руси : сб. материалов конференции, 23–25 мая 2024 г., Санкт-Петербург. СПб., 2024 (в печати).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с. EDN: RURWHV.

Информация об авторах

Бирюлева Ксения Викторовна,
научный сотрудник-археолог,
Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник
им. А.И. Кытманова,
663180, г. Енисейск, ул. Ленина, 106, Россия;
старший научный сотрудник Лаборатории археологии
Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, Россия,
e-mail: KBiryuleva@sfu-kras.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

Archaeological Expedition: essay on field research (2007–2012). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. Vol. 1. 564 p. (In Russ.). EDN: UNZNJT.

Lapteva M.A. et al. (2019) Yeniseisk in the notes of Mikhail Prokopyevich Mindarovsky. 1891–1935. Krasnoyarsk: Polikor. 511 p. (In Russ.).

Mandryka P.V., Senotrusova P.O. (2022) Medieval burial ground of Prospikhinskaya Shivera IV on the Angara. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. Vol. 3. 364 p. (In Russ.).

Yakimova-Dikovskaya A.V. et al. (1931) The Narodnaya Volya members. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Iss. 3. 327 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region. Part I and II. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Materials and Research on Archaeology of the USSR*. Moscow: Academy of Science of USSR. No. 18. Pt. 1, 2. 412 p. (In Russ.).

Pozdeeva N.V. (2023) Alexander Ignatyevich Kytmanov. A person useful to society. Krasnoyarsk: Ofset. 208 p. (In Russ.).

Romashkov Yu.V. (2022) In the refraction of epochs (1883–2018). Krasnoyarsk: KASS Printing house. 132 p. (In Russ.).

Ryumin A.K. (1951) New data on the Chadobets Neolithic site on the Angara River. *Soviet Archaeology*. Vol. XV. P. 273–280. (In Russ.).

Salomon A.P. (1900) Exile to Siberia: an essay on its history and current situation. For the commission ... about the exile cancellation measures. St. Petersburg: Printing House of the St. Petersburg Prison. [2], XII, 342, 53 p. (In Russ.).

Senotrusova P.O., Biryuleva K.V. (2024) Iron arrowheads from the collections of the Yenisei Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov. *Voennoe delo i fortifikatsiya Drevnei Rusi = Military Affairs and Fortification of Ancient Rus'*. St. Petersburg (in press). (In Russ.).

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V. (1989) Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seimin-Turbino phenomenon). Moscow: Nauka. 320 p. (In Russ.). EDN: RURWHV.

Information about the authors

Ksenia V. Biryuleva,
Researcher-Archaeologist,
Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named
after A.I. Kytmanov,
106, Lenin St., Yeniseisk 663180, Russia;
Senior Researcher at the Laboratory of Archeology of Yenisei
Siberia,
Siberian Federal University,
79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk 660041, Russia,
e-mail: KBiryuleva@sfu-kras.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

Павлов Данил Максимович,

Бакалавр 2 года обучения, Гуманитарный институт,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, Россия,
e-mail: DPavlov-II23@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-2626-8350>

Danil M. Pavlov,

2 years bachelor, School for the Humanities,
Siberian Federal University
79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk 660041, Russia,
e-mail: DPavlov-II23@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-2626-8350>

Вклад авторов

Бирюлева К.В. – работа с архивными материалами, публикациями, написание текста рукописи.

Павлов Д.М. – анализ описи коллекции И.И. Августовского, работа с архивными материалами, оформление рукописи к печати.

Contribution of the authors

Biryuleva K.V. - working with archival materials, publications, writing the text.

Pavlov D.M. - analysis of the inventory of I.I. Avgustovskiy's collection, working with archival materials, preparation of the text for publication.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 июля 2024 г.; одобрена после рецензирования 19 сентября 2024 г.; принята к публикации 30 сентября 2024 г.

Article info

The article was submitted July 13, 2024; approved after reviewing September 19, 2024; accepted for publication September 30, 2024.

Научная статья
УДК 902/904:069/5(57)
EDN: WKCWAO
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-46-57>

Сведения о памятниках курумчинской культуры из личного фонда П.П. Хороших в архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

А.И. Буреаев, Я.В. Дикий, Б.Л. Бальжанов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот материалы из личного архива П.П. Хороших (Ф. 20), хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В фонде представлено 10 дел (147, 150, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 344, 585), связанных с изучением курумчинской культуры. П.П. Хороших даёт авторскую классификацию памятников курыканской культуры. При подготовке настоящей статьи авторы опирались на систематику П.П. Хороших. Так, по архивным материалам были описаны городища с каменными стенами: район Малого моря, в бухте Крестовой, Узур, Лударь, на горе Даин-Хошун. Стоянки – места поселений на террасах: в долинах р. Ангара, Куды, Лены, Унги, у горы Улан-Бор, в устье р. Селенги и Баргузина, на Ушканьих островах, Тетериха. Могильники: на о. Ольхон, Абазаев утук, на берегу Куркутского залива, Елгай, у озера Нур, Кулара, ул. Сарма, Омудевая Падь, Большая Зама, ул. Зама, вблизи ул. Жаловский, ул. Онгурены, у озера Холбой-Нур, Хага-Аман, ул. Жида. Находки в пещерах: на горе Скрипер, в пади Кадильная, в долине р. Куртун, в бухте Итырхей, на Большом Ушканьем острове, Лударская и Байдинские пещеры. Наскальные рисунки: на горах Орсо, Сахюртэ, на скалах в бухтах Шибэтэ, Итырхей, Ая, в долинах рек Ангара, Куды, Унга, Оса, Обуса, Лена, в местности «Шишкинская шаманка», около деревни Картухай, горах Манхай, Батор, Улан-Хада, Малан-Хада, Булук. Следы древнего земледелия: у сел Еланцы, Бартурка, Харазаргай, Тырган, Тогот, Кулара, в Кудинской и Аларской степях, в долинах рек Кударейка, Анга, Бугульдейка, Куртун и Сарма, Тарской и Тункинской котловинах. Древнетюркские рунообразные памятники: на скалах бухты Крестовой, Петрово.

Ключевые слова: П.П. Хороших, архив, фонды, курыкане, курумчинская культура, Улан-Хада, Абазаев утук, «шатровые могилы», «хара-монголы», классификация памятников

Благодарности. Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») №121031000241-1.

Для цитирования: Буреаев А.И., Дикий Я.В., Бальжанов Б.Л. Сведения о памятниках курумчинской культуры из личного фонда П.П. Хороших в архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 46–57. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-46-57. EDN: WKCWAO.

Archaeology

Original article

Information about the sites of Kurumchi culture from the personal collection of P.P. Khoroshikh in the archives collections of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Aleksey I. Buraev, Yaroslav V. Dikiy, Bator L. Balzhanov

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

© Буреаев А.И., Дикий Я.В., Бальжанов Б.Л., 2024

Abstract. The article introduces materials from the personal archive of P.P. Khoroshikh (F. 20), stored at the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. The fund has 10 cases (147, 150, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 344, 585), related to the study of Kurumchi culture. In this article, the authors have tried to rely on the taxonomy of P.P. Khoroshikh. So, according to archival materials, settlements with stone walls were described: the area of the Small Sea, in Krestovaya Bay, Uzur, Ludar, on Dain-Hoshun Mountain. Sites are the places of settlements on terraces: in the valleys of the Angara, Kuda, Lena, Unga rivers, near Ulan-Bor Mountain, at the mouth of the Selenga and Barguzin rivers, on the Ushkany Islands, Teterikha. Burial grounds were found on Olkhon Island, Abazaev Utug, on the shore of the Kurkut Bay, Elgai, near Lake Nur, Kulara, Sarma Street, Omulevaya Pad, Bolshaya Zama, Zama Street, near Zhalovsky Street, Onguren Street, near Holboy-Nur Lake, Haga-Aman, Zhida Street. Finds in caves were found on Skriper Mountain, in Kadilnaya Pad, in the valley of the Kurtun River, in Ityrhei Bay, on Bolshoy Ushkany Island, Ludarskaya and Baidinsky caves. Rock paintings: on the mountains of Orso, Sakhyurt, on the rocks in the bays of Shibete, Ityrhei, Aya, Angara, Kuda, Unga, Osa, Obusa, Lena basins, in the area "Shishkin shamanka", near the village of Kartukhai, Mankhai mountains, Batog, Ulan-Khada, Malan-Khada, Buluk. Traces of ancient agriculture: near the villages of Elansi, Barturka, Kharazargai, Targan, Togot, Kulara, in the Kudinsk and Alar steppes, in the valleys of the Kudareika, Anga, Buguldeika, Kurtun and Sarma rivers, Tarskaya and Tunka basins. Ancient Turkic rune-like monuments: on the rocks of Krestovaya Bay, Petrovo.

Keywords: P.P. Khoroshikh, archive, funds, Kurykan, Kurumchi culture, Ulan-Khada, Abazaev Utug, "tent graves", "Khara Mongols", classification of sites

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the state assignment (project "Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States") No. 121031000241-1.

For citation: Buraev A.I., Dikiy Ya.V., Balzhanov B.L. (2024) Information about the sites of Kurumchi culture from the personal collection of P.P. Khoroshikh in the archives collections of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 46-57. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-46-57. EDN: WKCWAO.

Одной из интереснейших проблем средневековой истории Байкальской Сибири, безусловно, является проблема генезиса курумчинской культуры и исторических судеб племенного объединения курыкан. Именно этим объясняется непреходящий интерес историков, археологов и этнографов к обозначенной тематике.

Приоритет в выделении культуры «курумчинских кузнецов» принадлежит Б.Э. Петри (Петри, 1922. С. 25). Значительную роль в изучении курумчинской культуры сыграл А.П. Окладников (Окладников, 1957)¹. Необходимо особо отметить вклад Алексея Павловича в изучении курумчинских писаниц. Учёный связал их с широким пластом тюркских изображений на значительной части территории евразийских степей (Окладников, 1959). Именно Окладников соотнёс поселения, городища, «шатровые могилы», оросительные каналы и пашни с курыканами, определив хронологические рамки культуры VI–X вв. (Окладников, 1948; Окладников, 1955).

Свой вклад в изучение «погребальных памятников» курыкан внесли М.П. Грязнов, В.С. Сорокин, С.С. Черников (Грязнов, Комарова и др., 1959)², А.М. Мандельштам (Мандельштам, 1974).

Занимаясь исследованием археологических памятников средневековья, В.В. Свинин изучил значительное количество шатровых могил курумчинцев (Свинин, 1971; Свинин, Зайцев, 1982). И.В. Асеевым также были проведены раскопки шатровых могил (Асеев, 1980). Нельзя не упомянуть М.А. Зайцева, который предложил определение понятия «шатровые могилы» (Зайцев, 1989)³. В настоящее время все исследователи согласны с тем, что это ритуальные (поминальные) сооружения. Начало этому было положено В.В. Свиным и М.А. Зайцевым, поддержано Б.Б. Дашибаловым и

¹ Окладников А.П. Сводный отчёт о работе Ангарской археологической экспедиции в 1957 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 1649.

² Грязнов М.П., Комарова М.Н., Хлобыстин Л.П., Горбунова Т.А., Сорокин В.С., Кушнарёва К.Х., Хлопин И.Н., Зяблин Л.П., Черников С.С., Мандельштам А.М. 1) Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 г. 2) Отчет об археологических работах Иркутской археологической экспедиции 1959 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2023. 244 л.

³ Зайцев М.А. Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье (оз. Байкал): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Кемерово, 1989. 16 с.

А.В. Харинским. Большую работу по изучению курумчинских городищ и погребений провёл А.В. Харинский (Харинский, 1992; Харинский, 1994⁴; Харинский, 2001а; Харинский, 2001b; Харинский, 2002а; Харинский, 2002b; Харинский, 2007; Харинский, 2009; Харинский, 2010; Харинский, 2013). Исследователь внёс существенный вклад в определение времени существования «шатровых могил» на основе радиоуглеродного метода датирования (Харинский, Авраменко, Бородина, 2010). Характеризуя современный уровень исследования курумчинской культуры, следует упомянуть, что А.В. Харинский предложил отказаться от понятия «курумчинская культура» в связи с отсутствием возможности сопоставить с ним какой-либо конкретный комплекс артефактов. По мнению исследователя, понятие «курумчинский» можно использовать для обозначения культурно-хронологического этапа в истории Ангара-Ленской области, датировав его VIII–XII вв. Культуроопределяющими признаками этого этапа служат захоронения долоновского типа и уту-елгинская керамика (Харинский, 2001b. С. 57–58).

Существенный вклад в изучение курумчинской культуры внёс Б.Б. Дашибалов (Дашибалов, 1994; Дашибалов, 1995; Дашибалов, 2000; Дашибалов, 2003; Дашибалов, 2005; Дашибалов, 2011). Учёный исследовал курумчинские памятники разного типа, по обеим сторонам Байкала, уточнил многие данные, ввёл свою концепцию об этнической идентификации курыкан, предложил свою датировку данной культуры, при этом выделяя четыре этапа: первый – VI–VII вв.; второй – VIII–X вв.; третий – XI–XII вв.; четвёртый – XIII–XIV вв. (Дашибалов, 1995. С. 175–176).

Таким образом, исследование курумчинской культуры имеет достаточно долгую и насыщенную историю. Однако нельзя забывать о первопроходах археологического изучения курумчинской культуры. Одним из первых исследователей культуры является П.П. Хороших. В архиве центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН имеется большое количество дел из его личного фонда, многие из которых связаны с его исследо-

ванием в области культуры курыкан. Сразу отметим, что при цитировании, орфография и стиль автора сохранены.

По мнению Павла Павловича, «... в Прибайкалье и на побережье Байкала обитала довольно многочисленная и сильная народность тюркского происхождения – курыкане (по-китайски «гулигани»). Курыкане входили в число уйгурских племен, являвшихся потомками хуннов. «Мусульманские писатели XIII в. Средней Азии и Ирана знали курыкан под именем «кури» или «фури» (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 20. Оп. 1. Д. 344. Л. 1). П.П. Хороших картографировал примерное расселение курыкан (рис. 1): «...в долине р. Ангарты от её истока и примерно до с. Усть-Уда, по верхнему течению р. Лены до Жигалово, в степных районах р. р. Куды, Унги, Осы, Белой, Иды, в Аларской степи, на западном и восточном побережье оз. Байкала, в долинах р. Баргузина и в Тункинской долине» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 159. Л. 12).

Опираясь на археологические исследования тех лет, он указывает на наличие следов курыкан в долинах рек Куды, Унги, Осы, Белая, Иркут, в верховьях р. Лены, на западном побережье озера Байкал. Далее он даёт классификацию памятников курыканской культуры: 1. Городища с каменными стенами. 2. Стоянки – места поселений на террасах. 3. Могильники. 4. Находки в пещерах. 5. Наскальные рисунки. 6. Следы древнего земледелия. 7. Древнетюркские рунообразные памятники.

Также учёный считал курыкан создателями некоторых укрепленных поселений – городищ с каменными стенами на Байкале. Кроме того, на его взгляд, в X–XI вв. н. э. курыкане под давлением монгольских племен стали отдельными группами уходить на верхнюю Лену, а оттуда на север – Среднюю Лену. Последняя волна ушла в XV веке. «В результате слияния южных и северных элементов, образовался новый народ, непохожий на якутов, когда они жили в Прибайкалье, и выросла новая культура, уже далекая в целом от той, что была здесь до появления южан. Это была якутская народность, оформившаяся как таковая, следовательно, на Средней Лене, хотя в основе ее и ле-

⁴ Харинский А.В. «Городища» побережья озера Байкал в железном веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.

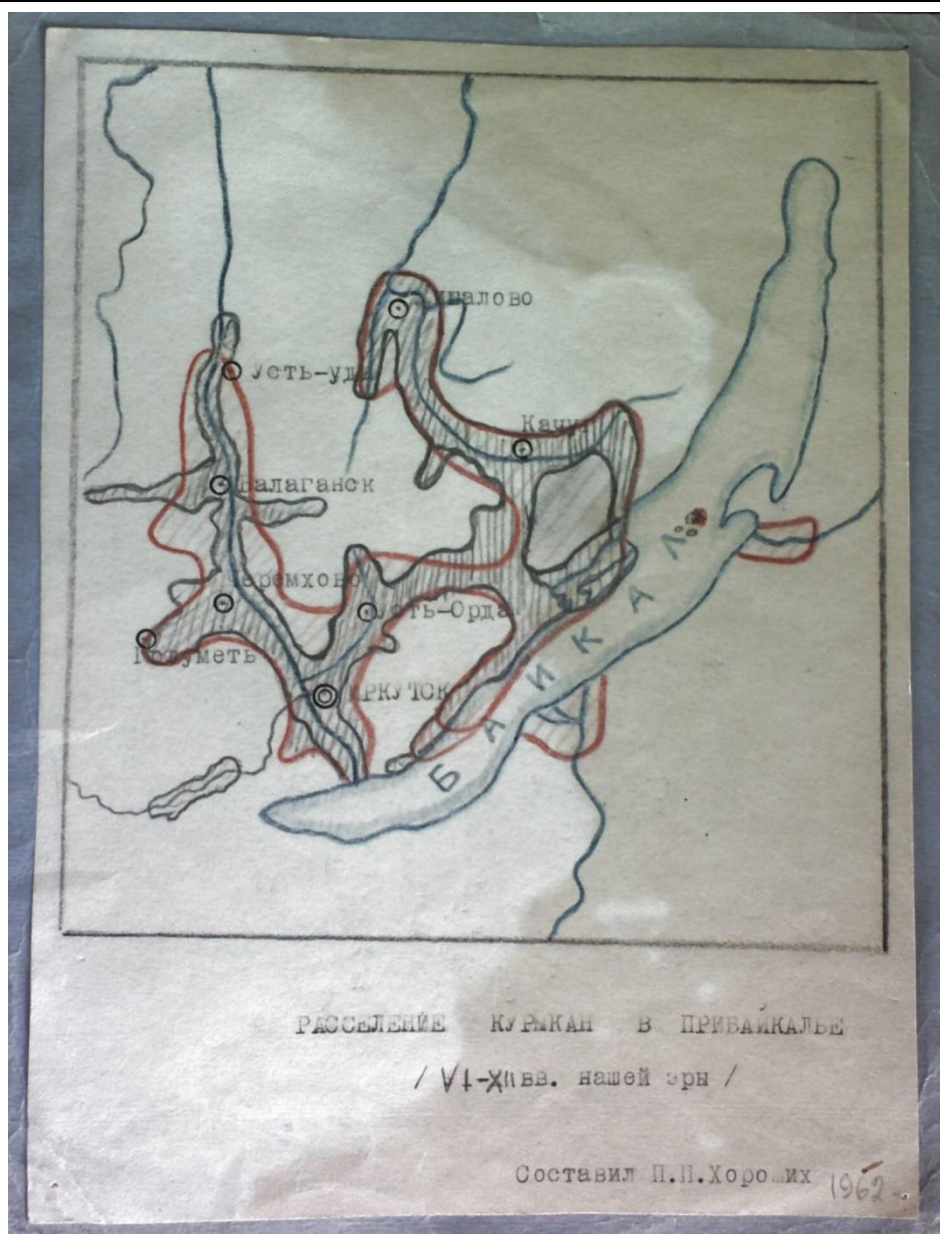

Рис. 1. Карта расселения культуры курыкан. ЦВРК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 159. Л. 13
Fig. 1. A map of the settlement of the Kurykan culture. COMH. Fund. 20. Inventory. 1. Case. 159. Sheet. 13

жал мощный пласт южного происхождения» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 344. Л. 11).

Автор выделяет следующие городища курыкан на оз. Байкал: район Малого моря, на мысах Шибэтэ, Хоргой, в бухте Крестовой, Узур, Лударь, на горе Даин-Хошун. Указано, что городища расположены на возвышенных местах, с хорошим обзором местности, кроме естественной защиты в виде крутых склонов имелись каменные стены, оборонительные рвы и валы. В самих городищах сохранились следы жилищ, погребения и кострища. Среди находок были обнаружены железные наконечники стрел, железные ножи, бруски,

кремни для огнива и фрагменты глиняной посуды (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 585. Л. 3).

Террасовые стоянки курыканской культуры: «обнаружены в долинах р. Ангары, Куды, Лены, Унги, у горы Улан-Бор, на западном побережье Байкала, в устье р. Селенги и Баргузина, на Ушканьих островах. Отмечается, что в некоторых поселениях были найдены остатки прочных жилищ типа землянок и мазанок из прутьев и жердей, обмазанных сверху глиной с примесью соломы и травы» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 159. Л. 2).

Погребения курыкан раскопаны на о. Ольхон, в местности Абазаев утуг, в Куркутском заливе на

горах у озера Куры и у оз. Елгай. «Надмогильные сооружения могил имеют вид пяти или шести-угольных пирамид, сложенных из плоских плит». Выявлены два способа погребений: с костяком и трупосожжением (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 585. Л. 3). Кроме того, следы курыкан были найдены на стоянках в местности Тетериха, в 15 км к северу от с. Лиственничного и у устья рек Селенги и Баргузина. В конце рукописного текста сделан вывод, что общественный строй курыкан был близок к строю степных тюркских племен Сибири. В следующей рукописи П.П. Хороших дополнил список курыканских могильников Прибайкалья. «В пределах Ольхонского района и на острове Ольхон во многих местах сохранились шатровые могильники поздней поры железного века, приписываемые местным бурятским населением мифическому народу – «хара-монголам» (черные монголы) (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 158. Л. 1). Указаны места нахождения могильников: местность Абазаев утуг, около озера Елгай, близ озера Нур, на берегу Куркутского залива, в окрестностях улуса Кулара. Приведена точка зрения А.П. Окладникова отметившего, что могилы «хара-монголов» являются копиями-моделями летних жилищ («ураса») древних курыкан. По сведениям П.П. Хороших, стороны могильников обращены на юг и на юго-восток, не закрыты. Далее идет обзор истории изучения могильников курыкан. В 1891 г. в местности «Абазаев утуг» Н.Н. Агапитовым было раскопано 15 могил. В 1902 г. это же место посетил А.М. Станиславский, однако никаких исследований он не проводил. А в 1921 г. раскопки велись непосредственно П.П. Хороших, было раскопано три могилы. В первой были найдены угли, черепки глиняной посуды, венчик горшка без орнамента, венчик с поперечными насечками и впадинами. Во второй могиле также были фрагменты керамики, венчики и угли. В третьей обнаружен небольшой горшок с плоским дном, на дне которого найдена обожженная человеческая фаланга пальца. В 1922–23 гг. Павел Павлович раскопал еще пять могил, найденный инвентарь оказался идентичен обнаруженному здесь ранее. Исходя из этого он предположил наличие трупосожжения у курыкан (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 158. Л. 1).

Кладбище у улуса Нуры расположено на юго-западной части Ольхона, близ озера Нур на юго-восточном склоне горы Тологой-Нур. Площадь памятника более 800 кв. метров. Исследователь выделил одну могилу исходя из массивности её внешнего вида и предположил, что там захоронен знатный человек, судя по тексту, раскопок на этом могильнике он не проводил. Но позже, по сведениям автора, «в 19... году кладбище у улуса Нур было раскопано Ангаро-Байкальской экспедицией Института археологии АН СССР, рук. М.П. Грязнов» (Там же. Л. 7).

Могильники у улуса Кулара находятся на склоне горы между паадьми Зугдук и заливом Мухор около устья р. Кулары, приблизительно в 1,5 км от одноименного улуса. Памятник был осмотрен П.П. Хороших в 1924 г. Состояние памятника признано плохим, площадь памятника около 1000 кв. м. Раскопки не производились.

Кладбище у озера Елгай было открыто П.П. Хороших и учителем Хужирской средней школы Н.М. Ревякиным. В ходе раскопок были обнаружены лишь фрагменты керамики.

10 могил в Куркутском заливе были раскопаны участником Ангаро-Байкальской экспедиции ИА АН СССР В.С. Сорокиным, о чём Павел Павлович упомянул лишь вкратце.

Кроме того, опираясь на рассказы местного бурятского населения, П.П. Хороших отметил еще несколько мест, где могут быть курыканские могилы: «1) в окрестностях ул. Сарма, в местности «Омудевая Падь» (по-бурятски «Мухор-хал»; 2) в местности «Большая Зама», вблизи ул. Зама; 3) около устья речки Замы; 4) вблизи ул. Жаловского Ольхонского р-на; 5) у ул. Онгурены в местности «Малые рыбы»; 6) у озера Холбой-нур на хребте, расположенном между Кучулгой и Кутулом; 7) в мест-ти Хага-аман на вершине горы Узур в северо-вост. части острова Ольхон; 8) у ул. Жида в р-не Малого моря» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 158. Л. 10).

В деле 147 имеется машинописный текст о проведении раскопок кладбищ «хара-монголов» в местности Абазаев утуг, у улуса Нуры (рис. 2) и улуса Кулара. Данные этих исследований приведены выше, вероятнее всего, данный текст является финальным вариантом рукописи. Единственное отличие – наличие примечания в конце:

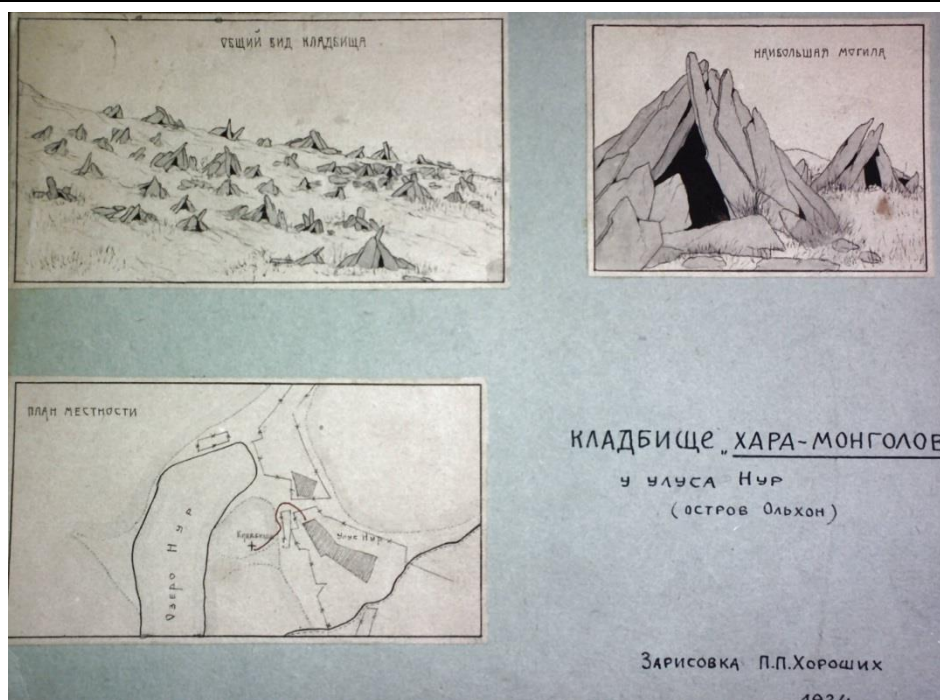

Рис. 2. Зарисовка кладбища «хара-монголов» у улуса Нур (о. Ольхон). ЦВРК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 147. Л. 6
Fig. 2. A sketch of the cemetery "Khara-Mongols" at the Nur ulus (Olkhon Island). COMH. Fund. 20. Inventory. 1. Case. 159. Sheet. 13

«Найденная мною в могилах «хара-монголов» керамика вполне аналогична керамике курыкан. Можно предполагать, что могилы «хара-монголов» принадлежат предкам курыкан» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 147. Л. 6).

В одной из рукописей имеются сведения об исследованиях П.П. Хороших ряда пещер Байкала, к сожалению, в тексте не указано, в какие годы проводились изыскания. Исследователем была изучена пещера на горе Скрипер, на западном побережье Байкала, в 7 км на север от поселка Коты и в 25 км от истока р. Ангары, в скале сложенной из конгломератов, на высоте около 200 м над уровнем моря (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 344. Л. 2). В пещере был заложен разведочный шурф, в котором на глубине 25 см в плотном слое бурой супеси были обнаружены различные находки: черепки глиняной посуды, костяные шилья, плоские железные наконечники стрел, оселки из мелкозернистого песчаника, железные ножи, кости нерпы, лошади, бобра, кулана-джегетая, медведя. Особо отметим, что при характеристике глиняной посуды, автор даёт описание днища сосуда с древнетюркскими руническими знаками. Ранее в пещере были обнаружены человеческие кости, рядом с которыми были найдены железные наконечники стрел, исходя из

чего П.П. Хороших пришел к выводу, что данная пещера использовалась курыканами для захоронения своих умерших.

В 12 км к северу от горы Скрипер, в пади Малая Кадильная было найдено более 10 пещер разной величины и расположенности над уровнем моря, наиболее крупная из них находилась в 2 км от западного берега Байкала, на утесе, разделяющем падь на два распадка, которые называются «Стремянка» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 344. Л. 3). Указано, что данная пещера была впервые исследована в 1865 г. П.А. Кропоткиным, а с 1927 г. ее неоднократно осматривал П.П. Хороших. В пещере был также заложен разведочный шурф, внутри которого на глубине 23–28 см были обнаружены: «костяные шилья, костяные наконечники стрел, железные ножи, плоские и трехлопастные железные наконечники стрел, железное кресало, обломки глиняной посуды, датированной курыканским временем (с ямочным и резным орнаментами), роговые пластинки к составному охотничьему луку, богхедовые маховички веретен (пряслица), разбитые и пережженные трубчатые кости быка, лошади, клыки кабана, челюсти нерпы, распиленные рога косули и зубы кулана-джегетая. Также автор утверждает, что Петром Кропоткиным в пещере были найдены

человеческие кости и черепа. В 1955 г. туристы из Москвы нашли в пещере челюсть и ребра человека. Во второй Кадилинской пещере, были найдены плоские железные наконечники стрел, черепки глиняной посуды, кости быка и лошади» (Там же. Л. 5), а в других были найдены куски глиняных изделий с ямочным орнаментом и кости птиц со следами обработки.

На безлесном плоскогорье между падями Баг-Орсо и Нугды, в 3 км от западного побережья Байкала, в мощных известняковых скалах, на высоте более 200 м над уровнем Байкала были исследованы две Байдинские пещеры. В одной был заложен шурф, в котором были найдены: «1) железные трехперые наконечники стрел; 2) костяные острия; 3) железные ножи различной величины; 4) куски бересты, прошитые конским волосом, круто свитым в нитку; 5) каменные оселки; 6) фрагменты глиняной посуды курыканского времени с разнообразным орнаментом» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 344. Л. 6). Кроме того, в самой пещере были найдены три астрагала барана с вырезанными на них древнетюркскими знаками. Во второй пещере были найдены плиты, которые, по мнению Павла Павловича, служили обитателям столами и стульями, на некоторых сохранились даже следы чистки рыбы и разделывания животных. Помимо этого, были найдены такие же материалы, как и в предыдущих пещерах, однако интерес вызывают берестяные листы от колчана, на которых были процарапаны изображения наконечников стрел ромбовидной формы и, возможно, некие родовые знаки. Кости животных, найденные во второй Байдинской пещере, были исследованы зоологом А.А. Быляничкиным-Бирулей. Изученная им кость быка имела характерную особенность – она принадлежала помеси коровы и яка, что, по его мнению, присуще для якутских быков.

В бухте Итырхей, в районе пролива Ольхонские ворота, в 2 км от улуса Куркут была исследована пещера, материал которой полностью идентичен ранее описанному. Добавим, что также были изучены Лударская пещера и пещера на Большом Ушканьем острове.

Исходя из приведённого описания работ, можно предположить, что это была разведочная экспедиция по пещерам озера Байкал, к сожалению,

в тексте нет упоминания о годе проведения данной экспедиции.

Наскальные рисунки найдены на горах Орсо, Сахюртэ, на скалах в бухтах Шибэтэ, Итырхей, Ая. Рисунки изображают сцены из охотничьей жизни, фигуры всадников, шаманов, различных животных. Отмечено, что «по своему содержанию, рисунки имеют полное сходство с рисунками на скалах верхнего течения р. Лены и Куды» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 585. Л. 3). Одна из черновых заметок П.П. Хороших весьма любопытна: «Из надписей на надгробиях памятников тюркских властителей, правивших в долине р. Орхона, известно, что послы курыкан в числе представителей других народов явились на погребальное торжество в честь родоначальника орхонских ханов Бумын-кагана, чтобы выразить соболезнование своего народа по поводу его смерти. Это событие относится к 552 или 553 году нашей эры и является точно засвидетельствованной исторической датой, относящихся к истории курыканов» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 160. Л. 2). Далее он проводит аналогии между курыканами и енисейскими кыргызами, считая их очень близкими по материальной и духовной культуре. Среди материальных аналогий отмечено наличие искусственного орошения при помощи каналов-арыков. Кроме того, указано, что обломки глиняных сосудов «похожи, как братья-близнецы, на черепки горшков из курыканских жилищ на Ангаре и Лене» (Там же. Л. 5). Среди нематериальных аналогий отмечено использование курыканами фонетической письменности с руническими шрифтами орхонско-енисейского типа.

Автор затронул и наскальные изображения курыкан, главной чертой которых он назвал реалистичность. Основное занятие курыкан – коневодство, именно по этой причине на писаницах особенно живо изображены лошади и всадники. Фигуры лошадей изображены достаточно четко, на изображениях вожди держат знамена, а жрецы – булавы или жезлы, воины вооружены луком, за спиной у них висит саадак. По мнению Павла Павловича, «в писаницах отразился и уклад общественной жизни» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 160. Л. 9). Помимо этого, он подчеркнул: «В наскальных рисунках отражена и религия их создателей, мифы и верования, заупокойный культ. Сло-

вом, в писаницах так или иначе отразилась вся жизнь курыканского племени» (Там же. Л. 10). В долине р. Куртун, близ одноименной деревни П.П. Хороших обследовал две пещеры. В одной были найдены рисунки, сделанные красной краской, изображающие почти правильный круг, эллипс и ряд линий, во второй было обнаружено изображение солнца, также красной краской. Рисунки были датированы им курыканской эпохой, однако доказательств данного утверждения не приведено. Помимо этого, писаницы сохранились в долинах рек Ангара, Куды, Унга, Оса, Обуса, Лена. Наибольшее скопление рисунков находится по верхнему течению реки Лена, в местности «Шишкинская шаманка», около деревни Картухай, горах Манхай, Батог, Улан-Хада, Малан-Хада, Булук. По мнению ученого, многие курыканские наскальные рисунки имеют полную аналогию с древнетюркскими рисунками Енисея и Хакасии (Там же. Л. 11).

Древнетюркские рунические надписи, знаки и тамги найдены на скалах бухты Крестовой, около пос. Попова, Петрово, на плитах могил и на фрагментах глиняных сосудов.

Дело 585 представляет особый интерес, т. к. содержит в себе рукописный текст, в котором П.П. Хороших дополняет свою классификацию курыканских памятников оросительными сооружениями и дает краткую характеристику некоторых из данных памятников. Оросительная система и остатки земледелия представлены одним памятником – пашней с грядками и оросительной канавой, в 2 км на юго-запад от поселка Еланцы Ольхонского района. Там были найдены обломок чугунного отвала, кусок лемеха, фрагменты керамической посуды, зерна проса и ячменя. Подробное описание систем оросительных сооружений дано в другой рукописи. Первым идет описание оросительной системы в Кудинской степи: «это сооружение состояло из сети канав различной протяженности и ширины. Основная канава выходила из пади Идыгэ вблизи горы Улан-Зола-Тологой, на которой расположено курыканское городище. Местами оросительная канава тянулась вблизи террасы правого берега р. Куды. С юго-восточной стороны канавы были расположены в два ряда на расстоянии от 100 до 500 м друг от друга. С северо-западной стороны канавы шли в один ряд. Главные канавы имели ширину до 2 м, глубину от 0,5 до 1,5 метров.

От главных канав в обе стороны отходили боковые более узкие, ответвления, питавшие водой отдельные участки. Вода в канавах шла самотеком. Плотины на этом оросительном сооружении не было. Оросительной системой охватывалась площадь около 5 км длиной и более 500 м шириной» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 150. Л. 35). Канавы в долине р. Кударейки (правый приток р. Мурун) имели протяженность до 3 км и ширину более 1 метра, борта канав были обложены каменными плитами. В Аларской степи оросительные сооружения брали начало у озера Алят, в 30 км от с. Голуметь, они проходили десятки километров и затем разветвлялись на более узкие канавки. В Тарской и Тункинской котловинах оросительная система в длину достигала от 1,5 до 2 м и имела большую протяженность, вода стекала с острогов Тункинских белков или с хребтов Хамар-Дабана, в некоторых местах борта и дно канав были выложены каменными плитами. Список оросительных сооружений дополнился памятниками у сел Тырган, Тогот, Кулара, долинами р. Анги, Бугульдейки, Куртун и Сарма. Основываясь на археологических данных, П.П. Хороших назвал главными земледельческими культурами курыкан просо, ячмень и гречиху. Оросительные системы дополнены памятниками в Кудинской степи, близ бывшего улуса Бартурка, в 5 км от поселка Усть-Орда и близ деревни Харазаргай, о. Ольхон (Там же).

Черновик тезисов доклада по теме «Курыканские памятники на берегах Байкала» написан на желтой писчей бумаге, чернильной ручкой и имеет большое количество правок карандашом синего цвета. В тексте дана классификация памятников курыканской культуры, представленная выше. Имеется примечание, «в бурятских преданиях упоминается, что у каменных стен, расположенных на горе Даин-хошун, в старину воевали якуты с монголами» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 163. Л. 2). В целом текст абсолютно идентичен тексту в деле № 585 и, вероятно, является его черновиком.

В деле 161 имеется практически идентичный текст, также рукописный. Вероятно, он был написан позже т. к. материал более структурирован и обработан, единственным отличием является дополнение к классификации курыканских памятников – теперь туда добавлены «следы древнего

металлургического производства» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 161. Л. 1). Первое исследование памятников подобного типа было проведено в июле 1958 г. Ангарской историко-археологической экспедицией под руководством П.П. Хороших и Ф.А. Кудрявцева была раскопана землянка на Балаганских песках, на террасе правого берега р. Унги, примерно, в 6 км на запад от Балаганска. В ходе раскопок было обнаружено кострище диаметром до 70 см, плотный слой овечьего помета толщиной от 20 до 28 см, фрагменты керамических сосудов с гладкой поверхностью и накладным валиком, костяные шилья длиной 12–15 см, зуб кабарги с просверленным отверстием, бараньи астрагалы для игры в кости, небольшие куски железной руды, сильно поржавевший фрагмент железного котла, обломок небольшого ножа, яма для хранения продуктов, шириной 80 см и глубиной 110 см, кости быка, лошади, истлевшие остатки бревен и коры. По мнению Павла Павловича, «данная землянка является курыканской землянкой, обнаруженной непосредственно на Балаганских песках. Возможно, что землянка была оставлена древними плавильщиками руды, остатки культуры которых были обнаружены на Балаганских песках» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 162. Л. 3). Следы металлургического производства (кузнечные горны, шлак, железо) были найдены в истоке Ангары, на островах Марактуй, Ольхон, у городища Хоргой, в долинах рек Ока, Мурин, Елга, Унга, на северо-западе Балаганска и у подножия горы Улан-Бор (Там же).

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что вклад Павла Павловича Хороших в изучение культуры курыкан является неоспоримым. Можно выделить авторскую классификацию памятников курыканской культуры, представленную ниже:

1. Городища с каменными стенами (район Малого моря, на мысах Шибэтэ, Хоргой, в бухте Крестовой, Узур, Лударь, на горе Даин-Хошун).

2. Стоянки – места поселений на террасах (в долинах р. Ангары, Куды, Лены, Унги, у горы Улан-Бор, на западном побережье Байкала, в устье

р. Селенги и Баргузина, на Ушканьих островах и в местности Тетериха).

3. Могильники (на о. Ольхон, в местности Абазаев утуг, в Куркутском заливе на горах у озера Куры, Елгай, у озера Нур, на берегу Куркутского залива, в окрестностях улуса Кулара, в окрестностях ул. Сарма, в местности Омудевая Падь, в местности Большая Зама, вблизи ул. Зама, около устья речки Замы, вблизи ул. Жаловского Ольхонского р-на, у ул. Онгурены в местности Малые рыбы, у озера Холбой-Нур на хребте, расположенном между Кучулгой и Кутулом, в местности Хага-Аман па вершине горы Узур в северо-вост. части острова Ольхон, у ул. Жиды в р-не Малого моря).

4. Находки в пещерах (на горе Скрипер, в пещере Кадиальная, в долине р. Куртун, в бухте Итырхей, в пещере на Большом Ушканьем острове, Лударская и в Байдинских пещерах).

5. Наскальные рисунки (на горах Орсо, Сахюртэ, на скалах в бухтах Шибэтэ, Итырхей, Ая, Ангара, Куда, Унга, Оса, Обуса, Лена, в местности «Шишкинская шаманка», около деревни Картухай, горах Манхай, Батог, Улан-Хада, Малан-Хада, Булук).

6. Оросительные системы (у сел Еланцы, Бартурка, Харазаргай, Тырган, Тогот, Кулара, в Кудинской и Аларской степях, в долинах рек Кударейка, Анга, Бугульдейка, Куртун и Сарма, Тарской и Тункинской котловинах).

7. Древнетюркские рунообразные памятники (на скалах бухты Крестовой, около пос. Попова, Петрово).

8. Следы металлургии (в истоке Ангары, на островах Марактуй, Ольхон, у городища Хоргой, в долинах рек Ока, Мурин, Елга, Унга, на северо-западе Балаганска и у подножия горы Улан-Бор).

Таким образом, в статье представлены уникальные материалы из личного архива П.П. Хороших (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20), позволяющие проследить историю исследования курумчинской культуры практически с начального этапа её изучения. Настоящей статьёй авторы отдают дань уважения первопроходцам археологических изысканий на территории Байкальской Сибири.

Список источников

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 152 с.

References

Aseev I.V. (1980) Baikal region in the Middle Ages (according to archaeological data). Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Дашибалов Б.Б. Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б.Э. Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. С. 190–207.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. 191 с. EDN: VLXSJR.

Дашибалов Б.Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 35–44.

Дашибалов Б.Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам: Очерки. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2003. 122, [1] с. EDN: VJNDZD.

Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2005. 200, [1] с. EDN: UIYCSR.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2011. 172, [1] с. EDN: QPSTBF.

Мандельштам А.М. Шатровый могильник у оз. Нурэ (о. Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. С. 150–155.

Окладников А.П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1948. Вып. XIX. С. 3–11.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л. : АН СССР, 1955. Ч. 3. Глазковское время. 377 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 43)

Окладников А.П. Шишкинские писаницы: памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск : Иркутское книжное изд-во, 1959. 211 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Бурятского края. Иркутск : Изд-во конторы изд-ва «Красный Бурят-Монгол», 1922. 43 с.

Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Вопросы истории Сибири. Учёные записки / Географическое общество СССР. Восточно-Сибирский отдел. Иркутский областной музей краеведения. Иркутск : Тип. № 1, 1971. Вып. IV. Ч. 1. С. 61–77.

Свинин В.В., Зайцев М.А. К вопросу о так называемых «шатровых могилах» // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. Якутск, 1982. С. 138–140.

Харинский А.В. Об орнаментике керамического комплекса городища Байкальское I // Археологические па-

Dashibalov B.B. (1994) Finds of the culture of the "Kurumchinsky blacksmiths" from the excavations of B.E. Petri. *Ethnocultural processes in Southern Siberia and Central Asia in the I-II millennium AD*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 190–207. (In Russ.).

Dashibalov B.B. (1995) Archaeological monuments of Kurikans and Khori. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 191 p. (In Russ.). EDN: VLXSJR.

Dashibalov B.B. (2000) Kurumchinskaya Culture of the Baikal Siberia. *Humanitarian problems of the countries of the Asia-Pacific region*. Vladivostok: Dal'nauka. No. 2. P. 35–44. (In Russ.).

Dashibalov B.B. (2003) Origins: from the ancient Khori Mongols to the Buryats Ulan-Ude. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 123 p. (In Russ.). EDN: VJNDZD.

Dashibalov B.B. (2005) On the Mongol-Turkic border (ethnocultural processes in Southeastern Siberia in the Middle Ages). Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 200, [1] p. (In Russ.). EDN: UIYCSR.

Dashibalov B.B. (2011) The antiquities of the Khori Mongols: the Hunno-Xianbian heritage of Baikal Siberia. Ulan-Ude: Buryat State University. 172, [1] p. (In Russ.). EDN: QPSTBF.

Mandel'shtam A.M. (1974) Tent burial ground near the lake Nure (Olkhon Island). *The Bronze and Iron Age of Siberia*. Novosibirsk. Iss. 4. Materials on the history of Siberia. Ancient Siberia. P. 150–155. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1948) Ancient Turkic culture in the upper Lena River. *Brief reports on the reports and field studies of the Institute of History and Material Culture*. Moscow; Leningrad. Iss. XIX. P. 3–11. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of the Baikal region. Pt. III. Glazkov time. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. No. 43. *Materials and research on the archaeology of the USSR*. 377 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1959) Shishkinskie pisanitsy: a monument to the ancient culture of the Baikal region. Irkutsk: Irkutsk Book Publishing House. 211 p. (In Russ.).

Petri B.E. (1922) The distant past of the Buryat region. Irkutsk: "Red Buryat Mongol". 43 p. (In Russ.).

Svinin V.V. (1971) On the results of archaeological research on Lake Baikal. *Questions of the History of Siberia. Scientific notes of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore*. Irkutsk: Tipografiya No. 1. Iss. IV. Pt. 1. P. 61–77. (In Russ.).

Svinin V.V., Zaitsev M.A. (1982) On the issue of the so-called «tent graves». *Problemy arkheologii i perspektivy izucheniya drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka: tez. dokl. = Problems of archaeology and prospects for the study of ancient cultures of Siberia and the Far East*. Yakutsk. P. 138–140. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (1992) About the ornamentation of the ceramic complex of the Baikal I settlement. *Archaeological*

мятники средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск : Наука, 1992. С. 116–135.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2001a. 238 с. EDN: XBTFXN.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2001b. 198 с.

Харинский А.В. Поминальные конструкции Приольхонья I тыс. н. э.: некоторые вопросы типологии и хронологии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита : Изд-во БГУ, 2002a. С. 161–166.

Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002b. Вып. 2. С. 109–126.

Харинский А.В. Капсальские «городища» // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. Вып. 5. С. 200–217. EDN: VYXGIR.

Харинский А.В. Курумчинская культура: миф и реальность // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й Всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 49–62.

Харинский А.В. Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / Кол. мон. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 191–205.

Харинский А.В. Кудинские городища-святилища: планиграфия и конструкция // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 133–136. EDN: PZLORH.

Харинский А.В., Авраменко В.Н., Бородин М.Л. Шатровые комплексы урочища Обондой (Приольхонье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. № 8. С. 235–258. EDN: XWZRPH.

Информация об авторах

Бураев Алексей Игнатьевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
e-mail: buraev1961@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8849-3780>

Дикий Ярослав Витальевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,

sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia. Novosibirsk: Nauka. P. 116-135. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2001a) Olkhon region in the Middle Ages: burial complexes. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 238 p. (In Russ.). EDN: XBTFXN.

Kharinskii A.V. (2001b) Cisbaikalia in the end I millennium BC – sir. II millennium AD. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 198 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2002a) Memorial constructions of the Volga Region of the I millennium AD: some issues of typology and chronology. *Central Asia and the Baikal Region in Ancient Times*. Ulan-Ude; Chita: Buryat State University. P. 161-166. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2002b) Topography and design of “fortifications” on the Malaya Sea coast of Lake Baikal. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie = Archaeological Heritage of Baikal Siberia: Study, Protection and Use*. Irkutsk. Iss. 2. P. 109-126. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2007) Kapsal's site of ancient settlement. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 5. P. 200-217. (In Russ.). EDN: VYXGIR.

Kharinskii A.V. (2009) Kurumchi culture: myth and reality. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: materialy 3-i vserossiiskoi konferentsii (Irkutsk, 29 marta – 1 aprelya, 2009 g.) = Sociogenesis in North Asia: Proceedings of the 3rd All-Russian Conference (Irkutsk, March 29 - April 1, 2009)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 49-62. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2010) Kurumchi culture of the Baikal region in the light of new archaeological data. *Ethnic and cultural genesis in the Baikal region (Middle Ages)*. Ulan-Ude : Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. P. 191-205. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2013) Forts - holy places of Kuda valley: form and design. *Bulletin of the Tomsk State University. Series History*. No. 2 (22). P. 133-136. (In Russ.). EDN: PZLORH.

Kharinskii A.V., Avramenko V.N., Borodina M.L. (2010) Hipped constructions of the location Obondoi (Olkhon area). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 8. P. 235-258. (In Russ.). EDN: XWZRPH.

Information about the authors

Aleksey I. Buraev,
Cand. Sci. (History), Researcher at the Department of History and Culture of Central Asia,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russia,
e-mail: buraev1961@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8849-3780>

Yaroslav V. Dikiy,
Cand. Sci. (History), Researcher at the Department of History and Culture of Central Asia,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russia,

e-mail: yaroslavdikii@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-7530-1236>

Бальжанов Батор Логинович,

аспирант, стажёр-исследователь отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия.
e-mail: bator.balzhanov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-8531-4227>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 5 июля 2024 г.; одобрена после рецензирования 6 сентября 2024 г.; принята к публикации 16 сентября 2024 г.

e-mail: yaroslavdikii@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-7530-1236>

Bator L. Balzhanov,

Graduate Student, Research Intern Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russia,
e-mail: bator.balzhanov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-8531-4227>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 5, 2024; approved after reviewing September 6, 2024; accepted for publication September 16, 2024.

Научная статья
УДК 94(571):623.4(09)
EDN: WMIFFQ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-58-66>

Артиллерия Западной Сибири в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.)

А.С. Суханов^{1, 2}

¹ Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 9» г. Шадринска, Шадринск, Россия

² Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются состояние артиллерийского вооружения городов и острогов Западной Сибири, комплектование личного состава, обслуживающего наряд, его жалование. Уделяется внимание конструктивным особенностям пушек, их длине, калибрам, весу. Описываются городские наряды как крупнейших городов региона, так и городов, стоящих на периферии. Примеры полевого применения орудий в ходе боев с представителями кочевых народов региона в период правления первого царя из династии Романовых. В стране, остро переживавшей тяжелые последствия Смутного времени, на Пушечном дворе был возобновлен выпуск артиллерийских систем разных калибров. Актуальные внешнеполитические цели предопределили производство полевых орудий, выпуск которых становится приоритетным наряду с отливкой других типов пушек. По замыслу руководства страны они должны были насытить войска и обеспечивать огневую мощь полков «нового строя» – новой армии, способной вернуть утраченные в годы Смуты территории, а также способствовать присоединению новых земель. В 1613–1645 гг. просторы Западной и Восточной Сибири продолжают колонизоваться государством, одним из решающих факторов в этом процессе является поставка огнестрельного наряда. В годы правления Михаила Федоровича при большом разнообразии артиллерийских систем полковые орудия занимали значительную часть в гарнизонах региона, а также отправлялись в составе воинских контингентов для решения различного рода задач. Несмотря на удаленность и проблемы логистики, поставки огнестрельного оружия носили системный характер и свидетельствовали о крайней заинтересованности государства в освоении региона.

Ключевые слова: Михаил Федорович Романов, огнестрельное оружие, полевая артиллерия, полковая пушка, калибр, гривенка, пищаль, пушкарь, воротник, затинщик

Для цитирования: Суханов А.С. Артиллерия Западной Сибири в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 58–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

History

Original article

Artillery of Western Siberia in the reign of Mikhail Fedorovich (1613-1645)

Alexander S. Sukhanov^{1, 2}

¹ Municipal Budget General Education Institution "Gymnasium No. 9", Shadrinsk, Russia

² Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia

Abstract. The article examines the state of artillery armament in the cities and fortresses of Western Siberia, the recruitment of personnel serving the artillery equipment, and its salary. Attention is paid to the design features of the guns, their length, calibers, and weight. The urban artillery equipment of both the largest cities in the region and the cities on the periphery are described. Examples of field use of guns during battles with the nomads during the reign of the first tsar of the Romanov dynasty are done. In a country acutely experiencing the severe consequences of the Time of Troubles, the production of artillery systems of various calibers was resumed at the Cannon Yard. Current foreign policy goals have predetermined the production of field guns, the production of which is becoming a priority along with the casting of other types of guns. According to the plan of the country's

leadership, they were supposed to saturate the troops and provide the firepower of the regiments of the "new order". A new army capable of recovering territories lost during the years of Turmoil, as well as contributing to the annexation of new lands. In 1613–1645 the expanses of Western and Eastern Siberia continue to be colonized by the state, one of the decisive factors in this process is the supply of firearms. During the reign of Mikhail Fedorovich in the region, with a wide variety of artillery systems, regimental guns took a significant part in the garrisons of the region, and were also sent as part of military contingents to solve various tasks. Despite the remoteness and logistical problems, the supply of firearms became systemic in nature and indicated the extreme interest of the state in the development of the region.

Keywords: Mikhail Fedorovich Romanov, firearms, field artillery, regimental cannon, caliber, grivenka, squeaker, gunner, collar, zatinschik

For citation: Sukhanov A.S. (2024) Artillery of Western Siberia in the reign of Mikhail Fedorovich (1613–1645). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 58–66. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

Введение

Потрясения Смутного времени начала XVII в. поставили на грань существования Московское государство. Смена правителей, череда самозванцев, начавшаяся интервенция привели к экономическому кризису и разорению страны. Консолидация общества перед лицом угрозы распада державы привела к поиску выхода из сложившейся ситуации путем избрания всенародного царя и определения нового курса на возрождение страны. Избрание царем Михаила Федоровича Романова в 1613 г. хоть и открывало начало новой династии, кардинальным образом внутреннюю ситуацию не изменило. Потребовалось более десяти лет для того, чтобы преодолеть последствия Смуты, стабилизировать экономику страны и подготовиться к возвращению утраченных земель.

Армия периода правления первого царя из династии Романовых мало чем отличалась от предыдущей эпохи. Появление полков «нового» строя открывало новую страницу в военной истории державы, но первоначально значительно не изменило структуру войск Московского государства. При этом перед армией ставились достаточно сложные и разнообразные задачи, которые нужно было решать «здесь и сейчас». Особенно это касалось артиллерии, которая в годы Смуты понесла ощутимые потери (Лобин, 2021. С. 186–187).

Последствия этого трагического периода еще долго сказывались в государстве. В Москве во время осады был разрушен Пушечный двор. Военный смотр 1614–1615 гг. показал значительные потери в «огнестрельном наряде» московского войска.

Тем не менее с приходом к власти Михаила Федоровича Романова и наведением порядка на территории государства была поставлена задача возвращения земель, потерянных в ходе Смутного

времени. Стратегически важный город-крепость Смоленск был первоочередной целью. Для взятия мощных укреплений требовалось привести в порядок старый артиллерийский парк, а также озадачиться отливкой новых артиллерийских систем.

Н.Е. Бранденбург отмечал, что к концу Смутного времени в 1618 г. артиллерийский парк Московского государства, несмотря на понесенные потери, был весьма внушительным. Негативной составляющей при этом был значительный разброс калибров орудий, их износ и прямые повреждения, а также несоответствие калибров боеприпасов, находящихся в городских арсеналах (Бранденбург, 1876. С. 61–62). По мнению Н.Е. Бранденбурга, отсутствие унификации при производстве орудий продолжалось в течение всего XVII в., а изменения в этом вопросе связаны с именем Петра I.

А.Н. Кирпичников считает, что подобие стандартизации имело место при производстве артиллерии в XVI–XVII вв. и касалось это отливки серий орудий отдельных мастеров или их учеников (Кирпичников, 1957. С. 69).

А.Н. Лобин в своей работе о полковой артиллерии царствования Михаила Федоровича акцентирует внимание на производстве орудий полкового калибра по западному образцу. Приводит аргументы в пользу унификации артиллерийских систем.

Для восполнения численности артиллерийского парка был вновь отстроен Пушечный двор, к работе привлечены как иностранные специалисты, так и местные мастера. Например, известный литейный мастер Андрей Чохов. Комплекс мер, направленный на восстановление пушечного производства, позволил в 1620-е гг. достичь уровня мощностей, предшествовавших Смутному времени. А в 1640-е гг. основными калибрами производимых орудий становятся 1,5–4 фунтовые (гривенки) пищали. Насыщение пол-

ковой артиллерией солдатских, драгунских полков делало их грозной силой на поле боя (Лобин, 2006. С. 385–386).

Таким образом, во времена правления Михаила Федоровича можно говорить о попытке ревизии артиллерийских систем в государстве и стремлении к унификации вновь отливаемых орудий. Возросшая роль пехоты на поле боя обусловила производство значительного количества достаточно легких полевых орудий. При этом старые орудия, имеющие значительный разброс калибров, находящиеся на вооружении крепостей и городов, не изымались, что представляло относительные сложности снабжения боеприпасами. Данное явление было характерно не только для окраинных городов, но и арсеналов крепостей центральной России.

Целью статьи является анализ состояния артиллерийского вооружения городов и острогов Западной Сибири в годы правления Михаила Федоровича Романова. Задачи исследования: анализ качества и количества артиллерийского наряда, путей его пополнения, особенностей пушечного вооружения, а также кадрового обеспечения городской и полевой артиллерии.

Территориальные рамки включают регион Западной Сибири. Хронологические рамки исследования ограничиваются временем правления первого царя из династии Романовых, нижняя граница – 1613 г., верхняя 1645 г.

Источниковой базой статьи явились опубликованные и неопубликованные документы и материалы, исследования по военной истории Западной Сибири, материалы РГАДА.

Результаты исследования

Возобновление пушечного производства отразилось и на обеспечении артиллерией городов и острогов Западной Сибири. Следует отметить, что, несмотря на Смуту и годы ее преодоления, колонизация Сибири продолжалась. Она шла по двум направлениям: на восток и на юг. В рамках восточного направления были основаны и укреплены Енисейск (1618 г.), Красноярск (1628 г.), Якутск (1632 г.), Охотск (1648 г.). В 40-х гг. XVII в. русские служилые и промышленные корпорации вышли к Тихому океану и начали освоение прибрежных территорий.

На юге Западной Сибири процесс колонизации сдерживался присутствием значительного количе-

ства кочевников – ойратов, казахов, башкир, татар. Тем не менее в 1620–30-е гг. идет освоение прибрежных территорий рек Нейва, Ница, Ирбит. В 1640–70-е годы начинается освоение бассейна рек Исеть и Миасс, с 1680-х гг. реки Тобол.

В августе 1625 года в царской грамоте новому воеводе Верхотурья князю Д.П. Пожарскому указывалось на обветшание острога и недостаточность артиллерийского вооружения при предыдущем воеводе: «...наряду никакого нет, а толко в нашей казне на Верхотурье девять пищалей затинных, да три пищали малых, да самопалишко, да ствол пищальной малой, да два пуда пороху, да шестнадцать пуд и осмнадцать гривенок свинцу...». Для пополнения орудийного парка из Москвы зимним путем предполагалось отправить «...пищаль полковую, да две волконейки, да к ним ядер да зелья тридцать пуд, да свинцу десеть пуд» (Акты исторические..., 1841. С. 224)¹. Совокупный наряд должен быть размещен в башнях нового острога. Следует отметить, что относительно небольшое количество направляемых артиллерийских орудий объяснялось продвижением колонизации на восток, а также тыловым расположением Верхотурья, вместе с тем обновление острога и его укреплений говорило о важности данного населенного пункта как одного из военных и административных центров региона. Из-за прямой угрозы со стороны ойратов, подошедших к границам Верхотурского уезда в 1625 г., артиллерийский парк уездного центра был увеличен к 1627 г. Кроме собственной защиты Верхотурье активно помогало укреплять остроги и слободы, входящие в уезд, в том числе отправкой орудий, как было, например, сделано в 1637 г. Общие данные по состоянию артиллерии основных западно-сибирских городов и острогов представлены в таблице (Пузанов, 2011. С. 283).

Самым крупным городом сосредоточения военной и гражданской администрации был Тобольск. Столица Сибири располагала значительным количеством огнестрельного оружия. В 1627 г. 2 полковые пищали были посланы в экспедицию к озеру Ямыш для защиты от нападений ойратов. В 1628 г. в экспедицию с головою Богданом Аршинским были отправлены 3 полковые пищали. В книге 1638 г. по То-

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. 501 с.

Таблица. Артиллерийский наряд городов и острогов Западной Сибири 1627 и 1638 гг.
Table. The artillery outfit of the cities and prisons of Western Siberia in 1627 and 1638

Город	Год	Полковые пищали	Полуторные медные	12 и 9 пядные медные	Медные пищали	Скорострельные	Волконейки	Пищали железные	Затинные	Неустановленные	Всего
Верхотурье	1627	3	–	–	–	–	–	–	9	–	12
	1638	4	–	–	–	–	–	–	4	–	8
Тобольск	1627	6	3	–	–	–	–	–	–	–	9
	1638	3	3	2	–	–	–	5	9	–	22
Тюмень	1627	–	–	–	2	2	–	–	9	–	13
	1638	–	–	–	–	2	–	–	8	–	10
Сургут	1627	–	–	–	2	–	–	1	1	–	4
	1638	–	–	–	2	–	–	–	4	–	6
Березов	1627	2 железн.	3	–	–	–	1	1	2	2	11
	1638	–	–	–	–	–	–	–	3	5	8
Мангазея	1627	–	–	–	–	–	–	–	9	–	9
Тара	1626	–	1 и 1 разорв.	2	–	–	4	–	10	–	18

больску (Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 110.) в описании городского наряда и артиллерии, приданной воинским подразделениям, можно проследить разнообразие систем, характерных для 1620–1630-х гг. Нужно отметить, что подобный разброс размеров и калибров артиллерии сохранялся и в более поздний период. Ситуация оставалась прежней до реформирования артиллерийского парка при Петре I в начале XVIII в.

Артиллерия часто направлялась в другие города и остроги Сибири и далекие экспедиции на озеро Ямыш и на восток, поэтому в Тобольске оставалась незначительная часть наряда, что было мало для такого крупного города. В 1627 г. в ходе подготовки к военному походу отряда А. Дубенского «в Качинскую землицу» ему была придана «полковая пищаль» и к ней 27 двухфунтовых ядер, а также «затинная пищаль» со 100 железными пулями (Бобров, Борисенко, Худяков, 2012. С. 91)². В следующем, 1628 г., данным отрядом на берегу Енисея, при впадении р. Качи, был основан острог, который первоначально был назван Качинским, а затем Красноярским. В 1627 г. 1 полковая пищаль была послана в Кузнецк. В 1628 г. 1 пищаль полуторная и 2 пищали

полковых были отправлены с экспедицией Якова Хрипунова (Пузанов, 2016b).

Артиллерийские наряды других городов также представлены в таблице (Визгалов, Горшков, Ермакова, 2023. С. 15; Пузанов, 2011. С. 219, 240, 259; Вершинин, 2018. С. 122).

Внушительным арсеналом артиллерийского вооружения обладал Тарский острог. С момента своего основания данный укрепленный пункт был важным элементом оборонительной системы юга Западной Сибири. Уровень опасности после разгрома Кучума не стал меньше, еще большую опасность стали представлять ойраты, которые активно противодействовали расширению русской колонизации. К 1626 г. в остроге имелось 18 пищалей: пищаль полуторная, к ней 280 ядер железных, 2 пищали девятипядные, к ним 270 ядер железных, пищаль скорострельная железная, к ней 399 ядер железных, 4 волконейки железных, к ним 2612 ядер свинцовых, 10 затинных пищалей, к ним 1095 ядер свинцовых и 1 разорванная полуторная железная пищаль. В 1647 г. в городской казне города состояло 16 пищалей, из них 1 скорострельная железная и 10 затинных (Пузанов, 2011. С. 313–314).

В 1639 г. отряду воеводы П.П. Головина (406 человек) для похода на р. Лену были приданы из Тобольска две пушки «ядром по три гривенки», 10 пищалей полковых «ядром по гривенке», 26 пуд

² Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII в. Вооружение и военная организация: учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т., 2012. 128 с.

зелья «зелья пушечного» и по 100 зарядов к пищедали «ядер и свинца» (Багрин, 2013. С. 185).

Снабжались артиллерией и более мелкие слободы и остроги. В Чубаровой слободе, основанной в 1624 г. на р. Нице, укрепления появились после 1634 г., для их защиты были установлены 4 затинные пищали (Пузанов, 2011. С. 342).

Разброс артиллерийских калибров городского наряда можно проследить по осадному списку Тобольска 1640-х гг. (рис.), где дается подробная роспись пушек, размещенных в острожных воротах и башнях:

а) Быкасовская башня – пушка по длине 9-четвертная, по выбрасываемому металлу 2 1/4-фунтовая; при ней 10 пуль железных, 22 1/2 [фунта] порошу пушечного да на затравку ручного 1/2 ф. Пушкарь Сидоров, для поворота 2 крестьянина пашенных.

б) Наугольная башня – пушка медная 1 1/4-фунтовая, при ней 10 пуль железных, порошу 20 ½ ф. Пушкарь Тенярыков, для поворота 1 крестьянин, пашенный.

в) Казачьи ворота. На башне – пушка полуторная 4-фунтовая, при ней 10 пуль железных, 40 ф. порошу да на затравку фунт. Пушкарь Ильин, для поворота 3 крестьянина.

г) Пермские ворота. При воротах медная пушка 2-фунтовая, 10 пуль железных, порошу 20 ½ ф. Пушкарь Ширков, для поворота 1 крестьянин.

д) Базарные ворота. Пушка 2-фунт., при ней 10 пуль, порошу 20 1/2 ф. Пушкарь и для поворота крестьянин.

Кроме 5 упомянутых пушек оставалось в запасе 4 медных и при них 560 пуль железных. Порошу ручного 759 пудов 30 фунтов, пушечного 690 пудов 28 фунтов, свинцу 907 пудов 21 фунт (Словцов, 2006. С. 101). Нужно отметить, что П.А. Словцовым в своем труде был произведен перевод калибров артиллерийских орудий из гривенок в фунты, что не характерно для периода первой половины XVII в. Можно предположить, что сделано это было для удобства восприятия характеристик пушек читателем второй половины XIX в. Также в выше упомянутом списке можно проследить активное использование пашенных крестьян в качестве орудийной прислуги.

Кроме защиты населенных пунктов, артиллерия использовалась в полевых сражениях, а также для усиления огневой мощи отрядов служилых людей в дальних экспедициях.

Использование полевой артиллерии в Сибири изображено на иллюстрациях летописи С.У. Ремизова. «История Сибирская» была написана в конце XVII в. и отражает события похода против отряда Кучума в 1591 г. На трех рисунках изображены сцены боя, в ходе которого пушки активно применяются служилыми людьми и позволяют им одержать победу. Нужно отметить, что, несмотря на более позднее создание иллюстраций, на них изоб-

Город Тобольск в 1644 г. Реконструкция В.И. Кочеданова
The city of Tobolsk in 1644. Reconstruction of V.I. Kochedamov

ражены типичные орудия характерные для первой половины XVII в. Ремизовские пушки имеют стволы и лафеты – «станки и колеса», а также приспособления для транспортировки, которая производится дулом вперед (Худяков, 2011).

В 1631 г. отряд Я. Тухачевского использовал пушки при успешной осаде Чингизова городка восставших чатских татар. Для перевозки орудий к месту сражения использовались ездовые собаки и нарты, так как поход проходил ранней весной. С помощью артиллерийской поддержки, кроме взятия укреплений, был разгромлен подошедший на помощь союзный татарам отряд (Бобров, Борисенко, Худяков, 2012. С. 90–91)³.

В 1638 г. с головой пеших казаков Б. Аршинским к Ямышевскому озеру в составе отряда из 258 человек отправляется внушительный наряд: пищаль полуторная медная ядром 4 гривенки, к ней 20 ядер железных; пищаль девятипядная ядром 2 гривенки с четью, к ней 20 ядер железных; 2 пищали полковые медные, да пищаль железная ядром по гривенке с четью к ней 60 ядер свинцовых; пищаль полковая медная к ней ядро железное 3 гривенки без чети (РГАДА. Ф. 214. Кн. 110. Л. 10 об.).

В 1634 г. во время осады Тары, калмыкам удалось прорваться в острог, но развить свой успех они не смогли. Огонь из соседних башен, оставшихся в руках осажденных, а также упорство тарских служилых людей не позволили развить успеха (Татауров, 2018. С. 140–141).

Особенности определения тактико-технических характеристик артиллерии XVII в. заключаются в использовании нескольких показателей. Так, в документах фиксируется калибр орудий в весовом значении снаряда (ядра), как правило, гривенках, позднее в петровскую эпоху он будет отображаться в фунтах. Еще один показатель – это длина орудий, которая могла измеряться в пядях (1 пядь приблизительно 17,78 см). В письменных источниках упоминаются, например, девятипядная (более 160 см) или двенадцатипядная (более 210 см), полуторная пищали. Термин «полуторная» пищаль вызывает ряд вопросов. А.Н. Лобин предполагает, что данный вид

орудий определяется их типичной длиной, которая могла составлять полтора десятка пядей, либо полторы сажени (Лобин, 2019. С. 124–125). Ю.Г. Тарасевич полагает, что «полуторность» в определении связана с превосходством длины орудий над типичными образцами первой половины XVI в. (именно тогда впервые встречается термин) в полтора раза (Тарасевич, 2017. С. 260–261). Реже встречается обозначение веса самого орудия, по стандартам того времени он записывался в пудах и гривенках (1 пуд – 16 кг, 1 гривенка в артиллерии равна 1 фунту и составляла чуть более 400 гр.). Эти показатели просуществовали до петровской стандартизации артиллерийского парка начала XVIII в. (Лобин, 2023. С. 267–282).

Государство заботилось о насыщении артиллерией не только военных отрядов, но и населенных пунктов. Из центральной России осуществлялись поставки различных типов орудий и боеприпасов к ним. Это доказывает государственный характер военной колонизации Западной Сибири, а также снабжение на регулярной основе региона огнестрельным нарядом (Пузанов, 2016а. С. 116–119; Никитин, 2014).

В военно-административных и гражданско-правовых документах городов и острогов Западной Сибири зафиксированы специалисты, обслуживающие артиллерийские парки – пушкари, затынщики и воротники. Первые были непосредственно связаны с обслуживанием пушек и затынных пищалей. Воротноки же сочетали исполнение обязанностей по охране ворот городских укреплений с обслуживанием наряда, который был закреплен за данными воротами (как в проездных башнях, так и вне их). Н.Е. Бранденбург указывал, что пушкари и воротники находились в ведомстве приказа артиллерии начала XVIII в. Распространялось это, прежде всего, на Москву, а «в других же городах они зависели от местной приказной палаты и воевод» (Бранденбург, 1876. С. 206). Численность данной категории служилого населения региона была не велика. В разрядных книгах за 1625–1628 гг. в Пелыме отмечены 2 пушкаря. В 1627 г. в Сургуте служили 189 стрельцов и казаков и 3 пушкаря. В 1627 г. в Березове было 6 обротчиков, из которых – 1 воротник города и 1 воротник острога, 1 толмач, дворник гостиного двора, сторож съезжей избы, тюремный сторож. Гарнизон города в 1638 г., насчитывавший 242 служилых че-

³ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII в. Вооружение и военная организация: учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. 2012. 128 с.

ловека, имел, в том числе, 2 пушкаря. В Тюмени, по данным Сибирского приказа, имелись также пушкар и затынщики, количество которых увеличилось с 4-х человек (1633 г.) до 15-ти (1660 г.), число воротников изменилось с 2 (1633 г.) до 3 (1638 г.). В 1625 г. гарнизон Верхотурья насчитывал 68 человек, из которых двое были пушкарями. В 1633 г. гарнизон уездного центра несколько увеличился, из 81 служилого человека трое занимали должности пушкарей. В списках 1638 г. и 1647 г. на Верхотурье отмечается наличие 109 человек, в том числе 5 пушкарей. В Туринском остроге количество пушкарей увеличивалось, составив 3 человека в 1625–1627 гг., 4 в 1629–1631 гг., 5 в 1633–1685 гг. Кроме того, в 1630–1680 гг. среди списков разных служб зафиксирован 1 воротник (Пузанов, 2011. С. 207–208, 221, 224, 242–243, 265–266, 286–287, 301).

Хлебное жалованье пушкарей и затынщиков было практически таким же, как хлебные оклады служилых людей пешей службы. В Таре такие оклады составляли в среднем на человека 3,1 четверти ржи (24,8 пудов или 406 кг) и 2,4 четверти овса (192 пуда или 314 кг). Соляные оклады служилых людей составляли: на женатых казаков – по 2, а на холостых – по 1,5 пуда (Фаистов, Татауров, 2014).

Пушкар не только несли гарнизонную службу, но отправлялись в походы в составе отрядов служилых людей, либо в качестве «годовальщиков». Годовая служба предполагала усиление малочисленных и удаленных слобод и острогов. В 1638 г. из Верхотурья были посланы «от приходу воинских людей» в Невьянскую слободу 22 стрельца и один пушкар (Пузанов, 2012а. С. 73). В 1638 г. из Тобольска на оз. Ямыш с головой пеших казаков Б. Аршинским отправились 258 служилых людей, из числа которых 3 были пушкарями (Пузанов, 2012б. С. 200).

Заключение

К концу правления Михаила Федоровича большую часть артиллерии Западной Сибири составляли затынные пищали, а также пушки небольшого калибра. Вместе с тем, можно отметить

несколько тенденций распространения артиллерийского вооружения данного периода. Во-первых, увеличивается количество пушек большого калибра от 4 фунтов и выше. Во-вторых, увеличение производства полковых орудий на Пушечном дворе калибром в среднем 1–3 фунта прослеживается и в увеличении количества данных систем в составе гарнизонов и воинских подразделений Западной Сибири. При этом процентное соотношение в дальнейшем увеличивалось, что было обусловлено относительной легкостью орудий и их мобильностью. В-третьих, можно согласиться с Е.А. Багриным в том, что увеличение артиллерийского парка городов и острогов Западной Сибири шло значительно быстрее, нежели восточных (Багрин, 2013. С. 185). Вместе с тем, нужно отметить и тот факт, что западносибирские города, отправляя свой наряд на восток, жертвовали своей обороноспособностью. В-четвертых, ощущался кадровый голод среди специалистов, обслуживавших наряд. Это связано с тем, что профессия требовала определенного уровня образования и навыков. Не каждый гулящий человек мог быть поверстан в пушкар, как это было распространено в отношении других категорий служилых людей.

Период правления Михаила Федоровича Романова в Западной Сибири был сложен и очень насыщен на события. Непрерывный процесс колонизации и продвижения служилых корпораций на восток и юг требовал значительных усилий и затрат государства. Регион наряду с другими окраинными территориями, где на границах присутствовало постоянное противостояние, получал необходимую материальную помощь. Прежде всего, выражавшуюся в снабжении огнестрельным оружием и боеприпасами гарнизонов городов и острогов. Именно централизованная поддержка государством и особый характер, мировоззрение служилого человека того времени, обеспечили быстрое продвижение на восток и вхождения в состав державы богатейших территорий Сибири и Дальнего Востока.

Список источников

Багрин Е.А. Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды IV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г. В 4 ч. СПб. : Военно-исторический музей артилле-

References

Bagrin E.A. (2013) Russian artillery in Eastern Siberia in 1640-1715. *War and weapons. New research and materials. In 4 pt. Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2013 g. = Proceedings of*

рии, инженерных войск и войск связи, 2013. Ч. 1. С. 184–199.

Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. «Приказ артиллерии» (1701–1720 г.). Санкт-Петербург: Тип. Артиллерийского журнала, 1876. 571 с.

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII в. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с. EDN: OGZOCQ.

Визгалов Г.П., Горшков И.Д., Ермакова К.К. Свод градостроительных источников города Березов XVI–XVIII вв. // Северные древности: археология, этнография, история. 2023. № 3 (7). С. 12–20. DOI: 10.31630/2949-3609-2023-3-12-123.

Кирпичников А.Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // Советская археология. 1957. № 3. С. 60–76.

Лобин А.Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси: сб. ст. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. Москва: Альянс-Архео; Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2006. С. 383–397.

Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. Москва: Яуза: Эксмо, 2019. 318, [1] с.

Лобин А.Н. Пушки Смуты: Русская артиллерия 1584–1618 гг. Москва: Яуза: Эксмо, 2021. 237, [1] с.

Лобин А.Н. Артиллерия Петра Великого. «В начале славных дел». Москва: Эксмо: Яуза, 2023. 283, [1] с.

Никитин Н.И. Военные факторы колонизации Сибири XVII в. как объект специального изучения // Российская история. 2014. № 3. С. 72–90. EDN: SGGYKP.

Пузанов В.Д. Русская военная политика и колонизация Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 568 с.

Пузанов В.Д. Беломестные казаки в Сибири XVII – первой трети XVIII в. // Вопросы истории. 2012а. № 10. С. 71–86. EDN: SDHJON.

Пузанов В.Д. Службы гарнизона Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2012b. № 1–2 (25–26). С. 189–210. EDN: VCUZLZ.

Пузанов В.Д. Политика русского государства по снабжению уездов Сибири оружием в XVII в. // Исторический формат. 2016а. № 4 (8). С. 106–123. EDN: RCJZLP.

Пузанов В.Д. Укрепление и вооружение Тобольска в XVII в. // Россия будет прирастать Сибирью: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти известного краеведа, Почетного гражданина города Сургута И.П. Захарова, Сургут, 04 декабря 2015 года. Сургут: Сургутский государственный университет, 2016b. С. 14–19. EDN: WPCIMP.

the Fourth International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 15-17, 2013. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops. Pt. 1. P. 184-199. (In Russ.).

Brandenburg N.E. (1876) Materials for the history of artillery management in Russia: “Order of artillery” (1701-1720). St. Petersburg: Type. Art. journal. 571 p. (In Russ.).

Vershinin E.V. (2018) Russian colonization of North-western Siberia at the end of the XVI-XVII century. Yekaterinburg: Demidov Institute. 504 p. (In Russ.). EDN: OGZOCQ.

Vizgalov G.P., Gorshkov I.D., Ermakova K.K. (2023) The corpus of Beryozov town urban planning sources of the 16th - 18th centuries. *Northern Antiquities: Archaeology, Ethnography, History*. No. 3 (7). P. 12-20. (In Russ.). DOI: 10.31630/2949-3609-2023-3-12-123.

Kirpichnikov A.N. (1957) Military affairs of medieval Russia and the appearance of firearms. *Soviet Archaeology*. No. 3. P. 60-76. (In Russ.).

Lobin A.N. (2006) Regimental artillery in the reign of Mikhail Fedorovich (1613-1645). *Studies on the history of medieval Russia: collection of articles in honor of the 80th anniversary of Yu.G. Alekseev*. Moscow: Alliance-Archeo; St. Petersburg: Saint-Petersburg State University. P. 383-397. (In Russ.).

Lobin A.N. (2019) Artillery of Ivan the Terrible. Moscow: Yauza; Eksmo. 319 p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2021) Guns of the Troubles: Russian artillery 1584-1618. Moscow: Yauza; Eksmo. 238 p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2023) Artillery of Peter the Great. “At the beginning of glorious deeds.” Moscow: Yauza; Eksmo. 284 p. (In Russ.).

Nikitin N.I. (2014) Military factors of Siberia colonization in seventeenth as an object of study. *Russian History*. No. 3. P. 72-90. (In Russ.). EDN: SGGYKP.

Puzanov V.D. (2011) Russian military policy and colonization of Western Siberia (late XVI - early XVIII century). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 568 p. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2012a) White Local Cossacks in Siberia of the XVII - first third of the XVIII century. *Questions of history*. No. 10. P. 71-86. (In Russ.). EDN: SDHJON.

Puzanov V.D. (2012b) Tobolsk garrison services. *The Northern Region: Science, Education, Culture*. No.1-2 (25-26). P. 189-210. (In Russ.). EDN: VCUZLZ.

Puzanov V.D. (2016a) The policy of the Russian state regarding the arms supply of Siberian districts in the 17th century. *Historical Format*. No. 4 (8). P. 106-123. (In Russ.). EDN: RCJZLP.

Puzanov V.D. (2016b) The strengthening and arming of Tobolsk in the XVII century. *Rossiya budet prirastat' Sibir'yu: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi pamyati izvestnogo kraevedy, Pochetnogo grazhdanina goroda Surguta I.P. Zakharova, Surgut, 04 dekabrya 2015 goda = Russia will grow with Siberia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Surgut, December 04, 2015*. Surgut: Surgut State University. P. 14-19. (In Russ.). EDN: WPCIMP.

Словцов П.А. История Сибири: от Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 505, [3] с.

Тарасевич Ю.Г. Номенклатура артиллерии среднего и малого калибра в Московской Руси XVI–XVII веков // Война и оружие: Новые исследования и материалы : труды Восьмой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2017 года. СПб. : ВИМАИВиВС, 2017. Ч. IV. С. 252–271.

Татауров С.Ф. Кучумовичи в Тарском Прииртышье и штурм города Тары в 1634 году // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 1. С. 134–144. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.134-144. EDN: YTFSWN.

Фаистов Т.Н., Татауров С.Ф. Артиллерия Тарской крепости в 1594–1689 гг. // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. В 2-х т. Омск; Тюмень; Екатеринбург : Изд-во Магеллан, 2014. Том I. С. 180–182. EDN: TNBAPL.

Худяков Ю.С. Применение артиллерии отрядами русских казаков и служилых людей в военных действиях против тюркских и монгольских номадов в Западной и Южной Сибири в конце XVI – первой половине XVII века (по письменным и изобразительным источникам) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. XVII. С. 254–258. EDN: OWFZWZB.

Информация об авторе

Суханов Александр Сергеевич,
директор,
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 9» г. Шадринска,
641870, г. Шадринск, ул. Октябрьская, 70, Россия;
аспирант, кафедра Отечественной истории,
Шадринский государственный педагогический университет,
641870, г. Шадринск, ул. Карла Либкнехта, 3, Россия,
e-mail: sukhanovas@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6437-471X>

Вклад автора

Суханов А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 31 августа 2024 г.; одобрена после рецензирования 30 октября 2024 г.; принята к публикации 11 ноября 2024 г.

Slovtsov P.A. (2006) The history of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow: Veche. 508 p. (In Russ.).

Tarasevich Yu.G. (2017) The nomenclature of medium and small caliber artillery in Moscow Russia of the XVI–XVII centuries. *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy Trudy Vos'moi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 17–19 maya 2017 goda* = War and Weapons. New Research and Materials. Proceedings of the Eighth International Scientific and Practical Conference on May 17–19, 2017. St. Petersburg: VIMAIVIS. Pt. IV. P. 252–271. (In Russ.).

Tataurov S.F. (2018) The Kuchumovichi in Tara's Cis-Irtysh Region and Storming the City of Tara in 1634. *Golden Horde Review*. Vol. 6. No. 1. P. 134–144. (In Russ.). DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.134-144. EDN: YTFSWN.

Faistov T.N., Tataurov S.F. (2014) Artillery of Tara fortress in 1594–1689 years. *Culture of Russians in Archaeological Research: Collection of Scientific Articles*. In 2 vol. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan Publishing House. Vol. I. P. 180–182. (In Russ.). EDN: TNBAPL.

Khudyakov Y.S. (2011) The use of artillery by detachments of Russian Cossacks and serving men in military operations against the Turkic and Mongolian nomads and Western and Southern Siberia at the end of the 16th–first half of the 17th century (according to written and pictorial sources). *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Vol. XVII. P. 254–258. (In Russ.). EDN: OWFZWZB.

Information about the author

Alexander S. Sukhanov,
Director,
Municipal budget general education institution “Gymnasium No. 9” in Shadrinsk,
70, Oktyabr'skaya St., Shadrinsk 641870, Russia;
postgraduate student, Department of National History,
Shadrinsk State Pedagogical University,
3, Karl Liebknecht St., Shadrinsk 641870, Russia,
e-mail: sukhanovas@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6437-471X>

Contribution of the author

Sukhanov A.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 31, 2024; approved after reviewing October 30, 2024; accepted for publication November 11, 2024.

Научная статья
УДК 94(47).048+568.9
EDN: SLEMUH
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-67-83>

Многофакторный анализ состава и организации китайской артиллерии при осадах Албазина

А.Ю. Лохов¹, И.Е. Ерёмин², А.В. Нацвин²

¹ Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, Благовещенск, Россия

² Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

Аннотация. Одним из актуальных направлений исследований истории Албазинского острога является детализация качественного и количественного состава средневековой артиллерии, использовавшейся противоборствующими сторонами в ходе двух последовательных осад данной крепости. В свою очередь, если информация о русских пушках выглядит вполне приемлемо, то по китайским орудиям фактически не выявлены ни их конкретные технические типы, ни реальное количество. В настоящей работе, авторы предлагают использовать в рамках исторического описания двух последовательных осад Албазина, соответственно, в 1685 и 1686 гг., детализированный перечень фактически использованных китайских пушек. Одной из особенностей рассматриваемого периода является то, что он фактически совпал со временем завершения модернизации китайской армии, предпринятой вторым представителем династии Цин – императором Канси. При этом значительный вклад в разработку национальных артиллерийских систем, сначала лишь копировавших, а затем и превзошедших исходные западные образцы, внесли европейские миссионеры-иезуиты. Начиная, примерно, с 1670 года, китайцы стали стремиться к поэтапному заполнению всей ниши традиционных для Европы осадных орудий, полностью прекратив производство морально устаревших экземпляров. При этом они использовали свою оригинальную литейную технологию, обеспечившую возможность рационального увеличения длины пушечных стволов на фоне минимального роста их итоговой массы. Владея дополнительной справочной информацией о реальных тактико-технических параметрах китайской артиллерии, можно идентифицировать конкретные типы осадных и полевых орудий, непосредственно использованных армией Лантаня на поле боя. При этом неоценимую помощь в решении текущей задачи оказывают рисунки первой и второй осад Албазина, которые также дают все основания для полностью обоснованного утверждения о фактической точности отображения данными графическими документами реального состава китайской артиллерии, имея в виду не только её качественный, но и количественный состав.

Ключевые слова: Албазинский острог, осада, артиллерия, кулеврина, калибр, пушка, ядро, лафет, зажигательный снаряд

Для цитирования: Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Многофакторный анализ состава и организации китайской артиллерии при осадах Албазина // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 67–83. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-67-83. EDN: SLEMUH.

History

Original article

Multifactorial analysis of the composition and organization of Chinese artillery during the siege of Albazin

Aleksei Yu. Lokhov¹, Ilya E. Eremin², Aleksei V. Natsvin²

¹ The Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky Far Eastern Higher Combined Arms Command School, Blagoveshchensk, Russia

² Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

Abstract. One of the most relevant areas of research in the history of the Albazin fortress is the detailing of the qualitative and quantitative composition of medieval artillery used by the warring parties during two successive sieges of it. In turn, if the information about Russian guns looks quite acceptable, then neither their specific technical types nor the actual number have a actual-

ly been identified for Chinese guns. In this paper, the authors propose to use a detailed list of actually used Chinese cannons as part of the historical description of two successive sieges of Albazin, respectively, in 1685 and 1686. One of the features of the period under review is that it actually coincided with the completion of the modernization of the Chinese army, undertaken by the second representative of the Qing Dynasty, the Kangxi Emperor. At the same time, European Jesuit missionaries made a significant contribution to the development of national artillery systems, which at first only copied and then surpassed the original Western models. In turn, starting around 1670, the Chinese began to strive to gradually fill the entire niche of traditional European siege weapons, completely stopping the production of obsolete copies. At the same time, they used their original casting technology, which made it possible to rationally increase the length of cannon barrels against the background of a minimum increase in their final weight. Having additional background information about the actual tactical and technical parameters of Chinese artillery, it is possible to identify specific types of siege and field guns directly used by the Lantan army on the battlefield. At the same time, drawings of the first and second sieges of Albazin fortress provide invaluable assistance in solving the current task. Which also give every reason for a fully justified statement about the actual accuracy of the display of the real composition of the Chinese artillery by these graphic documents, bearing in mind not only its qualitative, but also its quantitative composition.

Keywords: Albazin fortress, siege, artillery, culverin, caliber, cannon, core, carriage, incendiary projectile

For citation: Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2024) Multifactorial analysis of the composition and organization of Chinese artillery during the siege of Albazin. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 67-83. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-67-83. EDN: SLEMUH.

При всестороннем изучении того или иного исторического события, рассматриваемого в рамках любого профессионально проводимого исследования, так или иначе, приходится сталкиваться с объективной необходимостью тщательной проверки и взаимного согласования достаточно большого числа весьма разнообразных исходных данных. При этом достоверность генерируемых на их базе научных результатов определяется, во-первых, внутренней непротиворечивостью обобщённого массива архивной, археологической и другой справочной информации. Во-вторых, принципиальной адекватностью выявляемых особенностей исследуемого объекта общепринятым контрольным данным, характеризующим ключевые особенности соответствующего исторического периода.

Описание хода военных действий, развернувшихся вокруг Албазинского острога в рамках его двух последовательных осад, предпринятых Цинским Китаем в 1685 и 1686–1687 годах, вызывает неослабевающий интерес еще со времени первого амурского сплава, осуществленного под руководством графа Муравьева-Амурского в середине XIX века (Маак, 1859; Голубцов, 1902; Мелихов, 1974; Александров, 1984; Мясников, 1980; Беспрозванных, 1986; Артемьев, 1999; Мандзяк, 2002; Бобров, Худяков, 2008; Албазинский острог..., 2019; Доронин, 2002; Албазинское воеводство, 2019¹; Между-

народные отношения, 1989²; Русско-китайские отношения..., 1969³; Русско-китайские отношения..., 1972⁴). Однако, не смотря на все усилия, прилагаемые отечественными учеными, характеристика сил и средств рассматриваемого вооруженного столкновения представлена на текущий момент лишь в самом общем виде и вызывает ряд объективных вопросов, нуждающихся в дополнительной проработке. При этом одним из актуальных направлений подобных исследований является детализация качественного и количественного состава средневековой артиллерии, использовавшейся противоборствующими сторонами (Артемьев, 1993; Аюшин, 1998. С. 108–109; Багрин, 2009а; Багрин, 2009b; Степанов, 2011; Багрин, 2013; Трухин, Багрин, 2019; Лохов, Еремин, Нацвин, 2021). В свою очередь, если информация о русских пушках выглядит вполне приемлемо, то по китайским орудиям фактически не выявлены ни их конкретные технические типы, ни реальное количество.

Основная причина названного обстоятельства, по мнению авторов, обусловлена базовым принципом классического (индуктивного) подхода, тра-

¹ Албазинское воеводство (сборник документов) / Трухин В.И., Крюков В.В. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Хабаровск, 2019. 628 с.

² Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв. : документы и материалы / сост. Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев. М. : Наука, 1989. Кн. 1. 373 с.

³ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1 (1608–1683). 613 с.

⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1972. Т. 2 (1686–1691). 835 с.

диционно используемого при проведении исторических исследований и подразумевающего описание изучаемой системы путём перехода от частного к общему. Очевидно, что в данном случае особое значение приобретает правильность исходного толкования базовой информации, поступающей в непосредственный научный оборот. При этом ретроспективная удалённость используемой фактуры существенно влияет на адекватность современного восприятия как смысловой сути объекта исследований, так и процессов его фактического развития. С другой стороны, аналогичные теоретические изыскания могут основываться на применении системного (дедуктивного) подхода, широко распространённого в области естественных наук и основанного на необходимости рассмотрения любой системы в рамках перехода от общего к частному (Лохов, Трухин, Зайцев, 2021; Трухин, Лохов, 2022; Лохов, Еремин, Нацвин, 2022а; Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2022b; Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2023).

Предваряя основную часть описываемого исследования, остановимся на противоречивости отечественной информации о количественном и качественном составе китайской артиллерии, непосредственно участвовавшей при первой осаде Албазина в 1685 году. Сохранившиеся архивы свидетельствуют, что китайских пушек было 250 штук, в том числе проломные длиной в полторы и две сажени, а также полковые, длиной в сажень и менее (крестьянин Никифоров); 150 полковых и 50 проломных калибрами 20, 15 и 12 фунтов (воевода Толбузин); 100 полковых и 40 проломных (китайские переговорщики).

В свою очередь наиболее доступная информация из китайских архивных источников тоже оказывается не более внятной. Действительно, из биографии цинского полководца Лантаня, командовавшего осадной армией в 1685 и 1686 годах, выясняется только то, что в первой осаде Албазина принимали участие орудия двух типов – пушки «Хунъипао» и «Цзянцзюнь пао». Кроме того, в названном документе приводится краткое описание и второй осады, в котором упоминаются пушки «Лунпао». Также из допроса китайского дезертира, пойманного русскими на месте сгоревшего острога через месяц после его первой осады, стало ясно, что у маньчжурских войск имелось только 30 больших и 15 малых пушек. Таким образом, си-

стемное решение исследуемой задачи требует подбора и анализа некоторой дополнительной информации, характеризующей технические параметры китайской артиллерии второй половины XVII века, а также общие правила её боевого применения.

Начиная со второй половины XV века, регулярная артиллерия, ранее используемая на поле боя относительно бессистемно, приобрела чёткую специализацию в рамках её двух основных предназначений: полевые (осадные) пушки крупных калибров, состоявшие на вооружении специализированных артиллерийских подразделений, и полевые (полковые) пушки малых калибров, предназначенные для непосредственной поддержки пехоты. В свою очередь, во второй половине XVI века наиболее распространённым типом тяжёлых (осадных) орудий являлись кулеврины – мобильные пушки калибром от трех до шести дюймов, изначально появившиеся во французской сухопутной армии, а затем ставшие и основным типом средне-палубной английской корабельной артиллерии. При этом в качестве легких подвижных орудий средневековой Европы чаще всего использовались фальконеты – колёсные пушки калибром от одного до трёх дюймов. Поскольку китайские пушки рассматриваемого периода принципиально копировали стандартные европейские образцы, то следует рассмотреть их характеристики более подробно (табл. 1).

Собственное название кулеврины, означающее «змеевидный», произошло от конструкции её ствола, который на раннем этапе своего развития выковывался из медных или железных полос, скреплённых для прочности не более чем пятью кольцами. Данная особенность и определила характерную для орудия веретенообразную форму с пятью одинарными или сдвоенными кольцеобразными выступами. Первоначально кулеврины были разновидностью крупного ручного оружия, но уже в XV веке заняли нишу дульнозарядных осадных пушек, ведущих огонь по настильной траектории, и приобрели размерную классификацию (Moretti, 1673). Проверка технических характеристик точной копии большой (экстраординарной) кулеврины показала, что она могла разгонять железное ядро весом 10 килограммов до скорости 408 м/с и обладала дальностью стрельбы в 450 метров при минимальном угле возвышения ствола. При этом её наименьшая разновидность (полукулеврина) могла

Таблица 1. Типовые параметры европейских полевых пушек XVI века

Table 1. Typical parameters of European field guns of the XVI century

Наименование орудия	Характеристики орудийного ствола			Характеристики ядра	
	Калибр	Длина	Масса	Диаметр	Масса
Кулеврина экстраординарная	5,7 дюйм 14,5 см	11,9 фут (25 к) 362 см	4800 фунт 2400 кг	5,3 дюйм 13,5 см	20 фунт 10,0 кг
Кулеврина ординарная	5,3 дюйм 13,5 см	11,0 фут (25 к) 345 см	4500 фунт 2250 кг	5,1 дюйм 13,0 см	18 фунт 9,0 кг
Кулеврина малого размера	5,1 дюйм 13,0 см	10,6 фут (25 к) 325 см	4000 фунт 2000 кг	4,9 дюйм 12,5 см	15 фунт 7,5 кг
Кулеврина меньшего размера	4,9 дюйм 12,5 см	10,2 фут (25 к) 312 см	3800 фунт 1900 кг	4,7 дюйм 12,2 см	12 фунт 6,0 кг
Полукулеврина	4,0 дюйм 10,2 см	12,0 фут (36 к) 367 см	3400 фунт 1700 кг	3,7 дюйм 9,4 см	7 фунт 3,5 кг
Фальконет	2,0 дюйм 5,1 см	4,2 фут (25 к) 127 см	440 фунт 220 кг	1,9 дюйм 4,8 см	1 фунт 0,5 кг

вести эффективный огонь от 550 до 2000 метров 4,5-килограммовыми ядрами, обладая при этом существенно меньшим собственным весом. Необходимо отметить, что именно полукулевины чаще всего использовались полководцами XVII века для проведения скоротечных осад небольших крепостей или укрепленных замков (рис. 1).

В свою очередь фальконеты представляли собой лёгкие пушки, состоявшие на вооружении артиллерийских подразделений, непосредственно входивших в состав пехотных полков и батальонов. Конструкция данного орудия имела достаточно разнообразные модификации в зависимости от

длины ствола и способа заряжания. Среднестатистический фальконет XVII века имел следующие тактико-технические характеристики: массу ядра в районе половины килограмма; длину ствола от 25 до 36 линейных калибров и дальность прямого выстрела до 500 метров у длинноствольного варианта. При этом в отличие от кулеврины, использовавшей только железные ядра, он мог вести огонь еще и свинцовыми ядрами, а также картечью. Дульнозарядные короткоствольные фальконеты, как правило, отливались из чугуна или бронзы, а казнозарядные длинноствольные варианты обычно выковывались из железа (рис. 2).

Рис. 1. Чугунная полукулеврина XVI века из замка Пенвенци, Суссекс
Fig. 1. Cast-iron semi-cabinet of the XVI century from Penvensi Castle, Sussex

Рис. 2. Легкие пушки: бронзовый фальконет (слева); железный фальконет (справа)
 Fig. 2. Light guns: bronze falconet (left); iron falconet (right)

Переходя к непосредственному рассмотрению объекта исследования, следует отметить, что одной из особенностей изучаемого периода является то, что он фактически совпал со временем завершения модернизации китайской армии, предпринятой вторым представителем династии Цин императором Канси (Andrade, 2011). При этом значительный вклад в разработку национальных артиллерийских систем, сначала лишь копировавших, а затем и превзошедших исходные западные образцы, внесли европейские миссионеры-иезуиты Тан Жован (Иоганн Адам Шаль фон Белла, 1592–1666) и Нань Хуайжэнь (Фердинанд Вербист, 1623–1688). Именно фламандец Нань Хуайжэнь, сменивший немца Тана Жована на посту руководителя математического совета при императоре Китая, лично руководил разработкой и производством всех разновидностей пушек нового типа «Цзянцзюнь пао»: лёгких – «Шэнвей цзянцзюнь пао»; средних – «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао»; тяжёлых – «Вонгу цзянцзюнь пао» (Лю Сюй, 1989; Ван Чжаочунь, 1991).

Первые европейские пушки попали в Китай в качестве трофеев, захваченных после разгрома флота португальцев в битве при Сицаоване в 1521 году. Данные мелкокалиберные чугунные орудия являлись казнозарядными вертлюжными пушками, послужившими образцами для производства их китайских копий и получившими общее название «Фоланцзы пао» – франкские пушки. В свою очередь «Хуньипао» – красные варварские пушки, представляли собой дульнозарядные бронзовые полукулеврины, завезенные в Китай из португальской колонии Макао в 1604 году, а их достаточно

массовое копирование со временем было налажено на Пекинском пушечном дворе и активно продолжалось непосредственно до очередной смены династий (табл. 2). При этом традиционное превосходство китайских литейных технологий дало возможность реализовать глубокую модернизацию исходных цельнометаллических орудийных стволов, модифицировав их в качестве биметаллических изделий, имеющих чугунную сердцевину и бронзовую оболочку (рис. 3).

Таблица 2. Параметры стволов лёгкой и тяжелой минских пушек «Хуньипао» (Хуанг Й-Лонг, 2009)
Table 2. Parameters of barrels of light and heavy Minsk guns “Hongyipao” (Huang Y-Long, 2009)

№	Год отливки	Калибр (см)	Длина (см)	Масса (кг)
1	1628	7,8	170	420
2	1642	10,2	382	2500

Необходимо отметить, что китайское ноу-хау позволило повысить безопасность использования названных пушек, которая в исследуемый период являлась весьма важным техническим параметром, а также увеличить общую долговечность и практическую эффективность их боевого применения, принимая во внимание объективный износ канала ствола, непосредственно влияющий на точность и дальность артиллерийского огня. Кроме того, модернизация «Хуньипао», изначально принятых на вооружение при династии Мин, была продолжена и династией Цин, а её основное направление было связано с производством орудий более крупного калибра (табл. 3, рис. 4).

Рис. 3. Средние пушки «Хуньипао», отлитые при династии Мин в период до 1642 года
Fig. 3. Hongyipao medium cannons, cast during the Ming Dynasty in the period before 1642

Таблица 3. Параметры стволов тяжелой и средней цинских пушек «Хуньипао» (Хуанг Й-Лонг, 2009)
Table 3. Barrel parameters of heavy and medium Qing guns “Hongyipao” (Huang Y-Long, 2009)

№	Год отливки	Калибр (см)	Длина (см)	Масса (кг)
1	1646	13,0	214	–
2	1658	10,0	384	1848

Начиная, примерно, с 1670 года, китайцы стали стремиться к поэтапному заполнению всей ниши традиционных для Европы осадных орудий, полностью прекратив производство морально устаревших полукулеврин. При этом они использовали свою оригинальную литейную технологию, обеспечившую возможность рационального увеличения длины пушечных стволов на фоне минимального роста их итоговой массы (табл. 4, рис. 5). Руководство проектированием и отливкой всех

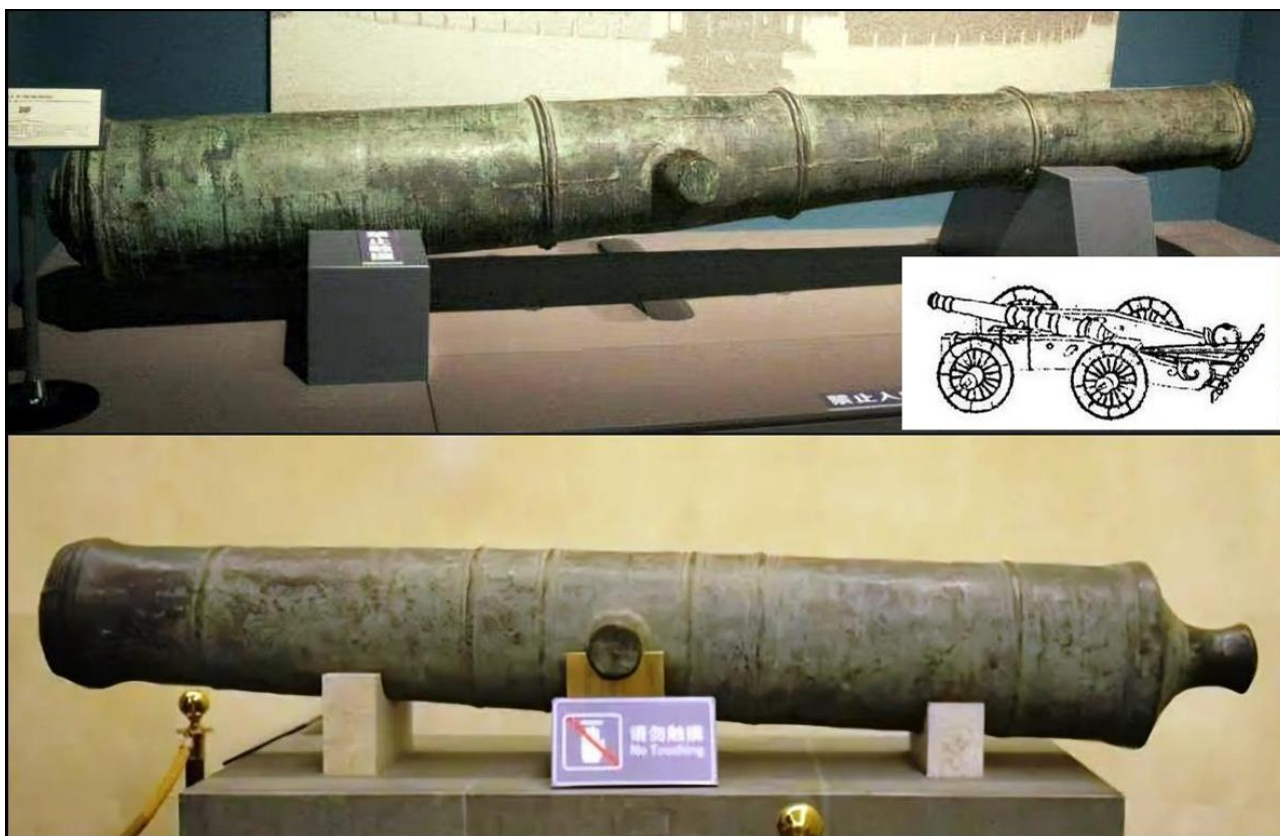

Рис. 4. Средняя и тяжёлая пушки «Хуньипао», отлитые в 1643–1670 годах
Fig. 4. Medium and heavy guns “Hongyipao”, cast in 1643-1670

Таблица 4. Параметры стволов средних и тяжелой новых пушек «Цзянцзюнь пао» (Хуанг Й-Лонг, 2009)
Table 4. Parameters of barrels of medium and heavy new guns “Jiangjun pao” (Huang Y-Long, 2009)

№	Калибр (см)	Толщина слоя (см)		Диаметр (см)	Длина (см)	Масса (кг)
		снаружи	внутри			
1	13,0	6,3	3,5	48,0	264	2340
2	13,0	5,4	3,6	41,5	266	2220
3	13,0	4,0	4,5	42,0	299	2400
4	14,5	4,9	3,0	–	294	2160

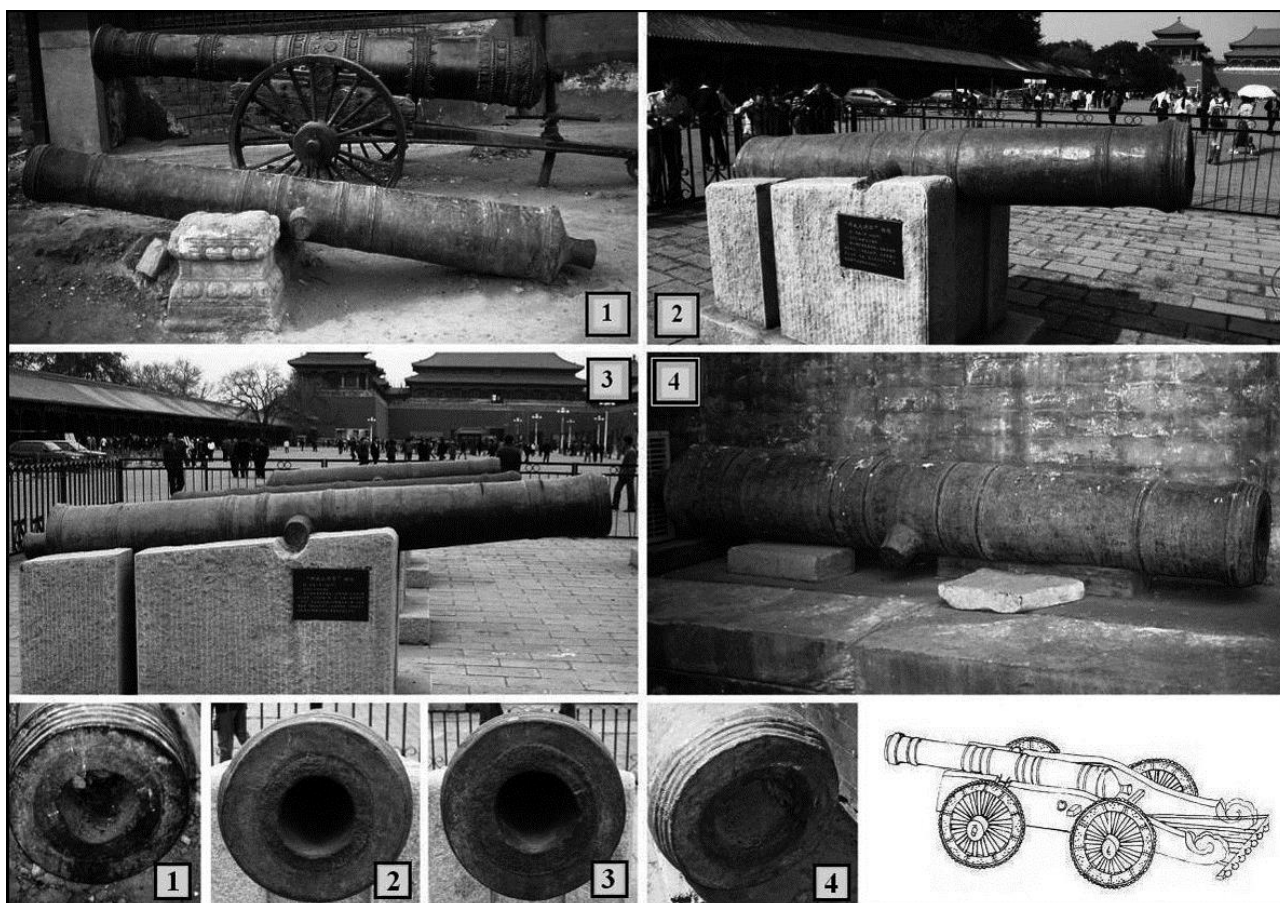

Рис. 5. Средние и тяжёлая пушки «Цзянцзюнь пао», отлитые в 1673–1681 гг. (Хуанг Й-Лонг, 2009. С. 73–136)
Fig. 5. Medium and heavy guns “Jiangjun pao”, cast in 1673–1681. (Huang Y-Long, 2009. pp. 73–136)

типов новых пушек великого полководца – «Цзянцзюнь пао» было возложено на известного китайского инженера второй половины XVII века Нань Хуайжэня, имя которого зафиксировано на большинстве дошедших до нас орудий рассматриваемого типа.

Отметим, что доказанная на практике высокая эффективность «Цзянцзюнь пао», обусловила целесообразность их очередной модификации, что привело к появлению в конце 1680-х годов новейших пушек непоколебимого великого полководца – «Учэньюнг да цзянцзюнь пао», представляющих

собой вершину развития средневековой китайской артиллерии (табл. 5, рис. 6).

Таким образом, теоретическая возможность непосредственного использования осадных орудий китайского производства в битве за Албазин выглядит следующим образом. Во-первых, тяжелые пушки «Хуньипао», отлитые в конце династии Мин (полукулеврины), скорее всего сохранялись в крайне незначительном количестве, принимая во внимание традиционное правило переплавки старых орудий в новые. Во-вторых, тяжёлые пушки «Хуньипао», отлитые в начале династии Цин (ку-

Таблица 5. Параметры новейших китайских пушек «Учэньюнг да цзянцзюнь пао» (Громов, 2019)
Table 5. Parameters of the latest Chinese guns “Wuchengyungu da jiangjun pao” (Gromov, 2019)

№	Пропорция	Год отливки	Характеристики орудийного ствола			Масса ядра (кг)
			Калибр (см)	Длина (см)	Масса (кг)	
1	Большая	–	15,5	340	–	–
2	Средняя	–	13,5	315	–	–
3	Малая	–	12,7	295	–	–
4	Малая	1689	12,7	316	2880	6,0

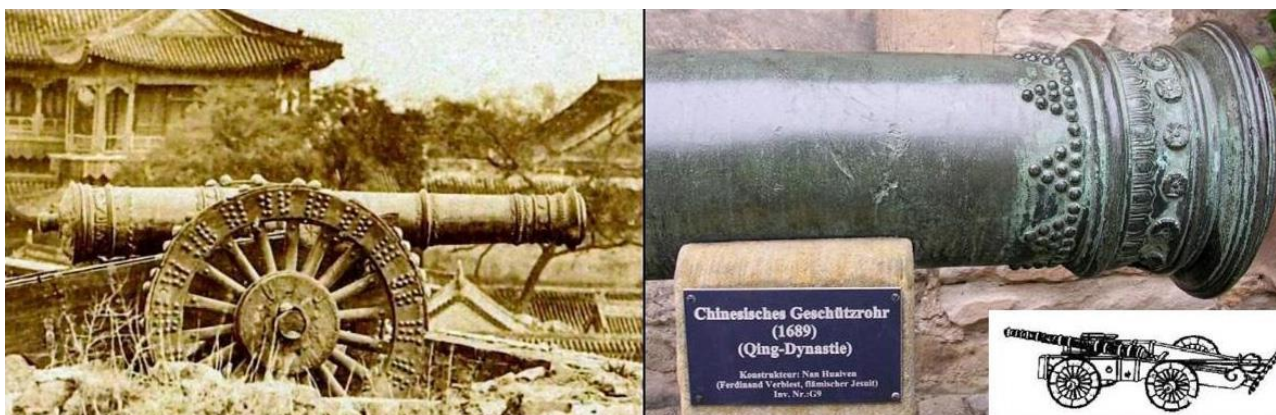

Рис. 6. Китайские осадные пушки «Учэньюнг да цзянцзюнь пао» малой пропорции
Fig. 6. Chinese siege guns “Wuchengyungu da jiangjun pao” of small proportions

леврины малого размера), должна была постигнуть та же участь, поскольку они заменялись аналогичными средними пушками «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао». При этом средние цинские пушки «Хуньипао» (полукулеврины), должны были оставаться в достаточном количестве, не имея возможности своей замены. Данное соображение применимо и к тяжелым орудиям «Вонгу цзянцзюнь пао» (экстраординарным кулевринам). В-третьих, новейшие китайские пушки «Учэньюнг да цзянцзюнь пао» стали поступать на вооружение уже после исследуемых исторических событий.

Переходя к рассмотрению лёгких китайских орудий XVII века, можно констатировать, что задача определения их конкретной разновидности, участвовавшей в битве за Албазин, решается достаточно просто. Действительно, современные исследования однозначно выявили их тип и общее количество при первой осаде Албазинского острога – это были восемь новых длинноствольных пушек «Шэнвей цзянцзюнь пао» (Ван Чжаочунь, 1991). При этом названные орудия обладали следующими техническими характеристиками: калибром 50 мм, длиной ствола в 214 см и массой 472 кг, ядро имело диаметр 48 мм и весило 666 г (рис. 7).

Стоит отметить, что ствол одной из рассматриваемых пушек, изготовленных в количестве 52 единиц в период с 1676 по 1681 годы, сохранился в коллекции Забайкальского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова (Пастухов, Багрин, Васильев, 2013).

Таким образом, владея дополнительной справочной информацией о реальных тактико-технических параметрах китайской артиллерии, можно идентифицировать конкретные типы осадных и полевых орудий, непосредственно использованных армией Лантаня на поле боя. При этом неоценимую помощь в решении текущей задачи оказывают рисунки первой и второй осад Албазина, представленные в китайском рукописном атласе конца XVII века и голландской карте, опубликованной Н. Витсеном в 1687 году (Албазинский острог..., 2019). Действительно, детализация названных источников позволяет достаточно четко выделить три основных типа пушек: легкие орудия ближнего боя, выделенные фиолетовым цветом; средние и тяжелые осадные орудия дальнего боя, соответственно, выделенные красным и синим цветом (рис. 8).

В свою очередь подсчет общего числа пушек, систематизированных подобным образом, даёт следующие результаты. Во-первых, легких орудий

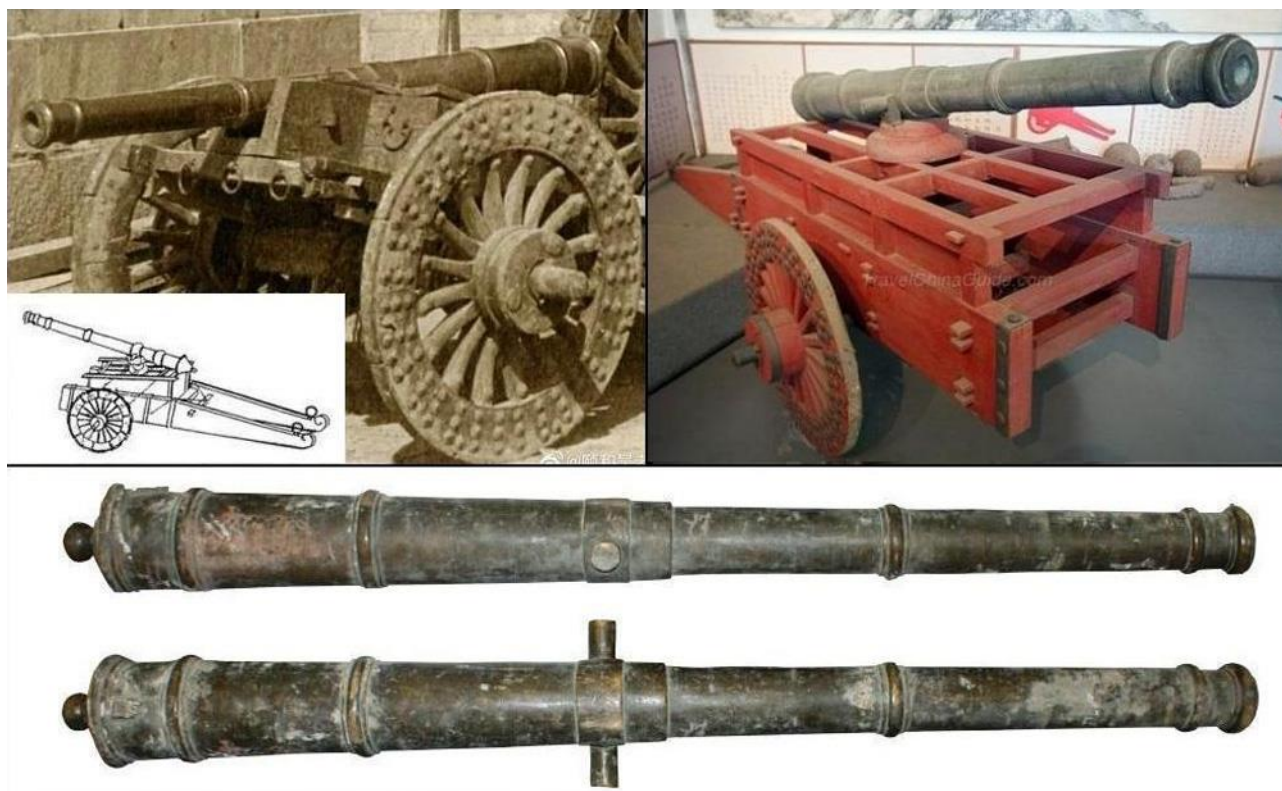

Рис. 7. Легкие пушки «Шэнвей цзянцзюнь пао», отлитые в 1676–1681 годах
Fig. 7. Light guns "Shenwei jiangjun pao", cast in 1676-1681

(фиолетовый цвет) выявляется по восемь штук на изображениях как первой, так и второй осады. Во-вторых, аналогичная ситуация имеет место и при выявлении пяти средних осадных орудий (красный цвет). В-третьих, общее число тяжёлых осадных орудий (синий цвет) несколько различается – при первой осаде их обнаруживается семь штук, а при второй осаде уже десять штук. Необходимо обратить особое внимание на то, что число идентифицируемых подобным образом лёгких пушек полностью соответствует фактическому количеству «Шэнвей цзянцзюнь пао», непосредственно участвовавших в первой осаде Албазина. Следовательно, есть все основания для полностью обоснованного утверждения о фактической точности отображения данными графическими документами реального состава китайской артиллерии, имея в виду не только ее качественный, но и количественный состав.

Таким образом, наиболее известные данные русских архивов, традиционно используемые в рамках классического описания первой осады Албазина и указывающие на общее число китайских пушек в количестве 250, 200 или 150 единиц, нужно признать не только противоречивыми, но и объективно не достоверными. Причины подобной

крайне завышенной оценки сил Лантяня, указанной в первичных отписках Албазинского воеводы Толбузина и настоятеля Спасского монастыря отца Гермогена своему непосредственному руководству, вполне очевидны. Русский острог, на возведение которого были затрачены существенные государственные средства, оказался захваченным и полностью уничтоженным в рекордно малые сроки. Следовательно, дальнейшая детализация объекта исследования должна опираться на более правдоподобные данные, имеющие относительно позднюю датировку.

Действительно, отписка Нерчинского воеводы Власова Енисейскому воеводе князю Щербатову, составленная на основании допроса китайского дезертира, дает уже вполне реальную картину общей структуры китайской артиллерии первой осады: «А наряду с ними было 30 пушек больших, 15 малых; а сбирал де Китайской царь ту силу под Албазинской острог года с три...»⁵. Аналогичная

⁵ Акты об осаде и взятии Албазина Китаичами // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. XII. СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1872. С. 107–114.

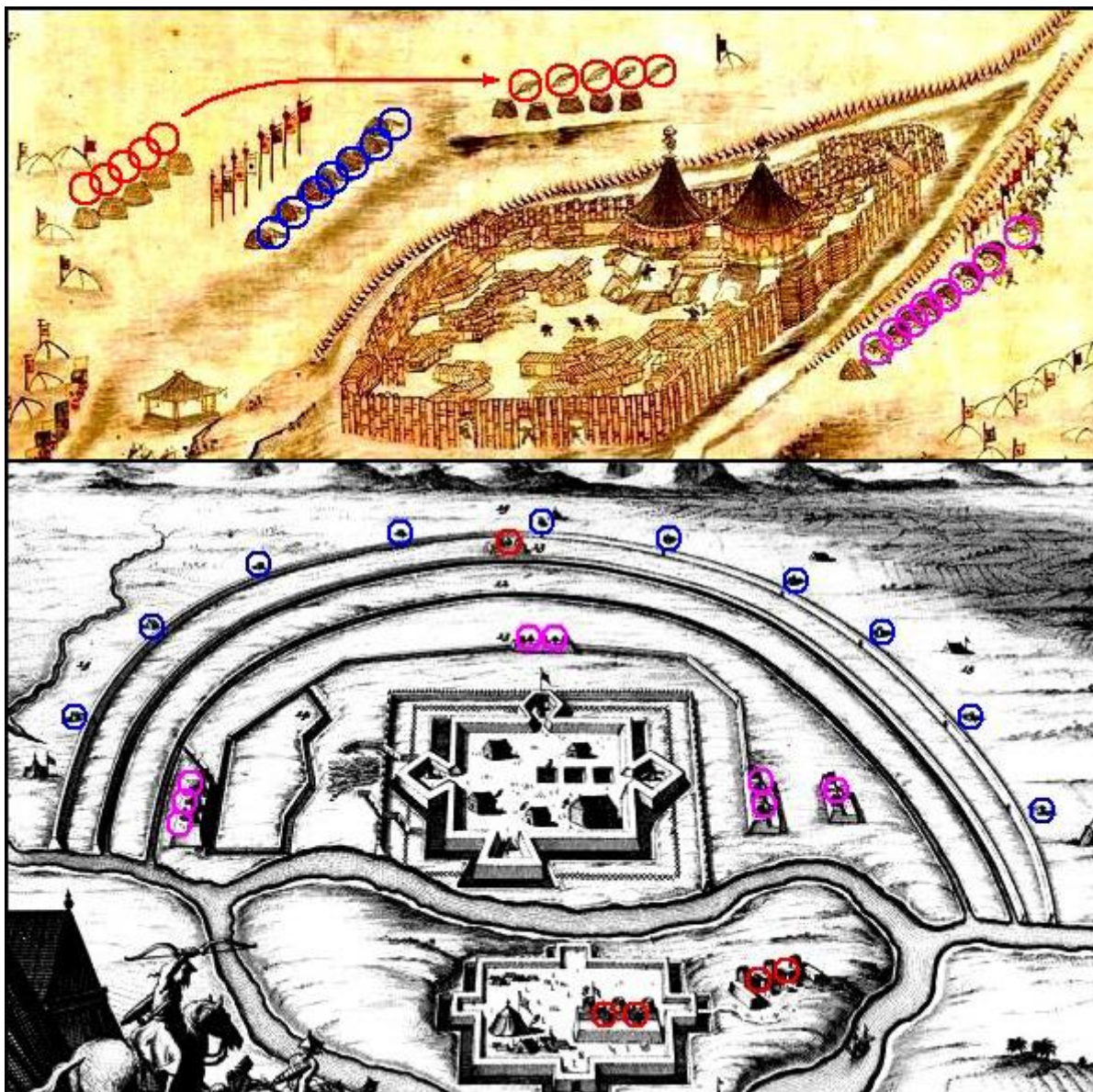

Рис. 8. Сравнительный анализ общей организации и состава маньчжурской артиллерии: на китайском рисунке первой осады Албазина, проведенной в 1685 году (вверху); на голландской карте второй осады Албазина, проведенной 1686 года (внизу)

Figure 8. Comparative analysis of the general organization and composition of the Manchurian artillery: in the Chinese drawing of the first siege of Albazin, held in 1685 (above); on the Dutch map of the second siege of Albazin, conducted in 1686 (below)

ситуация прослеживается и в русских документах, фиксирующих начало второй осады Албазина и утверждающих, что у Лантаня было: «40 пушек, а пороху де и ядер привезено на шти бусах...». При этом историческое описание первоначальной диспозиции китайской артиллерии обнаруживает абсолютно точное совпадение с общим количеством и основными типами китайских пушек, изображенных на карте Витсена: «Да в четырех местах [у маньчжуров] построены роскаты, и на тех роскатах поставлено по 2 пушки, да около

одного роскату поставлено 15 пушек ломовых...»⁶.

Выявленная тенденция к фактическому уменьшению реального числа рассматриваемых орудий подтверждается и китайскими архивными источниками: «Полагаем, что без использования пушек хуньпао разрушить Албазин невозможно

⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1972. Т. 2 (1686–1691). 835 с. С. 109–110.

но. Нам известно, что много таких пушек имеется в землях Мукдена, и мы полагаем, что нам будет достаточно штук 20...»⁷. Кроме того, сопоставление изображения общего хода первой осады с его описанием в биографии Лантаня предоставляет возможность выявления их конкретных разновидностей: «Фудутуну Вэньдаю, Вахана и командующему китайскими войсками Зеленого знамени Лю Чжао-ци [Лантань] приказал незаметно переместить пушки хуньипао, зайти в тыл городу и отсюда начать настоящий приступ. Еще было приказано цзялчжангиню Болицю, Уша, Хэ Ю и другим подойти к городу с флангов и вести по нему огонь из пушек цзянцзюньпао...».

В свою очередь, выявив соответствующие причинно-следственные связи, можно прийти к выводу, что средние осадные пушки, выделенные красным цветом, – это полукулеврины «Хуньипао». Орудия, обведенные фиолетовым цветом, учитывая тактику применения, а также общее количество, оказываются ни чем иным, как лёгкими пушками «Шэнвей цзянцзюнь пао». И, наконец, оставшиеся орудия (синий цвет), вполне однозначно представляют собой батарею средних и тяжёлых пушек – «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао» и «Вонгу цзянцзюнь пао», которые вполне могли использоваться совместно. Однако, несмотря на достаточно высокую презентабельность полученного результата, он обладает одним заметным недостатком. А именно, общее количество китайских орудий, изображенных на рассматриваемых документах, и составляющее 20 и 23 штуки, оказывается почти вдвое меньшим, чем упоминание их числа в выше упомянутых русских документах, регламентирующих наличие, соответственно, 45 (30 больших и 15 малых) и 40 (без типовой детализации) орудий.

Наиболее корректный выход из сложившейся подобным образом ситуации может быть реализован за счёт ввода в общее рассмотрение задачи дополнительной разновидности китайских пушек, упоминаемых в биографии Лантаня при описании начала второй осады Албазина: «Вражеское вой-

ско, выйдя незаметно на край крепостного рва, начало издали стрелять по маньчжурскому войску из ружей и пушек. Видя это, Лантань приказал хуцзюнь цаньлину Машици палить по ним из пушек лунпао...». При этом детализация технических характеристик артиллерийских орудий, описываемых в китайских источниках непосредственно под наименованием «Лунпао», показывает, что названные образцы представляли собой дульнозарядные бронзовые пушки, украшенные рельефным изображением дракона, калибром 30 мм, длиной ствола в 144 см и массой 119 кг, а их ядро весило 193 г (Лю Сюй, 1989; Ван Чжаочунь, 1991). Однако данные орудия, теоретически подходящие под описание 15 лёгких пушек, необходимых для устранения ранее отмеченного недостатка, одновременно должны рассматриваться и в качестве 10 недостающих тяжёлых пушек, что является неприемлемым смысловым противоречием. В свою очередь в изучаемый период были достаточно распространены казнозарядные железные пушки «Саньципао-1» аналогичного калибра, но длиной ствола в 170 см при массе 113 кг и весом ядра 193 г (Лю Сюй, 1989; Ван Чжаочунь, 1991). Кроме того, рассматриваемое лёгкое орудие имело тяжёлую длинноствольную модификацию 1680 года, предусматривающую обязательное изображение золотого дракона на своей казённой части, что позволяет вполне обоснованно рассматривать её в качестве так называемой драконьей пушки (рис. 9).

В свою очередь, лёгкие орудия «Саньципао-1» обычно использовались на базе станковых лафетов, а их тяжелые модификации «Саньципао-Лунпао» скорее всего устанавливались на двухколёсные лафеты, следовательно, внешне напоминали пушки «Шэнвей цзянцзюнь пао». Таким образом, предлагаемый авторами вариант устранения общей совокупности хорошо известных противоречий оказывается наиболее рациональным на текущий момент времени. Кроме того, смысловая замена короткоствольных пушек «Лунпао» на длинноствольные «Саньципао-1» позволяет сформулировать оригинальное толкование еще одной характерной особенности первой осады Албазина: «И пущали на острог и на церковь и на дворы огненные стрелы. А те стрелы длиною по

⁷ Биография Лантаня // Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего. СПб., 1784. Т. X. С. 128–165.

Рис. 9. Китайская пушка «Саньципао-I» и ее модификация «Лунпао» (внизу), послужившая образцом для «Саньципао-II», разработанной в начале XVIII в.

Fig. 9. The Chinese gun “Sanzipao-I” and its modification “Longpao” (below), which served as a model for the “Sanzipao-II”, developed in the early XVIII century

полтара и по два и по полтретья аршина. И стреляют теми стрелами ис станку...»⁸.

Классический вариант информационной расшифровки данного фрагмента чаще всего опирается на обоснование возможности применения китайской армией военных технологий, фактически устаревших на тот момент времени – корейских многоствольных орудий XIV–XV веков или совсем уж архаичных станковых арбалетов (Албазинский острог..., 2019; Трухин, Багрин, 2019). При этом одной из дальневосточных особенностей использования мелкокалиберных пушек или аналогичных им крупнокалиберных ружей оказывается практически неизвестный европейцам азиатский способ стрельбы из них зажигательными снарядами (огненными стрелами), которые вставлялись в канал ствола и отделялись от порохового заряда специальной деревянной пробкой-пыжом (Карман,

2022). Однако запустить зажигательную стрелу длиной от полутора до двух метров из пушки «Лунпао», имеющей габаритную длину 144 см, было бы весьма затруднительно. Но станковые орудия «Саньципао-I» длиной 170 см, а тем более, колесные пушки «Саньципао-Лунпао» длиной 210 см, могли вести эффективный огонь такими снарядами без особых проблем (рис. 10). Следовательно, есть все основания достаточно обоснованно утверждать, что китайские пушки, отмеченные Лантанем в качестве «Лунпао», на самом деле являлись орудиями «Саньципао-Лунпао».

Таким образом, авторы предлагают использовать в рамках исторического описания вооружённого конфликта Московского Царства и Цинской Империи, развернувшегося во время двух последовательных осад Албазина, соответственно, в 1685 и 1686 годах, детализированный перечень фактически использованных китайских пушек, характеризующий их параметры, а также практически точно соответствующий русским и китайским архивным данным (табл. 6).

⁸ Расспросные речи Албазинских пашенных крестьян Василия Никифорова с товарищи перед Якутским воеводой Матвеем Кровковым о взятии Албазина. РГАДА. Ф. 214. Ст. 973. Л. 166–173.

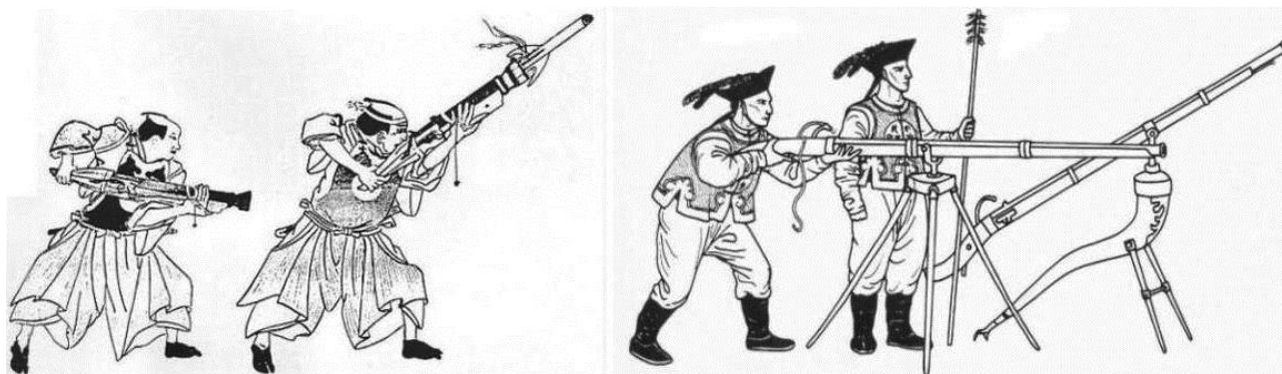

Рис. 10. Запуск зажигательных стрел из японских крупнокалиберных ружей и способ стрельбы из мелкокалиберной пушки «Саньципао-II» с помощью станкового лафета

Fig. 10. Launching incendiary arrows from Japanese large-caliber rifles and the method of firing from the small-caliber gun "Sanzipao-II" using an easel carriage

Таблица 6. Детализированный перечень китайских пушек при обеих осадах *

Table 6. Detailed list of Chinese cannons during both sieges *

№	Русская типовая классификация разновидностей китайских пушек	Параметры орудийных стволов		Общее число
		Длина	Калибр	
1	«Вонгу цзянцзюнь пао» Большая проломная пушка (20 фунтов)	294 см ≈ 1,5 сажени	14,5 см 20 фунтов	3 (5)
2	«Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао» Средняя проломная пушка (15 фунтов)	299 см ≈ 1,5 сажени	13,0 см 15 фунтов	4 (5)
3	«Хуньипао» Малая проломная пушка (12 фунтов)	384 см ≈ 2 сажени	10,0 см 7 фунтов	5 (5)
4	«Шэнвей цзянцзюнь пао» Медная полковая пищаль	214 см ≈ 1 сажень	5,0 см 1,5 гривенки	8 (8)
5	«Саньципао-Лунпао» Железная полковая пищаль	210 см ≈ 1 сажень	3,0 см 0,5 гривенки	10 (16)
6	«Саньципао-I» Железная полковая пищаль	170 см < 1 сажени	3,0 см 0,5 гривенки	15 (0)
Итого орудий				45 (39)

* В скобках указано число орудий во время второй осады Албазина.

Комментируя значения представленных данных, необходимо обратить внимание на следующий ряд достаточно логичных умозаключений. Во-первых, общее число легких полевых пушек «Шэнвей цзянцзюнь пао», вполне подходящих под русское определение в качестве медных полковых пищалей, учитывая четкое качественное и количественное соответствие изображений их батареи на обеих старинных картах, оставалось неизменным и при второй осаде. При этом аналогичная ситуация имеет место и при рассмотрении общего числа легких осадных орудий (полукулеврин) «Хуньипао», калибр которых был определен русскими неправильно, скорее всего за счет большой длины стволов.

Во-вторых, конкретные числа тяжелых осадных орудий «Вонгу цзянцзюнь пао» и средних осадных пушек «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао», использованных при первой осаде в составе одной объединенной батареи, получены в рамках общих соображений о целесообразности уменьшения суммарного числа практически используемых стволов с увеличением их калибров. В свою очередь фактический рост общего количества названных орудий во время второй осады скорее всего обусловлен доукомплектованием их каждой разновидности до штатной численности двух отдельных пятиорудийных батарей.

В-третьих, конкретные числа орудий «Саньципао-I», а также их модификаций «Саньципао-

Лунпао» были определены в рамках целевой функции проведённого исследования, направленной на достижение наиболее полного взаимного соответствия общей совокупности используемых данных.

В заключение статьи необходимо отметить, что описываемое в ней исследование оказалось бы чрезвычайно сложным и трудоемким без использования современных нейронных сетей, обеспечивших простоту и достаточно высокое качество автоматического русскоязычного перевода китайских справочных источников. Кроме того, наблюдаемое на текущий момент времени устойчивое расширение традиционной сферы гуманитарных знаний, характеризующееся глобальным упрощением

удалённого доступа к цифровым двойникам культурных памятников и электронным копиям исторических документов, обусловило формирование абсолютно нового научного направления, называемого Digital Humanities – «Цифровыми гуманитарными науками». При этом ключевой особенностью подобного подхода является возможность воплощения прикладных научных методик, основанных на интеграции классических исторических исследований с мощным инструментарием IT-технологий, например, разработка 3D-моделей конкретных объектов (Трухин, Нацвин, 2020; Еремин, Нацвин, Лохов, 2021), на базе которых могут быть реализованы их красочные физические макеты (Могилевский, 2024; Нацвин, Еремин, Лохов, 2021).

Список источников

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 271 с.

Артемьев А.Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1993. № 4–5. С. 129–136.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 335 с.

Аюшин Н.Б. Артиллерия в борьбе за Албазинский острог // Русские первопроходцы на Дальнем востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток: Дальнаука, 1998. Т. 3. С. 107–114.

Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII в. (по материалам письменных источников) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009а. № 1 (8). С. 63–76. EDN: OYPTHP.

Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII в. (по материалам письменных источников) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009б. № 2 (9). С. 100–109. EDN: OYPTQV.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служивых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 284, [3] с.

References

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. 348 p. (In Russ.).

Aleksandrov V.A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing House. 271 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1993) New materials on the heroic defense of the Albazin fortress in 1685 and 1686-1687. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 4-5. P. 129-136. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 335 p. (In Russ.).

Ayushin N.B. (1998) Artillery in the struggle for the Albazin fortress. *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem vostoке v XVII-XIX vv.: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya = Russian Pioneers in the Far East in the XVII-XIX Centuries: Historical and Archaeological Research*. Vladivostok: Dal'nauka. Vol. 3. P. 107-114. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2009a) Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources). *The Ecumene*. No. 1. P. 63-76. (In Russ.). EDN: OYPTHP.

Bagrin E.A. (2009b) Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources). *The Ecumene*. No. 2. P. 100-109. (In Russ.). EDN: OYPTQV.

Bagrin E.A. (2013) Warfare of the Russians on the eastern border lands of Russia in the 17th century: Tactics and armament of military personnel in the Baikal region, Transbaikalia and the Amur region. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 287 p. (In Russ.).

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 336 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с. EDN: SEUDMR.

Голубцов Н.З. История древнего города Албазина. Благовещенск : Тов. Д.О. Мокин и Ко, 1902. 28 с.

Громов А.В. Большие пушки императора Канси. Орудия учёньюну да цзяньцзюнь в собрании ВИМАИВиВС // Война и оружие. Новые исследования и материалы : тр. IX междунар. науч.-прак. конф. В 2 ч. СПб. : Изд-во Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2019. Ч. 1. С. 264–280.

Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. 287 с. EDN: WMQFBX.

Еремин И.Е., Нацвин А.В., Лохов А.Ю. Онтологическая модель острога Никифора Черниговского // Информатика и системы управления. 2021. № 4 (70). С. 13–29. DOI: 10.22250/isu.2021.70.13-29. EDN: PEFMJA.

Карман У. История огнестрельного оружия. С древнейших времен до XX века. М. : Центрполиграф, 2022. 299 с.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 115–126. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-3-115-126. EDN: IDYORG.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Организационная структура китайской армии в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2022а. Т. 18. № 4. С. 112–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-112-123. EDN: RJQQYZ.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Фактологическое обоснование местонахождения Албазинского Спасского монастыря // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022б. № 4. С. 144–149. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-144-149. EDN: SICLAH.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Реконструкция маньчжурских позиций при второй осаде Албазина // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 115–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-115-128. EDN: PZMIBA.

Лохов А.Ю., Трухин В.И., Зайцев И.В. Нерчинский острог 1689 года // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 119–131. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-119-131. EDN: DXJXVQ.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского рус-

Besprozvannykh E.L. (1986) Amur region in the system of Russian-Chinese relations: XVII - mid. XIX century. Khabarovsk: Publishing House. 336 p. (In Russ.).

Bobrov L.A., Khudjakov Ju.S. (2008) Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th - first half of the 18th century A.D.). St. Petersburg: St. Petersburg State University. Faculty of Philology. 776 p. (In Russ.). EDN: SEUDMR.

Golubtsov N.Z. (1902) The history of the ancient city of Albazin. Blagoveshchensk: Comrade D.O. Mokin and Co. 28 p. (In Russ.).

Gromov A.V. (2019) The big guns of the Kangxi Emperor. Guns of “wuchengyungu da jianjun” in the collection of VIMAIViVS. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: tr. IX mezhdunar. nauch.-prak. conf. V 2 ch. = War and Weapons. New Research and Materials: Proceedings of the IX International Scientific Practice Conference*. St. In 2 pt. St. Petersburg: Publishing House of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops. Pt. 1. P. 264-280. (In Russ.).

Doronin B.G. (2002) Historiography of Imperial China of the XVII-XVIII centuries. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 287 p. (In Russ.). EDN: WMQFBX.

Eremin I.E., Natsvin A.V., Lokhov A.Y. (2021) Ontological model of Nikifor Chernigovsky' ostrog. *Informatics and Control Systems*. No. 4 (70). P. 13-29. (In Russ.). DOI: 10.22250/isu.2021.70.13-29. EDN: PEFMJA.

Carman W. (2022) A history of Firearms. From Earliest Times to XX century. Moscow: Tsentrpoligraf. 299 p. (In Russ.).

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2021) Artillery during the first siege of the Albazin fort. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 115–126. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-3-115-126. EDN: IDYORG.

Lokhov A. Yu., Eremin I. E., Natsvin A. V. (2022a) Organizational structure of the Chinese Army during the first siege of the Albazin Fortress. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 112-123. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-112-123. EDN: RJQQYZ.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022b) Factual substantiation of the location of the Albazinsky Spassky Monastery. *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. No. 4. P. 144-149. (In Russ.). DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-144-149. EDN: SICLAH.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2023) Reconstruction of Manchurian positions during the second siege of Albazin fortress. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 115-128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-115-128. EDN: PZMIBA.

Lokhov A.Yu., Trukhin V.I., Zaitsev I.V. (2021) The Nerchinskiy fortress 1689. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 119-131. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-119-131. EDN: DXJXVQ.

Maak R.K. (1859) A trip to the Amur River, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geo-

ского географического общества в 1855 г. Р. Маком. СПб. : Изд. члена-соревнователя Сиб. отд. С.Ф. Соловьева, 1859. 577 с.

Мандзяк А.С. Воинские традиции народов Евразии. М. : АСТ, 2002. 381, [2] с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-востоке (XVII в.). М. : Наука, 1974. 246 с.

Могилевский К.И. и др. Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. Приуралье, Сибирь и Дальний Восток. Казань : Мастер-Граф, 2024. 396 с.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М. : Наука, 1980. 312 с.

Нацвин А.В., Еремин И.Е., Лохов А.Ю. Компьютерная реконструкция облика амурских казаков и маньчжуров XVII века // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 11–21. DOI: 10.7256/2585-7797.2021.4.36756. EDN: JPLMCD.

Пастухов А.М., Багрин Е.А., Васильев С.Г. Коллекция артиллерийских орудий Забайкальского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова // Альманах «История оружия». Запорожье, 2013. № 8/9. С. 149–163.

Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. 2011. № 12. С. 53–58. EDN: PATEWJ.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431. URL: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (дата обращения 20.05.2024).

Трухин В.И., Лохов А.Ю. Первая православная церковь Нерчинского острога // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 1. С. 139–145. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-1-139-145. EDN: QVTOWU.

Трухин В.И., Нацвин А.В. Реконструкция внешнего облика Воскресенской церкви Албазинского острога // Религиоведение. 2020. № 1. С. 123–131. DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.123-131. EDN: RBIUOG.

Ван Чжаочунь. История китайского огнестрельного оружия. Пекин : Военно-научное изд-во, 1991. 518 с. (На китайском языке).

Лю Сюй. История артиллерии древнего Китая. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1989. 327 с. (На китайском языке).

Хуанг Й-Лонг. Взлет и падение типичных пушек из композитного металла, отлитых в период Мин-Цин // Цинь-Хуайский журнал китайских исследований, 2009. С. 73–136. (На китайском языке).

Andrade T. 2011. Lost Colony: The Untold Story of China's First Great Victory over the West. Princeton: Princeton University Press. 448 p. DOI: 10.1515/9781400839537.

Moretti Tomaso. A treatise of Artillery: or, great ordnance. London : Printed by William Godbid and are to be sold by N. Brooke ..., 1673. [10], 124 p., [6] folded leaves of plates : ill.

graphical Society in 1855 by R.K. Mak. St. Petersburg: S.F. Solovyov, 577 p. (In Russ.).

Mandzyak A.S. (2002) Military traditions of the peoples of Eurasia. Moscow: AST. 381, [2] p. (In Russ.).

Melikhov G.V. (1974) Manchus in the North-East (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Mogilevskii K.I. et al. (2024) Growth lines. Sites of historical and cultural heritage of the Russian borderlands of the XVI-XVIII centuries. The Urals, Siberia and the Far East. Kazan': Master-Graf. 396 p. (In Russ.).

Myasnikov V.S. (1980) The Qing Empire and the Russian State in the XVII century. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russ.).

Natsvin A.V., Eremin I.E., Lokhov A.Y. (2021) Computer reconstruction of the appearance of Amur Cossacks and Manchu in the 17th century. *Historical Computer Science*. No. 4. P. 11-21. (In Russ.). DOI: 10.7256/2585-7797.2021.4.36756. EDN: JPLMCD.

Pastukhov A.M., Bagrin E.A., Vasil'ev S.G. (2013) Collection of artillery pieces of the Transbaikalian Museum of Local Lore named after A.K. Kuznetsov. *The History of Weapons*. Zaporozh'e. No. 8/9. P. 149-163. (In Russ.).

Stepanov D. (2011) Albazin in the XVII century: military and spiritual fortress of the Amur region. *Rodina*. No. 12. P. 53-58. (In Russ.). EDN: PATEWJ.

Trukhin V.I., Bagrin E. A. (2019) Albazinsky prison in 1665/1666–1689: fortification and defenders - the experience of historical reconstruction. *History of military affairs: research and sources*. Vol. 10. P. 385-431. (In Russ.). Available from: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (Accessed 20.05.2024).

Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2022) The First Orthodox Church of the Nerchinsky fortress. *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. No. 1. P. 139-145. (In Russ.). DOI: 10.18324/2224-1833-2022-1-139-145. EDN: QVTOWU.

Trukhin V.I., Natsvin A.V. (2020) Reconstruction of the external appearance of Voskresenskaya Church of Albazin fortress (Albazinsky ostrog). *Religious Studies*. No. 1. P. 123-131. (In Russ.). DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.123-131. EDN: RBIUOG.

Wang Zhaochun. (1991) The history of Chinese firearms. Beijing: Military Scientific Publishing House. 518 p. (In Chinese).

Liu Xu. (1989) The history of the artillery of ancient China. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. 327 p. (In Chinese).

Huang Y-Long. (2009) The rise and fall of typical composite metal cannons cast in the Ming-Qing period. *Qin-Huai Journal of Chinese Studios*. P. 73-136. (In Chinese).

Andrade T. 2011. Lost Colony: The Untold Story of China's First Great Victory over the West. Princeton: Princeton University Press. 448 p. DOI: 10.1515/9781400839537.

Moretti Tomaso. A treatise of Artillery: or, great ordnance. London : Printed by William Godbid and are to be sold by N. Brooke ..., 1673. [10], 124 p., [6] folded leaves of plates : ill.

Информация об авторах

Лохов Алексей Юрьевич,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра тактики,
Дальневосточное высшее общевойсковое командное
училище им. Маршала Советского Союза
К.К. Рокоссовского,
675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, 158, Россия,
e-mail: kluger999@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Еремин Илья Евгеньевич,

доктор технических наук, профессор, профессор, кафедра
информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675021, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, Россия,
e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Нацвин Алексей Викторович,

аспирант, кафедра информационных и управляющих
систем,
Амурский государственный университет,
675021, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21,
Россия,
e-mail: natsvin1998@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 31 июля 2024 г.;
одобрена после рецензирования 12 сентября 2024 г.;
принята к публикации 30 сентября 2024 г.

Information about the authors

Aleksei Yu. Lokhov,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Tactics Department,
The Far Eastern Higher Combined Arms Command School
named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky,
158, Lenin St., Blagoveshchensk 675021, Russia,
e-mail: kluger999@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Ilya E. Eremin,

Dr. Sci. (Technical), Professor, Professor, Department of
Information and Control Systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia,
e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Aleksei V. Natsvin,

Postgraduate, Department of Information and Control
Systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia,
e-mail: natsvin1998@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 31, 2024; approved after
reviewing September 12, 2024; accepted for publication
September 30, 2024.

Научная статья
УДК 929.732
EDN: SXRAQT
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-84-94>

Русские военные, казахи Среднего жуза и бухарские торговцы на юге Западной Сибири в 1752–1753 гг.

К.А. Водяников, В.Д. Пузанов

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

Аннотация. В статье, основанной на архивных материалах дипломатической переписки, военных донесениях, исследуется процесс взаимодействия российских властей и казахских жузов в районе приграничных укреплений на юге Западной Сибири в 1750-х гг. Проведенное исследование показало, что признание российского подданства казахскими жузами фактически не означало прямого следования российским порядкам. В действительности казахские правители не могли или не хотели воздействовать на своих подданных в отношении интересов России, что приводило к появлению пограничных конфликтов, доходивших до самых высоких чинов российского правительства. Рассматривается проблема участия бухарских купцов в русско-казахских отношениях в приграничье в середине XVIII в., их значение в торговой деятельности южносибирских земель. Затрагиваются как положительные примеры международного взаимодействия в сфере торговли, так и случаи нападений, приводивших к пограничным конфликтам. Международная торговля, которую вели бухарские караваны, была взаимовыгодным процессом для стран и народов, задействованных в ней. Свой отпечаток оставила она и в истории пограничных русско-казахских контактов, отмечаемые нападения не носили массового характера и были следствием специфики тогдашнего кочевого общества со слабым контролем правителей и сложными казахско-джунгарскими отношениями. Вместе с тем оказываемая султаном Аблаем поддержка бухарским караванам, следовавшим в российские владения, показывала примеры успешного международного сотрудничества в обеспечении торговых путей.

Ключевые слова: А.П. Бестужев-Рюмин, И. Крафт, Аблай, торговля, казахи, укрепленные линии, Джунгария, жузы, караваны, Сибирь

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов-партнеров ЮУрГГПУ и ШГПУ в 2024 г. по теме «Россия и защита Западной Сибири в XVII–XVIII вв. Формирование Сибирского корпуса» (№ 16-380 от 2 мая 2024 г.).

Для цитирования: Водяников К.А., Пузанов В.Д. Русские военные, казахи Среднего жуза и бухарские торговцы на юге Западной Сибири в 1752–1753 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 84–94. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-84-94. EDN: SXRAQT.

History

Original article

Russian military, Kazakhs of the Middle Zhuz and Bukhara merchants in the south of Western Siberia in 1752-1753

Konstantin A. Vodyannikov, Vladimir D. Puzanov

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia

Abstract. The article, based on archival materials of diplomatic correspondence and military reports, examines the process of interaction between the Russian authorities and the Kazakh zhuzes in the area of border fortifications in the south of Western Siberia in the 1750s. The study showed that the recognition of Russian citizenship by the Kazakh zhuzes did not actually mean direct adherence to Russian orders. In fact, the Kazakh rulers could not or did not want to influence their subjects in relation to the interests of Russia, which led to the emergence of border conflicts that reached the highest ranks of the Russian government. The prob-

lem of the participation of Bukharan merchants in Russian-Kazakh relations in the borderland in the mid-18th century, their importance in the trading activities of the southern Siberian lands is considered. Both positive examples of international interaction in the sphere of trade and cases of attacks that led to border conflicts are touched upon. Kazakh leaders could not or did not want to influence their subjects according to the interests of Russia, which led to the emergence of border conflicts that reached the highest ranks of the Russian government. The international trade conducted by the Bukharan caravans was a mutually beneficial process for the countries and peoples involved in it. It also left its mark on the history of Russian-Kazakh border contacts; the noted attacks were not of a mass nature and were a consequence of the specifics of that nomadic society with weak control of the rulers and complex Kazakh-Dzungar relations. At the same time, the support provided by Sultan Ablai to the Bukharan caravans traveling to Russian possessions showed examples of successful international cooperation in ensuring trade routes.

Keywords: A.P. Bestuzhev-Ryumin, I. Kraft, Ablai, trade, Kazakhs, fortified lines, Dzungaria, zhuzes, caravans, Siberia

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of research work in priority areas of activity of partner universities South-Ural State Humanitarian Pedagogical University and Shadrinsk State Pedagogical University in 2024 on the topic "Russia and the defense of Siberia in the 17th-18th centuries. Formation of the Siberian Corps" (No. 16-380 dated May 2, 2024).

For citation: Vodyannikov K.A., Puzanov V.D. (2024) Russian military, Kazakhs of the Middle Zhuz and Bukharan traders in the south of Western Siberia in 1752-1753. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 84-94. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-84-94. EDN: SXRAQT.

Сложные политические и торговые отношения Российской империи и казахов в XVIII в. исследовались в работах А.И. Левшина (Левшин, 1996), М.А. Терентьева (Терентьев, 1906), И.Я. Златкина (Златкин, 1983), В.Я. Басина (Басин, 1971), В.А. Моисеева (Моисеев, 1991) и других историков. Г.Н. Потанин начал изучение бухарской караванной торговли в Сибири XVIII в. (Потанин, 1868. С. 48). Майкл Ходарковский показал значительную роль торговли в истории русско-казахских контактах этой эпохи (Ходарковский, 2023. С. 220–256). А.А. Крих отметила роль бухарских торговцев в разведке на службе империи (Крих, 2019. С. 38).

В XVIII в. правительство Российской империи организовало строительство военных линий на юге Западной Сибири для защиты южных рубежей края (Пузанов, 2023. С. 18). В 1715–1720 гг. по указам Петра I русские войска построили крепости Иртышской линии (Пузанов, 2022. С. 530). В 1744 г. по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны Военная коллегия отправила в Сибирь к гарнизонным частям и отрядам казаков Олонекский, Вологодский и Луцкий драгунские полки, Ширванский и Нашебургский пехотные полки и 1000 яицких казаков (Пузанов, 2021. С. 90). Командиром русских войск в Сибири был назначен генерал-майор Христиан Киндерман (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 4. Л. 1).

Генерал Киндерман получил приказ императрицы построить на юге Сибири новую линию для защиты от кочевых набегов района от р. Иртыша до р. Тобола. В 1752–1756 г. части русской армии и крестьяне Сибири строили Новую Ишимскую линию, которая прикрывала земли от Омской крепости до форпоста Лебяжьего на р. Тобол. 8 июня 1752 г. генерал Киндерман умер в Тобольске и новым командиром полевых полков и линий Сибири Военная коллегия назначила бригадира Иосифа Крафта (Пузанов, 2021. С. 91). И. Крафт (И. Крофт) был принят в русскую службу в эпоху Петра I 29 августа 1723 г. В 1744 г. полковник И. Крафт командовал Олонекским драгунским полком, с которым совершил марш в Сибирскую губернию. В Сибири 25 апреля 1749 г. И. Крафт был произведен в чин бригадира (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 26. Л. 1).

Бригадир И. Крафт служил в Сибири командиром линий Сибири, армейских и гарнизонных полков и команд служилых людей до отставки 15 марта 1757 г. в чине генерал-майора (Сенатский архив..., 1903. С. 412)¹.

В XVIII в. элита Российской империи стала уделять больше внимания дипломатическим контактам с казаками, или, как их тогда называли, киргиз-кайсаками. В 1731 г. императрицей Анной

¹ Сенатский архив. Протоколы Правительствующего сената 1757, 1758 гг. СПб. : Сенатская типография, 1903. Т. 10. [1], 612, 23 с.

Иоанновной была подписана жалованная грамота о принятии казахов Младшего жуза в российское подданство по просьбе хана Младшего жуза Абулхаира. Хан Абулхаир взял на себя обязательства по защите торговых караванов, маршруты следования которых проходили через территорию Младшего жуза. В тот же год российское подданство принял Средний казахский жуз.

Цель статьи – исследование процесса взаимодействия российских властей и казахских жузов в районе приграничных укреплений на юге Западной Сибири в 1750-х гг.

Задача исследования – изучить сообщения о конфликтах 1752–1753 гг. около укреплений Новой Ишимской линии между казахами Среднего жуза и бухарскими купцами, которые вызвали вмешательство русских военных сил и Коллегии иностранных дел.

Источниковая база исследования представлена материалами Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного исторического архива Омской области (ИАОО). При подготовке рукописи использовались документы архивов и сборники документов по казахско-российским отношениям XVIII в.

В первой половине XVIII в. ойраты Джунгарии – крупного и значительного государства кочевников Азии – вели военную борьбу с казахами. В 1723 году казахи пережили «исторический погром», как называл его М. Тынышпаев, когда под напором джунгар большое количество изможденных казахских беженцев переправилось через Сыр-Дарью к озеру Алка-Коль и далее к Самарканду и Бухаре (Тынышпаев, 2009. С. 70)². В 1720-е гг. джунгары нанесли казахам ряд тяжелых поражений и изгнали их из городов Туркестана. Ойраты и казахи в конце XVII – начале XVIII в. боролись за новые территории и за пастбища. Важным было и усиление политического и военного влияния Джунгарии, выражавшееся в агрессивной политике Цеван-Рабдана, заключившего военный союз с калмыцким ханом Аюкой для нападения на казахов (Ажидинов, Дуйсекова, Отеуов, 2022.

С. 349). Военные походы ойратов и потеря Туркестана привели к миграции казахов на север к землям Российской империи. В 1726 г. около 30 тыс. казахов прикочевали к р. Яик. В 1732 г. по русским данным, в казахских жузах имелось 80 тыс. кибиток и более 300 тыс. чел. (Ходарковский, 2023. С. 219–220).

Принятие подданства казахскими жузами, хотя и положительно сказалось на международной торговле и позволило вернуть из плена множество русских подданных, тем не менее не принесло мира в приграничные русские земли (Моисеев, 1991. С. 96). Новые подданные внесли в обстановку на границе еще больше неопределенности: российская дипломатия считала киргиз-кайсаков подданными России, и в это время казахи продолжали нападать на русские поселения. Как пишет С.В. Шевченко, в ноябре 1734 г. нападению отряда из трехсот человек киргиз-кайсаков подверглись Бергамацкая слобода вместе с прилегающими деревнями и деревня Муромцево Тарского уезда (Шевченко, 2001. С. 49).

Военным набегам в Сибири и на Урале подвергались как русские, так татарские и башкирские поселения. По данным Сибирской губернской канцелярии, в результате нападений кочевников на русские и татарские селения Западной Сибири в 1734 г., «взято в полон людей мужеска полу восемь, женска полу тридцать одна, побито мужеска и женска полу четыре человека» (Шевченко, 2001. С. 49). Характерно, что в докладе Сибирской губернской канцелярии казахи были названы «неприятельской казачьей орды люди». Ранее власти Сибирской губернии отвечали на нападения казахов проведением военных рейдов в глубь степи. После перехода части казахов в русское подданство проведение таких походов вызывало противоречия среди начальства и военного командования. Еще в 1734 г. сибирская администрация не была извещена о статусе казахских жузов, так как не участвовала в переговорах о принятии казахами российского подданства. М.А. Терентьев описывая безнаказанность казахов в эти годы приводит в пример появление в 1736 году под стенами Оренбурга Абулхаира с приверженцами творящими «суд и расправу». В ответ на увещевания коменданта он заявил: «го-

² Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы : Санат, 2002. 224 с.

род мой и для меня построен, а кто не послушает, тому голову срублю» (Терентьев, 1906. С. 49).

В январе 1738 г. хан Абулхаир с разрешения Коллегии иностранных дел повел военные силы Младшего жуза на борьбу с восставшими против Российской империи башкирами. Однако грабежи Младшего жуза в башкирских землях привели к тому, что уже 22 марта 1738 г. Коллегия иностранных дел приказала новому главе Оренбургской экспедиции В.Н. Татищеву вывести отряды Абулхаира из Башкирии. Во время этих событий зимой 1738 г. другая часть Младшего жуза на р. Урал совершила набег на других российских подданных – калмыков и во время набега взяла в плен и большое количество русских людей (Левшин, 1996. С. 194). 3 августа 1738 г. Абулхаир прибыл на встречу с В.Н. Татищевым в Оренбург. По предложению В.Н. Татищева в августе 1738 г. хан Абулхаир со старейшинами и народом вновь принес присягу на подданство российской императрице. В.Н. Татищев надел на хана дорогую саблю для борьбы только с врагами России. Старейшины Младшего жуза и простые казахи получили после присяги подарки от администрации Оренбурга. В августе 1738 г. на встречу с В.Н. Татищевым были приглашены и султаны Среднего жуза – Абулмагмет и Аблай, которые не поехали под тем предлогом, что они кочуют на р. Иртыш слишком далеко от Оренбурга (Левшин, 1996. С. 198).

В.Н. Татищев рассчитывал на силы и авторитет Абулхаира для защиты торговли с городами Средней Азии. Абулхаир обещал свое покровительство русским караванам во время пути по владениям казахов. Однако уже в 1738 г. русский купеческий караван из Оренбурга, посланный под началом поручика Миллера в Ташкент, был разграблен около города на землях Старшего жуза. В 1739 г. два русские каравана были разграблены уже на землях Младшего жуза около русских владений.

В 1740 г. сыновья Абулхаира султаны Нуралы и Эрали, прибыв в Оренбург, сообщили новому главе Оренбургской экспедиции князю Урусову, что не могут отвечать за действия Старшего жуза. Султаны Нуралы и Эрали дали обещание защищать российские караваны в Азии и просили Урусова прислать в Младший жуз пушки. В то же время Абулхаир вел политику, далекую от интере-

сов Российской империи. В 1740 г. он отправил в набег на волжских калмыков 3000 казахов (Левшин, 1996. С. 199).

В 1740 г. в Оренбург к генералу князю Урусову прибыли хан Абулмагмет, султан Аблай и 128 старейшин Среднего жуза, которые с простыми казахами торжественно приняли присягу на верность императрице (Международные отношения..., 1989. С. 302)³. Урусов требовал от хана Абулмагмета и султана Аблая, старейшин Среднего жуза вернуть товары российского каравана, взятого Старшим жузом (Левшин, 1996. С. 200). С 1733 г. Старший жуз казахов признал зависимость от правителя Джунгарии и направлял аманатов из знати. В 1741 г. джунгары напали на Средний жуз и взяли в плен султана Аблая. Хан Абулхаир просил от Российской империи защиты от новых набегов джунгар и был готов переехать в Оренбург с другими представителями казахской знати (Басин, 1971. С. 167).

В 1748 г. хан Абулхаир был убит во время стычки с отрядом султана Барака, правителя из Среднего жуза (Ерофеева, 2007. С. 395). 2 октября 1748 г. представители 10 знатных родов избрали ханом Младшего жуза старшего сына Абулхаира Нуралы. В 1755 г. Нуралы стал получать от Коллегии иностранных дел годовое жалованье в 600 руб. В 1759 г. по просьбе султана Аблая, по грамоте Елизаветы Петровны, он стал получать жалованье 200 рублей в год, а потом и 300 руб. (Басин, 1971. С. 179–180). Характерно, что Средний жуз отказался от власти Нуралы и признал своим ханом султана Барака.

Большое значение в истории отношений Российской империи и казахов в XVIII в. имел султан Среднего жуза Аблай (Абылай) (1711/13–1781). В 1771 г. Аблай стал ханом Среднего жуза. Аблай много лет воевал с джунгарами, в XVIII в. главным противником казахов. Как отмечал Ч. Валиханов, «в предании киргизов Аблай носит какой-то поэтический ореол; век Аблая у них является веком киргизского рыцарства. Его походы, подвиги его богатырей служат сюжетами эпическим расска-

³ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1 / сост. Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1989. 375 с.

зам» (Валиханов, 1985. С. 116). Ж. Касымбаев считает, что поэтические сказания об Аблае в значительной степени отражали действительные события, несмотря на ряд фантастических эпизодов (Касымбаев, 1999. С. 102). Казахский народный поэт Бухар жырау писал об эпохе Аблая: «В пятьдесят твоих лет сделал привязь громадную ты, привязав к ней всех трех наших жузов коней» (Казахский фольклор..., 1972. С. 290). Современные казахстанские историки также уделяют большое внимание этой исторической личности: «Хан Абылай...целая эпоха в истории Казахстана. С его именем связана идея общенационального единства, государственной независимости и территориальной целостности Казахстана» (Абуев, 2013. С. 5).

Казахско-джунгарские отношения обострились осенью 1751 г., когда хан Аблай принял под свою защиту беглых джунгарских князей Даваца и Амурсану. В 1749 г. ханом Джунгарии стал старший сын Галдан Цэрена Лама-Доржи (1726–1752). За власть в Джунгарии с ханом боролись чороский тайша Даваца (ум. 1756) и тайша из рода хойт Амурсана (1722–1757) (Златкин, 1983. С. 281). Потерпев поражение, тайши Даваца и Амурсаны бежали в Средний жуз в ставку Аблая (Златкин, 1983. С. 282). По мнению Ж. Артыкбаева, сбежавшие князья стали предметом противоречий между русскими и казахами, рассматривавших их как возможных кандидатов в борьбе за ханскую власть (Артыкбаев, 2019. С. 196).

Аблай в письме к бригадиру А.И. Тевкелеву писал о своей верности императрице Елизавете Петровне и сообщил, что «хотя за ними, владельцами (Даваца и Амурсаной. – *Авт.*) от зенгорцев с требованием об отдаче их обратно и посланцы к нам присланы были, но нами не отданы, затем, что как их в нашу орду побег, конечно, не бес причины, то тем хотели узнать: вольно ли оной последовал или по происшедшей причине. И тако я, объявляя вышеписанное приезжавшим от них посланцам и придав еще от себя для посольства же киргисцов, их отпустил; токмо оныя калмыки, не склоняясь на то нимало, собравшись своею силою, приехали к нам в орду и крайняя киргискация улусы разорили, и киргис-кайсак несколько в полон взяли, и, отогнавши скот, отъехали прочь. Того ради вашего превосходительства в сей случившейся между нами ссоре благоразум-

ным вашим наставлениям не оставить прошу» (Русско-джунгарские отношения..., 2006. С. 175)⁴.

Как справедливо отмечал А.И. Левшин, «страх и притворная покорность киргиз-казаков Большой орды зюнгарам продолжалась до того времени, пока сей последний народ сам не начал слабеть от возгоревшихся в нем междоусобий, кои... кончились совершенным его рассеянием. Лишь только открылись между зюнгарами распри, казаки тотчас приняли в оных самое деятельное участие. Предложив всем изгнанным князьям зюнгарским... убежище у себя, они соединились с ними для отмщения их обид, нападали на их неприятелей и не упускали ни одного случая, под видом пособия несчастным, обессиливать набегами древних врагов своих» (Левшин, 1996. С. 173).

Неопределенность в политике властей Сибири по отношению к казахским жузам была вызвана противоречивостью характера русско-казахских отношений в середине XVIII в., которые фактически не являлись подданством. Между российскими монархами и казахскими племенами не существовало устойчивой правовой связи. Как отмечал М.А. Терентьев, «Преувеличенное опасение за весь юго-восточный еще не устроенный край, наложило на нашу политику относительно киргизов, печать робости которую мы величали кротостью и при которой беспорядки только росли ... подданство киргиз было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли...» (Терентьев, 1906. С. 51). Земли казахов не вошли в состав территории империи и были отделены от нее укрепленными линиями, а все контакты с казахами, осуществляемые через оренбургскую администрацию, вплоть до 1782 г. были подведомственны Коллегии иностранных дел.

Политические связи привели к росту торговли русских и казахов. Казахи получили свободу от таможенных пошлин. Торговые отношения были закреплены в изданном в 1738 году распоряжении «О распространении торговли России с кир-

⁴ Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул : Азбука, 2006. 360 с.

гиз-кайсаками» (Щеглов, 1883. С. 222)⁵. Только в 1747 г. казахи продали 7 тыс. лошадей и 28 тыс. овец в русских крепостях (Ходарковский, 2023. С. 238). В XVIII в. важную роль в международных контактах России с Китаем, Джунгарией и казахскими жузами играли бухарские купцы. Большое значение имела не только доставка товаров из Китая и Средней Азии, но и роль торговцев как разведчиков и информаторов в интересах российских властей. Значительные группы бухарцев жили в крупных городах Западной Сибири – Тобольске, Таре с XVI в. По данным Г.Н. Потанина, к 1742 г. Сибирская губернская канцелярия считала таких бухарцев местными жителями и включала их в число сибирских купцов (Потанин, 1867. С. 178).

В XVIII в. из Джунгарии в Сибирь с товарами прибывали другие группы бухарцев из городов Средней Азии. По торговому договору 1733 г. между Российской империей и Джунгарией бухарцы, бывшие в джунгарском подданстве, имели право беспошлинной торговли караванами в Ямышевской и Семипалатинской крепостях Иртышской линии (Крих, 2019. С. 36). Однако в XVIII в. бухарцы Джунгарии предпочитали торговать в главных торговых центрах Сибири – в Тобольске и на ярмарке в Ирбитской слободе, где можно было получить большую прибыль (Казахско-русские отношения..., 1961. С. 376)⁶.

В результате к 1739 г. резко сократилось количество товаров, продаваемых джунгарскими бухарцами в пограничных Ямышевской и Семипалатинской крепостях Иртышской линии (Потанин, 1867. С. 179). 14 января 1742 г. сибирские купцы как тобольские русские, так и бухарцы, жаловались в Сибирскую губернскую канцелярию на приезжих купцов – калмыков и бухарцев, которые «будучи в Ирбити, чинят им как в продаже, так и в покупке товаров великое отягощение и немалые убытки, для того как продают товары, как и покупают, не платя пошлин, а они, тобольские купцы,

товары продают и от российских купцов покупают с платежом пошлин, и претерпевают они немалое разорение по многие годы» (Потанин, 1867. С. 178).

Сибирская администрация в 1745 г. поддержала местных купцов в их стремлении ограничить джунгарских бухарцев в торговле в приграничных крепостях, в то же время под торговые ограничения попали и российские купцы, караваны которых перестали пропускать в Джунгарскую степь (Потанин, 1868. С. 87).

Караваны бухарских купцов из городов Азии на пути к русским крепостям сталкивались с многочисленными трудностями и опасностями. Определенную сложность представлял проход караванов по территории киргис-кайсаков, для безопасности караванов необходимо было заручиться поддержкой правителей жузов – ханов или султанов. В письме Аблай-султана, данном бухарским купцам для безопасного проезда к военным линиям от 2 августа 1748 г. заверялось, что «от казаков, от недобрых людей, чтоб обид не было, для того послали чрез эту дорогу ныне. А мы этех с награждением послали. И нас изволите жаловать, и их пожаловать, неудержа отпустить, без умедления в скорости отпустить» (Из истории..., 2019. С. 28)⁷.

В начале августа 1748 г. к Оренбургу прибыл бухарский караван. В рапорте капитана Мякинина и поручика Дубецкова командующему Сибирского драгунского полка майору Я.И. Беклемишеву от 2 августа 1748 г. из Верхчернавского форпоста докладывалось о прибытии каравана бухарцев из Джунгарского ханства во главе с Б. Иминевым и просилась резолюции об их отправке до Оренбурга: «Прибывшие со степной стороны к Верхчернавскому фарпосту бухарцы нами при приеме чрез толмача Никиту Шумкова спрашиваны, которые объявили благосклонно. Старшина их Бабаш Иминев, что они владения Галдан-Чирина Цебен Доржи Намжин, команды ноена Азянхана. Следуют они с торгом к Оренбурху в сороки восьми человеках, в том числе киргис-кайсаков двое, которые с ними посланы от Аблай-салтана для пре-

⁵ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск : Изд. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1883. 779 с.

⁶ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сборник документов и материалов / Акад. наук КазССР ; Центр. гос. архив КазССР. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. XVI, 743 с.

⁷ Из истории казахско-русских отношений. XVIII век : сб. документов / сост. В.А. Сирик. Алматы : Литера-М, 2019. 522 с.

провождения их до Оренбурху. И при них, бухарцах, верблюдов тридцать семь, лошадей сто сорок семь, також и овец для пропитания их. Которые следовали из землицы своей уже с третьей м-ц чрез киргис-кайсацкую орду, и были у Аблай-салтан; и объявляют, что все в их землице находитца благополучно, и никаких беспокойств и собраниев не находитца. Також и у владельца их с окрестными землицами обстоит благополучно. А об отпуске своем имели они письмо от ноена своего Азян-хана до показанного Аблай-салтана, которое ему и отдали, а от Аблай-салтана имеют два письма на их диалекте: одно о пропуске их по фарпостам, которое при сем сообщаетца, а другое – до Оренбурха до высокопревосходительного г-дина генерала и ковалера и тайного советника Ивана Ивановича Неплюева, которое и отдано им обратно, чтоб никакого сомнения не имели» (Из истории..., 2019. С. 27)⁸.

Таким образом, караван получил от султана Аблая не только два сопроводительных письма, но и проводников для безопасного следования к Оренбургу.

Обычный порядок пропуска торгового каравана через русские укрепления приводится в рапорте Вологодского драгунского полка командиру войсками на Сибирских пограничных линиях генерал-майору Х.Х. Киндерману о приезде бухарцев для торгового дела в Верхнечернавинский форпост с письмом от Аблай-султана от 4 августа 1748 г.: «Каков ко мне сейчас Сибирского драгунского полку г-дин майор Беклемишев при репорте своем сообщил ко мне поданной ему, г-дину майору, от обретающихся в Верхнечернавинском фарпосте от капитана Мякинина и поручика Дубецкова о приеме прибывших из Зенгорской землицы бухарцев Бабаши Иминева с товарищи, в том числе в сороки осьми человеках киргис-кайсаков два человека, репорт. И при том тем бухарцам имянной реэстр, и данное им от киргис-кайсацкого владельца Аблай-салтана при письме на их диалекте о пропуске по фарпостам. Оные при сем к вашему превосходительству оригинальные для рассмотрения представляю. А как помянутых бухарцев по жилой стороне чрез Утяцкую слободу пропустить по линии для торгу в Оренбурх или по степной стороне,

и за каким канвоем, и тем канвоенным до Оренбурха быть или до Уйской линии, и как со оными бухарцами в препровождении поступать в покорности моей требую резолюции» (Из истории..., 2019. С. 25)⁹.

В рапорте капитана Мякинина и поручика Дубецкова из Верхнечернавинского форпоста командиру Сибирского драгунского полка майору Я.И. Беклемишеву от 2 августа 1748 г. отмечено, что в караване бухарцев имелись «при них товаров: с ыркетиною, с хамами, и выбойками, и с чандаралу, и з зенделями, с лисицами, и с корсоками, и с волками сто пятьдесят тюков. А на щет одного товару они и сами не знают» (Из истории..., 2019. С. 28)¹⁰.

Основными товарами этого каравана были ткани из Яркенда, хамьян – вид недорогой шелковой ткани, выбойка – грубый ситец с узором и хлопчатобумажная ткань – зендень. Бухарцы и проводники были вооружены: «Ружья ж при них, бухарцах, турок пять, пороху и свинцу при каждом ружье полфунту, сайдаков три, сабля одна. У киргис-кайсаков: у одного турка, а у другого сайдак» (Из истории..., 2019. С. 28)¹¹.

Впрочем, далеко не всегда расположение хана служило залогом безопасного пути караванщиков. В октябре-ноябре 1752 г. около укреплений строившейся Новой Ишимской линии произошло нападение отряда киргис-кайсаков на бухарских торговцев. Эти события в Сибири были отмечены в переписке канцлера Российской империи графа А.П. Бестужева-Рюмина.

В рапортах в Военную коллегию, Коллегию иностранных дел и Сибирскую губернскую канцелярию от 29 ноября 1752 г. бригадир И.И. Крафт сообщал о прибытии 29 октября 1752 г. каравана из 96 «бухарцев владения Зенгорского» в окрестности русского редута при дубраве у озера Пресного на Новой Ишимской линии. Бухарцы сообщили находившемуся в редуте сержанту о случившемся в пути нападении киргис-кайсаков на караван и укрылись под защитой стен редута при дубраве у озера Пресного.

⁹ Из истории казахско-российских отношений. XVIII век : сб. документов / сост. В.А. Сирик. Алматы : Литера-М, 2019. 522 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

⁸ Там же.

Позднее, в ночь на 1 ноября, произошло повторное нападение отряда из 200 киргискайсаков, «которые воровски прокрались с проектированной линии» на караван бухарцев, «и потом против 1 ноября оные киргис кайсаки в двухстах человеках уже и при редуте нашем напали на тех бухарцев, побили у них выючных верблюдов с товаром семьдесят два, да выючных лошадей двадцать, причем помянутые бухарцы бросились в надолбы в редутной стене» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 119). Караван был укрыт военной командой за стенами редута. Однако отряд киргискайсаков стал обстреливать уже и укрепления редута из луков и ружей, «напротив чего из редута чинен был отпор» и кочевники отошли.

В последовавшие два дня налетчики держались поблизости от редута и увеличили свою численность до более чем 400 человек, после чего 4 ноября они «подъезжая к редутным надолбам требовали чтобы им вышеописанных бухарцев и с товаром отдали объявляя что в противном том случае, владелец их Аблай велит им редут разбросать» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 119). В редут при дубраве у озера Пресного был послан новый русский отряд, и только тогда кочевники сняли осаду.

По приказу бригадира Крафта бухарцы под конвоем были впущены внутрь строившейся Новой Ишимской линии и с соблюдением мер секретности, чтобы не увидеть новые укрепления, препровождены в Омскую крепость, «и вы приказали вышеописанных бухарцев до Омской крепости, за опасности от киргис кайсаков препроводить, впусая внутрь Новопроектированной линии, за безопасным конвоем, невблизиности новостроющихся крепостей, редутов дабы они видеть их немогли, а из Омской крепости препроводить тех бухарцев за реку Иртыш в степь» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 119).

Позднее такие нападения кочевников на караваны бухарцев продолжились. В рапортах в Военную коллегию, Коллегию иностранных дел и Сибирскую губернскую канцелярию от 23 марта 1753 г. бригадир И.И. Крафт отметил, что 15–16 февраля 1753 г. вблизи Становской крепости Новой Ишимской линии отряду казахов Среднего жуза во время нападения на караван бухарцев удалось захватить 15 верблюдов, 57 лошадей и

взять в плен 7 человек бухарцев. Оставшиеся караванщики, лишенные животных, оказались не в состоянии продолжить свой путь, «за тем оным бухарцам от Становской крепости подняться с своими тюками и экипажем своим неначем». Для их препровождения к Омской крепости майором Кусаковым был начат поиск подходящих подвод по станциям среди военнослужащих.

Бригадир Крафт писал в Ишимскую управительную канцелярию о поиске российских подданных в Ишимском дистрикте, желающих наняться отвести бухарский караван: «...что из оной канцелярии объявлено было того Ишимского дистрикта обывателям, ежели кто пожелает у тех бухарцев наняться под их экипаж свести до Омской крепости, оные без всякого опасения понеже они будут за конвоем» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 120). Особо отмечалось, что обыватели должны иметь при себе ружья: «...только б те обыватели для лутчей безопасности от киргис кайсаков были все с ружьями» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 120).

28 июня 1753 г. глава Коллегии иностранных дел канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин писал в Сибирь бригадиру Крафту, одобряя его деятельность по защите караванов бухарцев от нападения кочевников: «...и в Коллегии иностранных дел такой ваш поступок апробуется, притом рекомендуется вам, и впредь проезжающих по тамошним линиям азиан, для приохачивания их здешнему торгу от киргиз-кайсацких нападений охранять, и таковым киргиз-кайсакам чинить доброй отпор и поступать с ними како с неприятелями, однако не вдавая себя в азарт, дабы им впредь чинить того было неповадно...» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 120). Бригадиру Крафту приказывалось и в дальнейшем оказывать защиту и содействие бухарским купцам, едущим в Россию, причем надлежало при необходимости давать отпор киргис-кайсакам и предотвращать попытки разведывательных действий в отношении новых укреплений.

Разъяснялись и действия по транспортировке подвергшихся нападению: «А буде для свозу вышеописанных бухарцев с их товаром, от Ишимской канцелярии и в найм охотников не сыщется, в таком случае велеть нарядить для свозу их до Омской крепости потребное число уездных под-

вод, имея с тех бухарцев поверстные деньги по плакату» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 120).

О всех подобных случаях надлежало извещать власти Сибири и Оренбургской губернии.

28 июня 1753 г. Коллегия иностранных дел сообщила оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву «о нападении многолюдном киргиз-кайсаков владения Аблай солтана на бухарцев зенгорских подданных ехавших близь новопрожектированной линии, а потом и на редут при дубраве у озера Пресного, причем требуя выдачи тех бухарцев из редута, оному разорением угрожали» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 120).

Отмечалось, что ранее султан Аблай, по донесению бригадира Тевкелева от 12 декабря 1752 г., на произошедшее столкновение «оный отговаривался неведением, и что может быть киргисцы то учинили по злобе, за разорением из них некоторой части зенгорцами...» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 120).

Султану Аблаю требовалось донести о необходимости лучше контролировать своих подданных ради общего блага: «...оному Аблай солтану пристойной зато учинить выговор, словесный или письменный, и подтвердить чтобы он за подчиненными людьми его впредь надлежащее имел

смотрение, и до таких своевольств их не допускал, чего всеподданнейшая к ее императорскому величеству должность его, и собственная народа их польза от него требуют, объявляя ему притом, что такими их задорами могут они и вящую причину подать зенгорцам к разорению их киргиз-кайсацкого народа, а нападением на российские редуты подвинуть на себя особый гнев ее императорского величества, а в прочем якоже и о предосторожности от нападения зенгорских войск, поступать вам, по имеющимся у вас о том указам, и по вашему в тех делах искусству» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 121).

Можно предположить, что указанные меры оказались успешны, так как в дальнейшем в архивных документах не содержалось сообщений о нападениях киргиз-кайсаков на бухарские караваны, а основной проблемой в русско-казахских пограничных отношениях в 1750–1760-е гг. стали перекочевки казахских табунов на правый берег Иртыша и попытки сибирских властей помешать этому. События, произошедшие вблизи укреплений Новой Ишимской линии в 1752–1753 гг., являются примером того, что русско-казахские отношения в XVIII в. были сложнее, чем представлялось ранее.

Список источников

Абуев К.К. Абылай Хан. Современники и наследники. Кокшетау : Эрекет, 2013. 308 с.

Ажидинов А.С., Дуйсекова А.Т., Отеуов Н.Н. Калмык-джунгарский совместный план военной агрессии на казахские ханства в конце XVII – начале XVIII века // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 3 (25). С. 341–355. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-341-355. EDN: AFZJKO.

Артыкбаев Ж. Абылай хан. Нур-Султан : Фолиант, 2019. 400 с.

Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата : Наука, 1971. 275 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 4. 460, [1] с.

Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. 456 с.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. М. : Наука, 1983. 332 с.

Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина / сост. и коммент. С.А. Каскабасова, Н.С. Смирновой, Е.Д. Турсунова; вступ. статья Н.С. Смирновой. Алма-Ата : Наука, 1972. 382 с.

References

Abuev K.K. (2013) Abylay Khan. Contemporaries and heirs. Kokshetau: Ereket. 308 p. (In Russ.).

Azhidinov A.S., Duisekova A.T., Oteuov N.N. (2022) Kalmyk-Dzungar joint plan of military aggression against the Kazakh khanates in the late 17th - early 18th century. *Social, Economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. No. 3 (25). P. 341-355. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-341-355. EDN: AFZJKO.

Artykbaev Zh. (2019) Abylay Khan. Nur-Sultan: Foliant. 400 p. (In Russ.).

Basin V.Ya. (1971) Russia and the Kazakh khanates in the XVI-XVIII centuries. Alma-Ata: Nauka. 276 p. (In Russ.).

Valikhanov Ch.Ch. (1985) Collected works: in 5 vol. Alma-Ata: Main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia. Vol. 4. 461 p. (In Russ.).

Erofeeva I.V. (2007) Khan Abulkhair: commander, ruler, politician. Almaty: Dyke-Press. 456 p. (In Russ.).

Zlatkin I.Ya. (1983) History of the Dzungar Khanate, 1635-1758. Moscow: Nauka. 332 p. (In Russ.).

Kaskabasova S.A. (1972) Kazakh folklore in the collection of G.N. Potanin. Alma-Ata: Nauka. 382 p. (In Russ.).

Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII век). Алматы : Білім, 1999. 288 с.

Крих А.А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 35–42. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.2.35-42. EDN: QJTCIP.

Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы : Санат, 1996. 656 с.

Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата : Гылым, 1991. 238 с.

Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М. : Университетская тип., 1867. 325 с.

Потанин Г.Н. О караванной торговле с джунгарской Бухарией в XVIII столетии. Москва : Унив. тип. (Катков и К°), 1868. [2], 93 с. 1868. Кн. 2.

Пузанов В.Д. Русская армия в Сибири в 30–50-е годы XVIII в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3 (55). С. 84–95. DOI: 10.36906/2311-4444/21-3/08. EDN: CMCTTG.

Пузанов В.Д. Восточная политика Петра I и Джунгарское ханство // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения : материалы междунар. науч. конф. «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 526–536. EDN: FLOLKM.

Пузанов В.Д. Западная Сибирь и кочевники в XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории. 2023. № 11–2. С. 4–21. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202311Statyi43. EDN: PGQJGS.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб. : Типолиитография В.В. Комарова, 1906. Т. 1. 91 с.

Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя, 1500–1800. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 349, [2] с.

Шевченко С.В. Внешнеполитическое положение Среднего казахского жуза и развитие русско-казахских отношений в 30–70-е годы XVIII в. // Вестник Омского университета. 2001. № 1. С. 49–53. EDN: ZSOCMN.

Информация об авторах

Водяников Константин Андреевич,
аспирант, кафедра истории и права,
Шадринский государственный педагогический
университет,
641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3, Россия,
e-mail: vodannikovkonstantin816@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0008-7466-0112>

Пузанов Владимир Дмитриевич,
доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и
права,

Kasymbaev Zh.K. (1999) Statesmen of the Kazakh Khanates (XVIII century). Almaty: Bilim. 288 p. (In Russ.).

Krikh A.A. (2019) Exploration activity of the Siberian Bukharians in the Kirghiz steppe in the 18th century. *Bulletin of Omsk University. Ser. Historical Sciences*. No. 2 (22). P. 35-42. (In Russ.). DOI: 10.25513/2312-1300.2019.2.35-42. EDN: QJTCIP.

Levshin A.I. (1996) Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak, hordes and steppes. Almaty: Sanat. 656 p. (In Russ.).

Moiseev V.A. (1991) Dzungar Khanate and Kazakhs (XVII-XVIII centuries). Alma-Ata: Gy'ly'm. 238 p. (In Russ.).

Potinin G.N. (1867) Materials for the history of Siberia. Moscow: Universitetskaya tip. 325 p. (In Russ.).

Potinin G.N. (1868) On caravan trade with Dzungar Bukhara in the 18th century. Moscow: Univ. tip. (Katkov i K°). Book 2. 93 p. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2021) The Russian army in Siberia in the 30-50 years of the XVIII century. *Bulletin Nizhnevartovsk State University*. No. 3 (55). P. 84-95. (In Russ.). DOI: 10.36906/2311-4444/21-3/08. EDN: CMCTTG.

Puzanov V.D. (2022) Eastern policy of Peter I and the Jungar Khanate. *Petr Velikii: issledovaniya i otkrytiya k 350-letiyu so dnya rozhdeniya: materialy` Mezhdunar. nauch. konf. "Znachenie preobrazovaniya Petra v novoi i noveishei istorii Rossii"*. Moskva, 17–19 maya 2022 g. = *Peter The Great: research and discoveries for the 350th anniversary of his birth: Proceedings of the International Scientific Conference "The Significance of Peter's Transformations in the Modern and Contemporary History of Russia"*. Moscow, 17-19 may 2022. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. P. 526-536. (In Russ.). EDN: FLOLKM.

Puzanov V.D. (2023) Western Siberia and nomads in the 17th - early 18th centuries. *Questions of History*. No. 11 (2). P. 4-21. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202311Statyi43. EDN: PGQJGS.

Terent'ev M.A. (1906) History of the conquest of Central Asia. St. Petersburg: Typographical of V.V. Komarova. Vol. 1. 91 p. (In Russ.).

Khodarkovskii M. (2023) Russia's Steppe Frontier: How the colonial empire was created, 1500–1800. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 351 p. (In Russ.).

Shevchenko S.V. (2001) Foreign policy position of the Middle Kazakh zhuz and development of Russian-Kazakh relations in the 30-70s of the 18th century. *Bulletin of Omsk State University*. No. 1. P. 49-53. (In Russ.). EDN: ZSOCMN.

Information about the authors

Konstantin A. Vodyannikov,
Postgraduate, Department of History and Law,
Shadrinsk State Pedagogical University,
3, K. Liebknecht St., Shadrinsk 641800, Russia,
e-mail: vodannikovkonstantin816@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0008-7466-0112>

Vladimir D. Puzanov,
Dr. Sci. (History), Professor, Department of History and Law,
Shadrinsk State Pedagogical University,

Шадринский государственный педагогический
университет,
641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3, Россия,
e-mail: alan1971@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-0065-2252>

3, K. Liebknecht St., Shadrinsk 641800, Russia,
e-mail: alan1971@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-0065-2252>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26 августа 2024 г.; одобрена после рецензирования 29 сентября 2024 г.; принята к публикации 14 октября 2024 г.

Article info

The article was submitted August 26, 2024; approved after reviewing September 29, 2024; accepted for publication October 14, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(571.5)
EDN: TWKXXZ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-95-107>

**«Значение ссылочного места отнюдь не может быть главным»:
Г.С. Батеньков о политике государства в отношении Сибири**

С.И. Гольдфарб, А.А. Иванов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Имя Гавриила Степановича Батенькова, как правило, связывают с движением декабристов: и действительно, формально не входя ни в одно из тайных обществ, он, тем не менее разделял многие убеждения «дворянских революционеров», был посвящен в их заговор и планы последующей демократизации России. Коренной сибиряк, Г.С. Батеньков родился в Тобольске в многодетной семье отставного обер-офицера, участвовал в войне с Наполеоном, был неоднократно ранен. В 1815 г. он вышел в отставку, а в 1816 г. был зачислен поручиком в корпус инженеров путей сообщения с назначением в родной город, где вскоре возглавил 10-й сибирский округ путей сообщения. Статья посвящена историческим взглядам Г.С. Батенькова на прошлое Сибири XVII–XIX веков. Батеньков не был профессиональным историком, но, будучи привлечен М.М. Сперанским к составлению законов, получивших название «Сибирского учреждения», он активно занялся изучением прошлого обширного региона – историей заселения и освоения территории, вопросами самоуправления и культуры коренных народов, результатами влияния «штрафной колонизации» на социально-экономическое и культурное развитие края. Являясь сторонником конституционной монархии и отмены крепостного права в России, Г.С. Батеньков резко критиковал чиновничий произвол, бесправное положение крестьян, выступал против представлений о Сибири как о «ссылочном месте» для преступников, собираемых сюда со всей страны. Подготовленные им Устав о ссыльных и Устав об этапах в губерниях сибирских, как и другие документы «Сибирского учреждения», – убедительное доказательство не только высоких профессиональных знаний в области пенитенциарной теории и практики, но, и в не меньшей мере, свидетельство желания Батенькова, как настоящего патриота Сибири, уменьшить негативное влияние каторги на местное население, стремления навести надлежащий порядок в организации сибирской уголовной ссылки.

Ключевые слова: декабрист Г.С. Батеньков, реформы М.М. Сперанского, Уставы о ссыльных и этапах, каторга, Московско-Сибирский тракт, Иркутская губерния, XIX век, «штрафная колонизация» Сибири, восстание декабристов, начало сибирской статистики

Для цитирования: Гольдфарб С.И., Иванов А.А. «Значение ссылочного места отнюдь не может быть главным»: Г.С. Батеньков о политике государства в отношении Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 95–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-95-107. EDN: TWKXXZ.

History

Original article

**“The importance of the exile place cannot be the main thing”:
G.S. Batenkov on the state policy towards Siberia**

Stanislav I. Goldfarb, Alexander A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The name of Gavriil Stepanovich Batenkov is usually associated with the Decembrist movement: indeed, while not formally a member of any of the secret societies, he nevertheless shared many of the beliefs of the “noble revolutionaries”, was initiated into their conspiracy and plans for the subsequent democratization of Russia. A native Siberian, G.S. Batenkov was born in Tobolsk in a large family of a retired senior officer, participated in the War with Napoleon, and was wounded several times. In 1815 he retired, and in 1816 he was enlisted as a lieutenant in the Corps of Transportation Engineers with an appointment to his

hometown, where he soon headed the 10th Siberian railway district. The article is devoted to the historical views of G.S. Batenkov on the past of Siberia in the 17th - 19th centuries. Batenkov was not a professional historian, but, having been attracted by M.M. Speransky to draft the laws that became known as the "Siberian Institution", he actively began studying the past of the vast region - the history of settlement and development of the territory, issues of self-government and culture of indigenous peoples, the results of the influence of "penal colonization" on the socio-economic and cultural development of the region. Being a supporter of constitutional monarchy and the abolition of serfdom in Russia, G.S. Batenkov sharply criticized the tyranny of officials, the disenfranchised status of peasants, and spoke out against the idea of Siberia as just a "place of exile" for criminals gathered here from all over the country. The Charter on Exiles and the Charter on Stages in Siberian Provinces prepared by him, as well as other documents of the "Siberian Institution", are convincing proof not only of his high professional knowledge in the field of penitentiary theory and practice, but also, to no lesser extent, evidence of Batenkov's desire, as a true patriot of Siberia, to reduce the negative impact of penal servitude on the local population, and his desire to establish proper order in the organization of Siberian criminal exile.

Keywords: Decembrist G.S. Batenkov, reforms of M.M. Speransky, Charters on exiles and stages, penal servitude, Moscow-Siberian highway, Irkutsk province, 19th century, «penal colonization» of Siberia, Decembrist uprising, beginning of Siberian statistics

For citation: Goldfarb S.I., Ivanov A.A. (2024) "The importance of the exile place cannot be the main thing": G.S. Batenkov on the state policy towards Siberia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 95-107. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-95-107. EDN: TWKXXZ.

Творчество декабриста Г.С. Батенькова всегда привлекало внимание исследователей-историков. В советский период наиболее интересной публикацией о нем следует считать книгу В.Г. Карцова, изданную в 1965 г. в Новосибирске. Автор сумел создать весьма подробный политический портрет своего героя, показать его вклад в подготовку сибирских реформ 1822 года, уделить внимание непростым взаимоотношениям Батенькова с М.М. Сперанским, а затем и Аракчеевым (Карцов, 1965).

В.Г. Карцов основательно проработал рукописи Батенькова, хранящиеся в фондах Российской государственной библиотеки и, пожалуй, первым ввел их в широкий научный оборот. В частности, речь идет о неопубликованной статье Батенькова «О ссылке и ссыльных» (Томск, 1851 г.), основные положения которой автор не только цитирует на страницах своей книги, но и подвергает научной критике, называя их «пылкими мечтаниями» автора, которому «приходилось идти вперед, но со связанными ногами» (Карцов, 1965. С. 86–88).

Монография В.Г. Карцова, несмотря на устаревший методологический марксистско-ленинский инструментарий, по-нашему мнению, и сегодня представляет значительный научный интерес как «рядовому» читателю, так и профессиональному ученому, исследующему проблемы социально-экономической истории Сибири XIX в. Отметим, что автор здесь

значительно расширил предмет своего изучения. Помимо исследования творческого портрета Батенькова, в книге есть большая и полная интересных сведений глава о роли штрафной колонизации в заселении и экономическом развитии Сибири, а также параграфы, содержащие оригинальные оценочные суждения о двух выдающихся государственных деятелях России первой половины XIX в. М.М. Сперанском и А.А. Аракчееве. При этом Карцов подробно разбирает характеристики Батенькова и тому, и другому (Карцов, 1965. С. 106–108).

Высоко оценивая труд В.Г. Карцова, нельзя согласиться, тем не менее с его выводом о том, что Уставы о ссыльных и об этапах, разработанные Батеньковым под руководством М.М. Сперанского в 1819–1821 гг., «никаких коренных преобразований в систему царской ссылки внести не могли и не вносили, хотя и сыграли какую-то положительную роль». Это, на наш взгляд, – слишком категоричное заключение, тем более что затем автор приводит примеры позитивного воздействия Устава о ссылке на организацию пенитенциарной политики и практики Российского государства в Сибири XIX в., явно противореча самому себе (Карцов, 1965. С. 88).

В постсоветский период научное наследие Г.С. Батенькова активно изучает В.Д. Юшковский. Так, в статье «Истоки толерантности в Российском обществе: Г.С. Батеньков и его «Нравственный закон», Юшковский обращает внимание на

принципы совместного творчества Батенькова и Сперанского: «Нельзя забывать, – пишет автор, – что над проектом законодательных сибирских реформ Г.С. Батеньков работал под руководством столь опытного администратора и правоведа, как М.М. Сперанский. И если дух преобразований, их новизна и «живое творческое начало» формировались под воздействием либеральных установок будущего декабриста, то влиянию «первого законотворца» следует по праву отнести «юридическую безукоризненность Устава» и некоторых других документов 1822 года, предопределившую неизменно долгую их жизнь»¹.

По мысли В.Д. Юшковского, в Уставе о ссыльных хорошо просматривается у Батенькова, прежде всего, «доброе отношение к людям», пусть даже и преступившим закон. «Исправить человека наказанием нельзя, – подчеркивает он мысль Батенькова, – «ведь зло порождает зло»: глядя на преступника, «нужно верить в способность человека к нравственному возрождению». Батеньков считал ссыльных «случайно впадшими в преступление, которые видели его последствия, понесли за него наказание» и раскаялись, а если вновь «становились злодеями», то были «в этом повинны не столько они сами, сколько господствующая система ссылки, которая «бросила их в грязное общество»². Конечно, здесь Г.С. Батеньков предстает перед нами не столько гуманистом, сколько идеалистом, романтиком, пытавшимся понять и объяснить природу преступности.

Проанализировав многогранную деятельность Г.С. Батенькова по подготовке сибирского законодательства, В.Д. Юшковский в обширном вступлении к сборнику сочинений и писем декабриста (Юшковский, 2015) указывает, что наследие Батенькова позволяет отвести ему особое место в истории общественной мысли

России. По оценке ученого, труды декабриста заставляют говорить о нем как о глубоком мыслителе, опередившим свой век по многим параметрам. И это не мешало ему ощущать связь с современностью, разбираться в социальных проблемах и участвовать в их разрешении. Батеньков был творением эпохи, – заключает автор, – ее продуктом – и в то же время человеком грядущего: типичное и необычное, сиюминутное и вневременное проявлялось в нем с удивительной силой и находило выражение в заметках и письмах. А также, добавим от авторов уже данной публикации: в крупных статьях Батенькова о прошлом и настоящем Сибири (Юшковский, 2015. С. 83–84).

В советской и постсоветской историографии Г.С. Батеньков исследовался, прежде всего, как «ученик» или «помощник» М.М. Сперанского, «сибиряк», знающий историческое прошлое Сибири и понимающий ее современные нужды. Именно с этих позиций пишут о Г.С. Батенькове Л.М. и И.Л. Дамешки: «В это же время Сперанский приступил к более важному, нежели ревизия, делу – разработке проектов сибирских преобразований. Большинство из них обдумывал и писал сам реформатор, однако за нехваткой времени и отсутствием «наклонности заниматься подробностями», часть дела поручал Г.С. Батенькову (сюда входили сбор сведений и предварительные наброски проектов преобразований). По словам самого реформатора, он не мог обойтись без Батенькова, как «мастер без ученика»» (Дамешек, Дамешек, 2016. С. 21).

Историко-правовые особенности «Сибирского учреждения» в 1980-х годах исследовал С.В. Кодан. Ученый подчеркивал исключительный характер законодательных актов Сперанского, а также и то, что они занимают «своеобразное место» в отечественной науке. «Это, пожалуй, единственный пример в истории русского законодательства первой половины XIX века, – пишет Кодан, – когда изучение состояния дел и законодательной практики проводилось непосредственно на территории будущих преобразований, а не в центральных государственных органах» (Кодан, 1988. С. 115).

Рассматривает С.В. Кодан и законодательную «черновую работу» Г.С. Батенькова в ходе

¹ Юшковский В.Д. Истоки толерантности в российском обществе: Г.С. Батеньков и его «нравственный закон». Томск, 2011а. 7 с. // <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1124/> (дата обращения 23.10.2024 г.).

² Юшковский В.Д. Союз теоретика и практика: (к вопросу о «новом взгляде на Сибирь» М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова). Томск, 2011б. 7 с. // <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1130/> (дата обращения 23.10.2024 г.).

подготовки Сибирских реформ 1822 г. При этом автор обращает особое внимание на то, что Батеньков поддерживал свободное переселение крестьян в Сибирь с предоставлением земли, «а ссылке отводил вспомогательную роль в формировании населения через отбытие» преступниками наказания и переход в крестьяне. При этом, – по мысли Кодана, – ни Сперанский, ни Батеньков не усматривали «в увеличении числа ссыльных усиления карательной политики самодержавия против массового освободительного движения», что, видимо, следует считать их недоработкой (Кодан, 1984. С. 17). В другой своей статье С.В. Кодан специально, пусть и коротко, рассмотрел основные положения Устава об этапах 1822 г. (Кодан, 1982).

Как видим, деятельность Г.С. Батенькова как «ученика» М.М. Сперанского и «помощника» при составлении «Сибирского учреждения» уже получила отражение в отечественной историографии. Несмотря на это научные представления будущего декабриста о сибирской ссылке, и в первую очередь, об этапах сибирских, рассмотрены все еще фрагментарно и нуждаются в дальнейшем анализе. Настоящая статья и призвана, хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Г.С. Батеньков – единственный среди декабристов уроженец Сибири. В 1816 г., сдав соответствующий экзамен, Батеньков был зачислен поручиком в корпус инженеров путей сообщения с назначением местом службы города Тобольска. В мае 1819 г. в Тобольск приехал с ревизией М.М. Сперанский. Ожидая встречи со Сперанским, Батеньков подготовил «Записку о состоянии X округа путей сообщений», в которой вместо радужной картины состояния округа и своей весомой роли в этом, охарактеризовал положение дел «как есть», без всяких прикрас, указав, что округ не выполняет и не может выполнить возложенных на него обязанностей в силу отсутствия финансирования, кадров и регламентирующих документов (Брегман, 1989. С. 4, 16).

«Записка...» была замечена М.М. Сперанским. Документ лучше всяких слов свидетельствовал, во-первых, о равнодушии автора к судьбе Сибири, во-вторых, о знании и понимании этой темы, в-третьих, о незаурядных аналитических способностях составителя. Добавим к этому – и о здоровом

честолюбии Г.С. Батенькова, искавшего знакомства со Сперанским для собственного карьерного роста. Вообще, и у Сперанского, и у Батенькова эта черта – честолюбие, стремление быть первым и лучшим, были схожими, как схожим было и представление о будущем Сибири. Схожим, отметим, но далеко не одинаковым. Оба исповедовали либеральные взгляды на государство и общество, однако восприятие и отношение к Сибири у них было различным. Будучи назначен в Сибирь, М.М. Сперанский рассчитывал достаточно быстро и с триумфом возвратиться в Санкт-Петербург. Должность генерал-губернатора особых восторгов у него не вызывала, пребывание в крае он рассматривал, как «почётную ссылку», позволявшую вновь заслужить милость и расположение императора. Предубеждение сохранялось и в дальнейшем, уже в самой Сибири. «Сибирь, есть просто Сибирь, – отмечал М.М. Сперанский в письме к дочери, – то есть: «прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии; но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности, твердой, основанной на хлебопашестве...» (Письма М.М. Сперанского..., 1868. Стб. 1684–1685).

Выделив Г.С. Батенькова из группы местных чиновников, Сперанский предложил ему сопровождать его дальше на восток, в глубь Сибири и помогать в составлении свода специальных законов о социально-экономическом развитии региона. Главная особенность свода состояла в том, что будущие законы должны были учитывать специфику сибирского края – географию, климат, положение по отношению к метрополии, сложившиеся хозяйственные связи, а также – особенности народов ее населяющих. Пожалуй, впервые региональные законодательные акты составлялись не в Петербурге, а на месте, в Сибири.

Г.С. Батеньков, думается, с большой охотой принял предложение Сперанского и до конца своих дней был благодарен своему патрону. Вот как описывал Батеньков много лет спустя события тех дней: «Готовя мой рапорт о системе сообщений в Сибири, я переписывал его несколько раз и кончил уже по необходимости. Когда Сперанский приехал в Тобольск, всякая встреча была отказана, рапорты послали мы в пакетах и должны были явиться на

другой день. Застенчивость моя обратилась в совершенное замешательство, когда по дороге городничий объявил мне, что солдат моей команды напился пьян и упал против дома генерал-губернатора. ... Он [Сперанский. – *Авт.*], однако же, ... вероятно, быв доволен моим рапортом, обласкал меня и убеждал ехать с собою. Сие меня радовало и пугало...» (Батеньков, 2015а. С. 119).

Создание сибирских законов требовало, прежде всего, хорошего знания истории края. На этот счет в распоряжении Батенькова были бумаги канцелярии губернатора Н.И. Трескина, но этих сведений оказалось ничтожно мало. Нужна была подлинная программа по сбору и систематизации имеющихся источников. С этой целью Батеньковым была создана особая «рабочая группа», независимая ни от канцелярии М.М. Сперанского, ни от канцелярии Н.И. Трескина, которая под его руководством обязала бы местные власти составлять подробные отчеты об управлении краем, а также собирала бы конкретные исторические сведения о прошлом региона, кропотливо сводя полученные цифры в статистические таблицы. В рукописном фонде Российской государственной библиотеки в фонде № 20 сохранились разработанные самим Г.С. Батеньковым, писанные его рукой 24 различные формы таблиц, предназначенных для обработки и обобщения сведений о земских повинностях в Сибири. Статистические таблицы Батенькова характеризуют состав русского и коренного населения края, состояние сельского хозяйства и промышленности Нерчинского и Колывано-Воскресенского заводов, соляных промыслов, дают сведения о каторге и ссылке, развитии здравоохранения и общественного призрения – и все это в сравнительной динамике за несколько десятилетий. Учитывая отличную организацию и системный подход, с которыми работала комиссия, собирая разнообразные сведения о местной действительности, будет вполне обоснованным посчитать Батенькова одним из первых организаторов дела сибирской статистики. Разработанные им формы вводили в официальную отчетность единообразие и на долгое время стали основой количественных сведений о Сибири (Карцов, 1965. С. 62).

В Иркутске, выполняя указание М.М. Сперанского, Г.С. Батеньков, обработав разнообразные статистические материалы, архивные

документы и некоторую литературу о губерниях сибирских, подготовил, как он сам указывал впоследствии, «первоначальные очерки в виде научных обзоров по семи предметам»: о сухопутных сообщениях, об этапах, о ссыльных, об инородцах, о сибирских казаках, о занятии Киргизской степи и о приведении в известность земель в Сибири. Эти наброски, или черновики, подробно обсуждались со Сперанским и членами рабочей группы, туда вносились уточнения и изменения. При этом проекты Батенькова в результате споров с «учителем» заметно правили, в них выхолащивался сам «дух» сибирского самоуправления (Карцов, 1965. С. 87).

«Мелодраматической» назвал однажды М.М. Сперанский одну из статей Батенькова в планируемом Уставе о ссыльных (Карцов, 1965. С. 86). И это не только шутка: в этом эпизоде проявилась принципиальная разница между учителем и учеником: если Г.С. Батеньков подходил к планируемым реформам как сибиряк, стремившийся облегчить положение сибирских жителей, то М.М. Сперанский оценивал сибирские законы с точки зрения общеимперских интересов, что придавало его позиции более умеренный и консервативный характер. Да и Иркутск, как и вся Сибирь, по-видимому, не нравился Сперанскому: «Третьего дня принимал духовенство, – пишет он дочери, – ... вчера обедали чиновники; сегодня купечество. Я устал жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях; слава Богу они кончились и готовясь оставить Иркутск, я хочу оставить его с приятнью...» (Письма М.М. Сперанского..., 1868. Стб. 1745).

Работа над составлением «Сибирского учреждения» продолжалась уже в Тобольске, в сентябре 1820 – январе 1821 года и завершилась в феврале, когда Г.С. Батеньков вслед за М.М. Сперанским выехал в Петербург. В столице он был замечен и обласкан, на его деятельность по подготовке сибирских реформ обратили внимание, в июне 1821 г. Батеньков был произведен в майоры. Летом 1822 г. «Сибирское учреждение» было опубликовано – от предложений о выборном начале как основе самоуправления Сибири, о сокращении влияния чиновников на сибирских жителей, которые продвигал Гавриил Степанович, осталось немного. Но и те положения, которые были напечатаны в неизменном виде, можно с полным основанием признать новаторскими.

На наш взгляд, наиболее целостное восприятие Г.С. Батеньковым Сибири и ее прошлого проявилось даже не в Уставе об инородцах, а в Уставах о ссыльных и этапах, ведь именно ссылка, как совершенно верно писал Н.М. Ядринцев, «давно приносит не столько пользы, сколько вреда Сибири». При этом без отмены или существенного сокращения ссылки не могли быть проводимы в крайние социальные и экономические преобразования (Ядринцев, 1892. С. 243).

Работая над Уставом о ссылке, Г.С. Батеньков стремится как можно глубже вникнуть в особенности пенитенциарной политики государства в Сибири. В большой статье «Общий взгляд на Сибирь», впервые опубликованной в 1823 г. в «Сыне Отечества», он дает весьма содержательный экскурс в историю края XVI–XVII веков, указывая, что новые территории заселялись как путем народной колонизации, так и посредством штрафной, т. е. принудительной отправки за Урал тысяч и тысяч жителей из центра страны. Рост крепостничества гнал в Сибирь массу крестьянского люда, заставлял осваивать новые территории. Батеньков совершенно справедливо полагает, что поначалу ссылка не знала системы, но со времени Петра, стала приобретать более регулярный характер. Особую роль при этом, по его мнению, сыграли указы 1760-х годов о ссылке в Сибирь на поселение неугодных помещичьих крестьян в зачет рекрут. Г.С. Батеньков одним из первых исследует это явление и даже выводит цифру сосланных – более 40 000 душ (Карцов, 1965. С. 80). Следует сказать, что подсчеты Батенькова носят подлинно научный характер и близки к показателям советских исследователей: так, например, по данным А.Д. Колесникова, с 1761 по 1782 гг. в сибирский регион, по «рекрутским указам», было отправлено не менее 35 тыс. мужских душ (Колесников, 1973. С. 354). Количественные показатели ссылки неуклонно расширялись, и в XIX в. Сибирь, по данным А.Д. Марголиса, приняла уже более 635 тыс. ссыльных (Марголис, 1995. С. 30).

Значительный и практически неконтролируемый приток ссыльных в Сибирь обрек Устав 1822 г. на быстрое устаревание. Вместо отмены власти взяли курс на его дополнение, заменяя статьи, несоответствующие действительности. Общее число разделов же росло. Так, в «батеньковском»

Уставе 1822 г. имелось 435 статей³. В следующей редакции Устав о ссыльных был издан в 1857 г. и содержал уже 914 статей⁴. Со временем часть параграфов, естественно, устарели и пришли в противоречие с реальной действительностью, поэтому в редакции 1909 г. осталось лишь 280 статей⁵.

Несмотря на недостатки, Устав о ссыльных имел глубоко позитивное значение для судеб десятков тысяч «невольных гостей» Сибири. Документ, подготовленный Г.С. Батеньковым, дал ссыльным, прежде всего, правовой статус: например, узаконенный так называемый «статейный список», стал своеобразным паспортом ссыльного, где стали указывать его имя, откуда и куда он следует, за что наказан, идет ли с семьей и многие другие, необходимые для идентификации, сведения. Важно подчеркнуть, что Устав о ссыльных строго-настрого запрещал местным сибирским властям распоряжаться судьбой арестанта по своему выбору и усмотрению, что до его принятия было распространено повсеместно.

Устав о ссыльных содержал и немало трудноосуществимых в действительности положений, но нельзя не признать его своевременный и в целом, безусловно, позитивный характер. Отвечая на критику Устава, Батеньков значительно позже в «Повести собственной жизни» писал потенциальным оппонентам: «Очевидно, что учреждение сие имело неоспоримую стройность и через то стало явным, способным к обозрению наукой в достоинствах его и недостатках, представляя и для критики сравнительное обозрение. <...> Посему за неуспех нельзя винить лично Сперанского. Он успел, однако же, высказать много добрых начал и оставил нам очерки великого здания, которыми наука воспользоваться может. Но он же первый открыл дверь к бесчисленным перестройкам, которые предпри-

³ Высочайше утвержденный Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXVIII. № 29.128. СПб., 1830. С. 433–469.

⁴ Высочайше утвержденный Устав об этапах в сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXVIII. № 29.129. СПб., 1830. С. 469–486.

⁵ Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л.И. Марколла. Изд. 2-е. Иркутск, 1911. 173 с.

нимать всем показалось весьма легким» (Батеньков, 2015b. С. 113).

«Устав о ссыльных» законодательно обеспечивал общие принципы, полномочия и характер работы органов управления ссылкой, а § 1 определил содержание этого наказания, что следует признать большим шагом вперед: «Ссылка в Сибирь есть двоякая: 1) в каторжную работу; 2) на поселение. Та и другая определяются не иначе, как приговором судебных мест»⁶. По мнению Л.М. Дамешека, И.Л. Дамешек и Т.А. Перцевой, Уставы о ссыльных и этапах «явились первыми кодексами сибирской ссылки» ... и выделили ее «в особый институт полицейского права» (Дамешек, Дамешек, Перцева, 2017. С. 162). Однако, как было уже замечено, Устав о ссыльных 1822 г. достаточно полно исследован в исторической и юридической литературе. А вот Устав об этапах в губерниях сибирских – изучен пока фрагментарно, поэтому остановимся на некоторых его положениях подробнее.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что Устав об этапах – совершенно оригинальный правовой документ. При его составлении Г.С. Батеньков не имел возможности хотя бы частично использовать подобный законотворческий европейский опыт: ни одно государство не располагало «своими» «ссылочными территориями», а высылало преступников в дальние колонии, отстоящие от метрополий на тысячи верст. И.Я. Фойницкий, правда, упоминает о насильственной депортации преступников в Риме в отдаленные местности страны, однако это наказание не носило там массового характера (Фойницкий, 1881. С. 4). Тем значительнее выглядит вклад Г.С. Батенькова в разработку этого документа.

Собственно сам ссыльный этап на Московско-Сибирском тракте представлял собой временную придорожную тюрьму. За высоким забором («паллями») располагалось несколько деревянных построек с помещениями для чинов конвоя, его начальника, с большими камерами для арестантов-мужчин и меньшими камерами для женщин и детей, следовавших за осужденными. Камеры разде-

лялись коридором, в конце которого находилась кухня, оснащенная котлом. На окнах крепкие железные решетки, камеры запирались на ночь, составлялся караул (Гарашенко, Иванов, 2024. С. 246).

Устав об этапах 1822 г. состоял из 199 статей. Это – сравнительное небольшое число положений, однако следует иметь в виду, что в Уставе о ссыльных значительное число параграфов также посвящены этапам и сопровождению арестантов по Московскому тракту. Иногда эти положения объединены в специальные главы или разделы, носящие характерные названия: «Отправление в ссылку», «Препровождение ссыльных», «Движение партий», «Обязанности препровождающей стражи» и т. д. Все это – свидетельство понимания авторами-составителями исключительной важности хорошо организованной системы этапных пунктов для тысяч и тысяч людей на огромном Московско-Сибирском тракте. При этом надо признать, что некоторый опыт организации принудительного перемещения больших групп людей на дальние расстояния у государства все же был – достаточно вспомнить вывоз из польских земель в Забайкалье старообрядцев в 1760-е годы, однако тогда этапы все же не создавались (Пилсудский, 2023. С. 14).

Прежде всего, значительное место в Уставе об этапах Г.С. Батеньков уделил «кадровому вопросу», стремясь к тому, чтобы эти «дорожные тюрьмы», как называли этапы современники, были действительно обеспечены дееспособными, хорошо обученными и сполна укомплектованными служащими. Учитывая специфику Сибири, с ее хронической нехваткой подготовленных к службе чинов любого ведомства, это вполне закономерно и свидетельствует о понимании Батеньковым важности решения кадрового вопроса. Уже во Введении подчеркивается, что Устав об этапах определяет состав этапных команд, их права и в большей мере обязанности, порядок отправления и следования препровождаемых ими партий, подчиненность военнослужащих, их подвластность своему и опосредованному начальству, а также, что немало важно, предусмотренные им награды и льготы за безупречную службу⁷.

⁶ Высочайше утвержденный Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29.128. С. 433.

⁷ Высочайше утвержденный Устав об этапах в сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29.129. С. 469.

Так, в соответствии с § 7 Устава, на каждый сибирский этап выделялась этапная команда из 1 офицера, 2 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 25 пеших солдат и нескольких приданных конных казаков. Офицерам разрешалось отбирать нестроевых нижних чинов – «невидных по фрунтовой службе, но отнюдь не вовсе изувеченных, или почему-либо неспособных носить ружье». Рекомендовалось набирать преимущественно семейных, не вчерашних рекрут, а имеющих хотя бы двухгодичный опыт батальонной службы. При этом «по возможности» на этап принимались лица, относившиеся «к местам прежнего жительства», т. е. уроженцы этих мест (§ 18, § 19)⁸.

Таким образом, Г.С. Батеньков предлагает набирать конвойные команды в основном из семейных сибиряков. Преимущества такого набора очевидны: «обремененные» семьей конвоиры, «приживаются» на этапе на много лучше холостых, при этом они прекрасно знают специфику службы на сибирской окраине и пускают здесь прочные корни, обзаводясь, как правило, многочисленным потомством. На закрепление постоянных кадров этапных служащих были направлены, к примеру, параграфы главы № 8, недвусмысленно названной авторами «Пособия от земли». Так, § 135-й предусматривал «военнослужителям, не имеющим собственных домов», отведение «обывательских квартир», куда «доставляется отопливание и освещение». § 138-й устанавливал правило, по которому офицер этапа имел право пользоваться «лучшей квартирой», но не должен был требовать «какого-либо отличного» для себя «строения». Если же этап находился в малолюдной местности, то для расквартирования команды следовало построить «на счет земских повинностей» особые казармы, которые, как и «тюремные строения» команда должна была содержать «в возможной чистоте и порядке»⁹.

Кадровому обеспечению этапов на Московско-Сибирском тракте была посвящена и последняя тринадцатая глава. § 190-й, к примеру, запрещал перевод нижних чинов с одного конкретного места службы на другой, если на то не имелось «собственного их желания» или «просьбы». Глава

также предусматривала отведение каждому этапу «для хозяйства его по удобности вблизи селения из свободных земель достаточных участков», на которых они могли иметь покосы и пашни». В самих же селениях нижним чинам разрешалось «строить свои собственные дома». § 195-й разрешал солдатам, служившим на этапе и устроившим на нем «домообзаводство», требовать по увольнении от службы «отвода собственного себе участка из казенных земель» для того, чтобы «навсегда тут водвориться»¹⁰.

Тщательно изучив «ссылный вопрос», Г.С. Батеньков пришел к заключению, о том, что одной из причин неэффективности «штрафной колонизации» Сибири XVIII – начала XIX века, следует считать ничтожное количество женщин среди высылаемых преступников. Отсутствие семейных ссыльных давало огромное количество беглых и бродяг, наносящих значительный моральный и материальный вред сибирскому крестьянину. Батеньков стремится минимизировать негативное влияние от праздношатающихся и впавших в «крайнюю нищету, разврат и заразные болезни» бродяг, стараясь предусмотреть в Уставе отдельные параграфы, узаконившие бы меры борьбы с этим явлением.

Так, уже § 11 Устава предусматривал положение, согласно которому казаки, состоящие при этапных командах, «употреблялись» бы не только «по их назначению для конвоирования партий», но и для преследования беглых ссыльных и каторжных. При этом против беглого, который не сдаваясь конвойным, «угрожать будет», офицер или унтер-офицер этапа имеет полное право «употребить оружие». § 86-й вменял этапным командам в обязанность «прилагать старание» к задержанию преступников, «близ дороги укрывающихся». Затем § 88-й предписывал этапному начальнику, «известясь» о ворах или беглых, «появившихся где-либо в лесах и других закрытых местах», немедленно из команды, ему вверенной, нарядить вооруженный пикет для их преследования и поимки. Этот же начальник был также обязан незамедлительно известить о беглецах сельских старшин ближних деревень, земское начальство и «соседственных» этапных начальников. И все это следовало делать,

⁸ Там же. С. 470.

⁹ Там же. С. 478.

¹⁰ Там же. С. 481.

как гласил § 91, всеми «зависящими от них средствами по крайней возможности»¹¹.

Конечно, в Уставе об этапах, как, впрочем, и в других законодательных актах «Сибирского учреждения», были и свои откровенно слабые места, без труда видимые нами с позиций сегодняшних исторических и правовых знаний. К их числу можно отнести, к примеру, положение § 32-го предусматривавшее, что «пересылка людей, по распределению в места, не на этапной дороге лежащие», возлагалась на инвалидов и казаков, в тех местах служащих, по распоряжению местного начальства¹².

На деле это требование выполнялось следующим образом: приходил этап в волостной городок, арестанты, следующие с большого тракта в глубь волости, оставались на попечении правления, а этап следовал дальше. Оставшиеся ссыльные под охраной казака отправлялись до ближайшего крупного села, а там передавались назначенным на эту повинность крестьянам, сопровождавшим их к месту непосредственного поселения. На деле на место водворения доходили, как правило, только семейные, для кого сельскохозяйственный труд был не в тягость. Холостые же ссыльные продавали свою казенную одежду и обувь, и пополняли отряды бродяг, тут же сбиваясь в шайки, занимаясь, кто разбоем, а кто воровством. Крестьяне относились к беглым («горбачам») крайне враждебно и нередко, выследив, прибегали к самосуду, или, в лучшем случае, выдавали бродяг полиции (Саломон, 1900. С. 262).

Или вот требование о неукоснительном соблюдении дисциплины арестантами во время движения этапа. Согласно § 47, во время следования партии, «строго сохраняется воинский порядок». Это означает, что «конвой следует в походном фронте», в полном вооружении и «с боевыми снарядами». При этом ссыльных также необходимо вести «в порядке и отнюдь не позволять расходиться в стороны». Согласно § 48-го, ссыльный, выходящий из своего места во время движения, должен был быть непременно наказан «как ослушник» (а как это? – не уточнялось). С этапного

начальника «строжайше взыскано будет за самомалейшее упущение порядка» – гласил § 51-й¹³.

В действительности эти требования также не исполнялись. У арестантов с начальником конвоя всегда существовал нигде не прописываемый договор: «авторитетные» ссыльные обязывались не допускать побегов или самовольных остановок в пути, а офицер в ответ разрешал партии снять кандалы с тем, чтобы одеть их перед этапом или городом, а также просить подаяние по придорожным селам. Нередко этапная партия, конвойный офицер которой стремился чересчур рьяно выполнить положения Устава и не давал арестантам ни малейшего послабления, выходила из повиновения и грозила массовым побегом и при этом всегда добивалась своего. Подобный случай мастерски описан, к примеру, В.А. Обручевым «В старой Сибири» (Обручев, 1958. С. 188–189).

Опять же, как и в Уставе о ссыльных, в Уставе об этапах порой встречается излишняя детализация и регламентация как действий офицеров и солдат конвойных команд, так и прав и обязанностей самих арестантов. Вот, к примеру, § 119-й обязывал «земское начальство» наблюдать «за исправностью нанимаемых собственно для препровождения партий подвод» и «побуждать» к исправлению их своими подрядчиками. § 166-й оговаривал выдавать казакам фураж «каждому на две лошади и на круглый год», а § 54-й обязывал солдат иметь в своих ранцах двухдневный запас продовольствия. Или вот еще § 186-й: «В партионных списках о выздоровевших ссыльных как этапные офицеры, так и городничие, означают, к какой прежде [видимо, партии] они принадлежали, то есть означают номер ее списка»¹⁴.

Отмеченные недостатки не заслоняют главного – стремления Г.С. Батенькова, с одной стороны, минимизировать вред для населения Сибири от пребывания здесь тысяч уголовных ссыльных, среди которых были и особо опасные преступники – насильники, убийцы, грабители, с другой, облегчить участь самих арестантов, в чьих рядах, по мнению Батенькова, было немало и людей «случайных», попавших на этап в силу обстоятельств, по воле случая и т. д. В любом случае, автор Устава

¹¹ Там же. С. 476.

¹² Там же. С. 471.

¹³ Там же. С. 472.

¹⁴ Там же. С. 472, 478, 479.

совершенно справедливо полагал, что пеший этапный путь в далекую Сибирь, длившийся порой от полугода до полутора лет, был самым суровым испытанием для ссыльного, и без того ослабленного предварительным следствием и тюремным заключением.

События 14 декабря 1825 г. трагически изменили правотворческую деятельность Батенькова. Известно, что Гавриил Степанович формально не состоял ни в одном из обществ декабристов. Но принадлежал к ним душой и разумом, известны контакты его с К.Ф. Рылеевым, П.И. Пестелем, И.И. Пушным. По политическим убеждениям его можно отнести к умеренным декабристам типа Никиты Муравьева, что хорошо видно из содержания его записки, составленной в декабре 1825 г. (Батеньков, 2015с). Не участвовав в восстании, но узнав о намерении декабристов включить его и М.М. Сперанского в состав будущего верховного органа или временного правительства, Г.С. Батеньков, по мысли В.Д. Юшковского, «ощутил себя крупной самостоятельной фигурой (Юшковский, 2015. С. 31). Скорее всего, его захлестнуло ликование и чувство важности собственной персоны. Мы уже говорили о честолюбии Батенькова. Именно это чувство объясняет его поведение на следствии – он неожиданно для всех всячески превозносил собственную роль в тайном движении, чего, повторим, не было на самом деле. Приговор поэтому был весьма суров – смертная казнь, которую все же заменили 20-летним заточением в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости (Гернет, 1961. С. 136).

Двадцать лет заключения очень тяжело дались Г.С. Батенькову. Из его записок о том периоде, видно, что он нередко впадал в отчаяние, искал силы в вере в Бога, ему казалось, что он познал Всевышнего и стал его посланником на Земле. Такие мысли сопровождались размышлениями о прошлом и будущем России и Сибири. Отбыв столь длинный срок, Батеньков был в 1846 г. сослан в Томск, где вел весьма скромный образ жизни. Он много читал, занимался точными науками, поддерживал оживленную переписку с друзьями.

После амнистии 1856 г. Г.С. Батеньков выехал из Сибири, однако тема сибирской ссылки по-прежнему занимала в его творчестве одно из главных мест. В 1857 г. он написал научное исследова-

ние под названием «Ссылка и ссыльные», хранящееся в Российской государственной библиотеки. Часть рукописи была введена в научный оборот Карцовым, весь же текст, по нашим данным, так и не был опубликован. Учитывая это обстоятельство, процитируем из данной статьи несколько особо интересных мест. При этом «Ссылка и ссыльные», на наш взгляд, если и содержит схожие с Уставами о ссыльных и этапах содержательные послы, то лишь в стремлении автора показать масштабы «штрафной колонизации» в заселении и освоении региона. В остальном – это два разных труда и очевидно, что «Ссылка и ссыльные» – результат многолетних обобщений автора на эту тему.

Как следует из рукописи, Г.С. Батеньков полагал, что для организации «ссылочного дела», как, впрочем, и всей пенитенциарной политики государства в России и в первую очередь в Сибири, необходим научно разработанный и теоретически обоснованный подход. «Устройство ссылки и ссыльных, – писал он, – составляет один из предметов первой важности в государстве. Во всех странах Западной Европы дело это остается в том же неустройстве, какое было оно во всех прежних веках и у всех народов. Я не имею под рукою ни одной специальной истории об этом, не говоря уже о том, что на русском языке и вовсе нет ее. В науке теоретической также нельзя найти никакого руководства, ибо она не сделала доселе в эту область ни одного шага». Все, что известно, – констатирует автор, – состоит из разных регламентаций, «не проникающих глубже обыкновенного внешнего распорядка» (Российская Государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 1).

Отсутствие научного подхода в деле руководства «штрафной колонизацией» Сибири сказывается в первую очередь на самих уголовных ссыльных, так как со стороны «правосудия» за ними нет никакого контроля. По прибытии в Тобольск ссыльный оказывается «обнаженным» перед лицом местных властей, «не имея никаких готовых для себя прав», он «предается» в полное распоряжение правительства, «закон охраняет только его жизнь». При этом «новое приобретение прав на месте водворения законом не определено даже в тех случаях, когда с пользою может быть оно допускаемо особо...». Иными словами, считает Батеньков, законом не предусмотрено возвращение прав ссыльному, если

даже он вел себя «с пользою» для края и это неправильно, так как лишает преступника стимула к исправлению и выливается в «стремление к худшему» – в бродяжничество и побеги (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 5, 7).

Выход из создавшегося положения с обезличиванием ссыльных Г.С. Батеньков видит в установлении внутри их массы «лестницы», которая позволила бы учесть их индивидуальные качества, а главное, склонность и готовность к исправлению. При этом и расселение ссыльных по конкретным местам Сибири следует производить с учетом этих личных особенностей. «Для совершения разделения ссыльных, – считает автор, – надобно: во-первых, начать его, установив во времени известный пункт считать вновь поступающих особ, не смешивая их с прежде поступившими...», во-вторых, «для сих вновь поступающих отменить старое название поселенцев и посельщиков и ввести новое название ссыльных» (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 9, 11).

Обдумывая, каким образом «улучшить» систему ссылки, Г.С. Батеньков, будучи патриотом Сибири, идет в своих рассуждениях дальше и предлагает в рукописи кардинально решить «ссылный вопрос». «Установив ссылку в Сибирь, правительство имело в виду работу как наказание и заселение отдаленного пустынного края, никто никогда не думал наводнить ее извержением из метрополии и потом бросить». Однако нельзя и дальше превращать Сибирь в тюрьму, нужно сократить сибирскую ссылку до минимума, а подлинных уголовных преступников, – считает Батеньков, – приобретя большой участок в Австралии, ссылать туда, основав там «колонизацию на началах отдаленной высылки за границу и держать оную в оседлом состоянии». «Правду сказать, такая мера, если б была удобоисполнима, была бы великим благодеянием для Сибири, которая глубоко чувствует потребность хоть в периодических отдыхах от непрерывного влияния стечения неустроенных масс», замедляющих ее развитие и «парализующих все добрые меры» (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 4).

Из рукописи видно, насколько Г.С. Батенькова волнует и беспокоит дальнейшая судьба обширного края. «Сибирь составляет ли ссылочное место? – спрашивает он, и отвечает: «По разнообразным и огромным богатствам, которые она в себе содержит, и по движению их в ней самой, по свойству казенного ее населения, ее промыслового, умственного и нравственного развития, значение ссылочного места отнюдь не может быть главным» (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 3).

Судьба Г.С. Батенькова – яркий пример подчас трагических взаимоотношений человека науки и российского государства. Будучи патриотом Сибири, Батеньков много сделал для дальнейшего исследования края. Пользуясь уважением Сперанского, он стремился на законодательном уровне решить многие «насуточные» вопросы Сибири, и, несмотря на более сдержанную позицию своего учителя, сумел добиться в этом определенных результатов. Именно Батеньков был автором семи из 10 законов, вошедших в «Сибирское учреждение» и значительно упорядочивших взаимоотношения Сибири и столицы, давших пусть ограниченное, но самоуправление народам края, упорядочивших ссылку и каторгу. Его отношения с М.М. Сперанским, как представителем власти, пример отношений уважительных и конструктивных. Но государство, не нуждаясь в либеральных проектах преобразования страны, по-прежнему оставалось на пути консервации старых традиционных ценностей.

И в заключение статьи совсем нелишним будет процитировать здесь высказывание Г.С. Батенькова о судьбе Сибири, о перспективах ее будущего социально-экономического развития. Подобно М.В. Ломоносову, Батеньков указывал: «Таким образом, Сибирь не только холодная, снежная, ссылочная страна, запертая Ледовитым морем, но распространилась и на юг в места, щедро облагодетельствованные природой, ожидая только соразмерного с естественными богатствами ее населения, чтобы довершить значение нового мира для русского народа и царства» (Батеньков, 2015b. С. 115).

Список источников

Батеньков Г.С. Сперанский и Аракчеев. // В кн.: Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск : Иркутский музей декабристов; Артидат, 2015a. С. 118–128.

References

Baten'kov G.S. (2015a) Speransky and Arakcheev. In the book: Works and letters. Vol. 2. Works. Letters (1856-1863). Irkutsk: Irkutsk Decembrist Museum; Artizdat. P. 118-128. (In Russ.).

Батеньков Г.С. Повести собственной жизни // В кн.: Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск : Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2015b. С. 91–118.

Батеньков Г.С. Опыт теории правительственных учреждений // В кн.: Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск : Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2015c. С. 208–214.

Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. // В кн.: Г.С. Батеньков. Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 3–88.

Гарашченко А.Н., Иванов А.А. Александровский централ : Исторический очерк (первая половина XVIII в. – 1917 г.). Иркутск : Оттиск, 2024. 496 с.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. М. : Госюриздат, 1961. Т. 2 (1825–1870). 582 с.

Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. М.М. Сперанский в Иркутске. 1819–1822. Иркутск : Оттиск, 2016. 46, [1] с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.

Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск : Наука, 1965. 240 с.

Кодан С.В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. С. 24–40.

Кодан С.В. Ссылка и колонизация Сибири в 1820–1850-х годах (политико-правовой аспект) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1984. С. 15–24.

Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века: сб. науч. трудов. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1988. С. 114–123.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1973. 440 с.

Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М. : Лантерна; Вита, 1995. 207 с.

Обручев В.А. В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем. 1888–1955 / под общей ред. В.В. Обручева. Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1958. 296 с.

Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа: / пер. с польского. М. : Ладомир, 2002. С. 13–30.

Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский Архив. 1868. Вып. 11. Стб. 1681–1811.

Саломон А.П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб. : Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1900. [2], XII, 342, 53 с.

Baten'kov G.S. (2015b) Stories of his own life. Works and letters. Vol. 2. Works. Letters (1856-1863). Irkutsk: Irkutsk Decembrist Museum; Artizdat. P. 91-118. (In Russ.).

Baten'kov G.S. (2015c) Experience the theory of government institutions. Essays and letters. Vol. 2. Essays. Letters (1856-1863). Irkutsk: Irkutsk Museum of the Decembrists; Artizdat. P. 208-214. (In Russ.).

Bregman A.A. (1989) Decembrist Gavriil Stepanovich Batenkov. In the book: G.S. Batenkov. Essays and letters. Vol. 1. Letters (1813-1856). Irkutsk: Vost.-Sib. book. P. 3-88. (In Russ.).

Garashchenko A.N., Ivanov A.A. (2024) Aleksandrovsky Central: Historical essay (first half of the 18th century - 1917). Irkutsk: Ottisk. 496 p. (In Russ.).

Gernet M.N. (1961) History of the Tsar's Prison. In 5 Vol. Moscow: Gosyurizdat. Vol. 2. 1825-1870. 582 p. (In Russ.).

Dameshek I.L., Dameshek L.M. (2016) M.M. Speransky in Irkutsk. 1819-1822. Irkutsk: Ottisk. 47 p. (In Russ.).

Dameshek L.M., Dameshek I.L., Pertseva T.A. (2017) Siberian reforms of M.M. Speransky in 1822: experience of administrative regulation of interests of the center and the region. Irkutsk: Irkutsk State University. 339 p. (In Russ.).

Kartsov V.G. (1965) The Decembrist G.S. Batenkov. Novosibirsk: Nauka. 240 p. (In Russ.).

Kodan S.V. (1982) Charter on the Stages of 1822. *State and Legal Institutions of Autocracy in Siberia*. Collection of Scientific Papers. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 24-40. (In Russ.).

Kodan S.V. (1984) Exile and Colonization of Siberia in the 1820-1850s (Political and Legal Aspect). *Economic policy of tsarism in Siberia in the 19th - early 20th century*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 15-24. (In Russ.).

Kodan S.V. (1988) M.M. Speransky and the codification of Siberian legislation. *The policy of autocracy in Siberia in the 19th - early 20th century: collection of scientific works*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 114-123. (In Russ.).

Kolesnikov A.D. (1973) Russian population of Western Siberia in the 18th - early 19th century. Omsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo. 440 p. (In Russ.).

Margolis A.D. (1995) Prison and exile in imperial Russia: research and archival finds. Moscow: Lanterna; Vita. 207 p. (In Russ.).

Obruchev V.A. (1958) In old Siberia: a collection of articles, memoirs, and letters. 1888-1955. Irkutsk: Irkutsk Book Publ. 296 p. (In Russ.).

Pilsudskii B. (2002) Poles in Siberia. *Siberia in History and Culture of Polish People*. (Russ. ed. : Polyaki v Sibiri. Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda. Moscow: Ladomir, 2002. P. 13-30).

Letters from M.M. Speransky to his daughter from Siberia. Russian Archive. 1868. Iss. 11. Stb. 1681-1811. (In Russ.).

Salomon A.P. (1900) Exile to Siberia. An outline of its history and current situation. For the Supremely Institutional Commission on Measures to Abolish Exile. St. Petersburg: Publ. of the St. Petersburg Prison. [2], XII, 342, 53 p. (In Russ.).

Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1881. VIII, 338, IV, [2] с.

Юшковский В.Д. Декабрист Г.С. Батеньков и его творческое наследие // В кн.: Г.С. Батеньков. Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск : Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2015. С. 3–88.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е. СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. XII. 720 с.

Информация об авторах

Гольдфарб Станислав Иосифович,
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой массовых коммуникаций и мультимедиа факультета бизнес-коммуникаций и информатики,
Иркутский государственный университет
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, кабинет 211, Россия,
e-mail: bon-ventur@yandex.ru

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России исторического факультета,
Иркутский государственный университет,
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, кабинет 313, Россия,
e-mail: ottisk@irmail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4855-8412>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 октября 2024 г.; одобрена после рецензирования 5 ноября 2024 г.; принята к публикации 11 ноября 2024 г.

Foinitskii I.Ya. (1881) Exile in the West in its historical development and current state. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha VIII, 338, IV, [2] p. (In Russ.).

Yushkovskii V.D. (2015) Decembrist G.S. Batenkov and his creative heritage. Batenkov G.S. Works and letters. Vol. 2. The publication was prepared by A.A. Bregman and V.D. Yushkovsky. Irkutsk: Irkutsk Decembrist Museum; Artizdat. P. 3-88. (In Russ.).

Yadrintsev N.M.(1892) Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical respects. St. Petersburg: Publishing House of I.M. Sibiryakov. XII .720 p. (In Russ.).

Information about the authors

Stanislav I. Goldfarb,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Mass Communications and Multimedia, Faculty of Business Communications and Informatics,
Irkutsk State University,
Office 211, 2, Chkalov St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: bon-ventur@yandex.ru

Alexander A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Faculty of History,
Irkutsk State University,
Office 313, 2, Chkalov St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: ottisk@irmail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4855-8412>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 6, 2024; approved after reviewing November 5, 2024; accepted for publication November 11, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(571.6)
EDN: QPGPQI
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-108-119>

«На военном положении»: торговля в крепости Владивосток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

О.А. Устюгова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития торговли во Владивостоке во время Русско-японской войны. Основным массив использованных в исследовании источников составили хранящиеся в РГИА ДВ переписка, приказы, циркуляры и инструкции командующих Маньчжурскими армиями, наместника императора на Дальнем Востоке, Приамурских генерал-губернаторов и военных губернаторов Амурской и Приморской областей, комендантов крепости Владивосток, а также подготовленные для губернатора отчеты по Южно-Уссурийскому уезду, материалы о снабжении Приморской области товарами первой необходимости за март-апрель 1904 г. и Всеподданнейшие отчеты военного губернатора Приморской области за 1905 и 1906 гг. Также использовались источники личного происхождения – переписка Э.Л. Прей и воспоминания барона А.П. Будберга. Исследуются осложненные военным положением условия, в которых предпринимателям приходилось осуществлять торговую деятельность. Определены факторы, затруднявшие осуществление товарного обмена и оказавшие негативное воздействие на городскую экономику, в том числе и ее торговую сферу: сложности с доставкой товаров, запреты на ввоз и вывоз определенных категорий грузов, регулирование цен для борьбы с дороговизной, дефицитом и спекуляцией. В условиях осадного положения и морской блокады торговля во Владивостоке была ограничена незначительным розничным оборотом, а также казенными подрядами и поставками, произошло вполне закономерное сокращение числа занятых в торговле. Приведший к затовариванию порта стремительный рост ввоза грузов во Владивосток как главный товарораспределительный центр региона произошел уже после завершения военного конфликта, однако не привел к снижению цен.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, Владивостокская крепость, Русско-японская война, военное положение, интендантство, торговля, предпринимательство, снабжение, продовольственный кризис

Для цитирования: Устюгова О.А. «На военном положении»: торговля в крепости Владивосток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 108–119. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-108-119. EDN: QPGPQI.

History

Original article

“Under martial law”: trade in the Vladivostok Fortress during the Russo-Japanese War of 1904-1905

Olga A. Ustyugova

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. The article examines the development of trade in Vladivostok during the Russo-Japanese War of 1904-1905. The main sources used in the study are stored in Russian State Historical Archive of the Far East correspondence, orders, circulars and instructions of the Manchurian armies Commanders, the Emperor's Viceroy in the Far East, the Amur Governors-general and military governors of the Amur and Primorsky regions, commandants of the Vladivostok Fortress, as well as reports prepared for the governor on the South Ussuri district, materials on the supply of the Primorsky region with essential goods for March-April 1904 and reports of the military governor of the Primorsky region for 1905 and 1906. The sources of personal origin were also used - the correspondence of E.L. Pray and the memoirs of Baron A.P. Budberg. The conditions in which entrepreneurs had to carry out trade

© Устюгова О.А., 2024

activities, complicated by martial law, are studied. The factors that hindered the realization of commodity exchange and had a negative impact on the urban economy, including its trade sphere, are identified: difficulties with the delivery of goods, prohibitions on the import and export of certain categories of goods, price regulation to combat high cost of living, shortages and speculation. Under the state of siege and naval blockade, trade in Vladivostok was limited to insignificant retail turnover, as well as government contracts and supplies, and there was a quite natural decrease in the number of traders. After the end of the military conflict the rapid growth of cargo imports to Vladivostok as the main trade center of the region led to overstocking of the port, but not to a decrease in prices.

Keywords: Russian Far East, Vladivostok Fortress, Russo-Japanese War, martial law, commissariat, trade, entrepreneurs, supply, food crisis

For citation: Ustyugova O.A. (2024) "Under martial law": trade in the Vladivostok Fortress during the Russo-Japanese War of 1904-1905. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 108-119. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-108-119. EDN: QPGPQI.

Исследователи обратились к изучению состояния экономики Владивостока в годы Русско-японской войны вскоре после ее окончания. В своих работах А.А. Березовский охарактеризовал влияние военного конфликта на экономическое развитие города как порта и центра торговли региона (Березовский, 1907а¹, Березовский, 1907б). Тему экономического положения Владивостока в военные годы продолжил М.В. Вишневский (Вишневский, 1960), констатировавший резкое сокращение объемов внутригородской торговли и сложности в снабжении продовольствием гарнизона Владивостокской крепости. Исследователи также рассмотрели негативное влияние Русско-японской войны на развитие морской торговли и торгового судоходства России (Бянкин, 1979; Агапов, 2006²), подметив сложности в обеспечении населения товарами и снижении грузооборота Владивостокского порта. Получила определенное освещение деятельность иностранных предпринимателей: Л. Деег и Е.Г. Молчанова рассмотрели специфику деятельности фирмы «Кунст и Альберс» в условиях войны, осветив трудности, с которыми пришлось столкнуться предпринимателям, и охарактеризовав способы их преодоления (Деег, 2002; Молчанова, 2022). Исследовавший освещение Русско-японской войны в городской прессе В.Л. Агапов (Агапов, 2014) отметил, что регулировавшиеся гражданской

и военной цензурой средства массовой информации были ограничены в выборе тем, поэтому сложившийся в периодике образ войны не был объективным: жизнь Владивостока в местных газетах отражена слабо. В монографии Э.А. Воробьевой подробно рассмотрен вызванный войной в Сибири и на Дальнем Востоке продовольственный кризис, проанализирована деятельность органов власти по его преодолению (Воробьева, 2020). Тем не менее до сих пор собственно развитие торговли во Владивостоке в годы Русско-японской войны не было предметом самостоятельного изучения.

После начала войны, согласно приказу командующего войсками Н.П. Линевица по Приамурскому военному округу № 46 от 27 января 1904 г., крепость Владивосток объявлялась состоящей на военном положении³. На основании ст. 69 Высочайше утвержденного Положения об управлении крепостями от 15 сентября 1901 г. полицейские начальства местностей, входящих в крепостной район, не подчиняясь непосредственно коменданту, были обязаны исполнять все его законные требования по предметам службы и общего благоустройства⁴. В крепости, рассчитанной на 12 тыс. гарнизона, в момент объявления мобилизации под ружьем находилось 8650 чел. (Русско-японская война..., 1910. С. 180). «Большинству учреждений было предложено эвакуироваться, а желающим жителям выехать, семьям служащих и чиновников были

¹ Березовский А.А. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока. Статистические данные Владивостокского Биржевого Комитета. Владивосток: Тип. Торгово-Промышленного Вестника Д.В., 1907а. 23 с.

² Агапов В.Л. Морская торговля и торговое судоходство России и Японии накануне и во время Русско-японской войны: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 251 с.

³ Приказ войскам Приамурского военного округа № 46 от 27 января 1904 г. // Приказы войскам Приамурского военного округа за 1904 г. Хабаровск, 1904.

⁴ Высочайше утвержденное Положение об управлении крепостями (от 15 сентября 1901 года) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXI. Отделение 1. № 20642.

выданы соответствующие пособия. Учреждения, в которых не было неизбежной надобности, переводили в Хабаровск и Никольск-Уссурийский» (Матвеев, 1910. С. 179). Так, Приморское областное правление к 15 февраля 1904 г. в полном составе временно переместилось в г. Никольск-Уссурийский (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1731. Л. 40). При краткости срока, назначенного для эвакуации и ограничения, наложенных на количество груза, который отъезжающие могли взять с собой, они были вынуждены распродать домашнюю обстановку и движимое имущество по очень низкой цене из-за отсутствия покупателей. Маклаки, пользуясь их безвыходным положением, приобретали вещи за бесценок, не проданное же, по большей части, было брошено на произвол судьбы и во многих случаях расхищалось. Часть служащих оставила за собой квартиры и охраняли их с помощью наемных лиц. Средние учебные заведения во Владивостоке были закрыты с 1 февраля и семьи некоторых служащих с детьми уехали в Европейскую Россию, что также сопровождалось большими расходами: многим пришлось жить на два дома, а тем, кто сохранил свои квартиры, и на три (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 86 об.–87).

В связи с объявлением войны Владивосток покинули подданные Японии, игравшие немаловажную роль в его экономике (Зайцев, 2006. С. 16). Согласно статистическим данным, в 1902 г. во Владивостоке проживало 2996 мигрантов из Японии (Тамура, 2007. С. 124). В принадлежавших им магазинах, ориентированных не только на японскую диаспору, но и на русское население города, продавали рис, муку, соевый соус, соль, сакэ, японские сладости, мебель, изделия из шелка, постельные принадлежности, лакированную посуду, керамику и чай (Зайцев, 2006. С. 12). В 1903 г. в городе было 58 японских магазинов, в том числе 4 – первого, 22 – второго и 32 – третьего разряда (Зайцев, 2006. С. 11; Тамура, 2007. С. 124). Анкетным обследованием было учтено также 281 предприятие (без торговых и транспортных), из которых 92 принадлежало японцам, составлявшим всего 3,2 % жителей города, но владевшим 32,7 % ремесленных и фабрично-заводских заведений в нем (Галлямова, 1992. С. 33). Японцы практически монополизиро-

вали стирку белья, парикмахерское дело, изготовление обуви и одежды, им принадлежали столярные, ювелирные и часовые мастерские, в городе имели свои представительства четыре японских страховых компании (Моргун, 1996. С. 95). Более трети всего японского населения Владивостока было занято в сфере интимных услуг. Значительная часть японцев работала прислужкой в русских семьях, в основном это были женщины, нанимавшиеся нянями и служанками (Белоус, 2007. С. 48, 49). 24 января 1904 г. на английском пароходе «Афридж», направлявшемся в Цуругу, Владивосток, по разным данным, покинули около 2270-2400 японцев. Баракольщики местного базара, воспользовавшись паникой японцев, по дешевке скупали их вещи, а кредиторы японских торговцев – их товары (Зайцев, 2007. С. 127; Агапов, 2014. С. 33).

Наблюдался и отток китайского населения. Китайский коммерческий агент во Владивостоке Ли Тьяо в опубликованном в газете «Дальний Восток» 25 января 1904 г. интервью пояснял, что многие китайцы временно покинули город в связи с китайским Новым годом (Агапов, 2014. С. 33). По свидетельствам представителей городского управления и местных жителей, после объявления войны никаких изменений в отношении китайцев к русским не наблюдалось: торговля производилась ими, как и раньше, а рабочие по-прежнему охотно трудились по найму. Тем не менее с началом военных действий наиболее осторожные из китайцев выехали из Приморской области на родину, рабочие и мелкие торговцы стремились покинуть Владивосток, но, по распоряжению коменданта, поскольку город и крепость нуждались в китайских рабочих, их выезд из города был ограничен и разрешался лишь по сношению с Ли Тьяо (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 81–82). 30 января 1904 г. комендант крепости генерал-майор Д.Н. Воронец издал приказ № 34 следующего содержания: «Ввиду дошедших до меня сведений о том, что некоторые лица позволяют себе без всякого повода обижать местных жителей китайцев, объявляю для всеобщего сведения, что лица, замеченные впредь в допущении подобных безобразий будут наказаны по всей строгости закона и по отбытии наказания выдворены вон из пределов крепости» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 271. Л. 13). По заявлению Ли Тьяо, это распоряжение коменданта успокоило

китайское население города, хотя многие из имеющих дело с китайцами уверяли, что те опасаются возможного повторения Благовещенских событий 1900 г., в случае, если Китаем будет нарушен нейтралитет, что и подталкивало их к отъезду (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 82–82 об.).

22 февраля 1904 г. Владивосток был обстрелян японской эскадрой: пять японских броненосцев открыли огонь по оборонительным сооружениям крепости и восточной части города. Всего было выпущено свыше 200 снарядов, убито два человека и один ранен, серьезных разрушений не было (Авилов, 2018. С. 23). Крепость Владивосток была объявлена на осадном положении (История Русско-японской войны..., 1977. С. 350). В соответствии с поставленной задачей подготовки крепости к обороне – примириться с возможной бомбардировкой города и в случае необходимости отбить штурм – были определены численность гарнизона и объем продовольственных запасов. К марту 1904 г. гарнизон крепости стал увеличиваться, составив 17–18 тыс. чел., кроме 3 тыс. моряков и 360 вольных дружинников. Командированный Наместником Его Императорского Величества на Дальнем Востоке Е.И. Алексеевым для осмотра крепости полковник Генерального штаба Е.Ф. Пестич в своем докладе от 31 марта 1904 г. признал запасы Владивостока на случай осады достаточными (Русско-японская война..., 1910. С. 176, 184, 185). Интендантство крепости практически с первых дней войны отправляло продовольствие в Порт-Артур (Вишневский, 1960. С. 91).

Война с Японией ухудшила экономическое положение населения Владивостока как одного из передовых пунктов театра войны (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 85 об.–86). Произошло стремительное снижение покупательной способности горожан. В телеграмме городского головы В.А. Панова, отправленной 8 апреля 1904 г. в Ярославско-Костромской и Нижегородско-Самарский земельные банки, а также министру финансов, отмечалось: «Вследствие осадного положения Владивостока и бомбардировки, эвакуации всех административных учреждений, учебных заведений и частных обывателей, население города уменьшилось более половины. Выезды продолжаются. Многие квартиры сданы бесплатно, только бы жильцы охраняли. Безработица полная. Общие

материальные условия жизни крайне тягостны. Новые кредиты местных банках закрыты. Масса вексельных протестов» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1739. Л. 88). Заложенное в банках имущество домовладельцев, которые из-за отсутствия арендаторов не могли вносить срочные платежи, назначалось к продаже с аукциона. Городской голова опасался, что клиенты банков разорятся, а их имущество будет скуплено за бесценок ростовщиками или аферистами. Городская дума просила отсрочить платежи до конца войны на льготных основаниях, с раскладкой недоимок на три года (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 86; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1739. Л. 88).

Государство было вынуждено установить жесткий контроль за поступлением на местный рынок продовольствия и товаров первой необходимости. Военным губернатором Приморской области приказами от 7, 10, 11 и 25 февраля 1904 г. были организованы временные продовольственные комиссии в городах, уездах и в районе Уссурийского казачьего войска. В их задачи входило подсчитать количество необходимого продовольствия, выяснить, на какой срок им обеспечено население, а также определить, какие меры необходимо принять для организации снабжения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 468. Л. 1–1 об.). Владивостокская временная продовольственная комиссия, в зону действия которой входила территория г. Владивостока с окрестностями до 31 версты, возглавлялась городским головой В.А. Пановым (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 19–19 об.). «Местное городское Управление всю свою главную деятельность должно было сосредоточить на расквартировании войск и на обеспечении жителей необходимыми жизненными припасами» (Матвеев, 1910. С. 181). Чтобы не допустить чрезмерного повышения цен торговцами, в феврале 1904 г. в г. Владивостоке были установлены таксы: на хлеб из муки 2-го сорта – 5 коп. и 3-го сорта – 4 коп. за фунт, муку 1-го сорта – 2 руб. 45 коп., 3-го сорта – 1 руб. 60 коп. за пуд, рис – 3 руб. 20 коп. за пуд, мясо 1-го сорта – 18 коп., 2-го сорта – 16 коп. за фунт, кету – 9 коп. за фунт, масло сливочное – 60 коп. за фунт, сахар – 25 коп. за фунт, соль – 65 коп. за пуд, свечи – 30 коп. за фунт, керосин 5 руб. за ящик (Воробьева, 2020. С. 25–26).

С началом войны прекратился подвоз товаров морским путем через Николаевск, Владивосток и Порт-Артур (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 344. Л. 4). Владивосток оказался в морской блокаде, что сильно затрудняло снабжение города (Молчанова, 2022. С. 159). Война вызвала мобилизацию морского транспорта, негативно отразившуюся на коммерческих перевозках и торговле в целом: значительная часть судов была призвана в состав военно-морского флота как транспорты и вспомогательные крейсера, в 1904 г. японцами было захвачено 23 торговых судна (в том числе 13 русских), пытавшихся прорвать блокаду Владивостока. Если в 1903 г. в порт Владивосток зашло 328 судов, включая 104 русских, то в 1904 г. – 55 (4), а в 1905 г. – 157 (31). Наступил почти двухлетний перерыв, до октября 1905 г., в рейсах Добровольного флота из Одессы во Владивосток (Бянкин, 1979. С. 103–106). Флот малого каботажного флота сократился в 63 раза (если в 1903 г. во Владивосток пришло 63 судна, то в 1904 г. – только одно), а количество перевезенных им грузов – в 74 раза (Березовский, 1907а. С. 13⁵; Вишневский, 1960. С. 92). Выезд из города большого числа потребителей и прекратившийся подвоз товаров морским путем повлекли за собой застой в торговле. Находившиеся до начала войны в пути грузы многих фирм были завезены в нейтральные порты, их длительное хранение и неизбежная порча вызывали значительные расходы местных коммерсантов. Так, в Гонконге и Циндао одних только товаров фирмы «Кунст и Альберс» было выгружено на сумму около 1 млн руб. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 86). В феврале 1904 г. наместник приказал прекратить прием частной телеграфной корреспонденции в Приморской области, разрешив его лишь для связи офицеров со своими семьями, при условии приложения к телеграммам гербовой печати соответствующего учреждения, о чем по приказанию коменданта крепости и было объявлено 29 февраля (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 271. Л. 21), т. е. фактически была запрещена пересылка торговых телеграмм, без которых своевременная выписка товаров, вследствие отдаленности края, была

почти невозможна (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 79 об.).

С объявлением мобилизации началась срочная переброска войск по Уссурийской железной дороге, вследствие чего грузовое движение по ней было прекращено, а местное население сразу ощутило нехватку продовольствия. В это время товары из Владивостока в Никольск-Уссурийский доставлялись гужом, причем «богатеи-мужики» брали подряды на перевозку грузов по 50 коп., а сами отдавали возить крестьянам по 35 коп. с пуда. По просьбам местной администрации, управлением дороги с 1 марта, т. е. со времени сравнительного уменьшения воинского движения, была, по мере возможности и без ответственности за срочную доставку, восстановлена транспортировка частных грузов, которые начали продвигать во Владивосток, однако в не соответствовавших спросу объемах. 12 марта 1904 г. Владивостокская продовольственная комиссия выяснила, что для снабжения города и его окрестностей в ближайшие 3–4 месяца товарами первой необходимости потребуется не менее 525 вагонов из Европейской России и Западной Сибири. Снабжение города, по мнению комиссии, имело первостепенное значение не только для местного населения, но и для обороны крепости, поскольку через несколько месяцев положение всего окрестного района окажется тяжелым, а к осени – совершенно безвыходным. В Порт-Артуре остались доставленные на пароходах «Казань» и «Эдуард Бари» товары частных фирм, предназначенные для Приморской области, перевозка которых задерживалась за неимением свободного железнодорожного подвижного состава. Вывоз продуктов из Харбина также был затруднен, но затем грузовое сообщение стало понемногу восстанавливаться (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 79–80).

По сведениям, собранным Владивостокским городским головой, к 15 марта 1904 г.: «Сколько-нибудь серьезного скупа предметов первой необходимости со стороны местных торговцев для поднятия рыночных цен во Владивостоке нет и не было, так как все главные продовольственные припасы и без того всегда были сосредоточены в главных местных фирмах, из которых, за ограниченностью наличных запасов, таковые отпускаются (по собственному начину фирм) лишь раздробительно, но

⁵ Березовский А.А. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока. Статистические данные Владивостокского Биржевого Комитета. Владивосток: Тип. Торгово-Промышленного Вестника Д.В., 1907а. 23 с.

не партиями. Мелкие случаи задержки припасов замечаются на базаре среди китайских торговцев, но они не имеют никакого существенного значения и практиковались всегда. Поднятие цен было предупреждено Думой установлением таксы на мясо и хлеба и гласными заявлениями главных фирм, что цены на товар ими не поднимаются. Почин в этом направлении был сделан фирмой «Кунст и Альберс» и цены везде держатся почти прежние, не смотря на полный застой торговли жизненными припасами, на счет которых, таким образом, купцы имеют единственную возможность покрывать свои убытки. Вообще, в смысле цен, здешний рынок оказался в высшей степени корректным» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 94 об.–95). По данным Владивостокского полицмейстера от 20 марта 1904 г., случаев привлечения к судебной ответственности местных торговцев «за стачку в повышении цен на предметы первой необходимости» не было (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 670. Л. 95–95 об.).

Однако в дальнейшем ситуация изменилась и власти вынуждены были бороться с повышением цен административными мерами. Согласно ст. 19 Постановлений о местностях, объявленных состоящими на военном положении, генерал-губернаторы или обличенные их властью лица имели право делать распоряжения о закрытии торговых и промышленных заведений на определенный срок или на все время военного положения. Как отмечал в своих воспоминаниях начальник штаба крепости А.П. Будберг, поскольку городская полиция была подчинена коменданту крепости, он мог самостоятельно принимать необходимые меры по обузданию appetитов коммерсантов, пытавшихся использовать благоприятную для них обстановку в своих целях. «Первый удар разразился над содержателями кабаков и притонов, весьма многочисленных в нашем портовом городе и пользовавшихся несомненным покровительством местных полицейских властей; затем стукнули и по местным фирмам, взвинтившим сразу же цены на материалы военного потребления. Закрытие магазинов фирмы “Гейтман и Аурнгаммер”, поднявшей втрое цену на гофрированное железо, сразу же охладило других дельцов и помогло, хоть бы на первые месяцы, удержать весь остальной рынок от резких и спекулятивных скачков вверх» (Будберг, 2017. С. 301).

7 июня 1904 г. приказом по Владивостокской крепости № 362 комендант предлагал полицмейстеру сделать распоряжение о закрытии магазина торгового дома «Гейтман и Аурнгаммер» на три дня за произвольное повышение цен на предметы войсковой необходимости вдвое против существующих (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 271. Л. 274).

С началом военных действий железнодорожные перевозки перешли в ведение Главного штаба, и, согласно его циркуляру № 34 от 6 февраля 1904 г., в пункты назначения по Сибирской, Забайкальской, Китайско-Восточной и Уссурийской железным дорогам могли быть доставлены только те частные грузы, которые включались в воинские эшелоны, следующие по планам Главного штаба. Военное ведомство выделяло для них небольшое количество вагонов и поездов (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1027. Л. 19; Д. 1047. Л. 1). 21 октября 1904 г. Управление военных сообщений Главного штаба объявило для всеобщего сведения, что впредь в эшелоны для Владивостока грузы будут включаться только по нарядам коменданта крепости генерал-майора Д.Н. Воронца или же военного губернатора А.М. Коллюбакина (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 138. Л. 12).

В своей докладной записке военному губернатору Приморской области от 5 апреля 1904 г. товарищ-распорядитель торгового дома «Кунст и Альберс» А.В. Даттан сообщал, что во Владивостоке ощущается недостаток некоторых продуктов и строительных материалов для крепостных сооружений, который, очевидно, в дальнейшем будет усугубляться. Исходатайствованные А.М. Коллюбакиным 150 вагонов смогут доставить лишь предметы первой необходимости в ограниченном количестве, на регулярный их подвоз по железной дороге рассчитывать нельзя (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 467. Л. 108–108 об.).

Тяжелое положение, в котором оказалось местное население, вызвало необходимость отмены установленного законом 10 июня 1900 г. таможенного обложения, чтобы облегчить доступ в край иностранных товаров. Именным Высочайшим указом министру финансов от 1 мая 1904 г., по представлению наместника, в Приамурском генерал-губернаторстве было восстановлено порто-франко (РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 2. Д. 13. Л. 20; Ф. 702. Оп. 1. Д. 517. Л. 18 об.). После отмены таможенных

пошлин все больше судов стало проникать сквозь японскую блокаду. В результате долгих переговоров с лондонским Ллойдом были улажены вопросы страхования, пароход торгового дома «Кунст и Альберс» «Тунгус» вышел в Шанхай, а затем в Гонконг. Часть товаров фирмы, оказавшихся после начала войны в Шанхае, Циндао и Гонконге, были проданы, а оставшиеся доставлены во Владивосток (Деер, 2002. С. 192). «Тунгус» несколько раз доставлял товары в город в обход японской блокады. При выполнении этих рискованных рейсов содействие фирме оказывали ее партнеры в разных странах (Молчанова, 2022. С. 159).

Ситуация с блокадой Владивостока была неоднозначной. После объявления войны к начальнику штаба крепости неоднократно обращались представители коммерсантов нейтральных стран с предложениями организовать поставки для нужд российской армии. Иностранцы рассчитывали на возможность прорыва коммерческих пароходов в залив Петра Великого, поскольку понимали, что японский флот не сможет одновременно поддерживать блокаду и Порт-Артура, и Владивостока. Однако в штабах наместника и командующего армией не заинтересовались этой инициативой. Осенью 1904 г. комендант крепости получил из Петербурга телеграмму Главного интенданта Военного министерства Ф.Я. Ростковского, сообщавшего, что к нему поступило предложение группы иностранных предпринимателей выполнить крупные поставки разных видов интендантского довольствия во Владивосток на очень выгодных условиях: по ценам вдвое и втрое ниже тех, во что обходилась доставка по железной дороге. Главный интендант критически отнесся к этой инициативе, поскольку не понимал, зачем предпринимателям идти на риск в условиях блокады Владивостока японским флотом (Будберг, 2017. С. 302, 331–332). Комендант крепости разъяснил ему, что тесной блокады Владивостока не было: в течение восьми месяцев в порт регулярно приходили датские, шведские и немецкие пароходы, доставлявшие каменный уголь морскому ведомству и товары торговому дому «Кунст и Альберс». «Владелец фирмы “Кунст и Альберс” А.В. Даттан на вопрос, как ухитрялись его пароходы приходить во Владивосток, отвечал, что они получали бумаги на Константинополь и порты Средиземного моря, но ветры и тече-

ния сносили их с курса, и они случайно попадали во Владивосток. Злые же языки говорили, что все грузы К. и А. были перестрахованы в Японских страховых компаниях, а потому японская блокада их не трогала» (Будберг, 2017. С. 332). Главное интендантство дало свое согласие на заключение договора только в январе 1905 г., через две недели после падения Порт-Артура, когда высвободился весь японский флот, а любые попытки прорваться во Владивосток стали действительно опасными (Будберг, 2017. С. 332).

Поскольку снабжение Дальнего Востока зависело от подвоза необходимых товаров из Европейской России и Маньчжурии, а интендантство активно закупало продовольствие для армии, возникновение товарного дефицита было неизбежно (Воробьева, 2020. С. 55). В связи с последовавшим в августе 1904 г., с целью обеспечения армии провиантом, запрещением вывоза поставлявшихся в мирное время в значительном количестве хлебных продуктов в Приамурский край из Маньчжурии, произошло повышение цен на продовольствие и предметы первой необходимости (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 488. Л. 1 об.). Если в 1903 г. пшеничная мука стоила 1 руб. 50 коп. пуд, то в 1904 г. – 2 руб. 90 коп., цена овсяной крупы поднялась с 6 до 12 руб., риса – с 3 до 8 руб., соли – с 1 руб. 50 коп. до 3 руб. 80 коп., свежей кеты – с 2 до 4 руб., керосина – с 2 руб. 60 коп. до 5 руб. за банку (Березовский, 1907b. С. 34–37; Вишневский, 1960. С. 93). Продукты для горожан привозили крестьяне Южно-Уссурийского уезда: китайцы и крестьяне Ольгинского стана доставляли во Владивосток излишки хлеба, а также кету и сельдь (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 118 об.). Крестьяне Раздольненского стана приостановили поставки продуктов, до войны имевших сбыт во Владивостоке, в связи с прекращением каботажного плавания от м. Поворотного до м. Гамова (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 84). Чтобы прокормиться, многие жители Владивостока заводили во дворах своих домов огороды. Муж Э.Л.Прей, выросший на ферме в штате Нью-Гемпшир и имевший соответствующий опыт, завел в доме Смитов домашнюю птицу (Прей, 2008. С. 66–67).

Власти вынуждены были запретить вывоз необходимых для обеспечения населения предметов продовольствия и первой необходимости из При-

морской области. Согласно ст. 10 Правил о местностях, объявленных на военном положении, Командующий армией имел право запрещать вывоз продовольственных средств, фуража, дров и т. п., которые могли потребоваться для войск⁶. На этом основании 16 декабря 1904 г., согласно предписания Вр. и.д. Приамурского генерал-губернатора М.С. Андреева от 13 ноября, начальник Уссурийской казенной железной дороги Н.И. фон-Кремер издал приказ, которым запретил принимать продукты к перевозке без предъявления разрешительных удостоверений местных продовольственных комиссий (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1745. Л. 27 об., 47). Согласно утвержденной 25 декабря 1904 г. М.С. Андреевым инструкции агентам и чинам жандармского полицейского надзора Уссурийской казенной железной дороги, к вывозу не допускались хлеб, рис, крупа разных сортов, мясо, рыба, ячмень, овес, рожь, пшеница и т. п. Право выдачи письменного разрешения на их вывоз было предоставлено продовольственным комиссиям Хабаровска и Никольск-Уссурийского и комендантам крепостей Владивосток и Николаевск (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1745. Л. 26 об.).

В декабре 1904 г. полицмейстер вошел к военному губернатору Приморской области с ходатайством о выдаче штатным городским Владивостокского городского полицейского управления денежного пособия в размере 3 руб. в месяц каждому за время нахождения крепости в осадном положении, поскольку из-за высоких цен, несмотря на отпускавшийся от казны провиант, жалованья им не хватало. Кроме того, нижние чины других органов полицейской службы в г. Владивостоке – жандармского надзора, Владивостокского и коммерческого порта, таможенного ведомства, а также почтальоны уже получали увеличенное содержание. Пособие было ассигновано из экстраординарных сумм коменданта крепости (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 115. Л. 2–2 об.).

К началу зимы 1904 г. снабжение крепости значительно ухудшилось, так как после Ляояна, а особенно во время боев на р. Шахе, постоянно по-

ступали крупные наряды по отправке в армию интендантского довольствия, что привело к истощению крепостных запасов. После падения Порт-Артура комендант Д.Н. Воронец ходатайствовал о пополнении запасов продовольствия, не превышавших двухмесячной нормы (Будберг, 2017. С. 330, 332), мясом, солониной, салом, консервами, кетой, считая необходимым передвинуть в крепость все резервы, имеющиеся в Хабаровске и Никольск-Уссурийском, чтобы из-за недостатка снабжения Владивосток не повторил судьбы Порт-Артура (Русско-японская война..., 1910. С. 203–204). Гарнизон испытывал острый недостаток в мясе, нередко были перебои в снабжении мукой, однако некоторые виды продовольствия по-прежнему перебрасывались из запасов Владивостока в действующую армию (Вишневский, 1960. С. 91, 92).

«После падения Порт-Артура пароходы, шедшие в город очень часто, ввиду блокады японцами, не приходили. Сказывался недостаток в предметах первой необходимости и цены на них сильно росли» (Матвеев, 1910. С. 181). На экстренном заседании 18 февраля 1905 г. Владивостокская городская дума постановила утвердить таксу на печеный хлеб и мясо и ввести ее со дня утверждения комендантом крепости в следующих размерах: хлеб печеный белый – 10 коп. фунт, черный – 4 коп. фунт, французская булка в полфунта – 5 коп. штука, «мясо скотское заднее» – 25 коп. фунт, переднее – 22 коп. фунт, свинина – 25 коп. фунт (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1739. Л. 86–87). Получение разрешений на доставку частных грузов по железной дороге из Европейской России сопровождалось многочисленными злоупотреблениями, за разрешительное свидетельство на один вагон предприниматели были готовы платить десятки тысяч рублей. Так, один из коммерсантов довел до Владивостока два вагона с сахаром за 30 тыс. руб. и золотые часы с цепочкой. Из этой суммы две трети пошло на расходы по получению разрешения, а остальное – местным железнодорожным агентам (Будберг, 2017. С. 361). Как писал Н.П. Матвеев: «Чтобы получить "вагон" нужно было претерпеть много мытарств» (Матвеев, 1910. С. 181).

В снабжении продовольствием гарнизона крепости также наблюдались трудности. Новый комендант крепости Г.Н. Казбек 25 марта 1905 г. доносил Главнокомандующему, что застал кре-

⁶ Высочайше утвержденное 18 июня 1892 г. мнение Государственного Совета – О местностях, объявляемых состоящими на военном положении // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XII. № 8757.

пость совершенно не готовой к обороне: припасов имелось в среднем на 6 месяцев, не хватало мяса и фуража, городское население только начинало заводить запасы для своего продовольствия (Русско-японская война..., 1910. С. 220–221). Городские резервы шли на восполнение недостатков снабжения гарнизона, а подвоз продуктов для нужд города был сокращен до минимума, так как условия войны вызвали резкое сокращение всего торгового оборота Владивостокского порта. Ввоз товаров во Владивосток на судах заграничного плавания и большого каботаж, по сравнению с довоенным временем, уменьшился вдвое: с 15.531.329 пуд. в 1903 г. до 8.802.183 пуд. в 1905 г. (Вишневский, 1960. С. 92; РГИА ДВ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 11 об.). Это вызвало сокращение пошлинных и акцизных платежей, объемов торговли и городских доходов (Вишневский, 1960. С. 93). За 1904 г. город получил 270 тыс. руб. дохода вместо запланированных 400.382 руб., а на 1905 г. доходная часть бюджета была определена в 340.438 руб. (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154. Л. 6). При этом воинская квартирная повинность в 1904 г. обошлась городу в 9334 руб., а в 1905 г. – в 11447 руб. 65 коп. (Воробьева, 2020. С. 145).

В марте 1905 г. Владивостокская городская дума приняла решение через коменданта крепости просить у правительства беспроцентную ссуду в размере 1 млн руб. для заготовки продовольствия в качестве неприкосновенного запаса на случай осады на 5 тыс. человек на 6 месяцев. На полученные благодаря Г.Н. Казбеку деньги было решено заготовить мясные консервы, сало, гурт скота в 100 голов, 100 свиней, горох, сахар, чай, небольшое количество дешевых сортов табака, махорки, лимонной кислоты, уксуса, клюквенной эссенции, дров, каменного угля, сена, овса, бобовых жмыхов и др. Также планировалось завести собственные огороды или договориться с огородниками (Воробьева, 2020. С. 58). После окончания войны эта ссуда тяжелым бременем легла на бюджет города, так как закупленные и оставшиеся неиспользованными продукты невозможно было распродать даже по заготовительным ценам (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 484. Л. 11).

Продовольствие для города доставляли из Амурской области. 5 апреля 1905 г. Амурский областной продовольственный комитет одобрил

вывоз для Владивостокской продовольственной комиссии 44 тыс. пуд. муки (Воробьева, 2020. С. 64). 13 мая во Владивосток было разрешено вывезти 100 тыс. пуд. муки и 40 тыс. пуд. овса, требования на которые были заявлены комендантом крепости непосредственно генерал-губернатору (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 203). Однако, поскольку Амурская область сама страдала от нехватки продовольствия, по распоряжению военного губернатора уже выданные разрешения на вывоз продуктов стали ограничивать: в начале июля задержали вывоз предназначенных для Владивостока 100 тыс. пуд. муки (Воробьева, 2020. С. 74). 15 июля Приамурскому генерал-губернатору вновь поступило прошение о вывозе для крепости из Благовещенска муки, в которой ощущался сильный недостаток, вследствие чего цена на нее поднялась до 8 руб. за пуд. (Воробьева, 2020. С. 75–76). Тяжелое положение со снабжением города и крепости сохранялось до конца войны, запрет на вывоз продовольствия из Северной Маньчжурии, Амурской и Приморской областей и таксы на товары были отменены генерал-губернатором 9 сентября 1905 г., уже после заключения мира (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 37–39). 26 сентября 1905 г. по приказу Главнокомандующего крепость Владивосток была переведена из осадного на военное положение (Русско-японская война..., 1910. С. 226).

По мнению Владивостокского биржевого комитета, во время войны городская торговля «...носила характер случайный, замыкаясь в круг или незначительной розничной торговли или казенных подрядов и поставок» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 298. Л. 86 об.). Согласно собранным им статистическим данным, в 1903 г. во Владивостоке было выбрано 2815 промысловых и купеческих свидетельств, в 1904 г. – 1887, а в 1905 г. – 1995 (Березовский, 1907а. С. 14)⁷, т. е. их количество за годы войны уменьшилось в 1,4 раза, многие торговые заведения закрылись (Вишневский, 1960. С. 93). В блокированной в течение двух лет крепости, связанной с центром страны лишь рельсовым

⁷ Березовский А.А. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока. Статистические данные Владивостокского Биржевого Комитета. Владивосток : Тип. Торгово-Промышленного Вестника Д.В., 1907а. 23 с.

путем в десять тысяч верст, сообщение по которому осложнялось забастовками и медленной эвакуацией миллионной армии, к моменту объявления мира и открытию порта для торговли не было товаров не только для снабжения остававшихся в Маньчжурии войск, но и для местного населения (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 298. Л. 86 об.–87). Однако мирные переговоры длились настолько долго, что спекулянты успели в Шанхае и Японии погрузить и отправить пароходы, которые после объявления порта свободным уже входили в бух. Золотой Рог (Березовский, 1907b. С. 72). Огромное количество спиртных напитков было закуплено в Шанхае, Гонконге, Сингапуре и на Зондских островах и отправлено во Владивосток: на первых 11 пароходах, пришедших в город после заключения мира, было привезено около 20 тыс. тонн этого товара (Будберг, 2017. С. 366). Росту ажиотажа в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что за годы войны произошло перепроизводство товаров в Шанхае, Гонконге и Японии, поэтому они продавались с аукциона за бесценок, быстро раскупались и переправлялись через Владивосток. Главными предметами сбыта были различного рода акцизные товары, дешевая галантерея, мешки, ковры и т. п. (Березовский, 1907b. С. 72). Ввоз товаров во Владивостокский порт резко возрос, наполнив рынок настолько, что предложение в значительной степени превысило спрос (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 484. Л. 39 об.). Иностранцы, воспользовавшись восстановленным в 1904 г. порто-франко, наводнили Приамурский край своими товарами (Гурьев, 1911. С. 68). Фактически весь год с момента ратификации мира, т. е. с октября 1905 г. по октябрь

1906 г., был временем ликвидации последствий военного времени, а также усиленных ажиотажа и спекуляций, которые носили характер лихорадочной погони за наживой (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 298. Л. 86–87). На Владивостокском рейде в 1905 и в 1906 гг. находилось в сутки часто по 20 и более пароходов, а пристаней общего пользования имелось всего лишь на 9 судов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1000. Л. 1 об.). Даже в 1906 г. в коммерческом порту не хватало складских помещений для хранения товаров, поэтому большая часть грузов хранилась под открытым небом, вследствие чего портилась или расхищалась. Повнесенные от этого убытки были громадными и, несмотря на переполнение рынка товарами, цены не снизились (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 484. Л. 39 об.–40).

Итак, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. торговля во Владивостоке фактически находилась в упадке: ее роль свелась к обеспечению населения необходимым минимумом в условиях ослабления системы транспортных коммуникаций, сокращения объемов поступления товаров морем и по железной дороге и ограничениями, наложенными на ввоз и вывоз продовольствия. В условиях жесткого государственного контроля и повышенных издержек произошло вполне закономерное снижение торговых оборотов и сокращение числа занятых в торговле. Приведший к затовариванию порта стремительный рост ввоза грузов во Владивосток как главный товарораспределительный центр региона произошел уже после завершения военного конфликта, однако не привел к снижению цен, ухудшив и без того тяжелое материальное положение горожан.

Список источников

Авилов Р.С. Владивостокская крепость – форпост Российской империи на Дальнем Востоке (1860–1923 гг.) // Военно-исторический журнал. 2018. № 1. С. 20–27. EDN: YTMLFT.

Агапов В.Л. «У рухнувшей авантюры»: Русско-японская война 1904–1905 гг. и владивостокская пресса // Россия и АТР. 2014. № 1. С. 28–47. EDN: SBCUWV.

Белоус Б.С. Коммерческая деятельность граждан Японии на юге Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 44–52. EDN: KWJTYT.

References

Avilov R.S. (2018) The Vladivostok Fortress as a stronghold of the Russian Empire in the Far East (1860-1923). *Military Historical Journal*. No. 1. P. 20-27. (In Russ.). EDN: YTMLFT.

Agapov V.L. (2014) «Around the collapsed venture»: The Russo-Japanese War 1904-1905 and Vladivostok newspapers. *Russia and the Pacific*. No. 1. P. 28-47. (In Russ.). EDN: SBCUWV.

Belous B.S. (2007) Commercial activity of the Japanese citizens in the south of the Russian Far East (the end of XIX - the beginning of XX century). *New Historical Bulletin*. No. 2 (16). P. 44-52. (In Russ.). EDN: KWJTYT.

Березовский А.А. Таможенное обложение и порто-франко в Приамурском крае. Опыт всестороннего исследования. Владивосток : Тип. Торгово-Промышленного Вестника Д.В., 1907b. 88 с.

Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания. Владивосток : Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2017. 433 с.

Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1979. 256 с.

Вишневецкий М.В. Владивосток в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Материалы по истории Владивостока. Кн. 1. 1860–1917. Владивосток : Приморское кн. изд-во, 1960. С. 63–94.

Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. 252 с. EDN: UBEJUA.

Галлямова Л.И. Японское предпринимательство во Владивостоке (1900–1913 гг.) // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 32–36. EDN: YUNFNG.

Гурьев Б. Развитие фабрично-заводской промышленности на дальневосточной окраине в связи с порто-франко // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 59–77.

Деег Л. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.). Владивосток : Изд-во Приморского полиграфкомбината, 2002. 336 с.

Зайцев Д.М. Японская диаспора во Владивостоке и Русско-японская война 1904–1905 гг. Владивосток : Приморская краевая организация общества «Знание» России, 2006. 38 с.

Зайцев Д.М. Японцы во Владивостоке накануне Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 125–129. EDN: JPIVAL.

История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / под ред. И.И. Ростунова. М. : Наука, 1977. 379 с.

Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток : Тип. Н.П. Матвеева, 1910. 192 с.

Молчанова Е.Г. Деятельность фирмы «Кунст и Альберс» на Дальнем Востоке в периоды политической нестабильности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 157–161. DOI: 10.24158/fik.2022.6.27. EDN: JQWEBP.

Моргун З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Известия Восточного института ДВГУ. 1996. № 3. С. 90–108. EDN: HKZORB.

Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894–1930) // Альманах «Рубеж». Владивосток : Приморский музей им. В.К. Арсеньева, 2008. 448 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Второстепенные театры военных действий. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1910. Т. IX. 302 с.

Тамура А. Из истории торгово-промышленной деятельности японцев на Дальнем Востоке России (1870–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 121–129. EDN: ISJWOX.

Berezovskii A.A. (1907b) Customs taxation and portofranco in Priamurskiy region. Comprehensive research experience. Vladivostok: Tip. Torgovo-Promyshlennogo Vestnika D.V. 88 p. (In Russ.).

Budberg A.P., baron. (2017) Siberian Memoirs. Vladivostok: Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya - Primorskoe kraevoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva. 433 p. (In Russ.).

Byankin V.P. (1979) Russian merchant shipping in the Far East (1860-1925). Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo. 256 p. (In Russ.).

Vishnevskii M.V. (1960) Vladivostok during the Russo-Japanese War (1904-1905). *Materials on the history of Vladivostok. Book 1. 1860-1917*. Vladivostok: Primorskoe kn. izd-vo. P. 63-94. (In Russ.).

Vorob'eva E.A. (2020) War and society. Siberia and the Far East during the Russo-Japanese War of 1904-1905. Novosibirsk: NGTU. 252 p. (In Russ.). EDN: UBEJUA.

Gallyamova L.I. (1992) Japanese businessmen in Vladivostok (1900-1913). *Russia and the Pacific*. No. 2. P. 32-36 (In Russ.). EDN: YUNFNG.

Gur'ev B. (1911) The development of the factory industry in the Far Eastern outskirts in connection with the portofranco. *Herald of Asia*. No. 7. P. 59-77. (In Russ.).

Deeg L. (2002) Kunst and Albers, Vladivostok: the history of a German trading company in the Russian Far East (1864-1924). Vladivostok: Izd-vo Primpoligrafkombinat. 336 p. (In Russ.).

Zaitsev D.M. (2006) The Japanese diaspora in Vladivostok and the Russo-Japanese War of 1904-1905. Vladivostok: Primorskaya kraevaya organizatsiya obshchestva "Znanie" Rossii. 38 p. (In Russ.).

Zaitsev D.M. (2007) Japanese in Vladivostok on the eve of the Russo-Japanese War (1904-1905). *Russia and the Pacific*. No. 2. P. 125-129. (In Russ.). EDN: JPIVAL.

Rostunov I.I. (ed.) (1977) The history of the Russo-Japanese War of 1904–1905. Moscow: Nauka. 379 p. (In Russ.).

Matveev N.P. (1910) A brief historical sketch of Vladivostok 1860-1910. Vladivostok: Tip. N.P. Matveeva. 192 p. (In Russ.).

Molchanova E.G. (2022) The activities of the company "Kunst and Albers" in the Far East during periods of political instability. *Society: Philosophy, History, Culture*. No. 6. P. 157-161. (In Russ.). DOI: 10.24158/fik.2022.6.27. EDN: JQWEBP.

Morgun Z.F. (1996) Japanese residents in Vladivostok (historical pages). *Proceedings of the FEFU Eastern Institute*. No. 3. P. 90-108. (In Russ.). EDN: HKZORB.

Pray E.L. (2008) Letters from Vladivostok (1894-1930). *Al'manakh "Rubezh"*. Vladivostok: Primorskii muzei im. V.K. Arsen'eva. 448 p. (In Russ.).

(1910) The Russo-Japanese War, 1904-1905 gg. Vol. 9. Secondary theatres of military operations. St. Petersburg: Tip. Trenke i Fyusno. 302 p. (In Russ.).

Tamura A. (2007) From the history of Japanese commercial and industrial activity in the Russian Far East (1870-1922). *Russia and the Pacific*. No. 1. P. 121-129 (In Russ.). EDN: ISJWOX.

Информация об авторе

Устюгова Ольга Александровна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела истории Дальнего Востока России,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: ustyugova75@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0007-1620-4621>

Вклад автора

Устюгова О.А. выполнила исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провела обобщение
и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 24 мая 2024 г.;
одобрена после рецензирования 12 июля 2024 г.; принята
к публикации 29 июля 2024 г.

Information about the author

Olga A. Ustyugova,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of
History of the Russian Far East,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: ustyugova75@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0007-1620-4621>

Contribution of the author

Ustyugova O.A. carried out a research work, based on
the obtained results made the generalization and prepared
the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted May 24, 2024; approved after
reviewing July 12, 2024; accepted for publication
July 29, 2024.

Научная статья
УДК 355.48(47)
EDN: QRFTTU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-120-131>

Закономерности пленения вражеских солдат русскими фронтами Первой мировой войны

П.А. Новиков^{1, 2}

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. По отношению к боевым обстоятельствам собственно пленения сибирский тыл Российской империи выступал в качестве конечной точки «водворения в места заключения». В исследовательской литературе этому «началу» траектории иностранных военнопленных уделяется мало внимания. Первые шаги к устранению этой лакуны к обозначению спектра ключевых аспектов «взятия в плен» и делает данная статья. В определении масштабов людских потерь на Восточном фронте сохраняются разночтения. Так современные историки С.Г. Нелипович и А.В. Олейников представляют в своих публикациях во многом взаимно «полярные» оценки. Отмечено уточнение в большую сторону потерь противника, проведенное С.Г. Нелиповичем с 2000 по 2024 г. По хронологии приведены данные о потерях Германии и Австро-Венгрии на Восточном фронте погибшими и пропавшими без вести (по германским и австрийским данным) и о судьбе иностранных плененных в России (по российской документации) – о числе направленных на формирование союзных войск, отправленных на родину инвалидов, отправленных в нейтральные страны, бежавших, умерших, репатриированных в первую очередь и т. д. С указанием пунктов довоенной дислокации перечислены русские воинские соединения, взявшие много трофеев и плененных. Отмечены трудности выделения дивизий, которые «больше всех повидали и были крепче всех». Крупнейшим эпизодом пленения вражеских солдат стала капитуляция 9 марта 1915 г. австрийской крепости Перемышль. Указано, жители каких административных округов Германии чаще гибли от русского оружия или попадали в плен. Приведены сведения о территории комплектования германских корпусов довоенного формирования, действовавших на Восточном фронте. В заключение оценивается духовный феномен подвига русских солдат, офицеров и генералов, пленивших подразделения противника – рассматриваются примеры награждений орденом Святого Георгия 4-й степени или Георгиевским оружием, последовательно взятые по каждому месяцу войны.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, обстоятельства пленения, Первая мировая война, территории комплектования при мобилизации, русские офицеры, орден Святого Георгия, Георгиевское оружие, хронология, статистика, разночтения, духовная культура

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

Для цитирования: Новиков П.А. Закономерности пленения вражеских солдат русскими фронтами Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 120–131. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-120-131. EDN: QRFTTU.

History

Original article

Patterns of capture of enemy soldiers by Russian fronts of the First World War

Pavel A. Novikov^{1, 2}

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. In relation to the combat circumstances of the actual captivity, the Siberian rear of the Russian Empire acted as the

end point of “placement in places of detention.” In the research literature, little attention is paid to this “beginning” of the trajectory of foreign prisoners of war. This article takes the first steps to eliminate this gap, to identify the range of key aspects of “capture”. There are still discrepancies in determining the scale of human losses on the Eastern Front. Thus, modern historians S.G. Nelipovich and A.V. Oleinikov present mutually “polar” assessments in their publications. The clarification of the enemy's losses in the greater direction, carried out by S.G. Nelipovich from 2000 to 2024, was noted. Chronologically, data on the losses of Germany and Austria-Hungary on the Eastern Front by the dead and missing (according to German and Austrian data) and on the fate of foreign prisoners in Russia (according to Russian documentation) - on the number of allied troops sent to form, invalids sent to their homeland, sent to neutral countries, escaped, died, repatriated in the first place, etc. Russian military formations that took many trophies and prisoners are listed with the points of pre-war deployment. The difficulties of allocating divisions that “have seen the most and were the strongest of all” were noted. The largest episode of the capture of enemy soldiers was the surrender of the Austrian fortress of Przemyśl on March 9, 1915. The residents of which administrative districts of Germany were most often killed by Russian weapons or taken prisoner are indicated. Information about the territory of the German corps of the pre-war formation operating on the Eastern Front has been seen. In conclusion, the spiritual phenomenon of the feat of Russian soldiers, officers and generals who captured enemy units is assessed - examples of awards of the Order of St. George of the 4th degree or St. George's arms, sequentially taken for each month of the war, are considered.

Keywords: foreign prisoners of war, circumstances of captivity, World War I, territories of recruitment during mobilization, Russian officers, Order of St. George, St. George's weapon, chronology, statistics, discrepancies, spiritual culture

Acknowledgements. This work has been supported by the grant of the Russian Science Foundation, RSF24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

For citation: Novikov P.A. (2024) Patterns of capture of enemy soldiers by Russian fronts of the First World War. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 120-131. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-120-131. EDN: QRFTTU.

Интерес к истории «военного плена» значительно вырос в постсоветский период. В современной историографии представлен весь спектр основных сюжетов по проблеме прибытия военнопленных Первой мировой войны в Сибири (Греков, 1997; Шлейхер, 2001; Иконникова, 2004; Гергилева, 2007; Ануфриев, 2014; Шиловский, 2015; Ануфриев, Козлов, 2019). Активно вводятся в научный оборот исторические источники (Серебренников, 2008; Ануфриев, 2009; Ланник, 2021), которые затем активно комментируются и развернуто анализируются по проблеме взаимовосприятия военнопленных и сибирского населения (Гагкуев, Новиков, 2024). Очевидно, что воспоминания (Brändström, 1927) о плене оказали значительное влияние на зарубежную художественную литературу (Двингер, 2004; Вурцер, 2004), а ее могущественным посредством и на всю европейскую политику и культуру, включая духовную составляющую последней. Высказываясь методологически, особо отметим, что по причинно-следственному отношению к боевым обстоятельствам собственно пленения, как своеобразной начальной точки, сибирский тыл Российской империи выступал в качестве конечной точки «водворения в места заключения». На наш взгляд, в исследовательской литературе этому «началу»

траектории иностранных военнопленных уделяется неоправданно мало внимания и недостаточно анализа. Первые шаги к устранению этой лакуны, к обозначению спектра ключевых аспектов «взятия в плен» и призвана сделать данная статья.

Численность военнопленных была многократно проанализирована в статистической (Россия в мировой войне, 1925¹; Урланис, 1994. С. 150, 164, 392), научной (Brändström, 1927) и справочно-энциклопедической литературе (Новиков, 2014а; Новиков, 2014b; Новиков, 2014с)². При этом сохраняются весьма существенные или, если угодно, принципиальные разночтения в оценках потерь личного состава на Восточном фронте Пер-

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М. : Центральное статистическое управление, отдел военной статистики, 1925. [2], 103 с.

² Новиков П.А. Иркутский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 : Энциклопедия : В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1. С. 808–811; Новиков П.А. Омский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 : Энциклопедия : В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2014. Т. 2. С. 579–580; Новиков П.А. Приамурский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 : Энциклопедия : В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2014. Т. 2. С. 859–861.

вой мировой войны 1914–1918 гг. – разночтения (по убитым военнослужащим Австро-Венгрии и Германии в 1,44–1,83 раза), отмечавшиеся нами и ранее (Новиков, 2008. С. 26). Как пример, в значительной мере взаимно «полярных» оценок «убыли бойцов» можно упомянуть количественные данные из публикаций современных историков – наименьшие кандидата исторических наук Сергея Геннадьевича Нелиповича (Москва) и наибольшие доктора исторических наук Алексея Владимировича Олейникова (Астрахань, Мелитополь) (Нелипович, 2000; Нелипович, 2011; Олейников, 2015; Олейников, 2019; Олейников, 2020; Нелипович, 2022 и др.). Эти авторы также рассматривают

причины разночтений (Олейников, 2019. С. 159–160).

На историческом форуме «Великая война: похороны четырех империй», проходившем 30–31 октября 2024 г. в г. Йошкар-Ола на базе Института Ispring, С.Г. Нелипович представил доклад «Начальный период Великой войны». Автор привел существенно большие суммарные потери Германии и Австро-Венгрии в 1914 г.: убитыми – 120351 (против 106843 названных им же в 2000 г., см. Таблица 1), пропавшими без вести – 410910 (против 212738); в 1915 г. убитыми – 307670 (против 238461), пропавшими без вести – 746122 (против 623974). Таким образом, налицо суще-

Таблица 1. Хронология потерь Германии и Австро-Венгрии убитыми и пленными в боевых действиях против России

Table 1. Chronology of losses of Germany and Austria-Hungary killed and captured in military operations against Russia

Потери на Восточном фронте погибшими и пропавшими без вести (по германским и австрийским данным)				
	Германская армия		Австро-венгерская армия	
Период	Погибло	Пропало без вести	Погибло	Пропало без вести
1914 г.	19835	30195 ³	87008	182543
1915 г.	92131	55634	146330	568340
1916 г.	40694	44152	52043	383668
1917 г.	19846	13190	20826	54346
1918 г.	844	147	5471	5250
Итого за 1914–1918 гг.	173350	143318	311768	1194147
<i>Источник: Нелипович С.Г. Россия держала мертвой хваткой своих врагов // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 46–55.</i>				
Судьбы иностранных пленных в России (по российской документации)				
Направлено на формирование войск и в распоряжение союзных правительств		2639		36629
Отправлено инвалидов на Родину		2996		16526
Отправлено для интернирования в нейтральные страны		366		1118
Бежало из плена		5212		30205
Умерло в плену		4575		46448
Содержалось в России в лагерях к 1 сентября 1917 г.		143602		1605828
Репатриировано из плена с марта по ноябрь 1918 г.		101000		725000
<i>Источник: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М. : Центральное статистическое управление, отдел военной статистики, 1925. [2], 103 с. С. 41.</i>				

³ Из них учтено в русском плену 18500 чел.

ственное уточнение потерь противника, причем в значительно большую сторону. За первых два года войны «довыявлено» по убитым +24 %, по пропавшим без вести + 38 %, в т. ч. за 1914 г. + 93 %.

Рекордсменом по числу плененных врагов и захваченных трофеев в Первой мировой войне в русской армии принято считать 8-й армейский корпус (14-я и 15-я пехотные дивизии), квартировавший до 1914 г. на территории Одесского военного округа. Дивизии корпуса захватили 130000 пленных и 110 орудий (Керсновский, 1994. С. 184). Среди русских дивизий, взявших большие трофеи, также принято выделять 1-ю гвардейскую пехотную (Петроград), 2-ю гвардейскую пехотную (Петроград), 3-ю гвардейскую пехотную (Варшава), гвардейскую стрелковую бригаду, затем дивизию (Петроград) (захватила до 50 орудий), 10-ю пехотную дивизию (Нижний Новгород) (захватила 2 вражеских знамени и 77 орудий – наибольшее достижение среди русских дивизий), 21-ю пехотную (Владикавказ)(36 орудий), 42-ю пехотную (Киев), 43-ю пехотную (Вильно), 48-ю пехотную (Самара) (35000 пленных), 49-ю пехотную (Пермь), 78-я пехотную (Киев), 82-ю пехотную (Саратов), 4-ю стрелковую бригаду, затем дивизию (Одесса) (70000 пленных и 49 орудий), 1-ю Финляндскую стрелковую бригаду, затем дивизию (Гельсингфорс), 4-ю Сибирскую стрелковую дивизию (Чита) (9 орудий), 6-ю Сибирскую стрелковую (Хабаровск) (23 орудия) и многие многие другие (Керсновский, 1994. С. 181–197; Олейников, 2015. С. 314–315). Из этих и других русских воинских соединений очень трудно выделить то, что «больше всех повидало и было крепче всех». Русская конница за время войны произвела до 400 атак в конном строю, в ходе которых захватила 170 орудий, а также значительное количество пленных.

Крупнейшим же одномоментным случаем пленения вражеских солдат русскими войсками в Первой мировой войне стала капитуляция 9 марта 1915 г. австрийской крепости Перемышль со сдачей 9 генералов, 2297 офицеров и 113890 солдат при свыше 900 орудиях. Известие о пленении таких больших сил врага стало неожиданным для населения в русском тылу, в том числе и в Сибири (Серебренников, 2008. С. 100–101). Причем еще раз повторим, что до этого времени ни одна из

стран Антанты не имела в активе побед с подобным количеством пленных (Гагкуев, Новиков, 2024. С. 114).

Жители каких районов Германии имели наибольшие шансы погибнуть от русского оружия или попасть в русский плен? Германские корпуса и дивизии в начале Первой мировой войны формировались по территориальному признаку. В дальнейшем в ходе войны состав соединений часто менялся и территориальный характер нарушался. Тем не менее можно было бы проследить судьбу резервных и ландверных дивизий Германии, сформированных в тех или иных корпусных округах комплектования и воевавших на Восточном фронте. Но оставим эту задачу для последующих публикаций, равно как и обзор территориального фактора в комплектовании вооруженных сил Австро-Венгрии, здесь же остановимся только на германских соединениях довоенного формирования.

Таким образом, из 50 дивизий, имевшихся (их поэтому можно назвать «первоочередными») в Германии к началу Первой мировой войны, в боевых действиях против России продолжительное время действовали не менее 14. Из 25 корпусов не менее 7, а еще 3 сочли ненадежными. Обоснованность опасений подтверждается упоминанием о добровольных сдачах в журналах боевых действий 3-го Сибирского армейского корпуса за декабрь 1916 г. солдат германской армии из числа эльзасцев (Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2280. Оп. 1. Д. 357), за февраль 1917 г. – из числа познанских поляков (РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 360), а 2-го Сибирского армейского корпуса за май – июль 1917 г. – из числа эльзасцев (РГВИА. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 232).

В этой связи особо подчеркнем, что важными субкультурными особенностями, повлиявшими на боеспособность, отличались войска, сформированные в провинции Ганновер, герцогствах Ольденбург и Брауншвейг; в королевствах Вюртемберг и Бавария и т. д. Сюда же примыкает проблематика «разложения» в 1917–1918 гг., имевших разные масштабы и по соединениям, и по странам. Уже обращалось внимание на «действовавший комплекс идеологического воздействия на пленных с учетом их этнической принадлежно-

Таблица 2. Территории комплектования германских армейских корпусов довоенного формирования, действовавших на Восточном фронте

Table 2. Territories of manning of the German army corps of the pre-war formation, which then operated on the Eastern Front

Период	Номера корпусов, округа их комплектования (с указанием пункта дислокации штаба), внутри имперской принадлежности (при первом упоминании) = первоначальный состав пехотных дивизий (пд)
19–20 июля 1914 г.	V – Провинция Познань (Позен), Пруссия = 9-я (административный округ Лигниц провинции Силезия) и 10-я (адм. округ Позен) пд VI – Провинция Силезия (Бреслау), Пруссия = 11-я (адм. округ Бреслау) и 12-я (округ Оппельн) пд Кратковременно захватив приграничные города Калиш и Ченстохов, оба корпуса убыли на Западный фронт против Франции ⁴
Август 1914 г.	I – Провинция Восточная Пруссия (Кенигсберг), Пруссия = 1-я и 2-я пд; XVII – Провинция Западная Пруссия (Данциг), Пруссия = 35-я и 36-я пд; XX – Провинция Восточная Пруссия (Алленштайн), Пруссия = 37-я и 41-я пд
Ноябрь 1914 г.	I; XI – Провинция Гессен-Нассау (иначе говоря, Тюрингия) (Кассель), Пруссия = 21-я (адм. округ Кассель) и 22-я (адм. округ Эрфурт) пд; XVII; XX
Февраль – март 1915 г.	XXI – Провинция Рейн (иначе говоря, Восточная Лотарингия) (Саарбрюкен), Пруссия = 31-я и 42-я пд (обе адм. округ Трир) ⁵
Май 1915 г.	Гвардейский корпус – Провинция Бранденбург (Берлин), Пруссия = 1-я и 2-я гвардейские пд; X – Провинция Ганновер (Ганновер), Пруссия = 19-я и 20-я пд (обе адм. округ Ганновер)

сти» (Гагкуев, Новиков, 2024. С. 109). Сохранились и многочисленные мемуарные свидетельства о восприятии «сдавшихся врагов», содержащие и оценки боевых качеств уроженцев разных территорий Германии и Австро-Венгрии и представителей различных «не титульных» народов-меньшинств.

⁴ II германский армейский корпус – Провинция Померания (Штеттин), Пруссия = 3-я (адм. округ Штеттин) и 4-я (адм. округ Бромберг провинции Познань) пд, сразу отправлен против Франции. Предполагается, что германское командование опасалось использовать пополненные и польским населением Германии корпуса против России. В то же время против русской армии без перерывов действовал Силезский (6-й) ландверный корпус (3-я и 4-я ландверные дивизии), укомплектованный уроженцами провинции Силезия и частично Познани (Примечание автора).

⁵ Выбор XXI армейского корпуса для отправки на Восточный фронт также связывают с опасениями за лояльность личного состава в позиционных боях против французов (Пехота германской армии. Часть 4. URL: <https://istoriya-kp.ru/index.php?option=pmvfrfr&view=article&Itemid=gerher-1914-pehota-pd> (дата обращения 1 сентября 2024 г.).

Вышеприведенная в таблице 1 статистика позволяет представить весь масштаб количественных военных достижений Российской империи, но не позволяет в полном объеме «качественно» оценить духовный феномен подвига русских солдат, офицеров и генералов, сумевших заставить врага сдаться, сложить оружие, «поднять руки». Восполняя эту лакуну, рассмотрим награждения орденом Святого Георгия 4-й степени или Георгиевским оружием с описанием подвига, в которых упоминались взятия в плен вражеских солдат, с указанием [на дату] Высочайших (т. е. подписанного императором Николаем II) Приказов с утверждением пожалования до января 1917 г. или после февраля 1917 г. Приказов Временного правительства армии и флоту.

Далее мы постарались выявить примеры подвигов для каждого месяца Первой мировой войны. При этом при первом поверхностном поиске не были выявлены удостоенные наградой достижения за январь, октябрь и ноябрь 1915 г., за январь – апрель 1916 г., когда на фронте наблюдалось сравнительное «затишье», на захваты большого числа пленных. Впрочем, в указанные меся-

цы также были случаи пленения вражеских солдат, зафиксированные в документах воинских соединений. Отбирая описания, мы сознательно не выбирали подвиги героев (подполковник Иван Барбович, полковник Гервасий Жуков, полковник Александр Карницкий, генерал-майор Петр Краснов, генерал-майор Сергей Люпов, прапорщик Николай Скоблин и т. д.), игравших впоследствии видную роль в Гражданской и Советско-польской войнах, так как эти подвиги значительно чаще упоминаются в военно-исторической литературе.

И так обратимся к примерам и кратким описаниям обстоятельств пленения вражеских солдат по наградным документам, представленным на сайте «Герои Первой мировой войны» (<https://gwar.mil.ru/heroes/>). Нельзя не отметить продолжительность интервала между подвигом и утверждением награждения за него, связанного с процедурой проверки достоверности свидетельств о боевом отличии. Все даты по старому стилю.

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен Лейб-гвардии 2-го стрелкового Царско-сельского полка подпоручик Борис Николаев. В бою 26 **августа 1914 г.** у фольварка Калишаны-Камень, при атаке укрепленной позиции нВ высоте 82,8, за выбитием из строя ротного командира, вступив в командование ротой, овладел лихим штыковым ударом двумя рядами окопов, взял в плен 74 человека и, двинувшись дальше, несмотря на сильный огонь 2 неприятельских орудий, расстреливавших роту в упор, смело атаковал их и, переколов прислугу штыками, взял оба орудия [утверждено награждение **30 декабря 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 300-го пехотного Заславского полка штабс-капитан Леонид Егоров за мужество и храбрость, проявленные им **2 сентября 1914 г.** в бою у д. Замшаны, где, получив точное указание и приказание командира полка – отбить батарею 37-й артиллерийской бригады, захваченную противником, он, находясь впереди роты, бросился в штыки и отбил батарею обратно, причем было взято в плен 139 австрийцев. Егоров убит **12 октября 1914 г.** [утверждено награждение **30 декабря 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 283-го пехотного Павлоградского полка капитан Павел Дьячков. **16 октября 1914 г.** у

д. Кудь атаковал превосходного в силах противника, выбил его из занятой позиции и обратил в бегство, причем взято в плен 1 штаб-офицер, 5 обер-офицеров и 500 нижних чинов [утверждено награждение **29 апреля 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 10-го гренадерского Малороссийского генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задубайского полка штабс-капитан Александр Рыков. В боях под Краковым, командуя сводным батальоном в течение 4 и 5 **ноября 1914 г.**, под сильным ружейным и пулеметным огнем, несмотря на повторные атаки противника, удержал занятые им окопы, а 6 ноября, перейдя в наступление по собственной инициативе, занял сильно укрепленную неприятельскую позицию и взял несколько сот пленных и 2 пулемета, чем способствовал успеху и на соседних участках [утверждено награждение **30 декабря 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 14-го стрелкового полка подполковник Николай Введенский. 2 **декабря 1914 г.** у г. Скло атаковал 2 роты противника, взял в плен 2 неприятельских действующих пулемета, четырех офицеров и 156 нижних чинов [утверждено награждение **24 апреля 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 15-го Сибирского стрелкового полка подполковник Андрей Мисюра за то, что в бою под городом Прасныш 14-го **февраля 1915 г.** вышел со своим батальоном во фланг и тыл противнику у села Бартники и, лично руководя атакой этого селения, способствовал решению боя в нашу пользу, захватив при этом два действующих пулемета, трех офицеров и 270 германцев [утверждено награждение **26 марта 1916 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 1-го Оренбургского казачьего его Императорского высочества наследника цесаревича полка хорунжий Григорий Прокофьев (Прокопьев). За храбрость и мужество, проявленные им в бою 17 **марта 1915 г.** у д. Шиловцы, где, командуя взводом пулеметов, зайдя с фланга к окопам противника, открыл по окопам настолько меткий и губительный огонь, что дал возможность сотням 1-го Оренбургского полка выбить австрийцев из окопов и взять в плен около 300 человек [утверждено награждение **30 декабря 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен Командир 1-го пограничного Заамурского конного полка полковник Петр Колзаков за беззаветную храбрость и высокое мужество, проявленные им в бою у м. Городенки и с. Домбки, **28 апреля 1915 г.**, где для поддержки частей 1-й Заамурской дивизии, в конном строю под сильным ружейным и пулеметным огнем врубился в первую линию окопов противника, изрубил и захватил в плен около 2 рот австрийской пехоты, причем был ранен, но продолжил командовать полком [утверждено награждение **30 декабря 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен командир 317-го пехотного Дрисского полка полковник Петр Будзилович за храбрость, мужество и доблесть, проявленную им в боях с австрийцами 21 и 22 **мая 1915 г.** у д. Садзавки, где с вверенным ему Дрисским полком первым переправился в брод через р. Прут у д. Садзавки под жестоким и близким пулеметным и ружейным огнем противника, а затем овладел четырьмя рядами укрепленной позиции на высоте 477, с занятием коих наше положение за рекой Прут явилось прочным и сражение приняло решительный оборот в нашу пользу. 22 мая, отбив несколько контратак неприятеля, перешел в наступление, занял высоту 441, где и закрепился. В течение боев вверенным ему полком взяты следующие трофеи: 800 пленных австрийцев и 5 пулеметов [утверждено награждение **30 декабря 1915 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 3-го Финляндского стрелкового полка штабс-капитан Эдуард Рютель за то, что **10 июня 1915 г.** в бою у д. Мартынов-Старый, командуя батальоном и в то время, когда противник превосходными силами ворвался контратакой в д. Мартынов, штабс-капитан Рютель стремительным ударом в штыки бросился на него, окуржая фланги и тыл противника, нанес врагу тяжелое поражение, выбил его из большей части деревни и окопов, причем взял в плен 10 офицеров и 1400 нижних чинов [утверждено награждение **3 февраля 1916 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен штабс-капитан 3-го пограничного Заамурского пехотного полка Владимир Архангельский за то, что в бою 3-го **июля 1915 г.** у д. Выгода во

главе своей роты, под сильным пулеметным и ружейным огнем противника, первым бросился на проволочные заграждения, прорвал их и выбил противника штыками из его окопов, захватив действующий пулемет, трех офицеров и 237 нижних чинов [утверждено награждение **31 декабря 1916 г.**].

К награждению Георгиевским оружием представлен 10-го Финляндского стрелкового полка подполковник Николай Кущинский за то, что **17 августа 1915 г.** в бою у д. Теофиолка, командуя полком и лично руководя действиями его, под сильным и действительным огнем противника, перейдя в наступление, опрокинул его, и овладел двумя укрепленными позициями, чем способствовал полному поражению противника, захватив при этом 8 орудий, 2 пулемета и пленных 10 офицеров и 650 нижних чинов германцев [Приказ армии и флоту от **10 апреля 1917 г.**].

Напомним, что 23 августа 1915 г. в условиях острейшей для России военной обстановки император Николай II возложил на себя звание Верховного Главнокомандующего.

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен 44-го пехотного Камчатского полка подполковник Георгий Шепель за то, что, будучи в чине капитана, в бою **25 августа 1915 г.** у сс. Романовка и Могельница, командуя ротой, несмотря на губительный ружейный и пулеметный огонь противника, бросился со своей ротой во фланг сильно укрепленной неприятельской позиции и неожиданно попал под убийственный огонь двух противотурмовых неприятельских орудий с самых близких дистанций. Ободряя своих людей в количестве около 100 человек, стремительно бросился на эти действующие орудия и после штыковой горячей схватки захватил их. Прислуга была переколота, а остальные австрийцы, в количестве двух офицеров и 49 нижних чинов, были захвачены в плен. Кроме того, освободил из плена 3 разведчиков своего полка, захваченных незадолго перед этим австрийцами. Затем, загнув свой фланг, стал обстреливать во фланг и тыл ружейным и убийственным пулеметным огнем окопы противника, чем значительно помог своему полку выполнить блестяще свою задачу. При этом было захвачено 2 исправных орудия с зарядным ящиком, снаряды, телефонное

имущество, много ружей, патронов и снаряжения [утверждено награждение **31 декабря 1916 г.**].

К награждению Георгиевским оружием представлен призванный из запаса армейской кавалерии, состоящий в 9-м гусарском Киевском генерал-фельдмаршала князя Николая Репнина полку, Георгий Берестовский за то, что **30 сентября 1915 г.**, состоя в чине поручика и будучи выслан в разведку с разъездом в 12 коней в направлении высоты 386, что западнее д. Половце, обнаружил окоп, занятый неприятельской пехотой и, несмотря на сильный ружейный и артиллерийский огонь, атаковал его в конном строю. Изрубив 31 человека, остальных, в количестве 26-ти человек, взял в плен [утверждено **31 декабря 1916 г.**].

3 ноября 1915 г. перед позициями 7-й Сибирской стрелковой дивизии севернее Крево (в Белорусии) ранен, взят в плен и умер в плену немец 314-го полка 16-й ландверной дивизии, а чинами 258-го пехотного Кишиневского полка 65-й пехотной дивизии пленен солдат 3-го ландверного полка той же 16-й ландверной дивизии (РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 352; Новиков, 2008. С. 130)

К награждению Георгиевским оружием представлен состоящий в 73-м Крымском его императорского высочества великого князя Александра Михайловича Георгий Кандауров за то, что, будучи в чине подпоручика, в бою 19-го **декабря 1915 г.** при атаке 2-й линии австрийских окопов, восточнее д. Раранче, повел свою роту в атаку, увлекая нижних чинов личным примером мужества и храбрости, невзирая на убийственный огонь противника, ударом в штыки выбил его из окопов, а затем в течение 19-го и 20-го декабря, отбивая яростные контратаки австрийцев, не только закрепился в отбитых у них окопах, но, заметив, что противник начал окапываться перед его ротой, по собственному почину, ударил на него в штыки, опрокинул, захватив в плен одного офицера и 150 нижних чинов. Своими действиями способствовал полку окончательно укрепиться и отбитой у австрийцев позиции [**31 декабря 1916 г.**].

С 5 по 17 марта 1916 г. войска русского Западного фронта в районе озера Нарочь вели наступление, но прорыва не добились. В ночь на **11 марта 1916 г.** чинами 8-й Сибирской стрелковой дивизии взято в плен 7 немцев 249-го полка

75-й резервной дивизии. Утром 14 марта 31-й Сибирский стрелковый полк захватил 2 пулемета, 1 офицера и около 10 нижних чинов четырех разных полков. Всего же за этот день 8-я Сибирская дивизия пленила 1 офицера и 39 солдат (Новиков, 2008. С. 136)

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен командир 9-го гусарского Киевского генерал-фельдмаршала князя Николая Репнина полковник Флориан-Героним Поплавский за то, что в бою **27 мая 1916 г.**, командуя полком, атаковал в конном строю позицию противника на высоте 371 (река Борышка), под сильным огнем противника занял высоту, захватив при этом 459 пленных австрийцев при 5 офицерах и 2 гаубицы [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **25 мая 1917 г.**]

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен подпоручик 164-го пехотного Закатальского полка Иван Баландин за то, что в бою **29 июня 1916 г.** у деревни Олеша, командуя 1-й ротой полка, с криком «ура» бросился во главе своей роты в атаку на окопы противника, первым ворвался в них, захватив 4 действующих пулемета, одно траншейное орудие и 300 солдат и 5 офицеров, причем был убит в завязавшейся потом штыковой схватке, запечатлев своей смертью содеянный им геройский подвиг [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **25 мая 1917 г.**]

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен штабс-капитан 74-го пехотного Ставропольского полка Николай Беляков за то что, будучи в чине подпоручика, в бою **15 июля 1916 г.** в с. Глинце под сильным огнем противника, во главе своей роты первым атаковал сильно укрепленную позицию. Первым преодолел искусственные препятствия, первым ворвался в окоп, захватив действующий пулемет, при этом был ранен, но остался в строю. Когда же противник, потеряв позицию, перешел с фронта и с фланга в атаку, по собственному почину первым, несмотря на большие потери в роте, перешел во фронтальную атаку, остановив дрогнувших соседей; отбил таковую и снова атаковал обходившего соседей с фланга неприятеля; заставив его бежать, предотвратив таким образом опасность, грозившую всему батальону. Во время последней контратаки был вторично ранен в обе ноги. Трофеи роты: 1 пулемет,

250 солдат и 5 офицеров пленными [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **29 октября 1917 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен поручик 4-го Финляндского стрелкового полка Мартин-Генрих Краус за то что, будучи в чине подпоручика, в бою 18 **августа 1916 г.** у д. Тоустобабы, идя в атаку, первым ворвался в окопы и этим увлек за собой другие роты и, несмотря на губительный огонь со второй линии, не задерживаясь, вновь бросился со своей ротой в атаку, ворвался туда и захватил 11 офицеров, 222 солдата и один действующий пулемет [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **25 мая 1917 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен подполковник 12-го Финляндского стрелкового полка Погос Тер-Саркисов за то, что в боях с 3 по 6 **сентября 1916 г.** на реке Нараювке, будучи начальником правого боевого участка полка и командуя 5 ротами, получил приказание атаковать укрепленную позицию противника на восточном скате высоты 347, северо-западнее деревни Подшумлянице. После артиллерийской подготовки перешел в наступление, лично руководил действиями своих рот. Несмотря на сильный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь противника, быстрым и дружным ударом выбил его из окопов, овладел 1-й и 2-й линиями, захватив в плен четырех офицеров, 196 солдат, 1 пулемет и закрепился [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **25 мая 1917 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен штабс-капитан (Федор) Марьянков. При взятии 23 **октября 1916 г.** 3-м батальоном укрепленной позиции на высоте 1136, что юго-западнее высоты Хейгам, он командовал 11-й ротой, которой было приказано атаковать левый фланг позиции противника, обойдя его. Роте пришлось наступать по крутому скату, заросшему густым кустарником под сильным и действительным огнем противника. Несмотря на это рота, увлекаемая и воодушевляемая своим командиром, который шел впереди ее, двигалась в атаку безостановочно. Подойдя к засекам штаб-капитан Марьянков первый их преодолел с ротой, стремительно бросился во главе роты в штыки на противника, выбив его из окопов и тем самым дал возмож-

ность взять высоту. При атаке был захвачен действующий пулемет, один офицер и, 85 нижних чинов, 200 ружей и много амуниции и снаряжения [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **31 июля 1917 г.**].

К ордену Святого Георгия 4-й степени представлен князь Ивлиан Микеладзе за то, что состоя командиром 260-го пехотного Брацлавского полка, в бою 15 **ноября 1916 г.**, командуя полком, после ожесточенного штыкового боя, лично руководя действиями полка, под сильным действительным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, овладел сильно укрепленной командующий высотой 1292 у с. Чаконешти, составляя ключ неприятельской позиции перед фронтом атаки 26-го армейского корпуса. С захватом этой высоты сражение приняло решительный оборот в нашу пользу: в этот же день пали высоты на этом же хребте 1252 и 1228, а вскоре и 1218. На другой день полковник Князь Микеладзе успешно отбил две яростные контратаки противника, произведенные свежеприбывшими подкреплениями. При овладении высотой 1292 полком были захвачены трофеи: четыре офицера, один чиновник и 321 солдат пленными; действующие одно орудие и 4 пулемета, прожектор с динамо-машиной, 1 пневматический миномет, 1 бомбомет и другие трофеи [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **29 октября 1917 г.**].

Георгиевским оружием представлен к награждению начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии, Генерального штаба генерал-майор Александр Балтийский за то, что в боях 24-го и 25-го **декабря 1916 г.** при взятии германской укрепленной линии Кагги-Нейн-Пулеметная горка, подвергая свою жизнь явной опасности, под действительным ружейным огнем помогал начальнику отряда, направляя атакующие части, приводя их в порядок и организуя преследование отступающих немцев и дальнейший захват неприятельских укреплений, что и было выполнено с большим успехом. Верной оценкой обстановки и своей самоотверженностью много способствовал успешным действиям ударной группы, завершившимися блестящим успехом и захватом более тысячи пленных германцев, 33 орудий, 19 пулеметов и многих предметов вооружения и снаряжения

[Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **28 августа 1917 г.**].

Георгиевским оружием представлен к награждению призванный из запаса армейской пехоты, состоящий в 303-м пехотном Сенненском полку штабс-капитан Юлиан Станкайтис за то, что в бою 17-го **января 1917 г.** к югу от деревни Силе-нек, когда две линии наших окопов были заняты противником, поручик Станкайтис, подведя батальон с тыловой позиции, занятой нашими войсками, с командирами рот вышел вперед на разведку, избрал там исходное положение для атаки, построил штурмующую колонну, роту за ротой, и, несмотря на то, что был замечен германцами, под убийственным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, являя собой пример мужества и

храбрости, лично довел батальон до штыкового удара, выбил германцев из наших двух линий окопов и восстановил первоначальное положение. При этом взяты трофеи: 27 пленных немцев, 6 пулеметов, из которых два действовавших, много оружия и патронов и, кроме того, были освобождены из плена два офицера и 20 нижних чинов [Утверждено награждение Приказом армии и флоту от **28 августа 1917 г.**].

Отметим, что всего орденом Святого Георгия и Георгиевским оружием за Первую мировую войну награждены около 11000 офицеров и генералов русской армии, из которых 1400 удостоены наград посмертно (каждый восьмой). Часть представлений 1916–1917 гг. так и осталась нерассмотренной.

Список источников

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области) // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2009. Выпуск 5 (17). С. 19–29. EDN: UPBACU.

Ануфриев А.В. Военнопленные мировой войны в Приангарье // Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы. Коллективная монография. Иркутск : Оттиск, 2014. С. 373–395.

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 153–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Вурцер Г. Судьба немецкого военнопленного Первой мировой войны в России: По страницам романов Эдвина Эриха Двингера // Новый часовой. 2004. № 15–16. С. 201–215.

Гакгуев Р.Г., Новиков П.А. «Усиленно знакомятся»: Взаимовосприятие иностранных военнопленных и сибирского населения во время Первой мировой и начала Гражданской войн (по запискам И.И. Серебренникова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 108–119. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-108-119. EDN: PWSYAO.

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск : Сибирский гос. технологический ун-т, 2007. 124 с. EDN: QPIXGV.

Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь : сборник статей. Омск : Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 1997. С. 154–180. EDN: ZBDIBB.

Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / пер. с

References

Anufriev A.V. (2009) Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk (review of the funds of the State Archive of the Irkutsk region). *Sibirskaya ssylka. Sbornik nauchnykh statei = Siberian Deportation. Collection of Scientific Articles*. Irkutsk: Ottisk. Iss. 5 (17). P. 19–29. (In Russ.). EDN: UPBACU.

Anufriev A.V. (2014) Prisoners of war of the World War in the Angara region. Irkutsk and Irkutsk in the First World War: research and materials. A collective monograph. Irkutsk: Ottisk. P. 373–395. (In Russ.).

Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019) “I wish these nice guys...” (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 4. P. 153–167. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Wurzer G. (2004) The fate of a German prisoner of war of the First World War in Russia. Based on the pages of novels by Edwin Erich Dwinger. *New Guard*. No. 15–16. P. 201–215. (In Russ.).

Gagkuev R.G., Novikov P.A. (2024) “Intensive acquaintance”: Mutual perception of foreign prisoners of war and the Siberian population during the First World War and the beginning of the Civil War (from notes by I.I. Serebrennikov). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 108–119. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-108-119. EDN: PWSYAO.

Gergileva A.I. (2007) Prisoners of war of the First World War in Siberia. Krasnoyarsk: Siberian State Technological University. 124 p. (In Russ.). EDN: QPIXGV.

Grekov N.V. (1997) German and Austrian prisoners of war in Siberia (1914–1917). *Germans. Russia. Siberia: Collection of articles*. Omsk: Byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury Omskoi Omskoi oblasti “Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei”. P. 154–180. (In Russ.). EDN: ZBDIBB.

Dwinger E. (2004) Die Armee hinter Stacheldraht. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918. (Russ. ed.):

немецкого Е.Н. Захарова. М. : Центрполиграф, 2004. 349, [1] с.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918). Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО «Хабаровский гос. пед. ун-т», 2004. (ООО Хабаровское УПП ВОС). 177 с.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М. : Голос, 1994. Т. 4: 1915–1917 гг. 362 [2] с.

Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральные держав // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 1. С. 240–261. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Нелипович С.Г. Россия держала мертвой хваткой своих врагов // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 46–55.

Нелипович С.Г. Цена победы. Генеральное наступление Российской императорской армии летом-осенью 1916 г.: поставленные задачи и достигнутые цели // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 3–10. EDN: OHRTXJ.

Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915. М. : Квадрига, 2022. 914 с. EDN: NVWBWG.

Новиков П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг.: монография. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. 276 с. EDN: VZQPTD.

Олейников А.В. Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой. М. : Вече, 2015. 352 с.

Олейников А.В. О потерях вооруженных сил Германского блока на Русском (Восточном) фронте Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 158–170. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-158-170. EDN: RCOXCC.

Олейников А.В. Военнопленные на русском фронте Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2020. № 9. С. 56–59. EDN: GPULND.

Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. 589, [2] с.

Урланис Б.А. История военных потерь : Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. : (Историко-статистическое исследование). СПб. : Полигон, 1994. 558 с.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с. EDN: VKHOIT.

Шлейхер И.И. Военнопленные первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2001. С. 53–97.

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914-1920. Verlag: Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte, 1927. XVI, 241 S. (на немецком языке)

Army behind barbed wire. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 350 p.).

Ikonnikova T.Ya. (2004) Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914-1918). Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University. 177 p. (In Russ.).

Kersnovskii A.A. (1994) History of the Russian army. In 4 vol. Moscow: Voice. Vol. 4. 1915-1917. 362, [2] p. (In Russ.).

Lannik L.V. (2021) The beginning of the intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 240–261. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Nelipovich S.G. (2000) Russia held the dead grip of its enemies. *Military-Historical Journal*. No. 5. P. 46-55. (In Russ.).

Nelipovich S.G. (2011) The price of victory. General offensive of the Russian Imperial Army in summer-autumn 1916: tasks and achieved goals. *Military-History Journal*. No. 10. P. 3-10. EDN: OHRTXJ.

Nelipovich S.G. (2022) Russian Front of the First World War: Losses of Parties. 1915. Moscow: Quadriga. 914 p. (In Russ.). EDN: NVWBWG.

Novikov P.A. (2008) East-Siberian rifles in the First World War: 2nd, 3rd and 7th Siberian Army Corps in 1914-1918: monograph. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 276 p. (In Russ.). EDN: VZQPTD.

Oleinikov A.V. (2015) Captured in battle. Trophies of the Russian army in the First World War. Moscow: Veche. 352 p. (In Russ.).

Oleinikov A.V. (2019) On the losses of the armed forces of the German bloc on the Russian (Eastern) front of the First World War. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 15. No. 2. P. 158-170. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-158-170. EDN: RCOXCC.

Oleinikov A.V. (2020) Pows at the Russian front in the First World War. *Military-History Journal*. No. 9. P. 56–59. (In Russ.). EDN: GPULND.

Serebrennikov I.I. (2008) Has suffered a lot of blows. The diary of 1914-1918. Irkutsk: Publisher Saproinov. 591 p. (In Russ.).

Uralanis B.A. (1994) History of military losses : war and population of Europe. Human losses of the armed forces of European countries in wars XVII-XX centuries (Historical and statistical study). St. Petersburg: Polygone. 558 p. (In Russ.).

Shilovskii M.V. (2015) The First World War of 1914-1918 and Siberia. Novosibirsk: Avtograf. 330 p. (In Russ.). EDN: VKHOIT.

Schleiher I.I. (2001) Prisoners of War: The Problems of Capture, Transportation and Detention in Siberian Camps. *From the Past of Siberia*. Iss. 4. Pt. 1. Novosibirsk. P. 53-97. (In Russ.).

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914-1920. Verlag: Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte, 1927. XVI, 241 S. (In German.).

Информация об авторе

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия;
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской
части,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Вклад автора

Новиков П.А. выполнил исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провел обобщение
и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 октября 2024 г.;
одобрена после рецензирования 15 ноября 2024 г.;
принята к публикации 25 ноября 2024 г.

Information about the author

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and
Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Leading Researcher of the Research Unit,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Contribution of the author

Novikov P.A. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted October 12, 2024; approved
after reviewing November 15, 2024; accepted for publication
November 25, 2024.

Научная статья
УДК 351.74/.76
EDN: RTTIMB
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-132-141>

Милиция Иркутской губернии в кризисных условиях 1917–1920 гг. и приоритеты современного реформирования органов внутренних дел

С.Н. Рубцов¹, Д.Б. Кавецкий²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

² Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации, Иркутск, Россия

Аннотация. Одной из особенностей российской действительности текущего времени стало перманентное реформирование сферы правоохранительной деятельности. Наиболее заметны перемены в учреждениях милиции, переименованной в 2011 г. в полицию. Официально они объясняются намерением политической власти достичь максимально возможного правоохранительного обеспечения общественных интересов. Актуальным становится изучение соответствующего опыта. Особенно интересен опыт кризисных периодов. В это время принятие оптимальных решений является главным условием выживания. К таким периодам относятся и 1917–1920 гг. Тогда на многих территориях России калейдоскопически менялась политическая власть, которой приходилось немедленно формировать и реформировать учреждения милиции. Одним из регионов, где эти события происходили особенно динамично, была Иркутская губерния. Острый цейтнот заставлял разные по своей природе властные силы решать одну и ту же задачу. Сравнительный анализ соответствующих действий позволяет понять главное в осуществлявшемся тогда процессе формирования и реформирования учреждений милиции. Использование компаративного метода исследования позволило выявить в этом процессе ярко выраженные закономерности. Во всех случаях новая политическая власть стремилась по возможности оставить на службе прежних сотрудников. Кроме того, старались сохранить действовавшую ранее организационную структуру. При этом организация правоохранительной деятельности всегда начиналась со смены ее руководства и кардинального изменения профессионального обучения сотрудников. Выявление названных закономерностей позволило установить в процессе формирования и реформирования учреждений милиции приоритетное значение двух обстоятельств. Во-первых, немедленной смены действовавших руководителей на соответствующих необходимыми требованиями. Во-вторых, адекватного новой реальности изменения системы профессионального обучения сотрудников. Эти перемены обуславливают неизбежность последующей трансформации всей системы организации и функционирования правоохранительных учреждений.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутская губерния, милиция, полиция, органы внутренних дел, реформирование правоохранительной деятельности, Временное правительство, Советская власть, Временное сибирское правительство, диктатура адмирала А.В. Колчака

Для цитирования: Рубцов С.Н., Кавецкий Д.Б. Милиция Иркутской губернии в кризисных условиях 1917–1920 гг. и приоритеты современного реформирования органов внутренних дел // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 132–141. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-132-141. EDN: RTTIMB.

History

Original article

Militia of Irkutsk province in the crisis conditions of 1917-1920 and priorities of modern reforming of internal affairs bodies

Sergey N. Rubtsov¹, Dmitry B. Kavetsky²

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

© Рубцов С.Н., Кавецкий Д.Б., 2024

Abstract. One of the features of the Russian reality of the current time was the permanent reform of the sphere of law enforcement. The most noticeable changes in the institutions of the militia, renamed in 2011 to the police. Officially, they are explained by the intention of the political authorities to achieve the maximum possible law enforcement in the public interest. The study of relevant experience becomes relevant. The experience of crisis periods is especially interesting. At this time, making optimal decisions is the main condition for survival. Such periods include 1917–1920. Then, in many territories of Russia, political power changed kaleidoscopically, which had to immediately form and reform police institutions. One of the regions where these events took place especially dynamically was the Irkutsk province. Acute time pressure forced different power forces to solve the same problem. A comparative analysis of the relevant actions makes it possible to understand the main thing in the then process of forming and reforming police institutions. The use of a comparative research method made it possible to identify pronounced patterns in this process. In all cases, the new political government sought to keep the former employees in the service if possible. In addition, they tried to maintain the previous organizational structure. At the same time, the organization of law enforcement has always begun with a change in its leadership and a radical change in the professional training of employees. The identification of these patterns made it possible to establish the priority value of two circumstances in the process of forming and reforming police institutions. First is the immediate change of existing managers to meet the necessary requirements. Second is changing the system of professional training of employees to be adequate to a new reality. These changes determine the inevitability of the subsequent transformation of the entire system of organization and functioning of law enforcement agencies.

Keywords: Siberia, Irkutsk province, militia, police, internal affairs bodies, law enforcement reform, Provisional Government, Soviet power, Provisional Siberian government, dictatorship of Admiral A.V. Kolchak

For citation: Rubtsov S.N., Kavetsky D.B. (2024) Militia of Irkutsk province in the crisis conditions of 1917–1920 and priorities of modern reforming of internal affairs bodies. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 132–141. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-132-141. EDN: RTTIMB.

Заметной особенностью последних десятилетий российской действительности стало непрекращающееся реформирование правоохранительной деятельности, представленной в первую очередь учреждениями милиции, переименованной в 2011 г. в полицию (Футо, 2021. С. 175–183). Руководство страны пытается по выражению президента «заставлять правоохранительную сферу работать на интересы всего общества»¹.

Перемены начались, как было заявлено их инициатором, глубокими содержательными и организационными преобразованиями. При этом содержательные преобразования выразились во внеочередной аттестации личного состава, а организационные – в оптимизации штатной численности и структурной перестройке органов внутренних дел (Егоршин, 2012. С. 167–169, 175–187; Янбухтин, 2009. С. 1538–1539; Выступление Д. Медведева...²).

Эта линия стала генеральной для последовавшей затем деятельности Министерства внутренних дел по совершенствованию своей работы. Об этом убедительно свидетельствуют результаты анализа ежегодных выступлений руководителя ведомства на заседаниях расширенных коллегий. Не стал исключением и 2024 г., когда было заявлено о том, что: «Дальнейшее развитие получила система организационно-штатного построения»³.

Однако уже на втором году реформирования стала очевидной несостоятельность предпринятых действий (Бытко, 2023. С. 253–256; Дубова, 2023. С. 163). Оценивая их, министр внутренних дел в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД 8 февраля 2013 г. заявил: «Результаты проведенной в 2011 году внеочередной аттестации, к сожалению, не оправдали предполагаемые ожидания и подверглись вполне справедливой критике со стороны общества»⁴.

¹ Стенограмма пленарного заседания Петербургского международного экономического форума. 17.06.2022. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-plenarnogo-zasedaniya-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-foruma-17-06-2022.html?ysclid=17ov4xq07x878384180> (дата обращения: 07.06.2024).

² Выступление Д. Медведева на расширенной коллегии Министерства внутренних дел 10 февраля 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/14474> (дата обращения: 07.06.2024).

³ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 2 апреля 2024 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/48711678/?year=2024&month=5&day=21&ysclid=lxwav32jv9800886690> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴ Выступление В.А. Колокольцева на расширенной коллегии Министерства внутренних дел 8 февраля 2013 г. URL:

Не лучшими оказались и результаты оптимизации штатной численности и структурной перестройки органов внутренних дел. Главный из них – постоянно усиливающийся дефицит кадров. По сведениям Министерства внутренних дел, в пореформенные годы он увеличился почти вдвое (Затолкин, Жуков, 2023. С. 37–38). Если в 2012 г. на каждое вакантное место в органах внутренних дел претендовали 4 человека, то в 2019-м – менее двух⁵. Как критическую, была вынуждена официально квалифицировать ситуацию с кадрами МВД председатель Совета Федерации Федерального Собрания 25 июня 2024 г.⁶.

Но эта критичность ярко проявилась уже в 2016 г., когда из-за кадрового дефицита, по мнению экспертного сообщества, органы внутренних дел достигли предельной «пропускной способности». Тогда систематическое увеличение зарегистрированных преступлений повысило нагрузку на сотрудников до такого уровня, на котором они переставали с ней справляться⁷. С 2013 г. отмечается невозможность гарантированной реализации принципа доступности полиции гражданам. Наиболее заметно это проявляется в городских поселениях с небольшим количеством жителей и в сельской местности. Отчетные документы свидетельствуют об эпизодическом характере правоохранительного обслуживания населения таких территорий, что не обеспечивает должной защиты соответствующих интересов, жизни и здоровья

местных жителей⁸. Еще раньше был утрачен очень важный профилактический эффект от присутствия «видимой» полиции на улицах, когда в 2010 г. штатную численность подразделений патрульно-постовой службы сократили на четверть и в результате на 38 % снизили плотность нарядов в общественных местах (Котенев, Оразалиев, Крыжевская, 2024. С. 125–126; Выступление Министра...⁹). Никаких перспектив изменения сложившегося положения дел не просматривается, поскольку сейчас в органах внутренних дел, как заявил глава ведомства 14 мая 2024 г. во время выступления в Совете Федерации Федерального собрания, «один сотрудник работает за четверых»¹⁰.

В связи с этим обостряется необходимость изучения соответствующего опыта. Особенно актуальным становится опыт кризисных периодов, когда принятие наиболее оптимальных, то есть верных решений, было ключевым условием выживания. Одним из них является период, начавшийся падением российской монархии и закончившийся становлением Советской республики. В то время на многих территориях страны калейдоскопически менявшаяся политическая власть была вынуждена немедленно формировать и реформировать учреждения милиции, как ключевой структуры правоохранительной системы, отражавшей интересы общества. Острый цейтнот заставлял разные по своей природе властные силы решать одну и ту же задачу, обращая внимание на главное. Сравнительный анализ соответствующих действий позволяет понять, что же являлось главным в процессе реформирования учреждений милиции.

Одной из территорий, где привлекающие наше внимание события развивались особенно

http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/17461 (дата обращения: 07.06.2024).

⁵ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 26 февраля 2020 г. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/19639152> (дата обращения: 07.06.2024).

⁶ «Уже нельзя прятать голову в песок». Спикер Совфеда Валентина Матвиенко заявила о глобальной нехватке кадров в полиции. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2024/06/25/73749251/?ysclid=lxh8762uj6965742291> (дата обращения: 07.06.2024).

⁷ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 15 марта 2016 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/7393866> (дата обращения: 07.06.2024).

⁸ Выступление В.А. Колокольцева на расширенной коллегии Министерства внутренних дел 8 февраля 2013 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/17461 (дата обращения: 07.06.2024).

⁹ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника полиции В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 4 марта 2015 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/3327920> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁰ «Один работает за четверых». Глава МВД РФ Колокольцев заявил о глобальной нехватке кадров в полиции. URL: <https://msk1.ru/text/politics/2024/05/14/73575869/> (дата обращения: 07.06.2024).

динамично, являлась Иркутская губерния. Уже на третий день после падения российской монархии государственная власть в регионе 6 марта 1917 г. перешла к Исполнительному комитету общественных организаций г. Иркутска. Затем через девять месяцев 22 декабря того же года ее взяли на неполные семь месяцев до 11 июля 1918 г. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы сменило Временное Сибирское правительство, свергнутое через четыре месяца адмиралом А.В. Колчаком, диктатура которого рухнула через четырнадцать месяцев.

В результате политическая власть на территории Иркутской губернии 20 января 1920 г. оказалась у эсеро-меньшевистского Политцентра, от которого уже на следующий день стала переходить к чрезвычайному органу советской власти – Иркутскому военно-революционному комитету. Этот переход продолжался вплоть до 7 марта 1920 г., когда в г. Иркутск вступили части Рабоче-крестьянской Красной армии (История Сибири, 1968. С. 27, 47, 54, 93–96, 108, 135, 137; Рубцов, Кавецкий, 2019. С. 153–154; Кавецкий, Рубцов, 2012. С. 357–359; Кавецкий, Рубцов, 2006. С. 11–12; Рубцов, Кавецкий, 2008. С. 3–5; Рубцов, 2017. С. 20–22).

Сравнение соответствующей практики решения задачи формирования и реформирования милиции показывает идентичность действий принципиально разных по своей природе политических властей. Прежде всего, обращает на себя внимание следующее. Во всех случаях новая политическая власть стремилась по возможности оставить на службе прежних сотрудников. Не соглашаясь с этим, противники Временного правительства на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в Петрограде 3–24 июня 1917 г., приняли специальную резолюцию, требуя разжалования всех жандармских и полицейских чинов с указанием в их личных документах прежнего места работы, запрета служить в милиции, направления на фронт в составе воинских команд.

Однако губернские комиссары продолжали руководствоваться в своей деятельности полученным ими еще 15 марта 1917 г. правительственным разрешением принимать в подразделения народной милиции бывших сотрудников как общей по-

лиции, так и корпуса жандармов¹¹. Тем более, что Министерство внутренних дел поддержало это разрешение соответствующими циркулярами от 22 и 24 марта 1917 г. (Петров, 2012. С. 35, 37). Благодаря этому, например, штат уголовно-розыскного бюро г. Иркутска наполовину состоял из профессионалов, служивших ранее в сыском отделении местной полиции. В отдельных случаях бывших служащих полиции привлекали даже к формированию учреждений милиции. Так, в Иркутске заниматься этим должен был пристав городской полиции Ивлев, временно назначенный 6 марта 1917 г. на должность помощника полицмейстера по наружной части. В Нижнеудинске – помощник уездного исправника П.В. Андреев (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 756. Оп. 2. Д. 17. Л. 2).

Иркутский Совет рабочих и военных депутатов, заявив 19 ноября 1917 г. об установлении в городе советской власти и сменив руководство комиссариатами милиции, не только не позволил городской Думе распустить их личный состав, но и оставил его на прежних должностях. Подавляющее большинство сотрудников народной милиции Временного правительства продолжило свою службу в формированиях советской милиции, действовавших на территории Иркутской губернии (См.: Агалаков, 1975. С. 167; Начальник охраны И.И. Рункевич и комиссары охраны остаются на своих местах // Сибирь (г. Иркутск). 1917. 29 декабря. С. 3; Городская самооборона // Сибирь (г. Иркутск). 1917. 29 декабря. С. 3).

После ухода большевиков Иркутская губернская земская управа, объявившая себя от имени Временного сибирского правительства высшей властью в губернии, также оставила на своих должностях советских милиционеров, подавляющее большинство которых продолжало выполнять служебные обязанности. Увольнения и аресты некоторых сотрудников милиции произошли лишь после того, как политическая обстановка стабилизировалась и была установлена их связь с подпольными советскими группами. В результате этих действий с должности были сняты, арестованы и помещены под стражу начальник охраны Иркутска

¹¹ Сборник циркуляров Министерства внутренних дел за период март – июнь 1917 г. Петроград, 1917. С. 59.

В.А. Щепачев, его заместитель Добролюбов, начальник шестого района Ковальков с тремя его помощниками, а также несколько подчиненных милиционеров (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 192. Оп. 1. Д. 66. Л. 5). Однако большинство сотрудников милиции, включая руководителей районных подразделений, остались на своих прежних позициях. В сельских районах и среди добровольных помощников милиции состав также практически не изменился (ГАИО. Ф.Р-1956. Оп. 1. Д. 8. Л. 21).

При диктатуре адмирала А.В. Колчака, как и при Временном сибирском правительстве, стремились уволить только представителей начальствующего состава, являвшихся при Советской власти ее ответственными работниками. На необходимость этого указывало «Временное положение о сибирской милиции», продолжавшее действовать и после его принятия Административным советом названного правительства 17 сентября 1918 г. (Звягин, 2001. С. 170). Других сотрудников милиции напротив стремились оставить на службе. Более того уволившихся ранее, но ничем не опороченных правоохранителей, приглашали вернуться к прежней деятельности как людей теоретически и практически подготовленных, то есть профессионально состоятельных (Петров, 2012. С. 37). Правительство А.В. Колчака неоднократно издавало распоряжения о наборе на службу в милицию бывших чинов полиции. В одном из них «О бунте против власти» от 13 февраля 1919 г. это специально объяснялось необходимостью использования полицейского опыта (Иванов, 2018. С. 103–104).

Увольнение рядовых сотрудников прежней милиции не было самоцелью и для большевиков после падения режима адмирала А.В. Колчака, когда власть перешла к Военно-революционному комитету 21 января 1921 года. Как и раньше, от милиционеров требовалась, прежде всего, преданность новой власти. Представители нового политического режима руководствовались положениями Декрета «О рабоче-крестьянской милиции», принятого Всероссийским центральным исполнительным комитетом, а также Советом народных комиссаров 10 июня 1920 года, и указаниями циркуляра Сибирского революционного комитета от 24 декабря 1919 года. Согласно этому Декрету, в милицию могли быть зачислены не только красноар-

мейцы, но и лица, соответствовавшие определенным критериям: достижение 21 года, наличие грамотности, право на участие в выборах в Советы, отсутствие уголовных преследований, хорошее состояние здоровья¹². При этом важную роль играло общественное мнение, так как кандидатов должны были рекомендовать не только партийные структуры, но и профессиональные союзы, кооперативы и местные сообщества (Николаев, 1967. С. 143).

Как и ранее в подобной ситуации, увольнения и аресты отдельных милиционеров проводились только после стабилизации политической обстановки и выявления их связи, но теперь уже не с советскими, а, напротив, антисоветскими организациями. По сведениям начальника милиции Иркутской губернии Ф.К. Некундэ, только в губернском центре после соответствующих проверок впоследствии было уволено до половины личного состава, оказавшегося, по терминологии того времени, «колчаковским элементом» (Николаев, 1967. С. 143).

Однако не только прежних сотрудников, но и функционировавшую ранее организационную структуру стремилась по возможности сохранить новая политическая власть. Так, Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска, осуществляя государственное управление в регионе, с первых дней марта 1917 г. формировал милицию на основе провозглашенных Декларацией Временного правительства демократических принципов выборности и подчинения местному самоуправлению. Но организационно учреждения милиции строились так же, как и ранее действовавшая полиция. Изменились главным образом только названия и терминология.

Например, полицейские части стали называться отделами или комиссариатами милиции, а сыскное отделение Иркутской полиции – уголовно-розыскным бюро или отделением (Городская милиция // Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов (г. Иркутск). 1917. 17 марта. С. 2–3). Более того Временное правительство попыталось сохра-

¹² Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров. О Рабоче-Крестьянской Милиции (Положение). URL: <https://istmat.org/node/42536?ysclid=ly62lisifx432884629> (дата обращения: 07.06.2024).

нить действовавшую ранее систему уголовного сыска. В циркуляре Министерства внутренних дел от 16 апреля 1917 г. местному самоуправлению рекомендовалось не упразднять сыскные отделения, а, напротив, озаботиться тем, чтобы они «как можно скорее» возобновили свою деятельность (Петров, 2012. С. 35). Очень показательно, что решениями уездных властей начальнику местной милиции предлагалось «заведовать» не милицией, а «полицейскою частью» (Что происходит кругом Иркутска // Сибирь (г. Иркутск). 1917. 8 марта. С. 2).

Организационная структура учреждений милиции, сложившаяся весной 1917 г., продолжала действовать и после того как Советская власть поменяла милицию Временного правительства на рабочую милицию, подчинявшуюся Советам. Не изменились даже источники финансирования. На это специально указывалось Народным комиссариатом внутренних дел Советской республики, который в январе 1918 г. отмечал необходимость финансирования милиции не только средствами Советов, но также городских дум и земств. Очень показательно, что принятая весной 1918 г. Центральным исполнительным комитетом Советов Сибири «Инструкция» для городской милиции, не требовала значительной реорганизации действовавших ранее милицейских формирований (Николаев, 1967. С. 36).

Принципиально неизменной оставалась организационная структура учреждений милиции и при Временном сибирском правительстве. Как и прежде, поменялись главным образом только названия и терминология. Например, комиссары стали начальниками, но не милиции, а охраны (Переименование комиссарских должностей // Иркутские дни (г. Иркутск). 1918. 19 июля. С. 3). Были случаи использования «старорежимных» терминов: в милиции младший помощник начальника стал надзирателем. Возобновило свою работу ликвидированное накануне уголовно-розыскное бюро. Продолжали действовать городская, земская, горная и железнодорожная милиции (ГАИО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 32. Л. 364).

При диктатуре адмирала А.В. Колчака, как и ранее, организацию учреждений милиции определяло Временное положение Временного Сибирского правительства, принятое еще 17 сентября 1918 г. Должность губернского комиссара переименовали

в управляющего 28 декабря 1918 г., но, как и прежде, именно ему подчинялось милицейское ведомство, делившее городскую и сельскую местности на участки (Звягин, 2001. С. 170, 172). Проведенные практикой формы организации применялись и после падения диктатуры А.В. Колчака при восстановлении рабоче-крестьянской милиции на основании решений Сибирского революционного комитета. Милиция продолжала действовать и в губернском центре, и в сельской местности, и в уездных городах, и в рабочих поселках, на железных дорогах и водных путях сообщения (Николаев, 1967. С. 141–142).

Вместе с тем, стремясь по возможности оставить на службе прежних сотрудников и сохранить действовавшую ранее организационную структуру, новая политическая власть всегда и немедленно меняла руководителей. Более того во всех случаях организация правоохранительной деятельности начиналась сменой ее руководства. После падения монархии Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска, приступив к формированию милиции, поручил ее управление бывшим политическим заключенным и ссыльным. Первыми среди них были ссыльный социалист-революционер Е.Ф. Роговский, имевший юридическое образование, и бывший каторжанин узник Александровского централа В.Ю. Ульянинский (Городская милиция // Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов (г. Иркутск). 1917. 17 марта. С. 2–3).

Победившая Временное правительство советская власть руководство милицией, как и другими правоохранительными учреждениями, поручила членам РСДРП(б) бывшему студенту юридического факультета Томского университета Ф.М. Лыткину и работавшему накануне Первой мировой войны заведующим нотариальной конторой в г. Уфе И.С. Постоловскому, а также бывшему студенту Петроградского лесного института М.Ф. Червинскому (Приказ Иркутского губернского народного комиссара // Известия Иркутского губернского народного комиссариата (г. Иркутск). 1918. 25 января. С. 1; Объявление комиссара Иркутской городской милиции // Сибирская Рабоче-крестьянская газета (г. Иркутск). 1918. 29 марта. С. 1).

После падения советской власти под ударами Чехословацкого корпуса организация правоохранительной деятельности была поручена от имени

Временного сибирского правительства губернским комиссаром П.Д. Яковлевым полковнику А.В. Элерц-Усову (ГАИО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). Губернским инспектором милиции назначили служившего ранее в чине капитана в Иркутском военном училище М.И. Постникова, а начальником охраны – выпускника юридического факультета Петроградского университета члена партии социалистов-революционеров подпоручика Л.Я. Малышева (Новые назначения // Иркутские дни (г. Иркутск). 1918. 25 июля. С. 2; Новые назначения // Иркутские дни (г. Иркутск). 1918. 30 июля. С. 2).

При диктатуре А.В. Колчака руководить милицией поручили полковнику П.И. Войлошникову. После восстановления Советской власти в г. Иркутске 17 февраля 1920 г. заведующим Управлением губернской милиции был назначен Ф.И. Маслов, заведующим Управлением городской и уездной милиции Р.Я. Ванаг, заведующим Уголовно-розыскным бюро – С.И. Кривошапкин (Звягин, 2001. С. 173).

Помимо смены руководителей стремились кардинальным образом изменить профессиональное обучение сотрудников. Уже во второй половине марта 1917 г. через несколько дней после расформирования полиции в г. Иркутске были организованы лекции, на которых представители прокурорского надзора объясняли милиционерам их права и обязанности в условиях новой реальности, а также проводили практические занятия по уголовному праву и процессу для обеспечения грамотных действий во время проведения дознаний (Хроника // Иркутская жизнь (г. Иркутск). 1917. 3 июня. С. 3; Хроника // Сибирь (г. Иркутск). 1917. 16 июня. С. 3).

Учреждения советской власти незамедлительно организовывали изучение милиционерами вновь издававшихся нормативных документов, посвященных вопросам организации и деятельности милиции. Например, таких, как «Положение о милиции», «Инструкция для милиционеров» (Городская милиция // Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов (г. Иркутск). 1917. 17 марта. С. 2–3). Временное сибирское правительство в октябре 1918 г. организовало школу для обучения как поступавших в милицию, так и штатных сотрудников. При этом использовался опыт ранее действовавших школ для подготовки к службе полицейских

урядников (К вопросу о курсах для милиции // Свободный край (г. Иркутск). 1919. 21 ноября. С. 3).

Правительство адмирала А.В. Колчака в марте 1919 г. обязало всех управляющих областями и губерниями учредить на вверенных им территориях единообразные трехмесячные подготовительные курсы для чинов милиции с оптимальным штатом из двух человек – заведующего и делопроизводителя. К проведению занятий на основе внешнего совместительства привлекались как отраслевые наиболее опытные специалисты, так и действовавшие руководители подразделений милиции. Учитывали и специфику служебной деятельности, обучая начальствующий состав отдельно от рядового (Никитин, 2004. С. 378, 402, Никитин, 1995. С. 40, 41¹³). Для поступления требовалось как минимум начальное образование: владение чтением, письмом, правилами арифметики. Учебный процесс курсов имел универсальный характер, будучи представленный и правовыми дисциплинами (уголовный процесс, право государственное, уголовное, административное и финансовое), и военными (воинский устав и военный строй), и специальными (гигиена, надзор медицинский и ветеринарный, гимнастика) (Курсы для чинов милиции // Свободный край (г. Иркутск). 1919. 18 июня. С. 2).

Постоянно действовавшие курсы подготовки рядового и младшего начальствующего состава милиции немедленно организовала в г. Иркутске, как и в других территориально-административных центрах страны советская власть после падения диктатуры адмирала А.В. Колчака и утраты властных полномочий эсеров-меньшевистским Политцентром. Главное управление милиции НКВД РСФСР на протяжении 1920 г. разработало нормативно-правовую базу функционирования этих курсов: необходимые положения, штаты, программы обучения (Бойко, Коновалова, 2017. С. 78). Более того 5 марта 1920 г. Сибирский революционный комитет принял решение организовать курсы для служащих учреждений милиции Сибири. В течение полугода обучалось примерно 120 чел. При этом выпускников курировали инструкторы Управления

¹³ Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью: учеб. пособие. М. : Московский ин-т МВД России, 1995. 77 с. EDN: UEEMWH.

рабоче-крестьянской милиции Сибирского революционного комитета, контролировавшие адекватность использования подготовленных специалистов (Николаев, 1967. С. 167–168).

Практиковались также командировки сотрудников милиции в центральные районы страны для обучения и изучения соответствующего опыта. Например, в октябре 1920 г. с этой целью в Петроград и Тверь был направлен начальник водной милиции Обь-Енисейского и Ленского бассейнов Э.К. Карлович (Николаев, 1967. С. 145). Приобретенные знания активно распространялись на подведомственной территории. В частности, этому способствовали систематические командировки на места сотрудников дислоцировавшегося в г. Новосибирске Управления рабоче-крестьянской милиции Сибирского революционного комитета. Такой же работой занималось и Управление рабоче-крестьянской милиции Иркутской губернии, направившее своих инструкторов в г. Верхне-Удинск 22 июня 1920 г. по просьбе министра внутренних дел Дальневосточной республики (Николаев, 1967. С. 148).

Список источников

Агалаков В.Т. Слом старого государственного аппарата в Сибири в конце 1917 – первой половине 1918 г. // Сибирский исторический сборник: Социально-экономическое и политическое развитие Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 167–186.

Бойко Ю.Н., Коновалова О.В. Проблемы подготовки кадров советской милиции в Енисейской губернии в 1920–1924 гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 3 (28). С. 78–85. DOI: 10.51980/2542-1735_2017_3_78. EDN: ZMJPKD.

Бытко С.Ю. Бюрократизация правоохранительной системы как криминогенный фактор // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 252–256. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-4-252-256. EDN: MVJML0.

Дубова М.Е. Современное состояние и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 160–166. DOI: 10.36511/2078-5356-2023-4-160-166. EDN: WGXJN1.

Егоршин В.М. Полиция – милиция – полиция (Общее состояние и оперативно-розыскной аспект) // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 11. С. 167–187. EDN: QOZFAT.

Затолюкин А.А., Жуков Н.Н. Сбережение профессионального кадрового ядра в ОВД // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4 (97). С. 37–44. EDN: NWNXNR.

Таким образом, результаты сравнительного анализа процесса формирования и реформирования учреждений милиции на территории Иркутской губернии в условиях острейшего политического и социально-экономического кризиса 1917–1920-х гг. разными по своей природе политическими силами свидетельствуют о приоритетном значении в этом процессе, во-первых, немедленной смены действующих руководителей на соответствующих необходимым требованиям, и, во-вторых, адекватного новой реальности изменения системы профессионального обучения сотрудников. Эти перемены обуславливают неизбежность последующей трансформации всей системы организации и функционирования правоохранительных учреждений.

Очевидно, что игнорирование этого опыта в значительной мере объясняет неудачи современного реформирования российских органов внутренних дел, осуществляемого на основе преобразования их организационной структуры и попыток совершенствования работы с личным составом.

References

Agalakov V.T. (1975) Scrap of the old state apparatus in Siberia at the end of 1917 - the first half of 1918. *Siberian Historical Collection: Socio-Economic and Political Development of Siberia*. Irkutsk. Iss. 3. P. 167-186. (In Russ.).

Boiko Yu.N., Konovalova O.V. (2017) The issues of staff training for soviet militia in Yeniseisk province in 1920-1924. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (28). P. 78-85. (In Russ.). DOI: 10.51980/2542-1735_2017_3_78. EDN: ZMJPKD.

Bytko S.Yu. (2023) Bureaucratization of the law enforcement system as a criminogenic factor. *Legal Policy and Legal Life*. No. 4. P. 252-256. (In Russ.). DOI: 10.24412/1608-8794-2023-4-252-256. EDN: MVJML0.

Dubova M.E. (2023) The current state and trends of crime related to external discrediting of internal affairs bodies. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (64) P. 160-166. (In Russ.). DOI: 10.36511/2078-5356-2023-4-160-166. EDN: WGXJN1.

Egorshin V.M. (2012) Police - militia - police (General status and operational- investigative aspect). *Legal Science: History and Modernity*. No. 11. P. 167-187. (In Russ.). EDN: QOZFAT.

Zatolokin A.A., Zhukov N.N. (2023) Saving professionals in the police service. *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. No. 4 (97). P. 37-44. (In Russ.). EDN: NWNXNR.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 352 с. EDN: XEZEJOJ.

Иванов А.А. Организация и деятельность милиции белых правительств на территории России в период Гражданской войны (1918–1921 гг.) // Развитие науки и образования: коллективная монография. / гл. ред. Э.Н. Рябинина. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2018. Вып. 1. С. 100–111. EDN: UZDNAI.

История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / авт. И.М. Разгон, В.С. Познанский, Д.М. Зольников и др. Л. : Наука, 1968. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. 501 с.

Кавецкий Д.Б., Рубцов С.Н. Правоохранительная деятельность профилактического характера как основа борьбы с преступностью на территории Восточной Сибири после февральско-мартовских событий 1917 г. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научно-практической конференции (16–17 февраля 2006 г.) В 2 ч. Красноярск : Изд-во Сибирского юридического института МВД России, 2006. Ч. II. С. 11–13.

Кавецкий Д.Б., Рубцов С.Н. Правоохранительная деятельность и возможности местного самоуправления на территории Иркутской губернии в 1917 году // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 10 (69). С. 357–362. EDN: PHPAFH.

Котенев А.Д., Оразалиев А.А., Крыжевская Н.Н. Инструментарий обеспечения кадровой безопасности органов внутренних дел России // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. 2024. № 1. С. 123–129. DOI: 10.26296/2619-0605.2024.5.1.012. EDN: DJMCVZ.

Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М. : Право и закон, 2004. 448 с. EDN: UEDROL.

Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск : Западно-Сибирское книжное изд-во. Омское отделение. 1967. 291 с.

Петров А.В. К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1 (15). С. 35–41. EDN: OVYTJR.

Рубцов С.Н. Революция 1917 года и власть большинства // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 25–26 октября 2017 г. Красноярск : Лаборатория развития, 2017. С. 20–23.

Рубцов С.Н., Кавецкий Д.Б. Общественная самодеятельность и государственная власть на территории Приангарья в условиях демократии 1917 года // Земля Иркутская. 2008. № 2 (35). Иркутск. С. 3–10.

Zvyagin S.P. (2001) Law enforcement policy A.V. Kolchak. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 352 p. (In Russ.). EDN: XEZEJOJ.

Ivanov A.A. (2018) Organization and activities of the police of White governments in Russia during the Civil War (1918-1921). *Development of Science and Education: collective monograph*. Cheboksary: Izdatel'skii dom "Sreda". Iss. 1. P. 100-111. (In Russ.). EDN: UZDNAI.

Razgon I.M., Poznanskii V.S., Zolnikov D.M. and et all. (1968) The history of Siberia from ancient times to the present day: in 5 vol. Leningrad: Science. Vol. 4. Siberia during the period of the construction of socialism. 501 p. (In Russ.).

Kavetskii DB, Rubtsov S.N. (2006) Preventive law enforcement activities as the basis for combating crime in Eastern Siberia after the February-March events of 1917. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (16–17 fevralya 2006 g.)*. V 2 ch. = *Actual Problems of Combating Crime in the Siberian Region: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (February 16-17, 2006)*. In 2 pt. Krasnoyarsk: SibYU Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pt. 2. P. 11-13. (In Russ.).

Kavetskii DB, Rubtsov S.N. (2012) Law enforcement and local self-government potential in Irkutsk province in 1917. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*. No. 10 (69). P. 357-362. (In Russ.). EDN: PHPAFH.

Kotenev A.D., Orazaliev A.A., Kryzhevskaya N.N. (2024) Toolkit for ensuring personnel security of the internal affairs agencies of Russia. *Bulletin of the Kerch State Maritime Technological University*. No. 1. P. 123-129. (In Russ.). DOI: 10.26296/2619-0605.2024.5.1.012. EDN: DJMCVZ.

Nikitin A.N. (2004) Statehood of "White" Russia: formation, evolution, collapse. Moscow: Law and Order. 448 p. (In Russ.). EDN: UEDROL.

Nikolaev P.F. (1967) Soviet militia of Siberia (1917-1922). Omsk: West Siberian Book Publishing House. Omsk branch. 291 p. (In Russ.).

Petrov A.V. (2012) To a question on legal maintenance of the organization and activity of militia of provisional government and militia. *Bulletin of Perm University. Jurisprudence*. Iss. 1 (15). P. 35-41. (In Russ.). EDN: OVYTJR.

Rubtsov S.N. (2017) Revolution of 1917 and majority power. *Revolutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzgl'yad iz Sibiri. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 25–26 oktyabrya 2017 g.* = *Revolution of 1917: 100 years later. A look from Siberia. Proceedings of the Siberian Historical Forum. Krasnoyarsk, October 25-26, 2017*. Krasnoyarsk: Development Laboratory LLC. P. 20-23. (In Russ.).

Rubtsov S.N., Kavetskii D.B. (2008) Public initiative and state power in the Angara region in the conditions of democracy in 1917. *Irkutsk Land*. No. 2 (35). P. 3-10. (In Russ.).

Рубцов С.Н., Кавецкий Д.Б. Проблемы становления милицеских правоохранительных учреждений в Иркутской губернии в 1917 году // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2 (36). С. 153–157. EDN: NPKWAZ.

Футо С.Р. Федеральному закону «О полиции» 10 лет: история разработки и принятия. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 166–203. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-futo. EDN: PNPPAO.

Янбуктин Р.М. Модернизация организационной структуры органов внутренних дел как фактор повышения эффективности социального управления // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4 С. 1535–1539. EDN: KZFMHF.

Информация об авторах

Рубцов Сергей Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект ВО, д. 57/43, Россия,
e-mail: rubzov@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0195-1727>

Кавецкий Дмитрий Борисович,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
e-mail: kadmi68@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 9 июня 2024 г.; одобрена после рецензирования 3 сентября 2024 г.; принята к публикации 16 сентября 2024 г.

Rubtsov S.N., Kavetsky D.B. (2019) Problems of the formation of police law enforcement agencies in Irkutsk province in 1917. *Problems of socio-economic development of Siberia*. No. 2 (36). P. 153-157. (In Russ.). EDN: NPKWAZ.

Futo S.R. (2021) The Federal Law “On Police” 10 years: the history of development and adoption. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. No. 2. P. 166-203. (In Russ.). DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-futo. EDN: PNPPAO.

Yanbukhtin R.M. (2009) Modernization of the organizational structure of internal affairs bodies as a factor in increasing the efficiency of social management. *Bulletin of Bashkir University*. Vol. 14. No. 4. P. 1535-1539. (In Russ.). EDN: KZFMHF.

Information about the authors

Sergey N. Rubtsov,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57/43, Sredny Prospekt VO, Saint Petersburg 199178, Russia,
e-mail: rubzov@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0195-1727>

Dmitry B. Kavetsky,
Senior Lecturer at the Department of Tactical and Special Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: kadmi68@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 9, 2024; approved after reviewing September 3, 2024; accepted for publication September 16, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(47)
EDN: MYTGPQ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-142-152>

Сатирические материалы в журнале «Крокодил» (1922–1985): проблематика и тематика

А.С. Егоров

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Первый номер журнала «Крокодил» вышел 27 августа 1922 г. До этого он был приложением к газете «Рабочий» (она же «Рабочая газета»), которой владело Оргбюро ЦК ВКП(б). С самого начала в издании был представлен широкий спектр проблем и тем, а также жанров – как художественно-публицистических (памфлет, фельетон, юмореска, эпиграмма и проч.), так и визуальных (шарж, карикатура, плакат). В течение без малого семидесяти лет журнал делал акцент на разных проблемах и темах, что было обусловлено изменением повестки и генеральной линии партии. К примеру, в период новой экономической политики в «Крокодиле» активно обличались и высмеивались т. н. нэпманы или нэпачи (предприниматели), во время коллективизации – кулаки (зажиточные крестьяне), а во время Великой Отечественной войны – А. Гитлер, верховное командование фашистской Германии и немецкие солдаты. Причём изобличением нацистов занимались выдающиеся художники и литераторы – Кукрыниксы, В.П. Катаев, С.В. Михалков и др. Кроме того, нами замечено, что интерес редакции к зарубежным событиям то повышался, то понижался в зависимости от их идеологической «выгодности». В частности, в разгар холодной войны крокодильцы многократно выступали против навязывания США демократических ценностей государствам третьего мира и в целом против тех или иных действий американского правительства. В данной статье обзорно рассматривается, какие именно проблемы поднимались и какие темы освещались в «Крокодиле» с момента его возникновения и до начала перестройки (1922–1985). Некоторое внимание уделено стилистике материалов.

Ключевые слова: журнал «Крокодил», карикатура, сатира, советская журналистика, СССР, фельетон, юмореска, кулачество, коллективизация, НЭП, антирелигиозная пропаганда, Великая Отечественная война

Для цитирования: Егоров А.С. Сатирические материалы в журнале «Крокодил» (1922–1985): проблематика и тематика // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 142–152. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-142-152. EDN: MYTGPQ.

History

Original article

Satirical materials in the magazine “Crocodile”: issues and themes (1922-1985)

Alexander S. Egorov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The first issue of the “Crocodile” magazine was published on August 27, 1922. Before that, it was an appendix to the newspaper Rabochy (also known as Rabochaya Gazeta), which was owned by the Organizational Bureau of the Central Committee of the CPSU(b). From the very beginning, the publication presented a wide range of problems and topics, as well as genres - both artistic-publicistic (pamphlet, feuilleton, humoresque, epigram, etc.) and visual (caricature, cartoon, poster). For almost seventy years, the magazine emphasized different problems and topics, which was due to changes in the agenda and the general line of the party. For example, during the period of the New Economic Policy the “Crocodile” actively denounced and ridiculed the so-called nepmans or nepachi (entrepreneurs), during Collectivization - kulaks (wealthy peasants), and during the Great Patriotic War - A. Hitler, the high command of Nazi Germany and German soldiers. The Nazis were exposed by outstanding artists and writers - Kukryniksy, V.P. Kataev, S.V. Mikhalkov and others. In addition, we noticed that the editorial staff's interest in foreign events increased or decreased depending on their ideological “favorability”. In particular, at the height of the Cold War, “Crocodile” repeat-

edly spoke out against the imposition of democratic values by the U.S. on Third World countries and generally against certain actions of the U.S. government. This article takes an overview of what issues were raised and what topics were covered in the "Crocodile" from its inception to the beginning of Perestroika (1922-1985). Some attention is paid to the stylistics of the materials.

Keywords: "Crocodile" magazine, caricature, satire, Soviet journalism, USSR, feuilleton, humoresque, kulakism, collectivization, NEP, anti-religious propaganda, the Great Patriotic War

For citation: Egorov A.S. (2024) Satirical materials in the magazine "Crocodile": issues and themes (1922-1985). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 142-152. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-142-152. EDN: MYTGPO.

Анализ содержания советского литературно-художественного иллюстрированного сатирического журнала «Крокодил» мы начнём с периода 1920–1930-х гг. Тогда, по утверждению С.И. Стыкалина и И.К. Кременской, героями публицистических и визуальных произведений крокодилцев становились: «...Всякого рода приспособленцы из числа так называемых «сочувствующих», саботажники и рвачи, бюрократы, растратчики, взяточники, перерожденцы-партийцы, головотяпы, подхалимы, ротозеи, жулики, пьяницы, лодыри, хулиганы <...> торгаши и спекулянты, деревенские кулаки, попы» (Стыкалин, Кременская, 1963. С. 64). К сожалению, в рамках данной статьи мы сможем рассмотреть только образы «торгащей и спекулянтов», «деревенских кулаков» и «попов».

Итак, в «Крокодиле» многократно обличались нэпманы или нэпачи – то есть люди, осуществлявшие предпринимательскую деятельность в РСФСР и СССР в период новой экономической политики (1921–1929 гг.). Это их С.И. Стыкалин и И.К. Кременская называют «торгащами и спекулянтами» (Стыкалин, Кременская, 1963. С. 64).

В № 8 за 1922 г. опубликовано «Письмо в редакцию из Кохмы», где пятеро безымянных рабочих спрашивают у редакции журнала, что такое НЭП. «Крокодил» пишет, что это – «условие в государственном масштабе» и что «частному хозяину и жуликам рабочие не дадут вырасти больше, чем надо» (Письмо в редакцию из Кохмы, 1922. С. 2). Рядом с вопросом-ответом находится карикатура М.М. Черемных: высокий нэп, изображённый аллегорическим способом в виде рабочего, не даёт расти нэпману, держащему макет завода, и нэпачу.

В том же номере напечатано стихотворение Д. Бедного «Откуда есть пошёл «Крокодил». В этом объёмном произведении (104 строки) повествуется о том, как «Крокодил» в 1883 г. оказался в России и что его до Великой Октябрьской революции держали в клетке в Зоологическом саду Санкт-

Петербурга: «Издевалась над ним знать и буржуазия, / Особливо ж терпел он от мещанства» (Бедный, 1922. С. 2).

Д. Бедный критикует снятие запрета на осуществление предпринимательской деятельности, именует имеющей «откровенный белогвардейский лейтмотив» нэповскую литературу, а под «скрыто-эсэровским кооперативом», – пишет поэт, – скрываются волчьи зубы и шкура (отсылка к устойчивому выражению «Волк в овечьей шкуре»). Автор активно использует экспрессивную лексику, указывающую на его отрицательное отношение к предпринимателям: «спекулянт-буржуй», «проплеванный мещанин», «сволочь», «сволота».

В 1928 г., с началом массовой коллективизации, основными объектами изображения в «Крокодиле» стали кулаки – богатые крестьяне, использовавшие труд наёмных рабочих.

В октябре 1929 г. вышел специальный номер «Крокодила» с подзаголовком «О хлебе» (№ 37). На обложке изображён зажиточный крестьянин, сидящий на гигантском мешке зерна. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» – говорит ему представитель правого уклона (условная фракция в ВКП(б) под предводительством Н.И. Бухарина). Правые уклонисты не считали, что кулачество представляет опасность для молодого советского государства, в отличие от И.В. Сталина и его единомышленников.

В № 37 также напечатана карикатура А. Малеева, разделённая надвое: наверху – 1919 г., кулак говорит бедняку: «На чужой коровай – рот не разевай!»; внизу – 1929 г., бывший бедняк, а теперь колхозник говорит раскулаченному: «Золотые твои слова были! «На чужой каравай – рот не разевай!» (рис. 1). Слово «каравай» написано неправильно. Возможно, это сделано специально – для передачи произношения, но не исключено, что это – ошибка.

7 ноября 1929 г. в газете «Правда» была опубликована статья И.В. Сталина «Год великого перелома: к XII годовщине Октября». С неё начался полный переход от новой экономической политики к коллективизации и индустриализации.

«Крокодил» отозвался на статью И.В. Сталина мгновенно. В № 43 за 1929 г., который вышел в ноябре, есть сатирическая заметка «О батраках (исследование)», где говорится: «Кулак – тоже буржуазия. И кулак всегда норовит как можно шире использовать в своих интересах тяжёлый и неблагодарный батрацкий труд» (Грамен, 1929. С. 2).

Этот материал наполнен сарказмом («Не нанимали, конечно»), в нём рассказывается о том, что кулаки эксплуатировали «батраков» бессрочно, зная о их безграмотности. Имеются ссылки на «Большую Советскую энциклопедию» – это, видимо, и дало автору повод назвать заметку исследованием.

Ещё пример. В № 20 за 1933 г. есть рисунок Л. Бродаты: колхозная лошадь идёт в направлении базара. Подпись: «Ишь, ты! У Семена лошадка, видать, кулацкая: ежели не поправишь, так и норовит свернуть!» (рис. 2).

Художники журнала рисовали кулаков полными, в головных уборах и чаще всего – улыбающимися/ухмыляющимися. Таким образом, делался акцент на их богатстве, чтобы вызвать у рабоче-крестьянской аудитории недовольство неравенством, имевшем место в обществе.

Стоит сказать, что кулаки обличались не только карикатуристами. К примеру, в № 26–27 за 1930 г. мы обнаружили фельетон Л.Е. Пешкина «Свои люди». Там некто Николай Иванович Блажнов желает позвать в гости «партийного ответственного товарища» Распределяева. Супруга Николая Ивановича Софья Борисовна пробует узнать у мужа, какой уклон у Распределяева. Если у партийца левый уклон, она хочет сказать ему, что «кулаков распустили совсем» (Пешкин, 1930. С. 12).

Периодически кулаки обличались вкупе с представителями церкви. В № 11 за 1923 г. размещена карикатура М.М. Черемных, иллюстрирующая новость о том, что несколько кулаков в селе Сидоровском Каменского уезда объявили о сдаче зерна «батюшке». Подпись к карикатуре: «Поп: – Всем православным христианам, внесшим мне зерно с излишком, – многая лета! Всем же, хлеба мне не принесшим еретикам, – трижды анафема-а-а!».

Рис. 1. Карикатура А. Малеинова (журнал «Крокодил», № 37 за 1929 год, с. 10)

Fig. 1. Caricature by A. Maleinov ("Crocodile" magazine, No. 37 for 1929, p. 10)

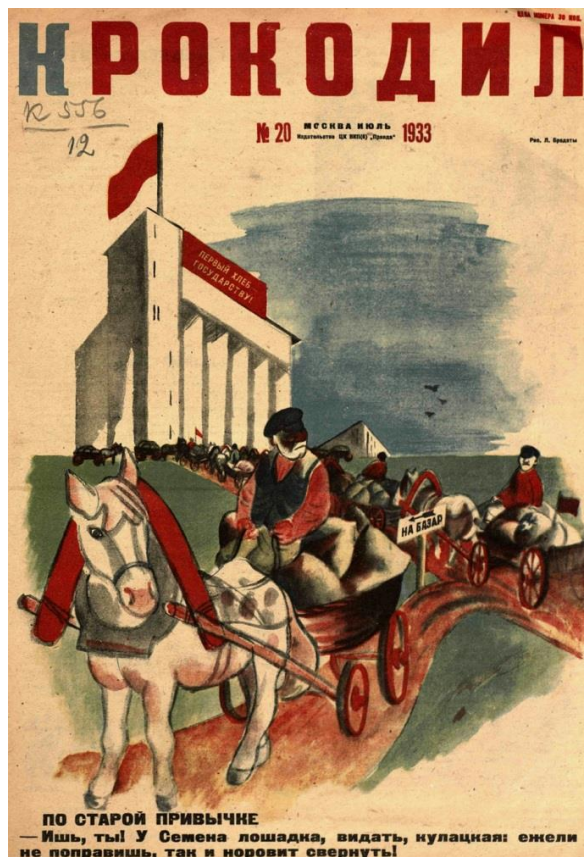

Рис. 2. Карикатура Л. Бродаты (журнал «Крокодил», № 20 за 1933 год, с. 1)

Fig. 2. Caricature by L. Brodaty ("Crocodile" magazine, No. 20 for 1933, p. 1)

Церковь и её представители многократно изображались крокодильцами в негативном свете. Например, в № 3 за 1923 г. опубликовано стихотворение Д. Бедного «Три попа» (Бедный, 1923. С. 2), где священнослужители выведены жадными («Прихожан своих любил он / И сосал их, словно клоп»), не пренебрегающими алкоголем («И тоску вином церковным / За обедней заливал») и сластолюбивыми («Поп кухарочку любил»).

В № 14 за 1923 г. содержится ряд антирелигиозных материалов. На обложке обыгрывается празднование Воскресения Христова – красный крокодил держит яйца (куриное яйцо – один из символов Пасхи). Подпись: «Крокодил: – Я высчитал, что через полчаса мои крокодилята вылупятся из своих яиц. Надо спешить, чтобы не опоздать к заутрене. Крутые это будут яички для попа, а дьякон – сам обратится всмятку!» (рис. 3).

Другой пример обличения священнослужителей художниками «Крокодила»: на обложке № 21 за 1927 г. – рисунок К. Елисеева под заголовком «Работа налаживается». Два священнослужителя ведут беседу:

«– Ну что же, отче, начнем, пожалуй?»

– Подожди, отец дьякон, видишь не всё стадо собралось: вместо культка – пустое место» (рис. 4).

Эпиграфом к карикатуре выступает сообщение о том, что на текстильной фабрике «Коммунистический авангард» во Владимирской губернии местные жители построили церковь. Диалог отсылает к словам Иисуса Христа, который сравнивал верующих с овцами: «Я есмь пастырь добрый». Цель рисунка К. Елисеева – показать представителей духовенства высокомерными, властными и, главное, богатыми людьми (художники «Крокодила» рисовали священников тучными, в дорогом убранстве).

Высмеивались в журнале не только священнослужители, но и верующие. Зачастую указывалось на их слабую веру в бога. Например, в № 32 за 1930 г. есть фельетон В. Тоболякова «Спортсменка» (Тоболяков, 1930. С. 9), где некая Маня Коржик отказалась заниматься в спортивном кружке, так как все тренировки проходили в здании бывшей церкви («Вас ещё бог накажет за то, что вы там дрыгаться будете...»), но, когда узнала, что членам спорткружка выдают свитера, передумала.

Рис. 3. Карикатура И. Малюткина (журнал «Крокодил», № 14 за 1923 год, с. 1)

Fig. 3. Caricature by I. Malyutin ("Crocodile" magazine, No. 14 for 1923, p. 1)

Рис. 4. Карикатура К. Елисеева (журнал «Крокодил», № 21 за 1927 год, с. 1)

Fig. 4. Caricature by K. Eliseev ("Crocodile" magazine, No. 21 for 1927, p. 1)

В № 14 за 1923 г. опубликован фельетон В. Кумача «Пасха на Рыбьем Глазу». Место действия – предприятие по добыче рыбы. Заведующий рыболовецким промыслом пообещал работникам-рыбакам, что рассчитается с ними к Пасхе. Праздник наступил, а денег у заведующего не было. Он обманул рыбаков, сообщив им, что до Воскресения Христова «с хвостиком неделя» (календарь имелся только у него). Потом промысловики получили зарплату, а когда выяснилось, что их обманули, сказали: «А нам какое дело? Деньги есть, отдохнуть можно, выпить можно – вот, значит, и Пасха!» (Кумач, 1923. С. 5).

В фельетонах В. Тоболякова и В. Кумача демонстрируется несерьёзное отношение советских граждан к религии, их тяга к материальным ценностям. Таким образом, подчёркивается, что в Советском Союзе нет действительно верующих людей.

На какие международные темы отзывался «Крокодил»? Интерес редакции к зарубежным событиям то повышался, то понижался в зависимости от идеологической «выгодности» этих событий. Приведём пример. В 1923 г., когда в Германии произошло коммунистическое восстание (т. н. Гамбургское восстание), по подсчётам А.В. Голубева, в журнале было напечатано 180 карикатур в 48 номерах (Голубев, 2018).

В издании также появлялись памфлеты, фельетоны, стихотворения, сатирические заметки, посвящённые международным событиям, процессам, политикам. К примеру, в № 39 за 1923 г. содержится мини-пьеса Задумчивого Галла «Активное непротивление...» (Задумчивый, 1923. С. 2). Действующие лица – исторические личности: канцлер, министр иностранных дел Веймарской республики Г. Штресеман и премьер-министр Франции Р. Пуанкаре. Поводом для написания пьесы послужил Рурский конфликт.

В 1930-е гг. внимание «Крокодила» к зарубежным событиям заметно возросло. Это видно по количеству напечатанных там карикатур. За 1936 г., когда началась Гражданская война в Испании, в «Крокодиле» опубликовано 145 карикатур на внешнеполитическую тематику. А за 1939 г., когда началась Вторая мировая война, – 148 карикатур (Голубев, 2018).

А.В. Голубев выявил, какие государства чаще всего высмеивались и обличались «Крокодилом» в

1922–1939 гг., – Германия, Великобритания, Франция, Польша, Япония и США.

Когда началась Великая Отечественная война, главной целью журнала стала «борьба с немецко-фашистскими захватчиками» (Стыкалин, Кременская, 1963. С. 245). Уже в № 14 за 1941 г., вышедшем в июле, наличествуют антифашистские материалы. На обложке – шарж Ю. Ганфа на главу Германии А. Гитлера и верховное командование Третьего рейха, а на фоне изображены подбитые самолёты. Подпись: «Последняя ставка Гитлера будет бита» (рис. 5).

На обложке № 21 за 1941 г. изображены представители военного руководства Германии на горе из черепов своих солдат (аллюзия на картину В.В. Верещагина «Апофеоз войны»). Рисунок сделали М.В. Куприянов, П.Н. Крылов и Н.А. Соколов, фамилии которых образуют псевдоним Кукрыниксы.

Там же есть фельетон А. Раскина и М. Слободского «С криком «Уа!», где высмеивается сообщение берлинского радио о том, что в Красную армию «включены многие тысячи женщин, детей и

Рис. 5. Карикатура Ю. Ганфа (журнал «Крокодил», № 14 за 1941 год, с. 1)

Fig. 5. Caricature by Y. Hanf ("Crocodile" magazine, No. 14 for 1941, p. 1)

<...> отряды каторжников» (Раскин, Слободской, 1941. С. 6). В 1941 г. призыв женщин и заключённых представлялся сатирикам чем-то абсурдным. Но, как мы теперь знаем, в СССР прошли три массовые мобилизации женщин по Постановлениям Государственного комитета обороны от 25 марта 1942 г., от 15 апреля 1942 г. и от 18 апреля 1942 г., всего же за время войны было мобилизовано 490 235 женщин. О существовании штрафных подразделений в Красной армии также широко известно.

«Крокодил» регулярно указывал на нереалистичность и лживость заявлений СМИ Германии. Например, в № 21 за 1942 г. опубликованы отрывки из радиальных и газетных выступлений под заголовком «Без комментариев». Там, в частности, имеется отрывок из сообщения Германского информбюро от декабря 1941 г.: «Германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль» (Без комментариев, 1942. С. 3).

Мысль о том, что Германия недооценивает СССР, прослеживается во многих материалах «Крокодила», напечатанных в период Великой Отечественной войны. К примеру, в стихотворении С.В. Михалкова «Дефективная стратегия» представляется план мгновенного взятия «советского селения» – германское руководство надеется, что их армия сделает это в течение дня. Но захватчики проигрывают, так как недооценили вооружённые силы СССР и находчивость отдельных лиц: «...В колесе немецком – палка: / Наша сила и смекалка!» (Михалков, 1943. С. 2). Стихотворение примечательно ещё и тем, что написано в зоне боевых действий – на северо-западном фронте. С.В. Михалков во время войны был корреспондентом газет «Во славу Родины» Южного фронта и «Сталинский сокол» ВВС РККА и сотрудничал с рядом других изданий, включая «Крокодил».

Активно в 1941–1945 гг. в «Крокодиле» печатался другой военкор – В.П. Катаев. В журнале появлялись как отрывки из его повести «Сына полка» (Катаев, 1945. С. 3), так и фельетоны, написанные специально для издания. В частности, в № 1 за 1942 г. опубликован фельетон В.П. Катаева «Зеркало, или Новогодние гадания в новой имперской канцелярии». В фельетоне рассказывается о том, как А. Гитлер в новогоднюю ночь хочет предсказать

судьбу своей армии. Гадать на внутренностях животных или кофейной гуще у него нет возможности (В.П. Катаев таким образом представляет Берлин как город, лишённый продовольствия). Адъютант предлагает фюреру зеркало в качестве инструмента для определения будущего. Посмотрев в зеркало, А. Гитлер теряет сознание. Когда глава Третьего рейха приходит в себя, он восклицает в адрес адъютанта: «Я тебя просил принести зеркало, а ты мне подсунул какую-то отвратительную сумасшедшую рожу» (Катаев, 1942. С. 3). Рядом с фельетоном В.П. Катаева находится карикатура Кукрыниксов – два истощённых немца сидят в окопе, один спрашивает у другого: «Что тебе пожелать, Фриц, к новому году?» Ответ Фрица: «Прежде всего – дожить до него». Добавим, что В.П. Катаев и Кукрыниксы во время Великой Отечественной войны входили в редакционную коллегию «Крокодила».

Номера 17 и 18, вышедшие в мае 1945 года, были всецело посвящены победе СССР над фашистской Германией. Там, например, наличествует стихотворение М. Яковлева «Капутируют» (Яковлев, 1945. С. 5). Оно выдержано в ироническом тоне: М. Яковлев называет А. Гитлера «гением», сдача городов уподоблена сдаче помещений, а граждане Германии представлены лгунами. Также здесь присутствует языковая игра: капитуляция – капутуляция (от немецкого слова *kaputt* – разбитый).

После победы Советского Союза над нацистской Германией редакция «Крокодила» вернулась к темам и проблемам мирной жизни. В частности, в 1960-е гг. издание начало высмеивать глупость как рядовых советских граждан, так и чиновников. Рубрика «Нарочно не придумаешь», основанная в 1959 году, стала постоянной. Там публиковались парадоксальные цитаты из документов, объявлений, газетных и журнальных материалов, разговорной речи. Эти цитаты отправляли в издание читатели из всех республик Советского Союза.

В № 24 за 1961 г. в рубрике «Нарочно не придумаешь» напечатана выписка из приказа по Марьинской водно-спасательной станции: «Всем штатным работникам водно-спасательной станции за исключением сторожа, уборщицы и мед. сестры во время несения вахты находиться в трусах. К лицам, нарушающим настоящий приказ, будут приняты более строгие меры воздействия» (Нарочно не придумаешь, 1961. С. 15). Последнее предложение

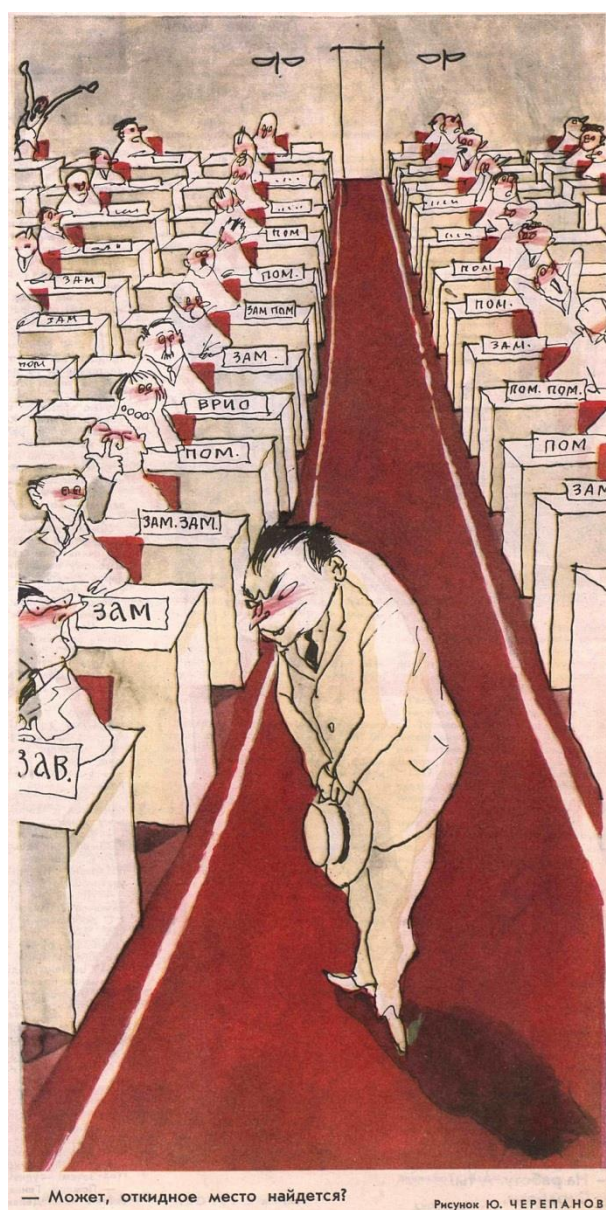
выделено жирным. Таким образом, редакция «Крокодила» указала на его абсурдность: из-за наречия «более» получается, что находиться в трусах – это мера воздействия.

Руководители, чиновники часто становились героями фельетонов и сатирических замечаний/стихотворений в 1960-е гг. Во-первых, высмеивалась их тяга к материальным ценностям (Олейник, 1961. С. 3), а во-вторых, обличалось их самоуправство, своеволие (Солодарь, 1965. С. 3). Также в 1960-е гг. авторы журнала в негативном ключе выставляли бюрократизм – он представлялся ими как несовершенная, требующая доработки, система управления обществом. К примеру, в № 26 за 1965 г. напечатана карикатура Ю. Черепанова: длинный ряд столов с табличками, на которых написано «зав.» (заведующий), «зам.» (заместитель), «зам. зам.» (заместитель заместителя), «пом.» (помощник), «пом. пом.» (помощник помощника); за столами сидят чиновники; к одному из чиновников обращается некто в костюме: «Может, откидное место найдётся?» (рис. 6). Ю. Черепанов поднимает проблему большого числа «управленцев», которые лишь создают видимость того, что работают – они изображены художником скучающими: один ковыряет в носу, другой зеваает, смотря в потолок, третья сидит, подперев голову рукой.

Ещё одна категория людей, бичуемая в журнале, – тунеядцы. 4 мая 1961 г. вышел Указ президиума Верховного Совета РСФСР, направленный на борьбу с гражданами, избегающими труда. Издание отреагировало на выход указа учреждением рубрики «На лежбищах тунеядцев». В частности, в № 24 за 1961 г. в этой рубрике появилась сатирическая заметка Л. Фёдоровой «Петров крест», где повествуется о Нигоматулле Таразове, Викторе Головине и Шафкате Сулейманове, приехавших трудиться в Успенский химлесхоз из Свердловского облисполкома. Однако они вместо того, чтобы собирать живицу, только пьянствовали, а когда это им надоело, уволились «по семейным обстоятельствам». После ухода мужчин пропала бензопила «Дружба» (Фёдорова, 1961. С. 11). Л. Фёдорова сравнивает Таразова, Головина и Сулейманова с лесными паразитами (чешуйником или шелкопрядом), употребляет по отношению к ним ироническую характеристику «три добрых молодца», а бу-

тылки из-под водки, оставленные гореработниками, называет «визитными карточками тунеядцев». Там же, в № 24 за 1961 г., есть и другие материалы, направленные против бездельничества – фельетон Б. Данелия «Взаимная вежливость» (Данелия, 1961. С. 12) и сатирическая заметка С. Шатрова «Стоп! Дальше колымага не пойдет!» (Шатров, 1961. С. 2).

В 1960-е гг. журнал, пусть и несколько реже, чем в 1920–1930-е гг., критиковал церковь. Например, в № 26 за 1965 г. опубликовано стихотворение И. Мартынова «Тёща виновата», в котором Задоров на товарищеском суде оправдывается за то,

**Рис. 6. Карикатура Ю. Черепанова (журнал «Крокодил»,
№ 26 за 1965 год, с. 3)**

Fig. 6. Caricature by Y. Cherepanov ("Crocodile" magazine, No. 26 for 1965, p. 3)

что крестил сына. Он («ударник, активист») утверждает, что является атеистом, а на крещении ребёнка настояла мать жены (Мартыанов, 1965. С. 3).

В 1960–1970-е гг. крокодилы уделяли большое внимание вопросам культуры. В первую очередь высмеивалось авангардное, недоступное большинству, искусство. В № 16 за 1965 г. имеется карикатура М. Вайсборда «Сила искусства»: мужчина и женщина плачут около изображения разрезанного лука (рис. 7). Или, например, в № 7 за 1965 г. поэт, изобретший спиральный способ преподнесения поэтического текста, называется «дремучим» (Юрков, 1965. С. 5). Крокодилы выступали против произведений, по их мнению, бессодержательных, бессмысленных. В стихотворении «Спасают авторитет...» Ц.С. Солодаря рассказывается о главном режиссёре, который поставил бес-

смысленную пьесу: «Хоть сознает, что ставит бред: / Он бережет авторитет!» (Солодарь, 1965. С. 3). На обложке № 11 за 1963 г. – кадр из фильма братьев Васильевых «Чапаев» (1934 г.). От В.И. Чапаева убегают режиссёр с флагом из обрывка киноленты. На флаге крупными буквами написано слово «безыдейность» (рис. 8). Довольно часто крокодилами осуждалось отсутствие коммунистических идей в художественных произведениях. В том же № 11 за 1963 г. напечатана разгромная рецензия «Четырёхугольная тоска» (Четырёхугольная тоска, 1963. С. 9) на первый сборник стихов А.С. Кушнера «Первое впечатление» (Кушнер, 1962). Молодому лирику из Ленинграда ставились в вину уход от «страстей и клокотаний внешнего мира» (то есть уход от реальности) и «бесконечные коловращения кушнеровского «я» (то есть индивидуализм). Также в «Крокодиле» критиковалась литературная «халтура», то есть произведения, написанные некачественно с целью заработка. К примеру, в № 7 за 1965 г. наличествует карикатура Л. Самойлова «Широкозахватная техника»: литератор с помощью огромной ручки с пятью перьями одновременно пишет роман, пьесу, сценарий, либретто балета и

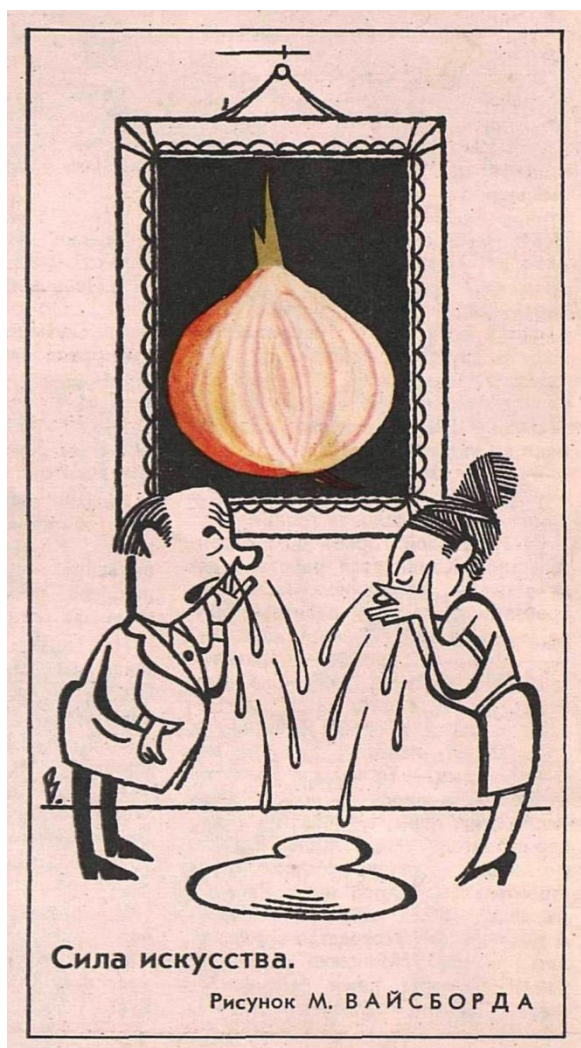

Рис. 7. Карикатура М. Вайсборда (журнал «Крокодил», № 16 за 1965 год, с. 9)

Fig. 7. Caricature by M. Weisbord ("Crocodile" magazine, No. 16 for 1965, p. 9)

Рис. 8. Карикатура Е. Мигунова (журнал «Крокодил», № 11 за 1963 год, с. 1)

Fig. 8. Caricature by E. Migunov ("Crocodile" magazine, No. 11 for 1963, p. 1)

либретто оперетты под единым названием «Туман».

Современное (для того времени) западное искусство выставлялось в «Крокодиле» безвкусным и чересчур откровенным. Например, в № 10 за 1961 г. опубликовано стихотворение В. Дыховичного и М. Слободского «Вместо рецензии», где подчёркивается безнравственность, распущенность режиссёров, творящих на Западе. Авторы «Рецензии» уверены в том, что искусство – это вдохновение, откровение, красота и очищение, а «не предбанник и не пляж» (Дыховичный, Слободской, 1961. С. 13).

В 1960-е гг. в журнале в большом количестве публиковались антиамериканские материалы. В качестве примера приведём фельетон Н. Лобковского «У подножия небоскрёбов», опубликованный в № 24 за 1961 г. Автор делится личным опытом посещения США, там он пытается найти «стопроцентного американца», то есть человека, являющегося потомком первых переселенцев. Однако он встречает людей, недавно эмигрировавших в Штаты и тоскующих по родине. Американцы в фельетоне «У подножия небоскрёбов» показаны корыстолюбивыми, готовыми на всё ради денег: «...Не упустит возможности заработать доллар, но не переплатит ни цента, хотя на цент в Америке нельзя ничего купить» (Лобковский, 1961. С. 8). Там же есть выпады против американского капитализма и демократии – Н. Лобковский указывает на социальное неравенство, вызванное этими системами.

Визуальные антиамериканские материалы тоже появлялись в «Крокодиле» в 1960-е гг. Например, на обложке № 16 за 1965 г. изображены американские военнослужащие, несущие статую Свободы по направлению Азии, Африки и Латинской Америки. В руках у монументальной скульптуры вместо факела – горящий снаряд. Подпись: «Несут свободу» (рис. 9). Карикатура, нарисованная А. Крыловым, изобличала насильственное насаждение демократии, проводимое правительством США в ряде стран. В том же № 16 за 1965 г. опубликована карикатура М. Ушаца «Поперёк горла», где США представлены в виде акулы (на голове – пилотка с буквами US). Акула пытается проглотить парусник под названием «Доминиканская республика», на флаге которого написано: «Независимость» (рис. 10). Этот рисунок есть не что

Рис. 9. Карикатура А. Крылова (журнал «Крокодил», № 16 за 1965 год, с. 1)

Fig. 9. Caricature by A. Krylov ("Crocodile" magazine, No. 16 for 1965, p. 1)

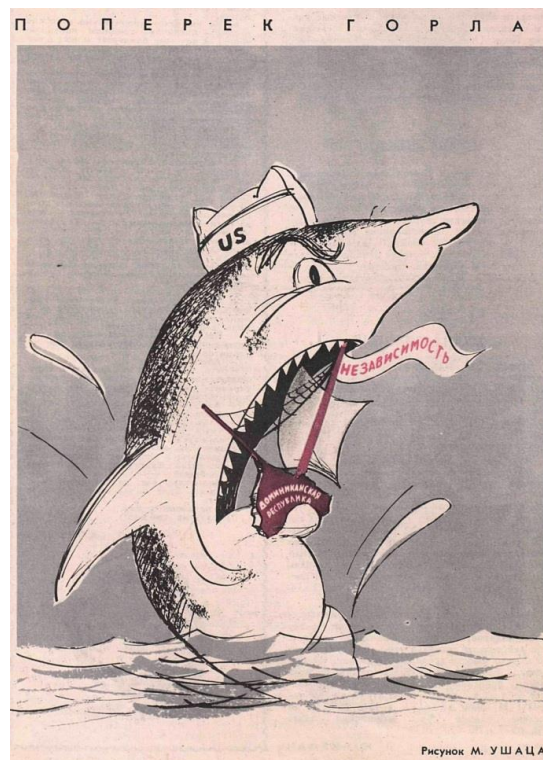

Рис. 10. Карикатура М. Ушаца (журнал «Крокодил», № 16 за 1965 год, с. 5)

Fig. 10. Caricature by M. Ushatz ("Crocodile" magazine, No. 16 for 1965, p. 5)

иное, как аллегорический отклик на начало оккупации Доминиканской Республики войсками США. Кроме отдельных произведений антиамериканской направленности, в журнале давалась оценка международным событиям в рубрике «Зарубежное обозрение». К примеру, в № 26 за 1965 г. критикуются судьи ФРГ, выносящие «смехотворно мягкие» приговоры нацистским военным преступникам (Зарубежное обозрение, 1965. С. 13).

Период с 1964 г., когда генеральным секретарём ЦК КПСС стал Л.И. Брежнев, по 1985 г. принято называть эпохой застоя. В это время проблематика и тематика сатирических материалов, публикуемых в «Крокодиле», были такими же, как ранее: хулиганство, пьянство, глупость, алчность, самоуправство, бюрократизм, тунеядство, религия, культура (обличались авангардное искусство, безыдейные произведения, литературная «халтура»), капитализм и демократия.

Список источников

- Бедный Д. Откуда есть пошёл «Крокодил» // Крокодил. 1922. № 8. С. 2.
- Бедный Д. Три попа // Крокодил. 1923. № 3. С. 2.
- Без комментариев // Крокодил. 1942. № 21. С. 3.
- Голубев А.В. Советская политическая карикатура 1920–1930-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 84–102. DOI: 10.31857/S086956870002292-2. EDN: YPXQEP.
- Грамен. О батраках (исследование) // Крокодил. 1929. № 43. С. 2.
- Данелия Б. Взаимная вежливость // Крокодил. 1961. № 24. С. 12.
- Дыховичный В., Слободской М. Вместо рецензии // Крокодил. 1961. № 10. С. 13.
- Задумчивый Галл. Активное непротивление (германская драма во многих и скверных явлениях) // Крокодил. 1923. № 39. С. 2.
- Зарубежное обозрение // Крокодил. 1965. № 26. С. 13.
- Катаев В.П. Зеркало, или Новогодние гадания в новой имперской канцелярии // Крокодил. 1942. № 1. С. 3.
- Катаев В.П. Восемь сорок // Крокодил. 1945. № 5. С. 3.
- Кумач В. Пасха на Рыбьем Глазу // Крокодил. 1923. № 14. С. 5.
- Кушнер А.С. Первое впечатление. М., Л.: Советский писатель, 1962. 96 с.
- Лабковский Н. У подножия небоскрёбов // Крокодил. 1961. № 24. С. 8–9.
- Мартыанов И. Тёща виновата // Крокодил. 1965. № 26. С. 3.

Итак, просмотрев содержание более 50 номеров журнала «Крокодил», вышедших с 1922 г. по 1985 г., мы пришли к нескольким выводам. Во-первых, проблематика и тематика публикаций «Крокодила» крайне разнообразна – отразить все направления в рамках данной статьи не представляется возможным. Во-вторых, журнал, будучи «важнейшим официальным рупором политики на всех уровнях общественно-политической жизни» (Романов, 2013. С. 27), оперативно отзывался на проводимые властями реформы: НЭП, коллективизация и индустриализация. В-третьих, внимание крокодилцев в первую очередь было сосредоточено на внутренних проблемах, международная повестка освещалась в меньшей степени. Исключение – период Великой Отечественной войны, когда все творческие силы редакции были направлены на агитацию против нацистской Германии и её союзников.

References

- Bednyi D. (1922) Where did "Crocodile" come from. *Crocodile*. No. 8. P. 2. (In Russ.).
- Bednyi D. (1923) Three pops. *Crocodile*. 1923. No. 3. P. 2. (In Russ.).
- (1942) Without comments. *Crocodile*. No. 21. P. 3. (In Russ.).
- Golubev A.V. (2018) Soviet political caricature 1920-1930s. *Russian History*. No. 6. P. 84-102. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086956870002292-2. EDN: YPXQEP.
- Gramen. (1929) About peons (research). *Crocodile*. No. 43. P. 2. (In Russ.).
- Daneliya B. (1961) Mutual politeness. *Crocodile*. No. 24. P. 12. (In Russ.).
- Dykhovichnyi V., Slobodskoi M. (1961) Review. *Crocodile*. No. 10. P. 13. (In Russ.).
- Zadumchiviy Gall. (1923) Active non-opposition (German drama in many and nasty phenomena). *Crocodile*. No. 39. P. 2. (In Russ.).
- (1965) Foreign Review. *Crocodile*. No. 26. P. 13. (In Russ.).
- Kataev V.P. (1942) Mirror, or New Year's fortune-telling in the new imperial chancellery. *Crocodile*. No. 1. P. 3. (In Russ.).
- Kataev V.P. (1945) Eight forty. *Crocodile*. No. 5. P. 3. (In Russ.).
- Kumach V. (1923) Easter on the Fish Eye. *Crocodile*. No. 14. P. 5. (In Russ.).
- Kushner A.S. (1926) The First Impression. Leningrad: Soviet Writer. 96 p. (In Russ.).
- Labkovskii N. (1961) At the foot of skyscrapers. *Crocodile*. No. 24. P. 8-9. (In Russ.).
- Mart'yanov I. (1965) Mother-in-law's fault. *Crocodile*. No. 26. P. 3. (In Russ.).

Михалков С.В. Дефективная стратегия // Крокодил. 1943. № 10–11. С. 2.
Нарочно не придумаешь // Крокодил. 1961. № 24. С. 15.
Олейник С.И. Пров Осот // Крокодил. 1961. № 24. С. 3.
Пешкин Л.Е. Свои люди // Крокодил. 1930. № 26–27. С. 12.
Письмо в редакцию из Кохмы // Крокодил. 1922. № 8. С. 2.
Раскин А., Слободской М. С криком «Уа!» // Крокодил. 1941. № 21. С. 6.
Романов А.Г. Российская сатирическая журналистика: от советского прошлого к российскому настоящему // Современные исследования социальных проблем (Russian Journal of Education and Psychology). 2013. № 3. С. 24. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-24. EDN: QCLWKN.
Солодарь Ц.С. Спасают авторитет... // Крокодил. 1965. № 7. С. 3.
Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать: 1917–1963. М.: Госполитиздат, 1963. 484 с.
Тоболяков В. Спортсменка // Крокодил. 1930. № 31. С. 9.
Фёдорова Л. Петров крест // Крокодил. 1961. № 24. С. 11.
Четырёхугольная тоска // Крокодил. 1963. № 11. С. 9.
Шатров С. Стоп! Дальше колымага не пойдет! // Крокодил. 1961. № 24. С. 2.
Юрков А. Спиральная поэзия // Крокодил. 1965. № 7. С. 5.
Яковлев М. Капитулируют // Крокодил. 1945. № 18. С. 5.

Информация об авторе

Егоров Александр Сергеевич,
аспирант кафедры истории и философии, ассистент
кафедры рекламы и журналистики,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: aleks_mir_1998@mail.ru

Вклад автора

Егоров А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2024 г.; одобрена после рецензирования 17 октября 2024 г.; принята к публикации 28 октября 2024 г.

Mikhalkov S.V. (1943) Defective strategy. *Crocodile*. No. 10-11. P. 2. (In Russ.).
(1961) You can't think of anything on purpose. *Crocodile*. No. 24. P. 15. (In Russ.).
Oleinik S.I. (1961) Prov Osot. *Crocodile*. No. 24. P. 3. (In Russ.).
Peshkin L.E. (1930) His own people. *Crocodile*. No. 26-27. P. 12. (In Russ.).
(1922) Letter to the editorial office from Kokhma. *Crocodile*. No. 8. P. 2. (In Russ.).
Raskin A.S., Slobodskoi M. (1941) With a shout "Ua!" *Crocodile*. No. 21. P. 6. (In Russ.).
Romanov A.G. (2013) Russian satirical journalism: from the Soviet past to the present. *Russian Journal of Education and Psychology*. No. 3 (23). P. 24. (In Russ.). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-24. EDN: QCLWKN.
Solodar' Ts.S. (1965) Saving authority... *Crocodile*. No. 7. P. 3. (In Russ.).
Stykalin S.I., Kremenskaya I.K. (1963) Soviet satirical press: 1917-1963. Moscow: Gospolitizdat. 484 p. (In Russ.).
Tobolyakov V. (1930) Sportswoman. *Crocodile*. No. 31. P. 9. (In Russ.).
Fedorova L. (1961) Petrov cross. *Crocodile*. No. 24. P. 11. (In Russ.).
(1963) Quadrangular sadness. *Crocodile*. No. 11. P. 9. (In Russ.).
Shatrov S. (1961) Stop! The kolymaga (vehicle) will not go further! *Crocodile*. No. 24. P. 2. (In Russ.).
Yurkov A. (1965) Spiral poetry. *Crocodile*. No. 7. P. 5. (In Russ.).
Yakovlev M. (1945) Capitulate. *Crocodile*. No. 18. P. 5. (In Russ.).

Information about the author

Alexander S. Egorov,
Postgraduate student of the Department of History and
Philosophy, assistant of the Department of Advertising and
Journalism,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: aleks_mir_1998@mail.ru

Contribution of the author

Egorov A.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 15, 2024; approved after reviewing October 17, 2024; accepted for publication October 27, 2024.

История

Научная статья
УДК 338(571.53)(091)
EDN: OFQSNA
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-153-163>

Экономическая политика советской власти в приангарской деревне в 1934–1939 гг.

М.А. Проскурякова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье на основе комплекса исторических источников рассмотрено развитие системы государственного регулирования аграрной сферы в 1934–1939 гг. на территории современной Иркутской области (Приангарья). Автор обращает внимание на коллективизацию как инструмент всесторонней трансформации жизни крестьянства и хозяйственной, производственной повседневности отечественной деревни в 1930-е гг. Исследуются взаимосвязанные элементы аграрной политики государства. Во-первых, налоговая система в деревне, являющаяся методом стимулирования коллективизации. Представленный в статье статистический материал позволяет оценить разнообразие налагаемых на крестьян обязательных платежей во второй половине 1930-х гг. Во-вторых, хлебозаготовительные кампании как фундаментальная основа взаимоотношений коммунистической власти и сельского населения. Хлебозаготовки являлись своеобразным «камнем преткновения», показателем коммуникации между государством и крестьянами. В-третьих, рассматриваются хлебозакупки, внедренные в период неонэпа и мотивирующие колхозников и единоличников реализовывать продовольствие государству за счет предоставления дополнительных товарных фондов. Анализируется часть Конституции 1936 г., которая закрепила сократившиеся экономические права сельского населения. Приведены примеры предложений колхозников в ходе обсуждения Основного закона. Показаны государственные усилия «по укреплению колхозного строя» через борьбу с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели в колхозах в 1939 г. Перечислены виды таких нарушений: аренда, покупка частными лицами колхозных земель в личное подсобное хозяйство, использование обобществленного скота в личных целях, колхозная торговля в период сельскохозяйственных работ и др. Данные факты свидетельствуют, в частности, о доминировании личного подсобного хозяйства над колхозным в деле обеспечения материального благополучия колхозника.

Ключевые слова: Приангарье, Иркутская область, сельскохозяйственная политика, коллективизация, хлебозаготовки, хлебозакупки, неонэп, колхозы, колхозники, единоличники, налоги

Для цитирования: Проскурякова М.А. Экономическая политика советской власти в приангарской деревне в 1934–1939 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 153–163. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-153-163. EDN: OFQSNA.

History

Original article

Economic policy of the Soviet government in the Angara Basin villages in 1934-1939

Maria A. Proskuryakova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article, based on a set of historical sources, examines the development of the system of state regulation of the agrarian sphere in 1934-1939 in the territory of the modern Irkutsk region (Priangarie). The author draws attention to collectivization as an instrument of comprehensive transformation of the life of the peasantry and the economic, production everyday life of the domestic village in the 1930s. Interrelated elements of the state agrarian policy are studied. Firstly, it is the tax system in the village, which is a method of stimulating collectivization. The statistical material presented in the article allows us to assess the diversity of compulsory payments imposed on peasants in the second half of the 1930s. Secondly, grain procurement campaigns

were a fundamental basis for the relationship between the communist government and the rural population. Grain procurements were a kind of "stumbling block", an indicator of communication between the state and the peasants. Thirdly, grain purchases introduced during the Neo-NEP period and motivating collective farmers and individual farmers to sell food to the state by providing additional commodity funds are considered. The role of the 1936 Constitution, which enshrined the reduced economic rights of the rural population, is analyzed. Examples of proposals made by collective farmers during the discussion of the Basic Law (Constitution) are given. The state efforts "to strengthen the collective farm system" are shown through the fight against violations of the Charter of the Agricultural Artel in collective farms in 1939. The types of such violations are listed: rent, purchase of collective farm lands by individuals for personal subsidiary farming, use of socialized cattle for personal purposes, collective farm trade during agricultural work, etc. These facts testify, in particular, to the dominance of personal subsidiary farming over collective farming in ensuring the material well-being of the collective farmer.

Keywords: Angara region, Irkutsk region, agricultural policy, collectivization, grain procurements, grain purchases, Neo-NEP, collective farms, collective farmers, individual farmers, taxes

For citation: Proskuryakova M.A. (2024) Economic policy of the Soviet government in the Angara Basin villages in 1934-1939. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 153-163. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-153-163. EDN: OFQSN.

Коллективизация как проект коммунистической партии по модернизации сельского хозяйства представляет собой совокупность правовых, налоговых, хозяйственных, социальных и культурных элементов. Государству было важно обосновать необходимость реализации этого проекта, поэтому уже в 1930-е гг. появляется ряд исследований в рамках партийной идеологии и в целях массово-политической работы с населением (История Всесоюзной..., 1938¹; Кассин, 1939; Победы социалистического..., 1939). Революционные изменения, произошедшие в деревне в ходе коллективизации, не могли не вызвать интерес советских ученых, сконцентрировавших свое внимание на ее положительных последствиях (Краев, 1954; Краев, 1957; Немаков, 1966; Островский, 1967; Трифонов, 1960; Трифонов, 1975). После распада СССР историки переосмысливают государственную политику в 1930-е годы и уточняют периодизацию, выделяя 1934–1936 гг. как период либерализации (Роговин, 1992; Зеленин, 2006). Меняются концептуальные подходы изучения коллективизации, вскрывается действительное значение нормативных ограничений, репрессивной политики, противоправных действий против крестьян (Ильиных, 2004; Проекты освоения..., 2013; Проекты преобразования..., 2015).

Элементы сельскохозяйственной политики советской власти в Приангарье рассматривались историками в 1950–1960-е гг. (Гаврилов, Смирнов,

Степичев, 1957; Степичев, 1958; Степичев, 1966²; Косых, 1959). На материалах Приангарья защищен ряд диссертаций по данной проблематике, однако вторая половина 1930-х гг. осталась вне предметного внимания ученых³. В настоящее время исследуются как аспекты аграрных мероприятий коммунистической партии (Зуляр, 2003), так и ее особенности на отдельных территориях Приангарья (Бубнов, 2000; Петрушин, 2006; Петрушин, 2017). В статье предпринята попытка восполнить лакуны в освещении советских экономических мероприятий на материалах приангарской деревни в 1934–1939 гг. Автор хотел бы выразить особую признательность за рекомендацию перспективности изучения этого временного периода, некоторых аспектов истории Иркутской области, а также за интеллектуальную поддержку в разработке идеи исследования доктору исторических наук, профессору, Ларисе Викторовне Зандановой.

² Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревне. дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02: Иркутск : Вост-Сиб. Кн. изд-во, 1966. 742 с.

³ Корякина Л.С. Государственная политика в отношении зажиточного крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Восточной Сибири (на материалах Иркутской области и Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Иркутск, 2005. 253 с.; Мариненко Л.Е. Система снабжения населения восточносибирской деревни в 1929–1941 гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Красноярск. 2003 г. 210 с.; Пипченко Т.К. Социально-политическая жизнь городов Восточной-Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Иркутск, 2005. 209 с.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). М. : Партиздат, 1938 г. 249 с.

С точки зрения административного деления используемый нами термин «Приангарье» практически совпадает с территорией нынешней Иркутской области, причем особо подчеркнем, что такое соответствие подтверждается как лексической практикой современных средств массовой информации, так и терминологией научных работ XXI века (Дамешек, Николаев, 2009. С. 683⁴; Занданова, 2005⁵). В июле 1930 г. был упразднен Иркутский округ, а его районы напрямую включены в Восточно-Сибирский край, а в 1936 г. эта же территория вошла в Восточно-Сибирскую область (после отделения от края Бурят-Монгольской АССР), с 1937 г. область разделили на Иркутскую и Читинскую. К Иркутской области был присоединен Усть-Ордынский Бурятский национальный округ.

Главными объектами экономической политики государства во второй половине 1930-х гг. становятся колхозы как основные элементы кооперативного сектора. Уже в 1936 г. было коллективизировано 99,2 % дворов в границах современной Иркутской области (табл. 1). Удельный вес государственного (совхозного) сектора в приангарской деревне снизился с 13,3 % в 1933 г. до 7,6 % в 1938, в 1939 г. наметился рост до 7,9 % (Иркутская область, 1941. С. 294)⁶. Соответственно, колхозный сектор вырос с 73,1 до 91 % и стал доминирующим в аграрной сфере страны.

Таблица 1. Коллективизация сельского хозяйства в Иркутской области на 1 июля (Иркутская область, 1941. С. 294)⁷

Table 1. Collectivization of agriculture in the Irkutsk region as of July 1 (Irkutsk region, 1941. P. 294)

Период	1933	1934	1935	1936	1937	1939
Число колхозов	1897	1574	1579	1536	1434	1399
% коллективизации по числу дворов	53,8	64,3	81,8	99,2	95,4	97,2

⁴ Дамешек Л.М., Николаев А.А. Приангарье // Историческая энциклопедия Сибири [в 3 т.] Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. К–Р. 807 с.

⁵ Занданова Л.В. Приангарская деревня в 1930-е годы : учеб. пособие. Иркутск : Иркутский гос. пед. ун-т, 2005. 48 с.

⁶ Иркутская область. Экономико-статистический справочник. Иркутск : Огиз, 1941. 432 с.

⁷ Там же.

Важным инструментом стимулирования коллективизации являлась налоговая политика государства. На совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации 2 июля 1934 г. И.В. Сталин особо указывал на необходимость усиления налогового пресса на индивидуальные хозяйства, а также предельно четко поставил задачу в порядке экономических и финансовых мероприятий «перевоспитать» индивидуальных крестьян, показать выгоды от вступления в колхоз. При этом весьма характерна оценка руководителем партии обстановки на селе: «Товарищи увлеклись в своей критике, когда думали, что вопрос стоит о том, выгодны ли колхозы или не выгодны. Вопрос о том, выгодны ли колхозы или не выгодны, уже решен. Люди в колхозах сидят, работают, люди не хотят оттуда уходить. Что же заставляет их там сидеть? Очевидно, есть какие-нибудь материальные выгоды, основа, корень, который дает возможность колхозу развиваться. Ведь наши колхозы развиваются, они вооружаются технически, у них опыт накапливается. Это новое хозяйство. Кадров у нас не было совершенно. То, что мы создали за 2–3 года – это очень большое дело. Что значит колхоз? Это большое хозяйство, это то, что раньше называлось экономией, помещичьим имением по своему объему» (Трагедия..., 2002. С. 190–191)⁸.

Как можно заметить из примера выплат населением налогов и сборов по Оёкскому сельскому совету Иркутского района (табл. 2), сельскохозяйственный налог с единоличников по государственному плану составлял 65 % общей суммы налогов, самообложение – 88 %. Страховку главным образом оплачивали колхозы – 52,6 %; займы, по плану, должны были приходиться на долю колхозников (55 %), но по факту на них подписывались в большей степени единоличники.

В 1935 г. возросли нормативы обложения трудовых единоличных хозяйств сельхозналогом: 1 га зерновых оценивался в 80 руб., картофеля в 210, садовых и других культур в 675 руб. В животноводстве нормы увеличились: по лошадям в 5,2 раза, по коровам в 4,6 раза, по волам и быкам в 2,4 раза, по овцам и козам в 2 раза. Эти нормы были неизмен-

⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 4. 1934–1936. 1053, [2] с.

Таблица 2. Уплата налогов и сборов в Оёкском сельском совете в 1935 г. (в рублях) (ГАИО. Ф. Р-695. Оп. 1. Л. 20)

Table 2. Payment of taxes and fees in the Oeksky village council in 1935. (rubles) (GAIO. F. P-695. In. 1. S. 20)

Наименование сектора	Сельскохозяйственный налог			Самообложение			Страховка			Займ		
	план	выполнено	%%	план	выполнено	%%	план	выполнено	%%	план	выполнено	%%
Колхозы	5167	5167	100	–	–	–	7178	7178	100	–	–	–
Колхозники	5382	4959	93	1485	1340	90	2965	2523	85	5000	608	11
Единоличники	17900	16787	93	11025	10424	94	3478	2893	83	4000	1750	44
Итого:	27449	26913	96	12520	11760	94	13628	12594	89	9000	2368	26

ные до 1939 года⁹. Однако ассортимент налогов менялся в сторону увеличения, и в 1938 г. сельское население Приангарья платило следующие государственные сборы: сельскохозяйственный налог, культсбор, страховку с колхозов, страховку с частного сектора, заем с рабочих и служащих, заем с сельского населения, государственный налог с лошади, самообложение, земельная рента, налог со строения, подоходный денежный налог (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 115. Л. 81).

Например, в апреле 1938 г. были регламентированы размеры государственного налога для единоличных хозяйств, имеющих лошадей. В Приангарье за одну лошадь хозяин платил 250 руб., за остальных лошадей по 400 руб. Срок уплаты был назначен на 1 июля, от нее освобождались хозяйства, вступившие в колхоз и сдавшие своих лошадей до этого срока. 50 % налога поступало в бюджет республики, по 25 % в областной и районный бюджеты (Трагедия..., 2006. С. 107)¹⁰. Наличие лошади стало слишком дорого обходиться единоличникам, что должно было способствовать обобществлению скота.

Коллективизация резко облегчала государству изъятие сельскохозяйственной продукции из деревни. В 1933 г. была отменена контрактационная система заготовок и введен налог в виде твердых

обязательств по хлебосдаче¹¹. С этого момента натуральный налог с деревни приобрел характер твердых обязательств сдачи зерна по установленным ценам. Нормы заготовок рассчитывались на каждый гектар запланированного посева яровых и фактического посева озимых культур. В Восточно-Сибирском крае колхозы, не обслуживаемые машинно-тракторными станциями (далее МТС) сдавали 3,1 ц с га, обслуживаемые – 2,7 ц с га. Встречные планы и наложение дополнительных обязательств местными органами и заготовительными организациями запрещалось. Излишки аграрного производства колхозов, колхозников и единоличников оставались в личное пользование. Примечательно, что формально встречные планы предполагали добровольное увеличение заготовительных заданий на основании имеющихся резервов. Однако на деле они принимались верховной властью страны и развертывались по отдельным территориям, селам и колхозам. Выполнение встречных планов обеспечивалось как массово-политической работой партийных и советских органов, так и репрессивными методами.

В марте 1934 г. были уравнены нормы зернопоставок единоличников и колхозников на приусадебных участках (Трагедия..., 2002. С. 89)¹². Положение колхозников стало менее выгодным: кроме натуральных платежей государству с обобщественного сектора, они должны были осу-

⁹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. Отдел первый. М., 1947. 1033 с. № 30. Ст. 232. С. 450–453.

¹⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы. В 5 т. М. : Наука, 2006. Т. 5. Кн. 2. 1937–1939. 701, [2] с.

¹¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933 г. № 1–74. Отдел первый. М., 1948. 935 с. № 4. Ст. 25. С. 25–29.

¹² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы. В 5 т. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 4. 1934–1936. 1053, [2] с.

ществлять зернопоставки наряду с единоличными хозяйствами.

На этом фоне обязательные поставки зерна государству с единоличного сектора стали меняться в сторону увеличения. Если до постановления единоличные хозяйства должны были выполнять поставки на 5–10 % больше колхозов, которые не обслуживались МТС, то с этого момента они повышались до 50 %. Еще одним нововведением стало привлечение к обязательным поставкам посевов зерновых, произведенных сверх утвержденных планов озимого и ярового сева¹³.

Высокие налоги и натуральные повинности единоличников часто были непосильны для этих хозяйств. В целях еще большего нажима на «индивидуалов» Постановлением от 21 сентября 1934 г. регламентировалось, что в случае невыполнения государственных платежей все имущество единоличников, кроме дома, топлива, предметов личного и домашнего обихода, подлежало конфискации¹⁴. Эти и другие меры способствовали тому, что индивидуальные хозяйства были вынуждены вступать в колхоз и обобществлять свое имущество. Альтернативой было переселение крестьян из деревни в города.

Государство ограничивало как куплю-продажу зерна между административными единицами, так и передвижение в подобных целях сельского населения, причем даже по объективным причинам. Так, урожай 1936 г. по стране оказался низким, поэтому крестьяне пытались изыскать и купить зерно вне территорий своего района. Однако Комитет заготовок при Совнаркоме СССР в январе 1937 г. разрешал покупку хлеба на колхозных базарах только в своем районе или ближайшем к нему. Необходимые семена, фураж и продовольствия краевым властям необходимо было изыскать либо за счет отпущенных постановлением ЦК и СНК ссуд, либо силами самих крестьян. Таким образом, проблема нехватки продовольственного и семенного материала решалась сельскими жителями практи-

чески самостоятельно (Трагедия..., 2004. С. 119–120)¹⁵.

Данные выполнения плана хлебопоставок Приангарья государству (табл. 3) показывают, что в 1935 и 1936 гг. планы поставок зерна государству ни колхозниками, ни единоличниками выполнены не были, однако уже в 1937 г. план удалось перевыполнить.

Таблица 3. Выполнение плана хлебопоставок Приангарья государству во второй половине 1930-х гг. (в тыс. пудов) (Трагедия..., 2004. С. 574, 575)¹⁶

Table 3. Fulfilment of the plan for grain deliveries from the Angara region to the state in the second half of the 1930s (in thousands of poods) (Tragedy..., 2004. P. 574, 575)

	1935 г.		1936 г.		1937 г.	
	Первоначальный годовой план	Выполнен на 1 июля 1936 г.	Первоначальный годовой план	Выполнен на 1 июля 1937 г.	Первоначальный годовой план	Выполнен на 1 июля 1938 г.
Колхозники	5500	4041	5200	4178	3300	3622
Единоличники	700	498	150	41	10	5

С сентября 1934 г. начались закупки хлеба для государства у колхозов, колхозников и единоличников пунктами «Заготзерно». Цены на покупаемый хлеб повышались, по сравнению с хлебозаготовками, на 15 коп. на пуд пшеницы и на 10 коп. на пуд ржи. Более высокие закупочные цены должны были мотивировать сельских жителей выступать продавцами зерна (а таковые оставались единственными) для государства. Кроме того, в начале осени в деревню были направлены товары общей стоимостью 100 млн. руб., в октябре-декабре – на сумму 400 млн. руб. Каждый колхозник, колхоз или единоличник могли приобрести товаров, примерно, в три раза больше стоимости проданного зерна. Дополнительным стимулом служило то, что колхозная торговля разрешалась только после выпол-

¹³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. М., 1948. 983 с. № 49. Ст. 380. С. 713–716.

¹⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. М., 1948. 983 с. № 48. Ст. 370. С. 697–698.

¹⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы. В 5 т. М.: Наука, 2004. Т. 5. Кн. 1. 1937–1939. 645, [2] с.

¹⁶ Там же.

нения краем планов хлебозакупок, засыпки семенных, страховых и фуражных фондов в артелях (Трагедия..., 2002. С. 214–218)¹⁷.

Местная пресса убеждала население в выгоды участия в хлебозакупочной кампании (О закупке хлеба // За большевистские колхозы (Политотдел Шерагульской МТС Тулунского района). 1934. № 71. 29 сентября. С. 1). В газетах сообщался подробный перечень товаров, которые можно было приобрести участникам хлебозакупа: «мыло хозяйственное 2 р. 50 коп, стекло оконное (продажа рубль на рубль), фонари «Летучая мышь»... Ожидаются на днях: велосипеды (на рубль 5 рублей), мануфактура кожаная и валеная обувь, сахар, чай, железо, гвозди, сукна, полушубки, гармонии, патефоны...». Товары могли заказывать только те, кто полностью выполнил государственные поставки, натуроплату и ссуды (В село идут добротные товары // За большевистские колхозы (Политотдел Шерагульской МТС Тулунского района). 1934. № 76. 17 октября. С. 4).

Закупки хлеба стали еще одним важным элементом экономической политики государства в деревне – своеобразным консенсусом власти и общества в вопросе изъятия натуральных повинностей.

Кроме обязательных натуральных и денежных сборов государство настойчиво стремилось «мобилизовать финансовые средства населения», всячески привлекая вклады в сберегательные кассы и регулярно организуя подписку на государственные займы (Ликвидируйте задолженность по займу // За большевистские колхозы (Политотдел Шерагульской МТС Тулунского района). 1934. № 40 (57). 18 июля. С. 2).

По сведениям областного управления Гострудосберкасы и Госкредита, в 30 районах, национальных территориях и округах области, в деревнях, по плану в 1939 г. население должно было подписаться на сумму 4324 тыс. руб. Однако план не был выполнен: сельские жители подписались только на 701 тыс. руб., что составило 16,2 % (ГАИО. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 115. Л. 48, 51, 57).

В 1939 г. ввиду неудовлетворительного хода подписки на заем 3-й пятилетки по Усть-Ордынскому Бурятмонгольскому округу, Оргкомитет Иркутского облисполкома постановил обязать председателей аймачных исполнительных комитетов принять все меры к завершению массовой подписки на заем уже к 10 августа, охватив 100 % рабочих, служащих, колхозников и единоличников. Для мотивации советских работников устанавливались две денежные премии в размере 500 рублей передовым булучным советам, которые первыми обеспечат полное выполнение взносов. Исполнительный комитет и финансовый отдел, в случае невыполнения стопроцентного охвата, должны были подвергнуться «суровым мерам» (Усть-Ордынский филиал ОГКУ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3. Л. 71–72).

В период неопека сложилась основа правового регулирования имущественных отношений в приангарской деревне. 17 февраля 1935 г. на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников был принят Примерный устав сельскохозяйственной артели. Он закрепил колхозные земли в бессрочное пользование, определил размеры приусадебных участков колхозников от 0,25–0,5 до 1 га, регламентировал обобществляемое имущество и то, что остается в личном пользовании, в том числе количество скота. В Уставе были закреплены основы организации труда в артели (бригадный способ работы, условия найма рабочей силы вне колхоза), оплаты труда (сдельщина, подсчет трудодней, денежные и натуральные авансы и др.)¹⁸.

В течение года обмерялись приусадебные участки колхозников и единоличников, отрезались излишки земли. Несмотря на то, что формально ЛПХ колхозников и единоличников стали равнозначными, Наркомзем СССР разъяснял в марте 1935 г., что размеры приусадебной земли колхозников должны быть больше, чем у единоличников. Показательно, что в местах, где земель для колхозников было недостаточно, вместо увеличения их приусадебных участков, разрешалось уменьшить земли в личном подсобном хозяйстве единолични-

¹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы. В 5 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 4. 1934–1936. 1053, [2] с.

¹⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. Отдел первый. М., 1947. 1033 с. № 11. Ст. 82. С. 137–147.

ков на 10 % по сравнению с землей колхозника (Трагедия..., 2002. С. 417)¹⁹.

Конституция 1936 года, принятая VIII Чрезвычайным съездом Советов Союза ССР, законодательно закрепила итоги беспрецедентных аграрных преобразований. Социалистическая собственность, согласно Основному закону имела форму государственной (крупные сельскохозяйственные предприятия, например, совхозы, МТС и др.), либо кооперативно-колхозной (общественная, социалистическая). Последняя представляла собой живой и мертвый инвентарь, производимую продукцию, общественные постройки. Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от колхозной работы, мог иметь небольшой приусадебный участок, подсобное хозяйство в личной собственности, жилой дом, скот, птицу, мелкий инвентарь. Земля, занимаемая колхозами, закреплялась за ними в бессрочное пользование (Гл. 1. Ст. 5–8 Конституции 1936 года).

Колхозники принимали активное участие во всенародном обсуждении Основного закона, проходившем с июня по ноябрь 1936 г. Так, относительно землевладения колхозов, была предложена следующая поправка сельхозартеля «Красный маяк» Тулунского района: «Обсудив проект Конституции СССР, предлагаю статью 8-ю Конституции дополнить следующим: «Закрепить за колхозами леса, находящиеся на земельных участках колхозов, на вечное и бесплатное пользование колхозов» (Закройщиков. Дополнения, замечания и поправки к проекту Конституции // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск). 1936. № 171. 27 июля. С. 2) вопрос «Почему нельзя закрепить леса, как и землю, за колхозниками?» также звучал на пленуме Курумчинского булучного совета Эхирит-Булагатского аймака (Усть-Ордынский филиал ОГКУ ГАИО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 88. Л. 205–206).

Согласно Ст. 131 проекта Конституции в обязанность граждан входило беречь социалистическую собственность «как священную и неприкосновенную», лица, которые покушались на нее, признавались «врагами народа». Некоторые колхозники Усольского района не только поддерживали

проект Конституции, но и предлагали усилить борьбу с «врагами народа». «При царе наша деревня была самой отсталой, самой темной. Кроме урядников, никто сюда не приезжал. Нас грабили, а бороться с произволом царских сатрапов мы не имели возможности... предложение: расширить пункт, касающийся борьбы с врагами народа, посвящающими на социалистическую собственность... Собрание одобрило проект сталинской Конституции и вынесло глубокую благодарность руководителям партии и правительства, товарищу Сталину, тт. Молотову, Калинин, Ворошилову» (По краю // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск). 1936. № 151. 3 июля. С. 3)

Вскоре после принятия Основного закона начались первые шаги по увеличению земельного массива колхозов как основных субъектов экономической деятельности в аграрной сфере. 3 марта 1937 года в Восточно-Сибирской правде было опубликовано постановление народных Комиссаров Союза ССР, согласно которому увеличение земель артелей планировалось закончить к 15 марта текущего года для обеспечения подготовки к весеннему севу. Границы земель утверждали районные исполнительные комитеты, которые безвозмездно передавали МТС на балансовую стоимость движимое и недвижимое имущество совхозов. Колхозы также могли приобрести хозяйственные постройки, скот и другое имущество совхозов, причем в кредит от Сельхозбанка на 4–6 лет под 3 % годовых. С одной стороны, этот процесс позволил пополнить материальную базу колхозов и МТС, с другой, подтверждал их более высокую эффективность по сравнению с совхозами и другими государственными сельскохозяйственными организациями.

Учитывая, что индивидуальных хозяйств в Иркутской области к концу 1930-х гг. осталось всего около 2–3 %, увеличение землепользования колхозов стало своего рода санкцией по отношению к колхозникам, которые были более замотивированы в расширении личного подсобного хозяйства.

В январе 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязали ликвидировать нарушения Устава сельскохозяйственной артели по превышению ЛПХ путем изъятия излишков. Ответственными в этом мероприятии были секретари и председатели районных исполнительных комитетов. Приводились в порядок

¹⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы. В 5 т. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 4. 1934–1936. 1053, [2] с.

нормы по численности скота, «лишний» скот должен быть сдан государству по ценам мясопоставок, либо продан колхозам. Нарушивших закон колхозников исключали из колхозов без возвращения паевого взноса, наказывали и председателей колхозов. Артелям запрещалось сдавать в аренду колхозникам земли любого пользования под уголовной ответственностью (Трагедия..., 2006. С. 338–339)²⁰.

Народный комиссариат земледелия во исполнение постановления в марте 1939 г. приказывал осуществить проверку величины приусадебных участков и количества скота в личном пользовании колхозников, которые были установлены еще Уставом 1935 г. Комиссариат отмечал, что завышенные размеры участков в личном подсобном хозяйстве колхозников отвлекали их от работы в артели. Разрабатывался «порядок обслуживания личных нужд колхозников, обеспечивающий возможность максимального их освобождения от затраты излишнего труда в личном хозяйстве». Примерные правила внутреннего распорядка, регламентирующие виды сельскохозяйственной деятельности по различным направлениям работы колхоза с учетом сезонных особенностей должны были укрепить трудовую дисциплину в колхозах (Трагедия..., 2006. С. 360–363)²¹.

На примере Аларского аймака можно оценить масштаб нарушений в сфере землепользования. В 6 из 7 артелей отмечено количество хозяйств, количество приусадебной земли которых оказалось выше, чем положено. Однако процент нарушителей составляет от 7 до 21 %, причем в 6 колхозах заметна нехватка земель в ЛПХ (табл. 4).

К концу 1939 г. был закончен обмер приусадебных участков, который охватил подавляющее число колхозов (99 %) и колхозных дворов. Под кампанию попали приусадебные участки и полевые земли единоличных хозяйств и других сельских жителей. Нарушения, связанные с наличием земельных излишков, были выявлены почти в половине хозяйств. В Иркутской области общий размер излишков, изъятых из личного пользования,

составил 12310 га (Трагедия..., 2006. С. 512, 517)²². Незначительное сокращение обобществленных земель в пользу личных было вызвано как объективными, так и субъективными причинами. Первые представлены недостаточным количеством земель в личном пользовании, пригодных для сельского хозяйства, что объясняется природно-климатическими особенностями различных территорий. Другой причиной было то, что ЛПХ оставалось основой материального благополучия большей части сельских жителей. Субъективным фактором, объясняющим нарушение Устава сельхозартели, была заинтересованность крестьянина в развитии личного хозяйства, результатами труда которого он мог распоряжаться самостоятельно. Практически все изъятые земли были прирезаны к колхозам, после чего некоторые вновь обобществленные участки оказались в запущенном состоянии.

За соблюдением Устава сельхозартели следила Прокуратура и некоторые результаты проверок попадали в местную прессу. Так, в колхозе «Власть советов» Андрюшинского сельсовета Куйтунского района 73 колхозникам силами колхоза был посажен картофель на колхозном поле. По распоряжению председателя колхоза колхозникам отвели 12,43 га колхозной земли под посев картофеля, в том числе 0,26 га лично председателю Ананьеву. В период сева председатель и правление колхоза разрешили колхозникам торговать личными сельхозпродуктами, снарядили лошадьми на перевоз 1764 мешков картофеля. Председатель артели был обвинен в сокращении обобществленных посевов, расширении индивидуальных хозяйств, поощрении «рваческих и спекулятивных тенденций», грубом нарушении Устава сельхозартели и привлечен к ответственности согласно ст. 109 УК (Оленев А. Сурово карать нарушителей Устава сельхозартели // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск). 1939. № 174. 2 августа. С. 3).

В Черемховском районе в колхозе «Земледелец» 11 колхозников, получив землю под посадку картофеля, сдали 5,82 га земли в арендное пользование рабочим; колхозник Вахрушев Иван продал рабочему 0,35 га земель за 100 рублей. В том же

²⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы. В 5 т. М. : Наука, 2006. Т. 5. Кн. 2. 1937–1939. 701, [2] с.

²¹ Там же.

²² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы. В 5 т. М. : Наука, 2006. Т. 5. Кн. 2. 1937–1939. 701, [2] с.

Таблица 4. Результаты обмера приусадебных участков Аларского аймачного исполнительного комитета с. Кутулик от 7 августа 1939 г. (Усть-Ордынский филиал ОГКУ ГАИО. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 75. Л. 3–14)
Table 4. Results of the survey of household plots of the Alar aimak executive committee of the village of Kutulik on August 7, 1939 (Ust-Orda branch OGKU GAIO. F. R-40. In. 1. F. 75. S. 3-14)

	Наименование колхоза					
	Имени Кирова	Улан-Готол	Имени Молотова	Кр. Куйта	Хам-Туя	Имени Ворошилова
Дворов колхозников	153	46	95	104	27	24
Количество гектар	174,09	36,1	65,67	80,48	22,43	19,05
Дворов единоличников	5	–	–	–	–	–
Гектар	4,40	–	–	–	–	–
Не члены колхоза	1	–	–	–	–	–
Гектар	0,88	–	–	–	–	–
Количество дворов, земли которых превышают показатель	33	–	8	9	2	9
Недостаток земель в приусадебной черте (га)	—	4,89	11,47	7,25	0,32	21,05

районе в колхозе «Искра» Верхне-Булайского сельсовета было выделено из колхозного массива членам артели под посадку картофеля и зеленки 6,50 га. Виновные были привлечены прокуратурой к ответственности.

Еще одним примером нарушения Устава сельскохозяйственной артели 1935 г. является постановление Катангского райисполкома в июне 1939 г. о наделении сенокосными угодьями Лужской сельхозартели из земель Оскинского колхоза. В результате наличия подобных инцидентов исполняющий обязанности прокурора Иркутской области А. Оленев призвал работников прокуратуры активизировать свою работу, беспощадно бороться со всеми «злостными нарушителями сталинского Устава сельхозартели», о чем свидетельствовало постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» (Оленев А. Сурово карать нарушителей Устава сельхозартели // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск). 1939. № 174. 2 августа. С. 3).

К 1939 г. общее число крестьянских хозяйств Иркутской области составило 79279, из которых 97,2 % было коллективизировано (всего 1399 колхозов), количество коллективизированных дворов увеличилось незначительно: с 69,1 до 77,1 тыс. Размеры посевных площадей озимых и яровых по всем категориям хозяйств выросли с 620,6 тыс. га в

1933 г. до 755,3 в 1939 г., снижение отмечалось только по техническим культурам с 22 до 7,1 (лен, конопля). Что касается качественных показателей, можно отметить районы, в которых передовые колхозы давали урожайности более 16 центнеров с га: Киренский, Черемховский, Аларский, Боханский, Катангский, Заларинский, Нукутский (Иркутская область, 1941. С. 293, 294, 297, 360)²³.

Только к 1937 г. в Иркутской области удалось достичь уровня 1911 г. по численности крупного и мелкого рогатого скота, количество свиней выросло по сравнению с дореволюционным более чем в 2 раза, однако поголовье лошадей не восстановилось даже к 1940 г. (167,9 тыс. голов против 287,3 в 1911 г.). На сто колхозных голов выросло количество обобществлённого скота: со 152 до 189, в личном пользовании со 154 до 212 (Иркутская область, 1941. С. 161–172)²⁴. Примечательно, что скота в личном пользовании было незначительно, но больше, чем коллективизированного. Этот факт косвенно подтверждает заинтересованность крестьянина в развитии личного подсобного хозяйства по сравнению с колхозным. Особо подчеркнем, что превосходящие 1911 г. стабильно прираставшие показатели животноводства 1928 г., обрушенные

²³ Иркутская область. Экономико-статистический справочник. Иркутск : Огиз, 1941. 432 с.

²⁴ Там же.

вниз коллективизацией, не удавалось вернуть в течение без малого трех следующих десятилетий.

Экономическая политика советской власти в деревне в 1930-е гг. характеризовалась административными методами регулирования. Период 1934–1936 гг., так называемый неонэп, отличался от этапа «сплошной коллективизации» снижением правовых ограничений сельского населения. Контракционную систему, отличающуюся нестабильностью планов хлебозаготовок в сторону их увеличения, заменили твердые обязательства по хлебосдаче. Ценовая политика появившихся хлебозакупок мотивировала население к сдаче аграрной продукции и частично решала вопрос товарного голода в деревне. В начале 1937 г. власть сменила вектор экономической политики с либерализации в области аграрных отношений на тотальный кон-

троль. Государство борется с элементами «частно-собственнических» отношений (незаконная аренда, продажа колхозных земель, колхозная торговля во время сельскохозяйственных работ), с проявлениями крестьянской взаимовыручки (использование обобществлённых земель, скота, взаимопомощь, в том числе с разрешения председателей артелей). К концу 1930-х гг. ограничивается землепользование колхозников и единоличников в личном подсобном хозяйстве. Именно в этот период сложилась система политического контроля во всех областях жизни деревни. В силу невозможности решения ряда проблем в рамках командной экономики, приоритетными методами регулирования аграрного сектора стали повсеместное администрирование каждого элемента и этапа сельскохозяйственного производства на всех уровнях.

Список источников

- Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Братск, 2000. Ч. 1. 158, [1] с.
- Гаврилов М.К., Смирнов А.А., Степичев И.С., Сельское хозяйство Иркутской области за 40 лет. Иркутск : Кн. изд-во, 1957. 121 с.
- Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома» 1930–1939 гг.: политика, осуществление, результаты. М. : Наука, 2006. 315 с.
- Зуляр Ю.А. Основные этапы животноводческого освоения Байкальской Сибири в XX веке // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск : Изд-во БГЭУП, 2003. С. 5–17. EDN: DNHXSQ.
- Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с. EDN: QQFJLR.
- Кассин П.С. Иркутская область. Иркутск : Иркут. обл. изд., 1939. 98 с.
- Косых А.П. Совхозы Иркутской области. Иркутск : Кн. изд-во, 1959. 148 с.
- Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М. : Госполитиздат, 1954. 720 с.
- Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР // Советская социалистическая экономика 1917–1957 гг. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 287–323.
- Немаков Н.И. Коммунистическая партия – организатор массового колхозного движения (1929–1932 гг.). По материалам некоторых областей и краев РСФСР. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966. 272 с.
- Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1967. 329 с.
- Петрушин Ю.А. Земля Кундуйская: исторический очерк. Иркутск : Оттиск, 2006. 254 с. EDN: TPCCCI.

References

- Bubnov A.S. (2000) Ilimskaya arable land. Time of change. Bratsk. Pt. 1. 158 p. (In Russ.).
- Gavrilov M.K., Smirnov A.A., Stepichev I.S. (1957) Agriculture of the Irkutsk Region over 40 Years. Irkutsk: Kn. Publishing House. 121 p. (In Russ.).
- Zelenin I.E. (2006) Stalin's "revolution from above" after the "great turning point" of 1930-1939: policy, implementation, results. Moscow: Nauka. 315 p. (In Russ.).
- Zulyar Yu.A. (2003) Main stages of livestock development of Baikal Siberia in the 20th century. Irkutsk historical and economic yearbook: 2003. Irkutsk: BGEUP Publishing House. P. 5-17. (In Russ.). EDN: DNHXSQ.
- Il'inykh V.A. (2004) Taxation of the Siberian village. Late 1920s - early 1950s. Novosibirsk: Institute of History of the OIIF SB RAS. 167 p. (In Russ.). EDN: QQFJLR.
- Kassin P.S. (1939) Irkutsk region. Irkutsk: OGIZ. 98 p. (In Russ.).
- Kosykh A.P. (1959) State farms of the Irkutsk region. Irkutsk: Book publishing house. 148 p. (In Russ.).
- Kraev M.A. (1954) Victory of the collective farm system in the USSR. Moscow: Gospolitizdat. 720 p. (In Russ.).
- Kraev M.A. (1957) Victory of the collective farm system in the USSR. *Soviet socialist economy 1917-1957*. Moscow: State political Publishing House of the Political Literature. P. 287-323. (In Russ.).
- Nemakov N.I. (1966) The Communist Party - the organizer of the mass collective farm movement (1929-1932). Based on materials from some regions and territories of the RSFSR. Moscow: Moscow State University. 272 p. (In Russ.).
- Ostrovskii V.B. (1967) Collective farm peasantry of the USSR. Party policy and its socio-economic results. Saratov: Saratov State University. 329 p. (In Russ.).
- Petrushin Yu.A. (2006) Kunduiskaya Land: Historical Essay. Irkutsk: Otprint. 254 p. (In Russ.). EDN: TPCCCI.

Петрушин Ю.А. «Сибирская Кубань»: очерки истории Куйтунского района. Иркутск: Оттиск, 2017. 359 с. EDN: YLSAIL.

Победы социалистического сельского хозяйства: сб. статей / ред. М. Осадко, В. Столетов. М.: Сельхозгиз, 1939. 160 с.

Проекты освоения и развития Сибири в XX в.: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 235 с. EDN: TDUEAX.

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с. EDN: UAJUDH.

Роговин В.З. Сталинский неонеп. М., 1992. 384 с.

Степичев И.С. Борьба Иркутской организации КПСС за коллективизацию сельского хозяйства (1928–1930). Иркутск: Кн. изд-во, 1958. 163 с.

Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М.: Госполитиздат, 1960. 279 с.

Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975. 406 с.

Информация об авторе

Проскурякова Мария Анатольевна,
аспирант кафедры истории и методики,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: andreasha1205@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4121-6911>

Вклад автора

Проскурякова М.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 августа 2024 г.; одобрена после рецензирования 12 ноября 2024 г.; принята к публикации 25 ноября 2024 г.

Petrushin Yu.A. (2017) "Siberian Kuban": Essays on the History of the Kuytunsky District. Irkutsk: Otprint. 359 p. (In Russ.). EDN: YLSAIL.

Osadko M., Stoleto V. (1939) Victories of socialist agriculture. All-Union Agricultural Exhibition. Moscow: Selkhozgiz. 160 p. (In Russ.).

Ilyinykh V.A. (2013) Projects for the development and advancement of Siberia in the 20th century: collection of scientific papers. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 235 p. (In Russ.). EDN: TDUEAX.

Ilyinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. et al. (2015) Projects for the transformation of the Agrarian system in Siberia in the 20th century: Choosing the paths and methods of modernization. Novosibirsk: Sibprint. 298 p. (In Russ.). EDN: UAJUDH.

Rogovin V.Z. (1992) Stalin's Neo-NEP. Moscow. 384 p. (In Russ.).

Stepichev I.S. (1958) The struggle of the Irkutsk organization of the CPSU for the collectivization of agriculture (1928–1930). Irkutsk: Kn. Publishing House. 163 p. (In Russ.).

Trifonov I.Ya. (1960) Essays on the history of class struggle in the USSR during the NEP years (1921-1937). Moscow: Gospolitizdat. 279 p. (In Russ.).

Trifonov I.Ya. (1975) Liquidation of exploiting classes in the USSR. Moscow: Politizdat. 406 p. (In Russ.).

Information about the author

Maria A. Proskuryakova,
Postgraduate student of the Department of History and Methodology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: andreasha1205@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4121-6911>

Contribution of the author

Proskuryakova M.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 14, 2024; approved after reviewing November 12, 2024; accepted for publication November 25, 2024.

История

Научная статья
УДК 351.74:343.368.4(571.1)
EDN: MJKIWX
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-164-174>

Система планирования и контроля в деятельности пенитенциарных учреждений Алтайского края в 60-х гг. XX в.

М.О. Красилов

Главное Управление МВД России по Алтайскому краю, Барнаул, Россия

Аннотация. Изменения международной обстановки в начале 60-х гг. прошлого столетия, выразившиеся в обострении отношений с США и ее союзниками, вынудили руководство СССР скорректировать свою внутреннюю политику, в частности осуществить меры по укреплению правоохранительных органов. Был приостановлен процесс децентрализации и ослабления «силового» блока в Советском Союзе. В частности в государственных органах вводилась научная система управления, выражавшаяся в усовершенствовании разносторонней системы планирования, а также отчетности о проделанной работе. Это касалось как исправительно-трудовых подразделений, так и отдельных сотрудников. Планирование в деятельности пенитенциарных учреждений Алтайского края делилось на текущее и перспективное. После проведения проверок отдельных структур в системе мест заключения разрабатывался план мероприятий по устранению выявленных ранее недостатков. Устанавливались определенные сроки и назначались лица, которые несли персональную ответственность за их реализацию. В результате волевого решения вышестоящих должностных лиц в план вносились изменения. Важное значение придавалось планированию по кадровому набору, профессиональной подготовке, повышению профессионального уровня сотрудников пенитенциарной системы. Контроль за исполнением разработанных мероприятий осуществляли руководители исправительно-трудовых учреждений и их заместители, представители прокуратуры, советских и партийных органов, чиновники из центрального аппарата МВД-МООП СССР-РСФСР, общественности и сотрудники государственной безопасности. Отрицательной стороной при активном внедрении планово-отчетной документации в исправительно-трудовых учреждениях стало снижение мобильности при принятии решений из-за бюрократических проволочек, увеличение объема документации, сдаваемой на архивное хранение при проведении многочисленных проверок.

Ключевые слова: планирование, отчетность, пенитенциарная система, заключенные, исправительно-трудовые учреждения, Алтайский край, мероприятия, исполнители, УВД

Для цитирования: Красилов М.О. Система планирования и контроля в деятельности пенитенциарных учреждений Алтайского края в 60-х гг. XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 164–174. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-164-174. EDN: MJKIWX.

History

Original article

The system of planning and control in the activities of penitentiary institutions of the Altai Territory in the 60s of the XX century

Maxim O. Krasilov

The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Altai Territory, Barnaul, Russia

Abstract. The change in the international situation in the early 1960s, which resulted in worsening relations with the United States and its allies, forced the USSR leadership to adjust its domestic policy, in particular, to take measures to strengthen law enforcement agencies. The process of decentralization and weakening of the "power" block in the Soviet Union was suspended. In particular, a scientific management system was introduced into the activities of state bodies, expressed in the improvement of a multifaceted planning system, as well as reporting on the work done. This concerned both correctional labor

units and individual employees. Planning in the activities of penitentiary institutions of the Altai Territory was divided into current and long-term. After conducting inspections of individual structures in the system of places of detention, plans were adopted to eliminate previously identified deficiencies and comments. When preparing future actions, specific deadlines and persons responsible for their implementation were established, who bore personal responsibility. It was possible to make changes to the plan, including as a result of a strong-willed decision of higher officials. Separately allocated planning for personnel recruitment, professional training, raising the professional level of employees of the penitentiary system. Control over the implementation of projects was carried out by managers and their deputies, representatives of the prosecutor's office, Soviet and party bodies, officials from the central apparatus of the MVD-MOOP USSR-RSFSR, the public and employees of state security. The negative side of the active implementation of planning and reporting documentation in correctional labor institutions was a decrease in mobility in decision-making, an increase in the volume of documentation submitted for archival storage during numerous inspections, and increased bureaucratic red tape.

Keywords: planning, reporting, penitentiary system, prisoners, correctional labor institutions, Altai Krai, events, performers, Department of Internal Affairs

For citation: Krasilov M.O. (2024) The system of planning and control in the activities of penitentiary institutions of the Altai Territory in the 60s of the XX century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 164-174. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-164-174. EDN: MJKIWX.

Исправительно-трудовая система являлась важным звеном в экономической системе Советского Союза. Окончательно сформированная в 30-е годы прошлого столетия, ее производственная деятельность основывалась на полной самоокупаемости, из-за дешевой рабочей силы получаемая себестоимость промышленной продукции была значительно ниже, чем в других гражданских ведомствах (Суверов, Суверов, 2024. С. 141). Эффективность трудового использования заключенных в Алтайском крае зависела, прежде всего, от грамотного планирования, при этом следовало учитывать, что у большинства осужденных отсутствовала стойкая заинтересованность в качественном выполнении рабочего задания (Мануйлов, 2021. С. 89).

После окончания Второй мировой войны в 1945 г. на Алтае, помимо тюрем, исправительно-трудовых колоний, исправительно-трудовых лагерей и воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних, располагались также лагеря для военнопленных побежденных германской и японской армий (Малкова, 2013. С. 10). В 60-е годы произошли существенные изменения в структуре пенитенциарной системы: во второй половине 40-х гг. были ликвидированы лагеря для военнопленных, после смерти И.В. Сталина стали постепенно закрываться исправительно-трудовые лагеря, как символ «сталинизма» и «жесткой репрессивной политики», в начале 60-х тюрьмы были переименованы в следственные изоляторы.

«Хрущевские» изменения вызвали неоднозначную реакцию в советском обществе, не все

верили в виновность «вождя народов» (Куприна, 2023. С. 303). Все это в целом негативно сказывалось на деятельности пенитенциарной системы, подрывало доверие к властным структурам, снижало служебную дисциплину, требовало повышенного внимания руководителей к своим подчиненным.

В исследуемый период в местах лишения свободы наблюдался процесс относительной либерализации, особенно в отношении заключенных, вставших на путь перевоспитания. Однако смягчение режима содержания в местах лишения свободы приводило и к росту чрезвычайных происшествий (Красилов, 2023. С. 185), что требовало принятия экстренных мер со стороны руководства, в том числе и совершенствования системы планирования и контроля.

К тому же многочисленные недостатки в деятельности региональных подразделений ИТУ (плохая воспитательная работа, носившая, как правило, формальный характер, некачественный подбор кадров на службу, устаревшая материальная база, многочисленные факты нарушения служебной дисциплины, хроническое невыполнение производственного плана, нарушение финансовой дисциплины и режима содержания заключенных и т. д.) стимулировали начальство на решительные действия в подразделениях пенитенциарной системе, дислоцировавшихся в Алтайском крае (Суверов, 2023. С. 211).

Различные проявления «теневой экономики» в местах лишения свободы значительно ослабляли эффективность производственной деятельно-

сти предприятий, находящихся в «неволе». Это были различные «приписки» в финансовой сфере, денежные выплаты по фиктивным документам, тайное хищение продуктов питания. Расхищались стройматериалы, предметы первой необходимости, одежда и обувь, медикаменты, медицинский спирт предназначаемый в том числе и для обслуживания спецконтингента. Труд заключенных ряд сотрудников правоохранительных органов использовал в своих корыстных целях (Трухин, 2023. С. 99).

Одной из форм теневых экономических отношений в местах лишения свободы стало создание так называемых «черных касс», где копились неучтенные финансовые средства (полученные в том числе за производственную деятельность), которые использовались руководством исправительно-трудовых учреждений для неотложных хозяйственных нужд (шли на покупку запчастей и топлива, строительство и ремонт зданий и сооружений), поощрения личного состава (в том числе путем выписывания премий), но и также для удовлетворения личных потребностей (Трухин, 2024. С. 81).

Изменения на международной арене, выразившиеся в обострении отношений с представителями ведущих капиталистических стран (прежде всего, США), которые наглядным образом проявились в Карибском кризисе (октябрь 1962 г.), подтолкнули руководство СССР в лице Н.С. Хрущева перейти к укреплению всего советского правоохранительного блока. Меры по дальнейшему ослаблению всей силовой системы, «чистки» личного состава, тесно связанного и преданного прежнему руководителю страны – И.В. Сталину, были приостановлены или ослаблены из-за опасности начала крупномасштабных боевых действий с использованием атомного оружия.

К слову сказать, отношение у Никиты Сергеевича к своему предшественнику, руководителю и соратнику было подчеркнуто негативное, меры по «десталинизации» страны нередко выглядели мелочными и мстительными. Это выражалось в уничтожении многочисленных памятников «вождю народа», изъятию и последующей ликвидации из библиотек его трудов, изменению назва-

ния населенных пунктов и т. д.¹, В период борьбы со сталинским «культу личности» было принято решение о тайном перезахоронении И.В. Сталина, выносе его тела из Мавзолея, где находился В.И. Ленин, реализованное в октябре 1961 г. Боясь военного переворота сторонниками И.В. Сталина, руководством страны разрушалась огромная государственная машина; шла спешная замена руководящего состава различного уровня.

Эмоциональные высказывания Н.С. Хрущева о начале новой эры коммунизма, после чего государственный аппарат за ненадобностью следовало бы ликвидировать, сменились мерами по укреплению служебной дисциплины, попытками улучшения системы планирования, в том числе и в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ).

Ситуация в исправительно-трудовой системе края была достаточно напряженной как в организации службы, поддержании режима содержания, подборе кадров, так и в соблюдении социалистической законности. *В качестве примера неблагоприятной ситуации, сложившейся в местах лишения свободы, могут свидетельствовать недостатки, выявленные в ходе проверки следственного изолятора № 1 города Барнаула.*

Произведенной тюремным отделом ГУМЗ МООП РСФСР проверкой в следственном изоляторе (СИЗО) № 1 ОМЗ были вскрыты серьезные недостатки в оперативно-служебной деятельности и факты грубых нарушений социалистической законности. Из-за неудовлетворительного руководства и бесконтрольности начальника следственного изолятора майора Ульяновского, его заместителей по режиму, охране и оперативной работе майора Мезенцева и по политико-воспитательной работе майора Попова, в барнаульском следственном изоляторе систематически нарушалось выполнение приказов МВД РСФСР № 0530 – 1961 г., МООП РСФСР № 0035 – 1962 г., регламентирующих режим содержания заключенных и организацию среди них оперативной работы. На протяжении нескольких лет в этом СИЗО существовала порочная практика наказания нарушителей режима содержания дежурными нарядами

¹ Например, Сталинград был переименован в Волгоград в 1961 г., Сталинск был переименован в Новокузнецк в 1961 г. и т. д.

путем водворения их в закрывающую нишу стены, называемой «стояком», который только 31.10.1963 г. был ликвидирован по предложению краевой прокуратуры.

В июне 1963 г. по вине дежурного помощника начальника следственного изолятора майора Никонова несовершеннолетний Яшин на 38 часов позднее срока был освобожден из штрафного изолятора (ШИЗО). В этом же месяце дежурный капитан Золотухин без оформления документов направил в ШИЗО двух несовершеннолетних, которые там находились более 5 суток. Дежурный старший лейтенант Гончаров 13.11.1963 г. в нарушении Приказа МООП № 276-1963 г. применил наручники в отношении несовершеннолетнего заключенного. Регулярно нарушались ведомственные приказы о раздельном содержании взрослых заключенных и подростков, неоднократно судимых и не имевших опыта лишения свободы в одной камере. Из-за недостаточно качественных проводимых обысков в камерах находилось много запрещенных предметов (лезвий от безопасных бритв, ножей, ценностей и т. д.), были зафиксированы случаи проноса в казенные помещения чая, кокеина, анаши. Нахождение денег и других ценностей в камерах, где размещались заключенные, создавало условия для возникновения азартных игр (в карты). Только в 1963 г. в результате контрольных обысков у заключенных, находившихся в этом следственном изоляторе, было конфисковано 170 колод карт. Технический осмотр территории следственного изолятора проводился поверхностно, недостаточно внимания при этом уделялось исправности замков, кроватей, стен, выявлению надписей в местах общего пользования, через которые заключенные поддерживали связь между собой.

Среди несовершеннолетних заключенных были распространены драки, избиение сокамерников, картежная игра, нанесение татуировок. За 1963 г. несовершеннолетними было совершено 242 нарушения, за которые 190 человек были водворены в штрафной изолятор. Майор Мезенцев, возглавлявший оперативную часть, сам допускал факты недисциплинированности и нарушение законодательства, в течение нескольких лет незаконно хранил у себя в сейфе пистолет, являвшийся вещественным доказательством по одному из

уголовных дел (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 171. Л. 4–7)².

Дальнейшее развитие системы управления советских пенитенциарных учреждений привело к активной разработке мер, рассчитанных на их реализацию на несколько лет вперед, а так же распространению разносторонней отчетности о проделанной работе. Для полноценной реализации форм и методов научной организации труда в советских правоохранительных органах в 1968–1969 гг. создаются полноценные органы межотраслевого управления – организационно-инспекторские подразделения, преобразованные в 1971–1972 гг. в штабы (Миронов, 2019).

Планирование в министерстве внутренних дел было текущее и перспективное. К первой группе относились годовые планы работы МВД СССР, его управлений и отделов, УВД крайоблисполкомов (далее – МВД, УВД), исправительно-трудовых учреждений. Перспективное планирование стало новацией для правоохранительного блока, оно вводилось для республиканских, краевых и областных МВД-УВД, исправительно-трудовых учреждений, куда стали включать наиболее значимые мероприятия по коренному улучшению деятельности, в том числе и подразделений пенитенциарной системы (Миронов, 2023).

При планировании конкретных мероприятий устанавливались определенные сроки и ответственные лица за их реализацию. Так Приказом начальника УВД Исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся полковником Беловым был утвержден комплекс мероприятий по выполнению Приказа МВД РСФСР № 0603 от 20.12.1961 г. и распоряжения МВД РСФСР № 3с от 09.01.1961 г. о реализации критических замечаний, высказанных на оперативном совещании в УВД 19.01.1961 г. (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 7, 8) (табл.).

² Приказ начальника УОПП (Управления охраны общественного порядка) исполнительного комитета Алтайского краевого (промышленного) совета депутатов трудящихся «О серьезных недостатках в оперативно-служебной деятельности, нарушении социалистической законности в следственном изоляторе № 1 ОМЗ и наказании виновных в этом лиц» от 10.01.1964 г. № 02.

Таблица. План реализации замечаний в деятельности исправительно-трудовых учреждений в Алтайском крае в 1962 г.

Table. Plan for the implementation of observations in the activities of correctional labor institutions in the Altai Territory in 1962

	Наименование мероприятия	Срок исполнения	Исполнители
1.	Принять меры к ускорению строительства промышленной зоны	01.02.1962 г.	Товарищи Чупраков, Остапенко, Берко, Гончаров
2.	Пересмотреть контингент заключенных на предмет создания выводных рабочих бригад с наименьшим количеством конвоя в соответствии с распоряжением МВД РСФСР № 3с от 09.01.1962 г. В том числе при строительстве 16 квартирного жилого дома АТК – 40 человек; разгрузке угля на складе ТЭЦ-2 – 40 человек	27.01.1962 г.	Товарищи Лаврентьев, Воронов, Остапенко, Берко, Ильин, Гончаров
3.	Сформировать бригады заключенных из числа впервые осужденных и осужденных за малозначительные преступления, которых впоследствии расконвоировать и вывести на объекты: 1. В тарный цех при ИТК № 1 – 30 человек. 2. На разгрузку материалов на площадке Барнаульского комбината железобетонных изделий. 3. В литейный цех моторного завода во 2-ю смену, 10–12 человек	25.01.1962 г.	Товарищи Лаврентьев, Воронов, Остапенко, Берко, Ильин, Гончаров
4.	В связи с изменением режима содержания заключенных в колонии пересмотреть систему охранения производственных объектов в сторону сокращения постов	01.11.1962 г.	Товарищи Лаврентьев, Воронов, Остапенко, Берко, Ильин, Гончаров
5.	Провести мероприятия по обеспечению 8-часового рабочего дня заключенных за счет упорядочения развода, движения колонн и недопущения преждевременных съемов бригад с объектов работ	Немедленно	Товарищи Остапенко, Берко, Гончаров
6.	Закончить работу по заключению договоров со всеми хозорганами для использования на работах заключенных колонии. В договорах обязательно предусмотреть требования к хозорганам о предоставлении квартир и общежитий для солдат-сверхсрочников	01.11.1962 г.	Товарищи Остапенко, Берко, Гончаров

В системе мест заключения Алтайского края стало распространяться планирование среди личного состава каждым отдельным сотрудником на день, месяц, год, которое утверждалось и контролировалось непосредственным начальником.

Принимались в системе ИТУ планы по устранению выявленных ранее недостатков и замечаний. Так в документе по реализации критических замечаний, высказанных в адрес УВД участниками краевого совещания 23 марта 1962 г., отмечалось:

1. В крайком КПСС Алтайского края поступали жалобы от работников УВД Алтайского края о том, что в исправительно-трудовых колониях много заключенных не использовалось в трудовой деятельности. В результате чего были установлены

мероприятия по реализации полученных замечаний: где следовало добиться выполнения утвержденного плана мероприятий по улучшению трудового использования заключенных. Срок реализации – текущий квартал, исполнитель товарищ Березин.

2. В ряде исправительно-трудовых учреждений нецелесообразно было содержать определенную категорию осужденных. Однако по неизвестным причинам освобождение лиц, отбывавших наказание, задерживалось. Реализация этого пункта была в следующем: усилить контроль за качеством оформления документов по освобождению заключенных. Был установлен срок исполнения данного поручения: апрель – май 1962 г., и

назначен ответственный товарищ Березин (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 45–50).

Готовились планы и по устранению замечаний по кадровому составу. Например, начальник Барнаульской спецшколы МВД РСФСР товарищ Погодин отметил, что на кандидатов заочного отделения документы оформлялись некачественно. По устранению данного недостатка по формированию документов на «заочников» следовало строго руководствоваться приказами МВД РСФСР. Устанавливался срок исполнения – текущий год. Контроль за исполнением был возложен на товарища Незнанова.

Заместитель начальника отдела мест заключения Алтайского края товарищ Чупраков во время очередного совещания отметил, что необходимо принять срочные меры по укомплектованию вакантных должностей в ИТК и в первую очередь должностей начальников отрядов. Необходимые действия уже были закреплены в плане работы отдела кадров (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 28–30)³.

На Алтае в указанное время принимались и производственные планы, планы вывода заключенных на работы. Проведенной МВД РСФСР проверкой в марте 1960 г. было установлено, что в исправительно-трудовых учреждениях план вывода на работы осужденных в УВД Алтайского края в 1959 г. не был выполнен на 8,3 %. Количество не работающих осужденных по разным причинам превысило плановое: по УВД Алтайского края увеличение составило 9,6 %. В целом из-за непредоставления работы не работало в УВД Алтайского края 17,7 % заключенных (Центральный архив МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 56. Л. 112–115).

Разнообразное планирование корректировалось волевыми решениями вышестоящих должностных лиц. Распоряжение начальника УВД Алтайского краевого совета депутатов трудящихся полковника Белова «Об обеспечении рабочей силой, конвоем и строительными материалами объектов Ремстройконторы ОКС в УООП Алтайского

крайисполкома» от 20 октября 1962 г. было направлено руководителям различного ранга с требованиями осуществления определенных действий. В результате чего устанавливались конкретные даты выполнения и исполнители.

Так, начальник исправительно-трудового учреждения – почтовый ящик (п/я) УБ 14-1, Остапенко должен быть в срок до 23 октября 1962 г. подобрать и осуществить вывод дополнительно 15 человек плотников на строительство 64-квартирного дома для сотрудников УООП Алтайского края, 15 человек рабочих разных специальностей (плотников, бетонщиков, каменщиков, разнорабочих) из числа облегченного режима (бывших расконвоированных) на строительство пожарного депо УПО УООП Алткрайисполкома. Начальники отрядов, заключенные которых работали на объектах пожарного депо, 64-квартирного дома и детского сада-яслей, должны были присутствовать ежедневно на всех производственных объектах, контролировать производственный процесс и требовать от контингента выполнения норм выработки запланированной программы. Предполагалось выделить 15 человек из числа конвойных отдельной бригадой с выводом на работу не позднее 23 октября 1962 г. Объект работы: перенос забора зоны 40-квартирного жилого дома на новую площадку в целях расширения существующей рабочей зоны 64-квартирного жилого дома.

Начальнику п/я УБ-14/2 товарищу Казанцеву было указано, что не позднее 22 октября 1962 г. выделить 15–17 человек спецконтингента на строительство кабельной электростанции и детского сада-яслей на 90 мест УООП; до 1 января 1963 г. обеспечить доставку обеда работающим заключенным и конвойным точкам на 64-квартирном жилом доме и детскому саду-яслям своим транспортом без перегрузки автомашин Ремстройконторы, как это имело место до сих пор.

Командиру войсковой части № 6615 товарищу Беликову ставилась задача обеспечить конвоем: бригаду заключенных женщин исправительно-трудового учреждения п/я 14/2 на строительстве кабельной электролинии с октября 1962 г. до окончания работ; бригаду заключенных из числа бывших расконвоированных п/я УБ – 14-1 на строительстве пожарного депо с 22 октября по 31

³ План мероприятий по реализации критических замечаний, высказанных в адрес отдела кадров УВД и кадровых аппаратов периферийных отделов милиции 1 февраля 1962 г., подписанный заместителем начальника УВД Алтайского края по кадрам подполковником Ворнкиным.

декабря 1962 г.; бригаду заключенных конвойного контингента п/я УБ 14-1 на переносе и строительстве ограждения зоны 40-квартирного и 64-квартирных жилых домов с 23 октября 1962 г. до окончания работ; капитану Целищеву обеспечить постоянный действенный контроль офицерским составом его части за трудовой дисциплиной и выполнением дневных норм заключенными на строительстве казармы; оказывать постоянную практическую помощь Ремстройконторе в приобретении материалов и механизмов на строительстве военного городка.

Для ввода в срок объектов, которые возводились при активном участии заключенных, необходимо было организовать подвоз товаров для хозяйственных нужд. Начальник Управления пожарного отдела Алткрайисполкома товарищ Екшибаев должен был ежедневно выделять Ремстройконторе с 22 октября 1962 г. лесовоз с шофером для перевозки длинномерных грузов; оказывать практическую помощь в обеспечении строительства пожарного депо необходимыми строительными материалами; поставить в детский сад и казарму два гидранта в срок до 1-го ноября 1962 г.; в срок до 25 октября 1962 г. привести на строительство спецшколы МООП РСФСР 26 пожарных отводов и 52 «полусайки» этого же размера; ежедневно обеспечить вывоз своим автотранспортом заключенных, занятых на строительстве пожарного депо, этим же транспортом снабжать их обедом.

Начальнику п/я УБ 14-3 товарищу Борисову было дано задание обеспечить выполнение заказов на изготовление столярных изделий, оборудования и инвентаря, необходимых для окончания сдачи объектов строительства.

Начальнику тюрьмы № 1 товарищу Ульяновскому указывалось на выделение ежедневно с 22 октября 1962 г. и до окончания работ 8 человек различных специальностей, из числа лиц осужденных за мелкое хулиганство, на строительство бани детского приемника-распределителя УООП; в срок до 10 ноября 1962 г. выполнить задание на изготовление столярных изделий для строительства этого объекта (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 133–136).

В исправительно-трудовых учреждениях основной организации исправительно-трудового

процесса являлся единый комплексный план, определяющий основные задачи частей и служб и пути их реализации. Воспитательный процесс охватывал комплекс основных мероприятий всех служб и частей учреждения по исправлению и перевоспитанию осужденных необходимыми средствами, формами и методами работы (Ефименко, 2023. С. 166, 167).

Планирование воспитательных мероприятий среди несовершеннолетних правонарушителей имело свою специфику. Наиболее целесообразно, по мнению практиков того времени, следовало планировать работу в отряде на один месяц, где можно было спланировать привлечение учителей, надзирателей, мастеров и других сотрудников колонии с учетом их подготовки и способностей (Лелик, Ефименко, 2022. С. 66).

Изменился подход в плане проведения профессиональной подготовке среди личного состава в связи с тем, что к 1960 г. во внутренних войсках около 28 % командного состава составляли офицеры, ранее служившие в Советской армии. Для этого были разработаны, уточнены и внедрены в практику новые нормативы по их специальной подготовке (Тимофеева, 2013. С. 48, 49).

В связи с тем, что трудовая деятельность в советских местах лишения свободы была обязательной, повсеместно организовывалось обучение рабочим профессиям среди заключенных. Общее руководство профессионально-техническим обучением осужденных, а также планированием, финансированием и контролем за состоянием этой работы осуществляло Главное управление исправительно-трудовых учреждений МВД СССР и Главное управление лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР (Заурова, Ефименко, 2023. С. 100).

Планирование было тесно связано с отчетностью и контролем за выполнением намеченных заданий. Часть контрольных функций ряд руководителей УВД делегировал своим заместителям. Наблюдение за деятельностью пенитенциарных учреждений Алтайского края осуществляли представители прокуратуры, советских и партийных органов, чиновники из центрального аппарата МВД-МООП СССР-РСФСР. Уровень служебно-боевой подготовки проверялся во время проведения строевых смотров, контрольных стрельб,

проверки конспектов по политической подготовке (Суверов, Мануйлов, 2023).

В ходе проверок исправительно-трудовых учреждений выявлялись недостатки в кадровом обеспечении, в уровне политической, боевой, служебной подготовки, сохранности секретной и служебной документации и т. д. (Суверов, Москвитин, 2021), которые необходимо было устранить на основании утвержденного плана.

Под постоянным контролем деятельность исправительно-трудовых учреждений была у сотрудников прокуратуры, которые были ответственны за соблюдением социалистической законности в местах лишения свободы (Белая, 2014. С. 97), рассматривали жалобы осужденных, факты превышения должностных полномочий.

Партийно-государственный контроль выражался в формах групп и постов в исправительно-трудовой системе, но они не могли вмешиваться в оперативно-служебную сферу (Давыдов, 2010. С. 21). Однако все кадровые назначения на руководящие должности (и также снятие с них) осуществлялись крупными партийными и советскими функционерами. Партийное собрание каждого подразделения было серьезным контрольным органом, где могли заслушивать провинившихся сотрудников (при этом не следует забывать, что все офицеры были коммунистами), которые могли быть наказаны по линии КПСС (коммунистической партии Советского Союза).

Продолжался практиковаться общественный контроль над деятельностью советской пенитенциарной системы, устанавливалось шефство промышленных предприятий над исправительно-трудовыми учреждениями, ежеквартально практиковались отчеты осужденных об их работе и поведении перед представителями общественности» (Никитин, 2017. С. 193), сотрудники ИТУ привлекались к активному перевоспитанию правонарушителей (Кузьмин, Железная, Кохтачев, 2015. С. 33).

Список источников

Белая Н.П. Прокурорский надзор за законностью деятельности исправительно-трудовых учреждений в советский период российской истории // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 94–99. EDN: SZUMDV.

Помимо положительного результата в деятельности исправительно-трудовых учреждений по усилению системы планирования и отчетности, прослеживались и отрицательные черты – увеличение бюрократических препятствий, реализация ненужных, неэффективных запланированных ранее мер. Система управления постепенно погружалась в трудоемкую работу по составлению отчетов, которая требовала множество усилий и времени. К сожалению, данная проблема и сегодня не решена в правоохранительной системе.

Таким образом, связка планирования и контроля в деятельности пенитенциарных учреждений Алтайского края стала активно применяться в первой половине 60-х гг. XX в. На наш взгляд, это было связано, прежде всего, с усилением внешней угрозы с о стороны стран т. н. «Запада», что повлекло к осуществлению мер по усилению правоохранительной системы, куда входили и подразделения исправительно-трудовые учреждения. Плановая система была разнообразной, рассчитанная на различные временные сроки, и касалась как отдельных подразделений, так и конкретных сотрудников. Выполнение или невыполнение планового задания отражалось в отчетности, где указывался факт исполнения или причина его невыполнения. Персональную ответственность при этом несли конкретные исполнители, вплоть до уголовной. Все большую роль при планировании стали играть штабные подразделения.

Контроль за исполнение утвержденной документации возлагался на начальствующий состав всех рангов, а также представителей советско-партийного актива, прокуратуры и Комитета государственной безопасности. Практиковался и общественный контроль за деятельностью пенитенциарной системы. Отрицательной стороной системы планирования и контроля в местах лишения свободы Алтайского края стало доминирование формальных, бюрократических основ, зачастую не связанных с реальным положением дел, а также постепенное увеличение документооборота.

References

Belaya N.P. (2014) Directorate of public prosecutions over the legality of corrective labor institutions in the soviet period of Russian history. *Man: Crime and Punishment*. No. 3 (86). P. 94-99. (In Russ.). EDN: SZUMDV.

Давыдов Д.А. История развития судебного контроля в пенитенциарной сфере в российском законодательстве // Образование. Наука. Научные кадры. 2010. № 4. С. 19–24. EDN: NCNJGB.

Зауторова Э.В., Ефименко А.А. Из истории становления профессионально-технического обучения осужденных в местах лишения свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 3 (17). С. 97–105. EDN: IVMOLP.

Ефименко А.А. Из истории планирования воспитательного процесса в исправительно-трудовых учреждениях // В книге: VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников форума (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. В 9-ти томах. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. Т. 8. Материалы всероссийских научно-практических конференций и круглых столов. С. 166–169. EDN: HPBGAQ.

Красилов М.О. Изменения в деятельности пенитенциарной системы в Западной Сибири (50–60-е годы XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2 (47). С. 184–192. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-184-192. EDN: THUMIG.

Кузьмин С.И., Железная Ю.Ю., Кохтачев В.С. Формы общественного контроля мест лишения свободы в 1960–1990 // Вестник международного управления. 2015. № 5–6 (135–136). С. 31–35. EDN: UYSDLN.

Куприна И.В. Десталинизация и культурная политика СССР второй половине 50-х – начала 60-х годов XX века // В сборнике III Костомаровский форум. Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научно-практической конференции «XXIV Кирилло-Методиевские чтения», Москва, 24 мая 2023 года / гл. редактор В.И. Карасик. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. С. 302–307. EDN: OCQBVJ.

Лелик Н.Б., Ефименко А.А. О планировании воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в 1960-х годах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 11 (246). С. 64–72. DOI: 10.51522/2307-0382-2022-246-11-64-72. EDN: YXEYNR.

Малкова Ю.А. Уголовно-исправительная система на Алтае в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2013. № 3 (3). С. 10–13. EDN: RWAHUN.

Мануйлов Е.В. Использование труда заключенных в экономике Алтайского края (1953–1965 гг.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (47). С. 86–90. DOI: 10.37386/2413-4481-2021-2-86-90. EDN: ZGOEDY.

Davydov D.A. (2010) The history of judicial control in the penitentiary system Russian legislation. *Education. Science. Scientific Personnel*. No. 4. P. 19-24. (In Russ.). EDN: NCNJGB.

Zautorova E.V., Efimenko A.A. (2023) From the history of the formation of vocational training of convicts in places of deprivation of liberty. *Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia*. No. 3 (17). P. 97-105. (In Russ.). EDN: IVMOLP.

Efimenko A.A. (2023) From the history of planning the educational process in correctional labor institutions. In 9 vol. *VI International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction". Collection of Abstracts of Speeches and Reports of Forum Participants (dedicated to the 30th Anniversary of the Adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation of July 21 of July 21, 1993 No. 5473-I "On the institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation")*, Ryazan, November 15-17, 2023. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Vol. 8. Materials of All-Russian scientific and practical conferences and round tables. P. 166-169. (In Russ.). EDN: HPBGAQ.

Krasilov M.O. (2023) Changes in the activity of the penitentiary system in Western Siberia (50-60s of the XX century). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2 (47). P. 184-192. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-184-192. EDN: THUMIG.

Kuz'min S.I., Zheleznaia Yu.Yu., Koktachev V.S. (2015) Forms of public monitoring of places of detention (1960–1990). *Bulletin of International Management*. No. 5-6 (135-136). P. 31-35. (In Russ.). EDN: UYSDLN.

Kuprina I.V. (2023) De-Stalinization and cultural policy in the USSR of the second half of the 50s - early 60s of the twentieth century. In the collection *Kostomarovsky Forum. Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "XXIV Cyril and Methodius Readings"*, Moscow, May 24, 2023. Moscow: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina. P. 302-307. (In Russ.). EDN: OCQBVJ.

Lelik N.B., Efimenko A.A. (2022) On the planning of educational work with juvenile convicts in the 1960s. *Bulletin of the Criminal-Executive System*. No. 11 (246). P. 64-72. (In Russ.). DOI: 10.51522/2307-0382-2022-246-11-64-72. EDN: YXEYNR.

Malkova Yu.A. (2013) The penal system in Altai in the post-war period (1945–1953). *Altai Legal Bulletin*. No. 3 (3). P. 10-13. (In Russ.). EDN: RWAHUN.

Manujlov E.V. (2021) The use of prisoner labor in the economy of Altai Krai (1953–1965). *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*. No. 2 (47). P. 86-90. (In Russ.). DOI: 10.37386/2413-4481-2021-2-86-90. EDN: ZGOEDY.

Миронов Е.В. Исторические аспекты развития научной организации труда в сфере управленческой деятельности органов внутренних дел в 1960–1970-е гг. // История правоохранительной системы России. Взгляд из XXI века: Электронный сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 07 ноября 2019 года. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. С. 46–50. EDN: UMJEWT.

Миронов Е.В. Развитие системы планирования в органах внутренних дел СССР в конце 1960-х – начале 1970-х гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23–2. С. 198–200. EDN: YFHLKZ.

Никитин А.М. Общественный контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания: исторический опыт // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 190–195. EDN: ZQJETL.

Суверов Е.В. Недостатки по соблюдению законности в местах лишения свободы (Горного Алтая в 50–60-е гг. XX в.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23–2. С. 210–212. EDN: UJJHIM.

Суверов Е.В., Мануйлов Е.В. Система контроля и проверок в органах внутренних дел Западной Сибири (50–60-е годы XX века) // Клио. 2023. № 2 (194). С. 135–141. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135. EDN: XZLWLC.

Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н. Ведомственный контроль за деятельностью органов внутренних дел в Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX в.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 2 (81). С. 162–168. DOI: 10.24412/1999-625X-2021-2-162-168. EDN: ATHIKZ.

Суверов Е.В., Суверов С.Е. Исправительно-трудовые учреждения Сибири в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). Монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. 220 с. EDN: AVEJPI.

Тимофеева Е.А. Правовая подготовка сотрудника пенитенциарной системы: историко-педагогический анализ отечественного и зарубежного опыта. Монография. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2013 206 с. EDN: UEKBAT.

Трухин М.А. Противодействие теневым экономическим отношениям, сотрудниками правоохранительных органов, в местах лишения свободы (на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.) // Клио. 2023. № 5 (197). С. 99–103. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_05_99. EDN: IKGMDQ.

Трухин М.А. Противодействие теневым экономическим отношениям с сотрудниками правоохранительных органов в местах лишения свободы (на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.). Монография. СПб. : Изд-во СПбУТУиЭ, 2024. 143 с.

Mironov E.V. (2019) Historical aspects of the development of scientific organization of labor in the field of managerial activities of internal affairs bodies in the 1960–1970s. *History of the Law Enforcement System of Russia. A View from the XXI Century: Electronic Collection of Abstracts of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Barnaul, November 7, 2019*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 46–50. (In Russ.). EDN: UMJEWT.

Mironov E.V. (2023) Development of the planning system in the internal affairs agencies of the USSR in the late 1960s – early 1970s. *Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses*. No. 23–2. P. 198–200. (In Russ.). EDN: YFHLKZ.

Nikitin A.M. (2017) Public monitoring of the activities of institutions and bodies that carry out criminal penalties: historical experience. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 5. P. 190–195. (In Russ.). EDN: ZQJETL.

Suverov E.V. (2023) Deficiencies in enforcement of the law in places of deprivation of liberty (Gorny Altai in the 50–60s of the XX century). *Current Problems of Combating Crimes and Other Offenses*. No. 23–2. P. 210–212. (In Russ.). EDN: UJJHIM.

Suverov E.V., Manuilov E.V. (2023) The system of control and inspections in the internal affairs bodies of Western Siberia (50–60s of the XX century). *Clio*. No. 2 (194). P. 135–141. (In Russ.). DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135. EDN: XZLWLC.

Suverov E.V., Moskvitin Yu.N. (2021) Departmental control over internal affairs bodies' activities in Western Siberia (late 19th – first half of the 20th century). *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Vol. 27. No. 2 (81). P. 162–168. (In Russ.). DOI: 10.24412/1999-625X-2021-2-162-168. EDN: ATHIKZ.

Suverov E.V., Suverov S.E. (2024) Correctional labor institutions of Siberia during the Great Patriotic War (historical and legal aspect). Monograph. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 220 p. (In Russ.). EDN: AVEJPI.

Timofeeva E.A. (2013) Legal training of a penitentiary system employee: historical and pedagogical analysis of domestic and foreign experience. Monograph. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 206 p. (In Russ.). EDN: UEKBAT.

Trukhin M.A. (2023) Counteraction to shadow economic relations, by law enforcement officers, in places of deprivation of liberty (on the example of Western Siberia in the 30–50s of the XX century). *Clio*. No. 5 (197). P. 99–103. (In Russ.). DOI: 10.51676/2070-9773_2023_05_99. EDN: IKGMDQ.

Trukhin M.A. (2024) Counteraction of shadow economic relations by law enforcement officers in places of deprivation of liberty (on the example of Western Siberia in the 30–50s of the XX century): monograph. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University of Technical and Economic Sciences. 143 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Красилов Максим Олегович,
оперуполномоченный отдела по борьбе с
организованной преступностью,
Главное Управление МВД России по Алтайскому краю,
656015, г. Барнаул, проспект Ленина, 74, Россия,
e-mail: maks_888999@mail.ru

Information about the author

Maxim O. Krasilov,
The Operative staff of the Department for Combating
Organized Crime,
The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of
Russia for the Altai Territory
74, Lenin Avenue, Barnaul 656015, Russia,
e-mail: maks_888999@mail.ru

Вклад автора

Красилов М.О. выполнил исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провел обобщение
и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Krasilov M.O. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 июня 2024 г.;
одобрена после рецензирования 6 октября 2024 г.;
принята к публикации 14 октября 2024 г.

Article info

The article was submitted June 3, 2024; approved after
reviewing October 6, 2024; accepted for publication
October 14, 2024.

Научная статья
УДК 330.341.1
EDN: LAWGSY
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-175-185>

Иркутский политехнический институт в свете развития народного хозяйства СССР в 1960–1970-е годы

Н.А. Скорикова, А.А. Маринич

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлена история развития Иркутского политехнического института в период с 1960 г. до середины 1970-х гг. – период формального вступления Советского Союза (СССР) в эпоху научно-технического прогресса и научно-технической революции. Основная задача данного исследования заключается в поиске ответа на вопрос: насколько структурные изменения вуза соответствовали новым запросам времени. Основное внимание уделено изменениям, связанным с трансформацией Иркутского горно-металлургического института в политехнический институт. Авторы акцентировали внимание на том, что реформирование вуза проходило на общем фоне развития народного хозяйства в плане расширения ресурсной и технической базы страны и освоения природных богатств Сибири. Для этого требовалось большое количество инженерных кадров, специализация которых соответствовала бы новым запросам промышленного сектора, и политех успешно справлялся с этой сложной задачей. По мере развития новых отраслей производства и технологий в институте последовательно преобразовывалась структура образования, открывались новые специальности, кафедры, лаборатории. Для создания максимально комфортной среды для студентов на базе учебного заведения функционировали многочисленные творческие и спортивные секции, развивалось массовое студенческое движение. Основной источниковой базой для авторов стали архивные документы: приказы ректора, различного рода решения институтских органов, справки и отчеты, находящиеся на хранении в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) и архиве ИРНИТУ. Так же использована информация из публикаций, посвященных исследованиям в области экономического развития Восточной Сибири, Иркутска и Иркутской области. В статье сделан вывод о том, что в означенный период структурные преобразования Иркутского политеха являются точным отражением алгоритма развития экономики Советского государства.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутская область, Иркутский политех, Иркутский горно-металлургический институт, Иркутский политехнический институт, народное хозяйство, научно-технический прогресс, материально-техническая база, инженерные кадры

Для цитирования: Скорикова Н.А., Маринич А.А. Иркутский политехнический институт в свете развития народного хозяйства СССР в 1960–1970-е годы // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 175–185. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-175-185. EDN: LAWGSY.

History

Original article

Irkutsk Polytechnic Institute in the light of the development of the national economy of the USSR in the 1960s and 1970s

Natalya A. Skorikova, Anastasia A. Marinich

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article presents the history of the development of Irkutsk Polytechnic University in the period from 1960 to the mid-1970s - the period of the formal entry of the Soviet Union (USSR) into the era of scientific and technological progress and scientific and technical revolution. The main task of this study is to find an answer to the question: how much did the structural changes of the university meet the new demands of the time. The main attention is paid to the changes associated with the transformation of the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute into a polytechnic institute. The authors emphasized that the reform of

the University took place against the general background of the development of the national economy in terms of expanding the country's resource and technical base and developing the natural resources of Siberia. This required a large number of engineering personnel, whose specialization would meet the new demands of the industrial sector, and the Polytechnic successfully coped with this difficult task. As new industries and technologies developed, the structure of education at the polytechnic was consistently transformed, new specialties, departments, and laboratories were opened. To create the most comfortable environment for students, numerous creative and sports sections functioned on the basis of the educational institution, and a mass student movement developed. The main source base for the authors were archival documents: orders of the rector, various decisions of the institute's bodies, certificates and reports stored in the State Archive of Irkutsk Oblast' (SAIO) and the Irkutsk National Research Technical University's (INRTU) archive. Information from publications devoted to research in the field of economic development of Eastern Siberia, Irkutsk and the Irkutsk region was also used. The article concludes that during this period, the structural transformations of Irkutsk Polytechnic University are an accurate reflection of the algorithm of economic development of the Soviet state.

Keywords: Eastern Siberia, Irkutsk region, Irkutsk Polytechnic Institute, Irkutsk Mining and Metallurgical Institute, Irkutsk Polytechnic Institute, national economy, scientific and technical progress, material and technical base, engineering personnel

For citation: Skorikova N.A., Marinich A.A. (2024) Irkutsk Polytechnic Institute in the light of the development of the national economy of the USSR in the 1960s and 1970s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 175-185. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-175-185. EDN: LAWGSY.

Отвечая на потребности времени, в России три века складывалась система технического образования. Ее первые шаги лучше прослеживаются в столицах. Однако, понимая важность потенциала Сибири и её значимость, государство поощряло развитие и распространение инженерных и технических знаний в провинции. Восточнее Урала центром генерации таких знаний и оформления организационных структур стал Иркутск. Главное народное училище, мужская гимназия, техническое, а затем промышленное училище, горное училище, политехникум – этапы пройденного пути. 15 февраля 1930 г. был открыт втуз с наименованием «Горный институт». Наряду с классическим университетом он стал базовым элементом системы высшего образования Восточной Сибири. И уже в 1970-е годы Иркутск стали именовать студенческим городом, так как в нем обучались десятки тысяч студентов.

Сегодня Иркутскому политеху более 90 лет. Уже написано немало научных работ, посвященных его истории. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают публикации, вышедшие в свет в связи с юбилейными датами университета. Многие из них посвящены конкретным людям, которые в разное время служили в политехе и вносили свой вклад в его развитие (Профессора Иркутского государственного технического университета, 2000¹; Снетков, Горощенова, Волохов, 2009).

Неподдельный интерес вызывает монография, посвященная выдающемуся ученому, связавшему свою жизнь с политехом, – П.М. Хренову, в основе которой лежат его воспоминания (Хренов, Горощенова, 2018).

Помнит институт и тех, кто сражался за Родину в годы Великой Отечественной войны. Так, в 2020 г. вышел в свет труд «Во имя победы», посвященный 198 фронтовикам – сотрудникам и выпускникам вуза (Горощенова, Соломон, 2020). Его основой стал выпущенный ранее (в 1977 г.) сборник с одноименным названием (Во имя Победы, 1977).

Среди авторов трудов о политехе и его представителях особенно хочется отметить О.А. Горощенову. В университете она работает с 1994 г. Сначала в качестве сотрудника, а с 2003 по 2021 гг. в должности директора музея истории ИРНИТУ Ольга Анатольевна разработала более 130 выставок по истории учреждения, о его выдающихся выпускниках, преподавателях, ректорах вуза, создала каталог выставок музея (Горощенова, 2018)². Кроме того, в 2021 г. под ее авторством был опубликован труд о давнем партнере политеха – Иркутском научно-исследовательском институте благородных и редких металлов и алмазов (Горощенова, 2021).

Несколько статей Горощенова посвятила историкам Иркутского политеха (Горощенова, 2007; Горощенова, 2013; Горощенова, 2014; Горощенова,

¹ Профессора Иркутского государственного технического университета : Биографический справочник. 1930–1999 гг. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2000. 208 с.

² Горощенова О.А. Каталог выставок Музея истории 2012–2016 гг. : каталог. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2018. 164 с. EDN: SRAPJM.

2015b). Но особую значимость представляет монография «От навигацкой школы к техническому университету». В первой части ведется повествование о становлении и развитии технического образования в Иркутске, охватывая период с 1754 г. по 1917 г. (Горощенова, 2009). Впоследствии исследование было значительно расширено и доведено до 2015 г. Монография, основанная на уникальных документах, насыщенная многочисленными иллюстрациями, таблицами и схемами, не только внесла большой вклад в историографию университета, но и стала ценным подарочным экземпляром (Горощенова, 2015а).

В данной статье поставлена задача ответить на вопрос: насколько структурные изменения вуза соответствовали новым запросам времени. Поэтому были использованы исследования в области экономического развития России, Восточной Сибири, Иркутска и Иркутской области, содержащие статистические данные (Народное хозяйство Иркутской области, 1976³; Карачаков, 1998; Комогорцев, 1968; Должных, 1962; Рязанов, 1998; Сутурин, 2009; Винокуров, Суходолов, 1999).

Безусловно, для успешного экономического освоения Сибири от советского правительства требовалась особая демографическая политика. На наш взгляд, наиболее полную картину в этой области представил А.И. Тимошенко в монографии «Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность» (Тимошенко, 2009).

Также чрезвычайно любопытный материал был представлен в работах Т.М. Королевой, посвященных молодежной политике, привлечению молодых специалистов на предприятия Восточной Сибири и связанных с этим проблемах, влиянию экономического развития Иркутской области на образовательный уровень молодежи (Королева, 2010; Королева, 2011).

Основной же массив документов, использованных в исследовании, были приказы ректора, различного рода решения институтских органов, справки и отчеты, находящиеся на хранении в Гос-

ударственном архиве Иркутской области и архиве ИРНИТУ.

Рассматриваемый период 1960 – середина 1970-х годов – это период формального вступления Советского Союза (СССР) в эпоху научно-технического прогресса и научно-технической революции. Восстановив народное хозяйство после Великой Отечественной войны, государство поставило перед советским обществом грандиозные задачи, в том числе, как следует из официальных заявлений, создания материально-технической базы коммунизма.

В те годы государство и общество немало потрудились над созданием национального богатства страны. Руководство страны понимало, что для ускорения темпов экономического развития жизненно необходимо расширение ресурсного и технического потенциала. Именно поэтому в 1960-е годы начинается бурное освоение природных богатств Сибири. И для этого потребовалось большое количество инженерных кадров.

Для понимания образа действия и системы принятия решений в этот период необходимо учитывать следующее. Страна жила в парадигме командно-административной системы, однако именно позднесталинское и брежневское время, как ни странно, предполагало изрядную долю самостоятельности на низовом уровне. В духе времени ректор А. Игошин часто в приказах и распоряжениях требовал: «доклаживать мне лично». Это означало, что он брал на себя ответственность по многим вопросам, не перекладывая ее на вышестоящее начальство.

Хозяйственные реформы середины 1960-х годов должны были привести к расширению самостоятельности различных организаций при решении хозяйственно-бытовых вопросов. Цифры планов формировались на основе реального анализа окружающей действительности. Это прослеживается как по планам набора абитуриентов, так и по развитию инфраструктуры института.

Следует учитывать, что Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) была «руководящей и направляющей силой советского общества». Поэтому на всех уровнях и во всех делах, начиная от преподавания, защиты дипломов, и заканчивая художественной самодеятельностью, мы везде видим представителей партийной и комсомоль-

³ Народное хозяйство Иркутской области: Статистический сборник. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 112 с.

ской организаций. Существовал и слой активистов, помогающих в различных делах, начиная с экскурсий, турпоходов и заканчивая обсуждением насущных вопросов в разных формах.

Уровень подготовки абитуриентов по стране был примерно одинаковым, программы обучения – единообразными, что позволяло при хорошей учебе молодежи из любого села или города поступить в вуз.

Рассматриваемый период характеризуется еще и тем, что при Н.С. Хрущеве процент городского населения впервые в стране стал превышать процент сельского населения. Бурное развитие городов и благоустроенного жилья также требовали немалого количества инженеров. Молодежь не только училась в вузе, но и на его базе занималась общественной работой и спортом.

Иркутская область в те годы относилась к Восточно-Сибирскому экономическому району (ВСЭР) – одному из крупнейших в стране. Его площадь составляла почти 19 % от общей площади СССР и включала в себя также Бурятию, Читинскую область и Красноярский край. В 1970-е годы численность населения была невелика – примерно 4 % от населения страны. Но зато здесь были сосредоточены колоссальные запасы природных ресурсов.

Во второй половине XX в. в Восточной Сибири начался настоящий промышленный бум. Построены Иркутская, Братская, Красноярская гидроэлектростанции, которые стали основой дальнейших ускоренных темпов развития региона. Особенно значимы были добывающие отрасли. Здесь добывались: древесина, уголь, золото, медь, никель, свинец, кобальт, цинк и многое другое. В целом в регионе развитие получили 88 отраслей промышленности.

Темпы экономического роста ВСЭР были достаточно высоки (таблица). Некоторые показатели значительно превосходили показатели других экономических районов. В 1962 г. было закончено строительство Иркутского, а в 1964 г. Красноярского алюминиевых заводов. В 1966 г. введен в эксплуатацию самый большой в мире алюминиевый завод-гигант в Братске. В этом же году начал производство Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Общая численность новых предприятий и промышленных объектов района уже к концу 1960-х перевалила за тысячу.

Конечно, нельзя не упомянуть, что подобный размах промышленного строительства приводил к колоссальным внешним издержкам. В их числе – непоправимый ущерб, нанесенный экологии Байкала. С одной стороны, строительство БЦБК решало проблему нерационального использования отходов лесной и деревообрабатывающей промышленности, а с другой – порождало проблему сохранения крупнейшего пресного озера на планете. Подобная противоречивость – отличительный знак индустриализации в советской стране на разных этапах ее развития. Нещадная вырубка лесов и высокая концентрация вредных производств приводили к загрязнению водоемов, почвы, воздуха, что не могло не отразиться на общем качестве жизни местного населения. Но государство остро нуждалось в ресурсах. Индустриальная база страны в конечном итоге была залогом суверенности и стратегической безопасности советского общества.

Таблица. Показатели развития промышленности Восточно-Сибирского экономического района

Table. Industrial growth indicators of the East Siberian Economic Region

Название субъекта ВСЭР	Количество новых предприятий в 1960-е годы	Показатель роста объема промышленной продукции за 1960–1970 гг.
Красноярский край	350	+88,5 %
Иркутская область	650	+72 %
Бурятская АССР	Более 20	+76 %
Читинская область	30	+45 % (за 1971–1975 гг.)

Эти показатели напрямую связаны с беспрецедентным финансированием региона и внедрением на его предприятия передовых на то время технологий. Безусловно, в те годы Восточно-Сибирский район играл огромную роль в экономике СССР.

Очевидно, что структурные изменения экономики потянули за собой и возросшие потребности в инженерных кадрах самого различного профиля. И Иркутский политех успешно решал эту задачу.

В 1961 г. на смену названия должности «директор» приходит слово «ректор».

Приказ № 159 от 6 мая 1961 г. (Архив ИРНИТУ.
Ф. 1807. Оп. 10. Д. 50. Л. 289)

«Министр высшего и среднего специального образования РСФСР своим приказом № 289 от 25 апреля 1961 г. в соответствии с положением о высших учебных заведениях СССР, утверждённым Постановлением Совета министров СССР от 25 марта 1961 г. № 251, – приказал:

Директоров и заместителей директоров всех высших учебных заведений Министерства высшего и среднего специального образования СССР впредь **именовать соответственно ректорами и проректорами.**

Доводя об этом до сведения коллектива института, приказываю: в официальной переписке и при исполнении служебных обязанностей руководствоваться указанным приказом министра.

Ректор института А. Игошин»

6 июля 1960 г. директор института А.А. Игошин подписал приказ № 212 о новом наименовании вуза. Он основывался на приказе Министра высшего и среднего специального образования СССР, который опирался на Постановление Совета Министров СССР № 304 от 19 марта 1960 г. Начался новый насыщенный период в жизни Иркутского политеха, который вместе со страной был призван решить задачи социалистического строительства.

Вуз из горно-металлургического развился до политехнического. Начальное его название отражает определенный период в развитии страны, экономики, которое характеризуется накоплением научных сведений о богатствах Сибири и созданием добычной базы для промышленности. Это впоследствии потянет за собой развитие энергетики и создание мощной энергетической базы для формирования новых отраслей – нефтехимии и нефтепереработки, электроэнергетики, строительной индустрии, металлургии, машиностроения и др. И для всех этих отраслей требовались подготовленные кадры. Именно поэтому вуз становится многопрофильным – Иркутским политехническим институтом (ИПИ).

Ответом на вызов времени стало открытие филиала вечернего факультета в городе Черемхово.

Приказ № 69 от 4 марта 1960 г. (Архив ИРНИТУ.
Ф. 1807. Оп. 10. Д. 44. Л. 179)

«Во исполнение приказа Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 14 сентября 1959 г. № 35 приказываю:

1. Принять к сведению и руководству, что указанным приказом министра с начала 1959–1960 учебного года организован в составе института филиал вечернего факультета в городе Черемхово по горным и строительным специальностям на учебно-материальной базе, предоставляемый местными организациями города Черемхово. К 1 марта сего года закончены работы, связанные с утверждением штатов указанного филиала и его структуры.

2. Заместителю директора по учебной работе доценту Надольскому А.П., начальнику отдела кадров Щербаковой к 15-му марта сего года укомплектовать штат филиала вечернего факультета в городе Черемхово в соответствии с утверждённым штатным расписанием, лимитами по труду и заработной плате.

3. Хвсиюк Максима Семёновича, ассистента кафедры геодезии и маркшейдерского дела, с 3 марта сего года назначить заместителем декана вечернего факультета с выплатой ему за работу по должности 30 % от основного оклада – 315 руб. в месяц.

4. Декану вечернего факультета Промптову А.И. сдать, а заместителю декана заочного факультета, Комогорцеву А.И., принять контингент студентов-заочников, их личные дела, учебно-методическую и учётную документацию, сосредоточенную на вечернем факультете по всем специальностям и группам заочного обучения. Прием – сдачу оформить актом, который представить 15 марта сего года.

5. С 10 марта сего года полагать в составе строительного факультета Кафедры строительного дела, начертательной геометрии и графики, технической механики, теоретической механики, исключив их из состава металлургического и горного факультетов.

Директор института А. Игошин»

Открытие филиала в Черемхово в какой-то мере восполняло потребности горнодобывающей, в частности, угольной промышленности, в кадрах.

Начиная с 1960-х годов угледобывающие предприятия стали понемногу оснащаться новой техникой; заговорили о научной организации труда, хозрасчете; о внедрении комплексных механизированных линий на производстве; о нормах выработки, экономии и бережливости – то есть об элементах научно-технического прогресса в отрасли. И Трест «Черемховуголь», входивший в Комбинат «Востсибуголь», – не мог оставаться в стороне от этих тенденций. Определенную роль в развитии предприятия сыграл М.И. Щадов – будущий министр угольной промышленности СССР, начинавший свой рабочий путь в Черемхово. Потребности в современных кадрах были очень велики, а обучение без отрыва от производства имеющих опыт рабочих и формирование из них инженеров было задачей первостепенной важности.

Вуз разрастался. В 1961 г. студенты ИПИ обучались по 29 специальностям (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807. Оп. 10. Д. 51. Л. 251–252):

«Разработка месторождений полезных ископаемых.

Маркшейдерское дело.

Горная электромеханика.

Электрические станции.

Электрификация промышленных предприятий и установок.

Металлургия цветных металлов.

Обогащение полезных ископаемых.

Автоматизация производственных процессов.

Технология пластических масс.

Технология органического синтеза и синтетического каучука.

Технология силикатов.

Технология электрохимических производств.

Промышленная теплоэнергетика.

Теплоэнергетические установки электростанций.

Геология и разведка месторождений полезных ископаемых.

Техника разведки месторождений полезных ископаемых.

Геофизические методы разведки месторождений полезных ископаемых.

Промышленное и гражданское строительство.

Производство бетонных и железобетонных изделий и конструкций для сборного строительства.

Теплогазоснабжение и вентиляция.

Водоснабжение и канализация.

Автомобильные дороги.

Технология машиностроения.

Технология и оборудование сварочного производства.

Строительные и дорожные машины.

Машины и аппараты химических производств.

Эксплуатация автотранспорта.

Эксплуатация самолётов и двигателей.

Самолётостроение».

Расширение потребностей народного хозяйства в современных кадрах отражал перечень специальностей, на которые набирали абитуриентов в 1961 году. Новые направления подготовки кадровых инженеров были связаны с нефтехимической отраслью, которая тогда активно развивалась в городе Ангарске. Среди них: «Технология пластических масс», «Технология органического синтеза и синтетического каучука», «Технология силикатов», «Технология электрохимических производств», «Машины и аппараты химических производств».

Производства в Ангарске растут, планируются к строительству и запуску энергоёмкие производства (алюминиевые заводы, например), строятся и готовятся к запуску новые ТЭС, растут поселки и города. Когда-то начав с электрификации всей страны, СССР берет курс на повышение энерговооруженности производства и энергоэффективность. И вуз отвечает на запросы времени. Поэтому логичным выглядит структурное преобразование института, объединившее специальности на химико-технологическом факультете. Структурируются также энергетический и к середине 1970-х годов электротехнический факультеты.

Приказ № 38 от 1 февраля 1963 г. (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807. Оп. 10. Д. 57. Л. 101–102)

«Во исполнение приказа Министра высшего и среднего специального образования СССР от 30 ноября 1962 г. № 792 приказываю:

С 1 февраля 1963 г. организовать в составе института:

1. Химико-технологический факультет, возложив на него подготовку инженеров по специальностям:

Технология пластмасс.

Технология основного органического синтеза и синтетического каучука.

Технология силикатов.

Технология электрохимических производств.
Технологии нефти и газа.

2. Энергетический факультет, возложив на него подготовку инженеров по специальностям:

Электрические станции.

Электроснабжение промышленных предприятий и городов.

Тепловые установки.

Декану металлургического факультета доценту Орлову А. передать, декану химикотехнологического факультета Диогену Г.Г. принять: контингент студентов химикотехнологического факультета, их личные дела, учебную документацию по состоянию на конец зимней экзаменационной сессии 1962-го – 1963 учебного года. Прием – передачу оформить актом с приложением списков студентов по группам.

Декану горного факультета доценту Радченко Л.М. передать, а декану энергетического факультета Авессаломову С.В. принять контингент студентов энергетического факультета, их личные дела, учебную документацию по состоянию на конец зимней экзаменационной сессии 1962–1963 г.

Ректор А. Игошин»

В 1975 г. в политехе ведется подготовка уже по 42 специальностям (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р. 1807. Оп. 3. Д. 1925). В 1960–1961 учебном году в вузе работало 297 преподавателей, 141 человек вспомогательного персонала, 83 служащих, 225 рабочих (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807. Оп. 10. Д. 50). В 1975 г. только профессорско-преподавательский состав насчитывал 1188 человек (ГАИО. Ф. Р. 1807. Оп. 3. Д. 1925).

Большое внимание вуз уделял вечернему и заочному обучению. Постепенно формировалась сеть учебно-консультационных пунктов (УКП), филиалов и факультетов.

Приказ № 555 от 30 сентября 1965 г. об организации новых структурных подразделений в составе института (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807.

Оп. 10. Д. 82. Л. 18)

«В соответствии с приказом Министра высшего и среднего специального образования СССР от 9 июня 1965 г. № 329 приказываю:

Реорганизовать с 1 октября сего года вечерний факультет в городе **Ангарске** в филиал института.

Организовать с 1 октября сего года учебно-консультационный пункт института в городе **Железногорске** Иркутской области.

Организовать с 1 октября сего года учебно-консультационный пункт института в городе **Усолье-Сибирское** Иркутской области.

Ректор А. Игошин»

В образовательный процесс политеха был заложен принцип обучения без отрыва от производства. Именно так функционировал заочный факультет. В 1972-м году институт принимал абитуриентов на заочную форму обучения по следующим специальностям:

Геология и разведка месторождений полезных ископаемых.

Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых.

Технология и техника разведки месторождений полезных ископаемых.

Технология и комплексная механизация подземной разработки месторождений полезных ископаемых.

Технология и комплексная механизация открытой разработки месторождений полезных ископаемых.

Электрические станции.

Электроснабжение промышленных предприятий городов и сельского хозяйства.

Тепловые электрические станции.

Металлургия цветных металлов.

Технология машиностроения.

Металлорежущие станки и инструменты.

Оборудование и технологии сварочного производства.

Строительные и дорожные машины и оборудование.

Промышленное и гражданское строительство.

Водоснабжение и канализация.

Городской электрический транспорт.

Автомобильный транспорт.

Учебно-консультационный пункт в Железногорске-Илимском проводил общетехническую подготовку по горно-металлургическому, энергетиче-

скому, машиностроительному и строительному профилю. Это в основном отвечало запросам градообразующего предприятия – Коршуновского горно-обогатительного комбината, который в 1964 г. добыл первую партию железной руды. В У КП обучение осуществлялось по программам первого – третьего курсов силами преподавателей Братского общетехнического факультета; после этого студенты переводились для продолжения учёбы в другие подразделения института.

В октябре 1965 года на базе вечернего факультета в Ангарске были открыты энергетический и химико-технологический факультеты, а в Усолье-Сибирском – факультет общетехнической подготовки и строительных дисциплин. По очной системе студенты обучались по специальности «промышленное и гражданское строительство», «водоснабжение и канализация», «теплогазоснабжение и вентиляция», «технологии электрохимических производств», «технологии основного органического и нефтехимического синтеза».

В 1966-м году в Чите впервые был объявлен набор абитуриентов на общетехнический факультет. На первый курс вечернего и заочного обучения было принято 175 студентов по специальностям «технология машиностроения», «металлорежущие станки и инструменты», «промышленное и гражданское строительство». Начиная с 1967 г., обучение студентов проводилось по очной форме обучения. В 1971-м году факультет был преобразован в Читинский филиал в составе трёх факультетов – машиностроительного, строительного и автомеханического. Филиал располагал достаточной учебной материальной базой. В нем было организовано 23 лаборатории и кабинета, которые были оснащены современным оборудованием. В 1971-м году был сдан в эксплуатацию пятиэтажный учебно-лабораторный комплекс, что позволило почти в два раза увеличить производственные площади филиала и улучшить условия обучения студентов. Филиал имел благоустроенное студенческое общежитие и столовую. В 1974 году на базе факультета возник Читинский политехнический институт.

В 1961 году в Братске был организован общетехнический факультет с вечерней и заочной, а с 1964 года – и дневной формами обучения. Это были трехгодичные курсы. Продолжить образование можно было, но уже только в Иркутске. Такая си-

стема была не очень удобна и вузу, и обучающемуся. Проблема была решена в 1964 г., когда старшие курсы были открыты в Братске.

На общетехническом факультете в начале 1970-х годов обучение проводилось по специальностям: «промышленное и гражданское строительство», «автомобильный транспорт», «электроснабжение промышленных предприятий, городского и сельского хозяйства», «строительные и дорожные машины», «сварочное производство», «тепловые электрические станции». Факультет располагал учебным корпусом на 1200 студентов, лабораторным корпусом, современным спортивным залом.

Большое значение в определении вектора развития и повседневной деятельности играл Совет института. Он насчитывал несколько десятков человек, которым структурные подразделения делегировали полномочия принятия решений.

В повестку заседаний Совета института регулярно ставились такие вопросы:

- рассмотрение предложений конкурсной комиссии;
- о плане мероприятий по приему студентов в институт;
- о плане изданий методических пособий;
- утверждение отчета директивному органу;
- представление к ученому званию;
- об итогах спартакиады и летних студенческих играх;
- о плане повышения квалификации профессорско-преподавательского состава;
- о применении технических средств и средств программирования в обучении;
- организация и контроль самостоятельной работы студентов;
- о ходе выполнения договора о содружестве с заводом радиоприемников им. 50-летия СССР;
- об утверждении учебных дисциплин, устанавливаемых Советом вуза;
- представление студентов к стипендии имени В.И. Ленина;
- о мерах по совершенствованию вечернего и заочного обучения в свете Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля 1972 г.;
- о выполнении плана защиты диссертаций;
- о выполнении плана 1971–1975 гг. по совершенствованию экономической подготовки специалистов;

– о студенческих строительных отрядах;
– утверждение научной документации по докторской диссертации (ГАИО. Ф. Р. 1807. Оп. 3. Д. 58).

Встречаются экзотические вопросы, например, «О 500-летию со дня рождения Коперника» (именно в такой формулировке). Периодически, примерно раз в год, ставились вопросы об укреплении дисциплины в трудовом коллективе.

С расширением института его структура становилась динамичной, постоянно меняющейся, одно за другим возникали новые подразделения и факультеты, отпочковывались кафедры и специальности. За всем этим стоял колоссальный труд коллектива: было необходимо провести изменения так, чтобы институт становился современным по форме и содержанию; давал возможности для развития студентов и преподавателей; готовил современные кадры для народного хозяйства страны.

Правильность выбранной государством стратегии на развитие технических вузов в Сибири была подтверждена и в годы Великой Отечественной войны, и в годы послевоенного восстановления, и особенно – на этапе огромного размаха промышленного строительства в 1960–1970-е годы. На наш взгляд, этот период в развитии института, его структурных преобразований точно отражал алгоритм развития экономики страны.

Сначала для разведки, добычи и переработки сырья нужны были геологи, горняки и металлурги. Именно с их подготовки и начинается вести свою историю Иркутский горно-металлургический институт.

Список источников

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области. В 2 т. Иркутск : Иркутская государственная экономическая академия, 1999. Т. 2. 310 с. EDN: TFINEF.

Во имя Победы : [Сборник] /отв. ред. Т.В. Ерохина; предисл. А.М. Комогорцева и др. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. 168 с.

Горошченова О.А. Особенности становления и развития крупнейшего вуза на Востоке России – Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 2-1 (30). С. 243–249. EDN: JJIPIN.

Горошченова О.А. От навигацкой школы к техническому университету : монография. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2009. Ч. 1. (1754–1917). 217 с. EDN: QMGsXT.

Горошченова О.А. Иркутский политехнический практический институт – первое высшее техническое учебное

Основными задачами 1960-х годов – это развитие механизации и автоматизации процессов; введение в строй новых энергетических мощностей для энергоемких производств; постепенное движение в освоении углеводородов; насыщение потребностей в различного рода оборудовании. Институт становится политехническим: формируются энергетический, электротехнический, химико-технологический факультеты; открываются новые специальности.

Развитие массового жилищного строительства опосредованно способствовало развитию строительного факультета и выделению отдельной специальности «архитектура», так как потребность в профильных специалистах была очень высока. На всех этапах изменения мы видим заинтересованное и профессиональное обсуждение этих вопросов в институте.

Наряду с подготовкой специалистов в вузе целенаправленно развивались научные исследования, формировались научные школы и направления. Это стало основой для перехода в новый статус – статус университета (1993 г.). Его дальнейшее развитие подтвердило возросший авторитет, популярность инженерного образования и востребованность специалистов. Сегодня ИРНИТУ сохраняет статус лидера технического образования в Восточной Сибири. И конечно, эти достижения были бы немыслимы, если бы не титанический труд руководства и профессорско-преподавательского состава вуза предшествующих лет.

References

Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. (1999) Economy Irkutsk region. In 2 vol. Irkutsk: Irkutsk State Economic Academy. Vol. 2. 310 p. (In Russ.). EDN: TFINEF.

Erokhina T.V., Komogortsev A.M. (1977) In the name of Victory : Collection. Irkutsk: East-Siberian Publishing House. 168 p. (In Russ.).

Goroshchenova O.A. (2007) Features of the formation and development of the largest university in the East of Russia - Irkutsk State Technical University. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*. No. 2. Pt. 1. P. 243-249. (In Russ.). EDN: JJIPIN.

Goroshchenova O.A. (2009) From the Navigation School to the Technical University: monograph. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Pt. 1. (1754-1917). 217 p. (In Russ.). EDN: QMGsXT.

Goroshchenova O.A. (2013) Irkutsk Polytechnic Practical Institute - the first higher technical educational institution of

заведение Иркутска // Университет на Востоке и Западе: взгляд из Сибири : материалы Всерос. науч. конф. (Иркутск, 17 мая 2012 г.). Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2013. С. 206–214. EDN: RTWBXJ.

Горощенова О.А. Сибирский горный институт – становление вуза // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84). С. 182–190. EDN: RUOJIV.

Горощенова О.А. От навигационной школы к техническому университету (1754–2015). Иркутск : Изд-во ИРНИТУ. 2015а. 241. [1] с. EDN: VWIGLL.

Горощенова О.А. Предпосылки создания Иркутского политехнического института // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015б. № 4 (99). С. 378–382. EDN: TSILUX.

Горощенова О.А. Иргиредмет: 150 золотых лет : монография. Иркутск : Изд-во АО «Иркутский научно-исследовательский институт благородных и редких металлов и алмазов», 2021. 432 с. EDN: UWRBVH.

Горощенова О.А., Соломон Е.Ш. Во имя Победы. Иркутск : Из-во ИРНИТУ, 2020. 280 с.

Должных В.Н. Центр индустриальной области (Экон. очерк об Иркутске). Иркутск : Кн. изд-во, 1962. 126 с.

Карачаков Д.М. Индустриальное развитие и формирование кадрового потенциала национальных районов Сибири: исторический опыт и уроки (1961–1985). Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1998. 184 с.

Комогорцев И.И. Сибирь индустриальная. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 183 с.

Королева Т.М. Влияние экономического развития Иркутской области на образовательный уровень молодежи в период с 1960 по 1980-е гг. // Иркутский экономический ежегодник: 2010. Сборник статей. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2010. С. 288–291. EDN: TFIMEV.

Королева Т.М. Закрепление молодых рабочих на предприятиях Восточной Сибири в период 1960–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2–3 (8). С. 90–94. EDN: OEDWSD.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России : Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб. : Наука ; С.-Петербург. изд. фирма, 1998. 796 с. EDN: TJQFVJ.

Снетков В.И., Горощенова О.А., Волохов А.В. К столетию со дня рождения А.А. Игошина // Проблемы освоения минеральной базы Восточной Сибири : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2009. Вып. 9. С. 4–12.

Irkutsk. *Universitet na Vostoke i Zapade: vzglyad iz Sibiri: Materialy Vseros. nauch. konf. (Irkutsk, 17 maya 2012 g.)* = *University in the East and West: a view from Siberia. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Irkutsk, May 17, 2012)*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 206-214. (In Russ.). EDN: RTWBXJ.

Goroshchenova O.A. (2014) Siberian Mining Institute: Formation. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. No. 1 (84). P. 182-190. (In Russ.). EDN: RUOJIV.

Goroshchenova O.A. (2015a) From the Navigation School to the Technical University (1754-2015). Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 241, [1] p. (In Russ.). EDN: VWIGLL.

Goroshchenova O.A. (2015b) Background of Irkutsk Polytechnic Institute creation. *Bulletin of the IrSTU*. No. 4 (99). P. 378-382. (In Russ.). EDN: TSILUX.

Goroshchenova O.A. (2021) Irgiredmet: 150 golden years: a monograph. Irkutsk: Publishing House of JSC Irgiredmet. 432 p. (In Russ.). EDN: UWRBVH.

Goroshchenova O.A., Solomon E.Sh. (2020) In the name of Victory. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 280 p. (In Russ.).

Dolzhykh V.N. (1962) The center of the industrial region: (econ. an essay about Irkutsk) Irkutsk: Kn. izd-vo. 126 p. (In Russ.).

Karachakov D.M. (1998) Industrial development and the formation of human resources in the national regions of Siberia: historical experience and lessons (1961-1985). Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov. 184 p. (In Russ.).

Komogortsev I.I. (1968) Industrial Siberia. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. 183 p. (In Russ.).

Koroleva T.M. (2010) The influence of the economic development of the Irkutsk region on the educational level of youth in the period from 1960 to the 1980s. *Irkutsk Economic Yearbook. 2010*. Irkutsk: Baikal State University. P. 288-291. (In Russ.). EDN: TFIMEV.

Koroleva T.M. (2011) Young workers assignment to Eastern Siberia enterprises from the 1960s till the 1980s. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. No. 2-3 (8). P. 90-94. (In Russ.). EDN: OEDWSD.

Ryazanov V.T. (1998) Economic development of Russia : Reforms and Russian economy in the XIX-XX centuries. St. Petersburg: Nauka; St. Petersburg publishing house. 796 p. (In Russ.). EDN: TJQFVJ.

Snetkov V.I., Goroshchenova O.A., Volokhov A.V. (2009) To the centenary of the birth of A.A. Igoshin. Problems of development of the mineral base of Eastern Siberia. Collection of scientific tr. Irkutsk: Publishing House of IrSTU. Iss. 9. P. 4-12. (In Russ.).

Сутурин С.Б. Опыт реформирования промышленности Восточной Сибири в 1960–1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 93–97. EDN: KXIVAH.

Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. 174 с. EDN: TGJYDX.

Хренов П.М., Горощенова О.А. Судьба геолога. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Изд-во Иркутского национального исследовательского технического университета, 2018. 211 с. EDN: PCKWVF.

Suturin S.B. (2009) The experience of reforms of the industry of Eastern Siberia in the 1960-1980s. *Humanities in Siberia*. No. 2. P. 93-97. (In Russ.). EDN: KXIVAH.

Timoshenko A.I. (2009) State policy of formation and consolidation of the population in the areas of new industrial development of Siberia in the 1950s-1980s: plans and reality. Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House. 174 p. (In Russ.). EDN: TGJYDX.

Khrenov P.M., Goroshchenova O.A. (2018) The fate of a geologist. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 211 p. (In Russ.). EDN: PCKWVF.

Информация об авторах

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Маринич Анастасия Андреевна,
заведующая методическим кабинетом кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83, Россия,
e-mail: marinichnastja@rambler.ru

Information about the authors

Natalia A. Skorikiva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Anastasia A. Marinich,
Head of the methodical cabinet Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: marinichnastja@rambler.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16 мая 2024 г.; одобрена после рецензирования 25 июля 2024 г.; принята к публикации 12 августа 2024 г.

Article info

The article was submitted May 16, 2024; approved after reviewing July 25, 2024; accepted for publication August 12, 2024.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:
Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:
Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (53) 2024

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 28.12.24. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 24,25.
Тираж 500 экз. Заказ 92. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А